

А. СОЛОВЬЕВ

САН МАРИОНА

1. СТАНОВИЩЕ ХАЗАР

Небольшой караван шел зеленой степью между горами и морем на юг, к Дербенту.

Хрупкий покой - болезненное дитя Мира и Весны - неслышно и незримо облетал цветущее пространство степи, и над травами пели птицы. Был первый день пути.

Неторопливо брели верблюды с тюками меж горбов, надменно вскинув головы, с царственным достоинством не замечая крепких поводыев, коими каждый был привязан один к другому, послушно следуя за поводырем, и на шее переднего неумолимо неумолчно звенел колоколец.

Расслабленно дремал в седле молодой ширванский купец каравана, разморенный теплом и приятными воспоминаниями об удачной торговле в Семендере [Семендер - столица Хазарского каганата; в VII веке располагалась в районе современной Махачкалы], а за его спиной беспечно переговаривались, смеялись и шутили воины охраны, радуясь возвращению на родину.

И только вожатый каравана, пожилой, приземистый, с зоркими, как у степного коршуна, глазами, испытывал тревогу. Он то отъезжал в сторону на своей добродушной медлительной лошадке и, пропустив верблюдов вперед, вглядывался из-под лохматых бровей, прикрыв ладонью глаза от солнца, в оставленную караваном зеленую даль, то, нахлестывая хвостатой плеткой лошадь, обгонял охрану и, приподнявшись на стремянах, озирает предстоящую дорогу. Дома, в Ширване, его ждали тринадцать малолетних сыновей.

- Что ты все шепчешь, Изюмчик? - очнувшись от дремы, лениво спрашивал купец, которому в этот день хотелось шутить и шутить. - Не терпится увидеть своих изюмчат или, ха-ха, сотворить еще одного?

- Господин, путь опасен, мы еще не выехали за пределы Берсилии [Берсилия - так называлась в средние века равнинная часть Дагестана], - оправдываясь, произнес вожатый.

- Не забывай, при мне охранный фирман кагана Турксанфа!

- Хазары переменчивы, а каган уже далеко...

- Разве у нас слабые воины? - легкомысленно удивлялся купец, горяча своего тонкогрудого тонконового жеребца. Он со свойственной молодости надеждой не сомневался, что впереди - единственно - лучшее.

- Да защитит нас всемогущий Ахурамазда! [Ахурамазда (или Агуро-Мазда) - бог света у персов, верховное божество] - неохотно откликнулся вожатый. Его тревожило то, что радовало молодого хозяина.

Купца радовало, что в первую же свою поездку он прибыльно и быстро распродал привезенное из Ширвана оружие. Вожатого же беспокоило, что хазары быстро и не торгуясь раскупили его. Купца веселило, что в Семендере им два дня не выдавали охранный фирман, а вожатый потерял покой от

размышлений, почему им не хотели выдавать фирман.

Хозяин гордился нанятой в Дербенте охраной, потому что этот город славился не только умелыми мастерами-ремесленниками, но и храбрыми воинами. А вожатый, мысленно взывая к предкам-покровителям, вспоминал, что хазары, случалось, грабили караваны и с вдвое большей охраной. Он понимал, что его беспокойство может не сбыться, и, боясь насмешек, помалкивал. Но вскоре его опасения подтвердились.

Уже под вечер, когда солнце спускалось за дальнюю, в голубой дымке гору, дорога пошла по изгибу старого высохшего речного русла с высокими глинистыми берегами, словно по ущелью. Кони и верблюды оживились: в воздухе стала ощущаться прохлада и сырость. Ущелье вывело караван в сумеречную долину. Река открылась из-за поворота внезапно. Дорога уходила вправо, к броду, и вожатый похолодел: впереди, не далее чем в стадии [стадий - мера длины, равная примерно ста девяноста метрам], возле брода он увидел большой конный отряд.

Всадники в кожаных рубахах, кожаных широких штанах, горяча лошадей, то съезжались, то разъезжались; некоторые, хищно пригнувшись к гривам, пускали коней вскачь по траве вдоль реки, но тут же возвращались обратно. Судя по вольной посадке, по одежде, это были хазары. Некоторые из них в кольчугах, доспехах, у многих за спинами виднелись луки с натянутыми тетивами, колчаны, полные стрел. Хазары явно кого-то поджидали. Но даже не это встревожило албана-вожатого, успевшего окинуть взглядом долину. Выше брода, по левому берегу реки, уходило к темнеющим горам огромное стадо. Оттуда доносился неслитный шум беспрестанного движения, мычание, бляение. Несколько пастухов-хазар, оглушительно щелкая длинными бичами и

пронзительно вскрикивая: "Ур-р! Ур-р!", подгоняли отставших коров. За коровами вскачь неслись телята, задрав хвосты. А ниже брода, на обрывистом берегу, виднелось несколько больших полуземлянок, окруженных серыми войлочными юртами, словно стражей. Каменные стены полуземлянок, покрытые дерновыми мшистыми крышами, выступали над травой не более чем в рост человека. В стенах подобно бойницам чернели отверстия, оставленные для света. Черными пещерными провалами зияли дверные проемы. Возле жилищ суетились женщины, подростки. В середине поселения стояло несколько больших повозок, запряженных волами. Подростки и женщины выносили что-то, видимо, домашний скраб, из землянок, укладывая в повозки, некоторые сдирали с остовов юрт войлок. Наверху одной из нагруженных повозок сидели притихшие черноголовые детишки.

Поселение со стороны степи прикрывали две сложенные из неровного камня ограды, которые обрывались у высокого берега реки. Между наружной и внутренней оградой было не менее пятидесяти локтей [локоть - мера длины, равная половине метра]. На ночь хазары обычно загоняли сюда табун своих полудиких лошадей. Сейчас загон был пуст. Хазары готовились покинуть зимнее становище.

- Господин! - окликнул хозяина каравана вожатый, указывая плеткой в сторону становища. Но купец уже увидел отряд и, остановив коня, присматривался. За ними сгрудилась охрана. Смолк колоколец.

- Собираются на летние кочевья? - нерешительно спросил купец. Вожатый отрицательно покачал головой. Летние кочевья в степи, а не в горах. Предположение его, возникшее еще в Семендере, подтвердилось: хазары явно готовились к большому походу. Опытному человеку нужно всего лишь мгновение, чтобы из догадок и увиденного высекалась мысль. До этого брода вожатый не знал, с кем хазары собираются воевать. Ударят ли они на алан, что живут в северных предгорьях, пойдут ли на Иберию [Иберия - в средние века название Грузии] через Дарьяльский проход. Но увидев стадо, уходящее в горы, осознав, что хазары собираются покинуть становище, он понял, что Турксанф обрушится на его родную Албанию. Если бы Турксанф пошел на север, то незачем уводить стада в горы на юге. Именно здесь он расчищал путь для стремительного броска своей многочисленной конницы.

- Ой-я-ха! Большая беда опять нависла над Албанией, - с трудом, едва слышно выговорил вожатый. И только потом уже вожатый понял, что хазары у брода поджидают именно их. Кто сейчас в Берсилие в предверии войны вспомнит о небольшом торговом караване, прибывшем из страны, с которой собираются воевать?

Поворачивать назад, в ущелье, было уже поздно, да и невозможно.

Хазары заметили караван. Вперед выехал широкоплечий всадник в узком кожаном кафтане без рукавов, с длинными черными волосами, распущенными по плечам. Он что-то повелительно прокричал, взмахнул обнаженной мускулистой рукой - и весь отряд, сорвавшись с места, с топотом, беспорядочными выкриками помчался к каравану. В догорающем свете дня замелькали развевающиеся волосы, смуглые широкие лица, разинутые в воинственных воплях рты. В руках хазар появились луки. Блеснули оперения стрел. вытаскивал из-за пазухи фирман кагана Турксанфа. Албаны, хмуро поглядывая на приближающихся хазар, быстро развернулись в две линии - так, чтобы воина первой линии защищали два воина второй, прикрылись круглыми бронзовыми щитами, вынутые из ножен мечи легли на колени.

Черноволосые всадники, сдерживая лошадей, остановились поодаль, десяток хазар поскакали вдоль каравана, присматриваясь к тюкам. Опять вперед выехал предводитель, угрюмый богатырь с лицом, рассеченным шрамом, и, сдерживая смуглыми могучими руками гнедого жеребца, хрипло проревел:

- Эй, казайн, давай-давай тывар!

И тотчас юркий, гибкий хазарин, вертясь на бойком коньке, протолмачил:

- Непобедимый Урсулларх говорит: хозяин, оставь на этом месте тюки, сложи здесь оружие охраны и быстро-быстро беги со своими воинами за реку. Урсулларх милостив! Он дарует вам жизнь!

Лицо купца вдруг усеяли капельки пота, он дрожащими руками развернул коричневый свиток пергамента и, делая вид, что читает, наизусть прокричал на тюркском языке:

- "Я, Великий каган Турксанф, покоряющий величием сердца; я, ослепительный, восхищающий взоры, громopodobный в гневе, заставляющий трепетать непокорных; я, могущественный каган Вселенной, исполнитель воли небесного Верховного кагана Тенгрихана, повелеваю: отныне всякий желающий да продает в моей стране товар без всяких препятствий со стороны моих подданных, и путь для торговли свободен и безопасен на пространстве моих владений, если чужеземный купец внес в казну десятую часть всякого имеющегося у него товара. Кто совершит насилие над обладателем фирмана, будет без промедления казнен."

Коварный тудун [правитель города в Хазарии], выдавший охранную грамоту, сейчас далеко, и вожатый покорно вздохнул, видя мрачную ухмылку предводителя отряда.

Стелясь над травами, улетали прочь из этих мест птицы, и в бледном небе единственно коршун описывал широкие круги, нетерпеливо клекоча в ожидании побоища.

- Не забудь, о Урсулларх непобедимый, между Персией Хазарией вот уже двенадцать лет мир! - закончив читать фирман, произнес купец, знавший тюркский язык, - несколько рабынь его отца были хазарками.

- Мира ты хочешь, проклятый албан?! - взревел предводитель, пристав на стремянах. - А знаешь ли ты, что под стенами Дербента погибли два моих брата! Албанский воин из рода легов зарубил их! Души моих братьев зывают о мщении! Если среди вас нет воина-лега по имени Марион, не искушайте судьбу, уезжайте от каравана и благодарите великого Тенгри за неслыханную милость! Я жду! - Он вскинул руку.

Хазары наложили стрелы, подняли луки. Сейчас властно опустится рука, раздастся недружный звук отпущенных тугих тетив, и множество стрел, подобно злым степным осам, мелькнут в воздухе - и забьются в предсмертных судорогах пронзенные лошади, люди, и для многих албан навсегда прервется жизненный путь. Страшна для албана смерть вдали от дома, ибо не останется в памяти потомков, как он убит, где похоронен, и будет бродить в вечерних степных сумерках неуспокоенная, непризрета душа, стеноя от одиночества, и некому будет утешить ее. А потому в охрану нанимались отчаявшиеся от нужды бедняки или изгнанники, скрывающиеся от мести.

Прошло мгновение тревожной тишины. Неожиданно из-за спины вожатого

неторопливо выехал человек, закутанный в длинный черный плащ, поверх которого на серебряной цепочке висел большой серебряный христианский крест. Голову человека прикрывал глубокий капюшон, скрывая лицо. Это был странствующий монах-христианин, присоединившийся к каравану в Семендере. Вожатый вспомнил, что тудун Семендера выдал охранный фирман только после того, как ширванский купец согласился взять до Дербента этого монаха и двух его спутников.

На черном как ночь красавце-скакуне монах проследовал к предводителю хазар и, приблизившись вплотную, что-то показал, вынув из глубины плаща. Склонившийся к нему хазарин гневно зарычал, резко выпрямился, скрежеща зубами, поднес вскинутую руку ко рту, в бешенстве прокусил ее. Монах, не оглядываясь, отъехал, встал рядом с вожатым. Предводитель поднял смуглое, искривленное неуголенной яростью лицо, прохрипел прерывисто:

- Пусть будет так: караван свободен! Я выполню волю Турксанфа. Но каган не может запретить мне вызвать на поединок удальцов. Эй, албаны, я слышал, ха-ха, что леги - храбрецы! Если среди вас нет Мариона, то хотя бы леги есть? Презрение вашего бога Уркациллы-громовержца падет на скрывающихся, ха-ха, трусливых родичей Мариона!

И тотчас двое албан - один из первой линии, другой из второй - выехали на свободное пространство. Первый - зрелый, широкоплечий, с курчавой рыжеватой бородой, в шлеме и железных доспехах, второй - безусый и безбородый юноша с кожаным щитом, на котором были прикреплены металлические пластины.

- Мы из Дербента, леги и родичи Мариона, - спокойно сказал старший.

Хазарин пренебрежительно оглядел обоих, кривя губы в зловещей усмешке, спросил:

- Кто из вас хочет сразиться со мной в честном поединке?

Леги переглянулись. Старший удержал тронувшего было коня юношу, что-то тихо сказал ему и по высокой траве двинулся навстречу хазарину, давая понять: он готов биться.

Богатырь-предводитель повернул коня, отъехал на достаточное для разгона расстояние, развернулся, вынул меч, принял поданный юрким толмачом бронзовый щит и выжидательно глянул на лега. Он так и остался в кожаном кафтане и с непокрытой головой.

Лег взглянул вверх, вздохнув, проследил за парением коршуна, видимо загадав нечто на счастье, потом снял с головы шлем, обнажив курчавые седеющие волосы, попросил младшего: "Развяжи", - кивком показав на спину. Юноша подъехал, развязал на спине родича крепкую шелковую завязь, старший лег снял полукруглый панцирь и тоже остался в льняной красной рубахе. Оба почти одновременно гикнули и помчались навстречу друг другу.

Лязгнули мечи, ударившись о бронзу щитов. Заржали, столкнувшись, зло взвизгнули жеребцы. Звон рубящего оружия пролетел над степью и угас, увязнув в поднимающемся над рекой густом белом тумане. И вскрикнул от боли и гнева юноша, когда меч хазарина прорубил обнаженную курчавую голову родича. Тревожно всхрапнул конь, почувствовав, что хозяин его грузно заваливается на бок. Зарычал от радости хазарин, и разноголосо прокричали его соплеменники, славя предводителя. Албаны подавленно молчали. И не успел конь принести к ним мертвого лега, как юноша помчался в сторону хазарина. Урсулларх, ощерив в победной улыбке крепкие зубы, довольно хмыкнув.

И опять, зазвенев, ударились мечи, и пластинчатый щит лега упал на землю вместе с отрубленной рукой. Второй беспощадный удар хазарина снес юноше голову с легкостью серпа, подсекающего былинку.

- Ждите меня в Дербенте, проклятые албаны! Передайте Мариону: пусть

готовится к смерти! Тенгри не насытился еще моей мезтью! - выкрикнул на прощанье Урсулларх, повернул гнедого жеребца и поскакал с становищу. Хазары с гиканьем помчались следом.

Албаны молча уложили на лошадей два трупа и тронулись к свободному теперь броду. Они похоронили легов за рекой, уже на родной земле, вырыв мечами две могилы с подкопами. Мертвых - в воинском одеянии и с оружием (ибо оружие побежденного не принесет удачи новому владельцу) - по обычаю уложили в подкопы, а так как они были незнатны и неправославны, то поставили в изголовье каждого по небольшому кувшину с водой и положили по одной пшеничной лепешке. Подкопы заложили камнями, яму завалили землей. И в этом уголке степи, к злобному разочарованию коршуна, выросли среди травы два холмика с уложенными поверху кучками камней. А через несколько дней пронеслась по этим холмикам, отряд за отрядом, чужая конница, крепкие копыта лошадей разбросали камни и вмяли в рыхлую почерневшую землю гнездо пестрого удода, которое он успел свить, торопясь вывести потомство, в уютной пещерке на вершине одной из могил. А на следующую весну на этом месте вновь выросла трава. И будто бы и не было здесь ничего.

2. ДРЕВНИЙ ПУТЬ

Пролил скоротечный весенний дождь, и солнце теперь сверкало в свежих лужах, густо парила теплая земля, а вверху, в прозрачной голубизне стремительно истаивали задержавшиеся над морем фиолетовые облака.

Караван шел степью между холмами, мимо курганов, по солонцам, разбрызгивая лужи сверкающей стоячей воды, и всадники, беспечные, как дети, веселясь, склонялись с седел, ловили серебристо мелькнувшие монетки. Но стоило монетке упасть на подставленную ладонь, гасло сияние, тускнело серебро и воин с тайным сожалением вытирал о штаны мокрую руку. Счастье призрачно, подобно радуге в капле.

Легко была предана забвению встреча с хазарами, ибо душе воина нельзя обременять себя напряжением прошлого, которое может перерасти в страх перед будущим.

Четвертый день караван шел из Семендера на юг, к Дербенту. Четвертый день всадники, покачиваясь в седлах, видели слева опаловую равнину моря, а справа, не далее чем в фарсах [фарсах - мера длины (около шести километров)] - серые крутые увалы предгорий, бесконечной чередой тянувшиеся вдоль дороги. А за увалами поднимались горы с синеющими ущельями, зеленеющими лесами, и над самыми дальними из них голубовато искрились снежные шапки вершин.

Чем дальше уходил караван на юг, тем пышнее цвела степь, тем обильнее и сочнее поднималась в низинах свежая трава. Нередко прогретые солнцем курганы были густо усыпаны алыми маками, и склоны их казались облитыми кровью, часто степь от моря и до гор золотилась цветущими одуванчиками, а встречающиеся солончаки застилала сизая дымка молодой полыни, и теплый ветер доносил горьковато-пряный запах ее, столь сладостный для степняка. Случалось, неподалеку, в струящемся мареве, с треском и шумом, пугая коней, взлетали из травы крупные черноголовые фазаны, а в сухой прошлогодней траве мелькало рыжее гибкое тело хорька. В поднебесье парили коршуны, а утром от гор стремительно приблизился громадный черный гриф, закружился над караваном, вытягивая длинную, словно выщипанную шею, и тень от его широких крыльев покрывала сразу несколько всадников. Воины охраны встревоженно подняли головы: гриф - предвестник беды. В ловких руках одного из воинов появился лук, но пока седок вытаскивал из колчана стрелу, зоркая птица плавными кругами поднялась в синеву и унеслась к горам.

Ближе к полудню на холме возле предгорий появились три всадника. Не приближаясь, они проводили взглядами караван и исчезли также внезапно, как и появились. И тогда, словно повеселев, зазвенел колоколец, оживилась охрана, а приземистый вожатый сказал ехавшему рядом с ним монаху-христианину:

- Албанская застава... Дербент близко! - и, облегченно протяжно зевнув, покосился на спутника.

За все время пути никто из албан так и не увидел лица монаха, а на привалах молчаливые, словно немые, спутники христианина расстилали отдельно для него толстую войлочную подстилку, и пищу он ел из отдельной сумки. С почтительным любопытством посматривали на христианина воины охраны. Непонятно, чем он смог укротить буйных разбойников-хазар? Неужели у него есть тайный знак, которым, по слухам, каган одаривает самых нужных людей? Говорят, что на таинственном знаке - золотой пластине - выбито изображение самого Турксанфа и написано: "Как если бы я сам". Иметь бы такую пластину!

Кони шли бодро, изредка наклоняя гривастые шеи, окуная на ходу морды во встречные лужи, пофыркивали, щипля траву. Все гуще струился над степью воздух, предвещая зной. Слышались разговоры охраны, часто прерываемые смехом. Скучающие воины развлекались как могли. Хохотали, когда какой-либо озорник, вольно свесившись с седла, растопырив локти и пригнувшись к гриве коня, изображал скачущего хазарина. Хохотали, если кто-то на ходу поддевал

на пику мелькнувший в траве белый человеческий череп, и перед глазами едущих позади неожиданно возникало видение вечного оскала и смотрели на воинов пустые глазницы.

Кто скажет, чья душа рассталась здесь с телом? Сотни, а может, тысячи лет по этой дороге едут, бредут, скачут... Скорей всего это череп хунна [хунны - объединение племен тюркского происхождения, вторгшееся в IV веке н.э. в Европу], а может, скифа или киммерийца [киммерийцы - кочевые племена, родственные скифам] - одного из тех нетерпеливо жаждущих добычи конников, что тучами наваливались с севера на Албанию, оставив после себя недобрую память. Разве достойна уважения беспризорная смерть разбойника?

Эта степная полоса, стиснутая морем и горами, исстари служила самым коротким и удобным сухопутным путем из Берсии и северных стран в Персию и дальше на юг. И нет числа проскакавшим по ней. Еще сохранились предания, что когда-то по долине, сотрясая землю мерной поступью, двигались на север грозные легионы Помпея Великого, преследуя Митридата Понтийского, надеявшегося найти у албан защиту. Сколько жарких схваток вскипало на этой дороге! Потому и встречаются на обочинах груды черепов, иссушенных ветрами, обмытых дождями. А вот мелькнул под ногами коня ветхий шлем, разрубленный надвое, с проросшей в разрубе высокой травой. Могуч, видно, был воин, нанесший столь страшный удар! А дальше виднеется богатырский, почти в рост человека, заржавевший меч без рукояти. Что случилось с тем богатырем, у которого в самый разгар стремительного боя в руке осталась только рукоять? Успел ли он прикрыться щитом от лихого встречного удара? Вынес ли его из беды верный конь? А может, это его череп сейчас торчит на пике и осуждающе смотрит на веселящихся всадников?

Но воин не склонен размышлять при виде безымянных могил, конских остовов, человеческих скелетов, истлевшего оружия - всего, что оставили пришлые народы на этой дороге в память о себе. Опасно воину глубокомысленное раздумье: оно не делает его храбрецом. У каждого своя судьба. Исполни предначертанное - и ты уйдешь из земного временного пристанища в лучший мир, где храбрецов ждет вечное блаженство. Так зачем задумываться над тем, что преходяще?

Караван спустился в широкую пойменную ложину, миновал рощу коренастых раскидистых вязов, перешел вброд мелкий ручей с каменистым дном, поднялся по густотравному откосу - и прямо впереди, в дымчатой дали, завиднелось нечто, напоминающее гранитный выступ, наглухо перегораживающий степь от моря до гор. Слово горы там круто свернули к морю и замкнули долину, не оставив ни малейшего прохода.

Когда последний верблюд поднялся по травянистому откосу и караван вновь пошел по открытому месту, никто не понял, что произошло, но что-то неуловимо изменилось вокруг. Люди и животные вдруг одновременно испытали томительное беспокойство. Сами собой смолкли смех и разговоры воинов, тревожно зафыркали лошади, передний верблюд сбил шаг, приостановился, остальные затеснились друг к другу, смолк колоколец. И в наступившей тишине от гор донесся явно не человеческий, но полный предсмертного ужаса и муки вопль:

- Уеху-у-у!

Видимо, не только мать чувствует беду, случившуюся с ее дитем, но и все на пространстве земли, что дышит, радуется, страдает, в отдалении или вблизи ощущает единые токи жизни, и всплеск предсмертной боли всегда отзовется безотчетной тревогой в душах живущих.

Испуганно заржала лошадь. Странники повернули головы к горам. Ужасный протяжный крик повторился и смолк. Но как люди ни всматривались, пустынные были ближние склоны гор.

И снова запели над степью птицы. Понукаемый поводырем, зашагал передний верблюд. Зазвенел колоколец. Тревожно зашептались воины. Только монах в плотном грубом капюшоне, который ехал возле вожатого, безучастно глядел перед собой и словно не слышал крика. Ширванский купец подъехал к

ним, спросил:

- Изюмчик, что это было?

- Не знаю, господин, - пожал плечами вожатый. - Может, это кричал "демон ночи"... Слыхал я, что в горах пастухи иногда встречали ужасное чудовище, огромное, лохматое, злобное... у него острые клыки, глаза светятся в темноте подобно светильникам... но, похоже, обличем оно напоминало человека... Иногда существо бросается со скалы на пастуха и разрывает его на части... Увидеть его или услышать его голос - к большому несчастью... Быть беде, господин! Подобный крик хорошего не предвещает...

- Но что может случиться с нами? Город уже близко!

Действительно, что может случиться с ними? Скоро они войдут в город. А через два дня уйдут дальше. Недоброе может случиться только с Дербентом, стена которого уже начала явственно вырастать над степью. И вдруг, впервые за эти четыре дня, монах заговорил. Голос его из глубины капюшона прозвучал приглушенно и надменно; он спросил на албанском языке:

- Эй ты, ответь, что это там впереди?

Вопрос был явно обращен к вожатому, и того несказанно удивило, что христианин заговорил на его родном языке: если чужеземец не знает, что виднелось в степи, значит, он не был в Албании, но если он не был, откуда же тогда знает албанский язык? Вожатый вовремя спохватился и подавил в себе вспыхнувший вопрос - молчание всегда безопаснее, тем не менее, не удержался, чтобы не похвастаться:

- Господин, это Дербентская Северная стена! - сказал он гордо. - Это Великая стена!

- Но если есть Северная стена, значит, существует и Южная? - помолчав, спросил монах все так же глухо.

- Да, и столь же Великая! А город скрыт между ними! Высота стен пятьдесят локтей! Протяженность каждой - целый фарсах! И сложены они из огромных тесаных глыб на крепчайшем известковом растворе! - поторопился излить свою осведомленность вожатый. - Кроме того, на холме возле Дербента

стоит крепость, и стены города смыкаются с не менее мощными стенами крепости! О, город неприступен!

- И кто же воздвиг столь дивное творение? - спросил монах.

Вожатому показалось, что в голосе христианина промелькнула легкая насмешка, и он горячо сказал:

- Народ! Тысячи и тысячи людей... По повелению шаха Хосрова Ануширвана... [Хосров Ануширван - персидский шах из династии Сасанидов (531-579 гг.)]

- Народ! - презрение прорвалось в голосе монаха. - Албанский народ - это трусливое стадо! Ведь вы покорились жалким персам, молитесь персидским богам, питаетесь объедками со стола персов и еще гордитесь, что на своей земле построили крепость, в которой стоит персидский гарнизон!

Монах, оказывается, был неплохо осведомлен, и это не ускользнуло от внимания пожилого албана. Вожатый подумал, что этот человек не армянин, не кахетинец, потому что те тоже под властью персов и не стали бы презрительно отзываться о народе одинаковой с ним участи, а тем более чужестранец не перс, не хазарин. Кто же он? Длинный плащ христианина из грубой черной шерсти был застегнут на правом плече пальчатой фибулой [фибула - металлическая застежка, напоминающая брошь].

- Что делать, господин, - тяжело вздохнул вожатый, - уж лучше с персами против хазар, чем одним против хазар и персов! Албания давно слаба, одной ей не устоять против двух могучих соседей...

- И какие же болезни подточили сильное некогда тело Албании? - в надменном голосе монаха опять прозвучала насмешка.

- Войны... раздоры... - нехотя ответил вожатый.

- Ты глуп, хоть и сед, коль утверждаешь, что войны ослабляют государство! Войны поистине можно уподобить упражнениями, укрепляющим дух

и тело! - воскликнул христианин и презрительно бросил: - Но глупому случается быть иногда пронизательным. Ты, варвар, проник в суть вещей, когда обмолвился о раздорах...

- Я не обмолвился, а сказал правду, - угрюмо заметил вожатый.

- Гм, ты сумел отделить зерно истины от плевал, варвар. Теперь догадываюсь, что с Албанией произошло то же, что случилось со множеством варварских государств, не имеющих единой, всепоглащающей цели, а подчиненных единственно стихиям страстей! Гм, пожалуй, я расскажу, а ты подтвердишь, прав ли я, излагая свое мнение. Итак, вот ваша история в нескольких словах. Несомненно, что когда-то албаны жили разрозненными племенами, но стремились объединиться, чтобы противостоять внешним врагам. У вас была цель, и смысл вашего духовного существования сдерживал стихию страстей. Объединившись, вы стали сильны, но у вас были не менее сильные соседи. Поэтому вы в отношениях с соседями пребывали более в мире, нежели во вражде. Но если первая цель оказалась достигнута, то должна была возникнуть следующая - господство Албании над другими народами. Вторая цель всегда более длительна и дает государству, обладающему ею, возможность долгого существования, ибо ничто так не укрепляет чувства единства в народе, как гордое осознание собственного величия, превосходства, избранности! Примеры тому - Великая Македония, могущественный Рим. Но этой цели у вас не осталось. Тело, пребывающее в покое, слабеет, становится изнеженным, люди, пребывающие в сытости и безопасности, стремятся к удовольствиям и жизненным благам. Но во веки веков не было и не будет людей, равных по телесному здоровью, красоте, уму, способностями, храбрости, энергии. Следовательно, жизненных благ и удовольствий каждый получал столько, сколько стоил в глазах других. У людей проснулась алчность, они стали скрывать собственные недостатки, а достоинства преувеличивать, ибо гордость ни на миллиакрий [мелкая византийская монета] не уступит славы. Итак, албаны стали стремиться не к превосходству над другими народами, а к превосходству друг над другом. Печальный итог: возникла ложь в отношениях и вражда в действиях. Несомненно, дошло до того, что одни албаны стали объединяться против других албанов. Государство ослабло, и Персия покорила вас. Ну, теперь скажи, прав я или нет?

- Прав, господин. Только не все албаны оказались подвержены страстям.

- Менее подверженные - как правило, более трусливы и глупы, чем... Но хватит об этом... Скажи, почему наши глаза не радуются возделанным полям, пасущимся тучным стадам? - удивленно спросил монах, указывая плеткой вперед, где до уже ясно различимой стены было безлюдно и пустынно, лишь молодая трава изумрудно переливалась под слабыми порывами ветра.

- Поля и стада с южной стороны, господин, а здесь опасно: почти каждую весну хазарские шайки караулят под стенами. Порой жителям некогда работать на полях, приходится обороняться. В прошлом году собрали из-за этого плохой урожай. Сейчас у людей кончился хлеб, все ждут нового урожая...

- Пути Господни неисповедимы, но милости Его безграничны даже к иноверцам... Гм, помнится, в прошлом году была большая засуха... Могли ведь и иссякнуть источники воды?

- Источники в горах... - словоохотливо начал вожатый, и осекся, поняв, что монах задал коварный вопрос, и похолодел от мысли, что он рассказал чужестранцу о том, о чем не должен был рассказывать, и чуть было не выдал тайну.

- Царство Божие наступит только при единении людей в любви друг к другу. Только в единой вере обретете и вы рай земной - вы, поклоняющиеся Уркацилле... [Уркацилла - бог солнца] Скажи, как относятся персы к албанам?

- Я не знаю, господин! Я ничего не знаю! - взмолился, не выдержав, вожатый, вовремя вспомнив, что мудрость не в знании, а в том, какую пользу

извлекаешь из своего знания. В Семендере он поостерегся спрашивать, а сейчас надо было поостеречься отвечать, ибо в Семендере за любопытство отрубали голову, а в Дербенте за болтливость сжигали на костре.

"А ведь вы - византиец!" - чуть не вскрикнул вслух вожатый, испуганно глядя на монаха и мысленно проклиная себя за словоохотливость. Только византиец мог в разговоре упомянуть про миллиакрий и назвать албана варваром. Даже заносчивость персов не превосходила надменности византийцев.

- Повторяю тебе, варвар, что пути Господни неисповедимы! - с явной досадой в голосе промолвил византиец, молитвенно поднял голову, осеняя себя троеперстным крестом и, обернувшись к караванщику, блеснув из-под капюшона тяжелым взглядом, загадочно произнес: - Господь, дух наш вездесущий, позволяет одним то, что не позволяет другим, и величие мыслей первых в том, что в них заложен замысел Божий, который неотвратим. Никто из жителей Содомы и Гоморры не знал, что случится с ними, когда десница Божия уже была готова смести грешников с лика земли. Но можно избежать подобной участи. Ты понял?

- Да, господин...

- Много ли христиан в Дербенте?

- Посмотри, господин, показалась крепость! - воскликнул вожатый, указывая вправо.

Караван приближался к городу, и стена, перегораживающая долину, теперь закрывала уже треть неба. Вдоль нее тянулся высокий земляной вал, за которым угадывался ров. Мощно выступали квадратные и полукруглые башни с темнеющими отверстиями бойниц, с высокими зубцами. А там, куда показывал вожатый, за увалом открылось голубое ущелье, на противоположной стороне которого поднимался крутой, местами обрывистый холм. Вершину холма опоясывали стены из желтого камня. Северная городская стена, поднимаясь по склону холма, упиралась в скалу, над которой возвышалась желтая крепость. Зрелище было внушительное. Желтая крепость, подобно могучему орлу, парила над долиной, ибо высота холма была не менее пятисот локтей. Камень, сброшенный с его вершины, мог бы докатиться до берега моря. За ущельем круто вздымались поросшие травой и кустарником склоны горы.

Византиец, забыв о вожатом, подавшись вперед и упираясь рукой о луку седла, не отрываясь смотрел вправо. В черном плаще, черном капюшоне, он напомнил грифа, что подлетал сегодня к каравану.

Вожатый с ужасом поглядывал на него, не сомневаясь, что его спутник - хазарский лазутчик. Но разве простому лазутчику дают золотую айцзу - тайный знак кагана? А если он знатен, то почему пробирается в Дербент тайком, снисходя до расспросов простолюдина? Придворный кагана едва ли сохранит византийскую надменность и чужеземную привычку застегивать фибулу на правом плече (среди византийцев много леворуких, их с детства приучают владеть левой рукой столь свободно, как и правой, что полезно в рукопашном бою). Но если византиец не служит при дворе кагана, то откуда у него золотая айцза?

Размышления вожатого прервал голос монаха, который, придержав жеребца, сказал:

- Эй, я слышал - у тебя много детей, и они ждут не дождутся своего отца. Запомни, сын греха: не вздумай рассказать о нашем разговоре! Ты понял? - и, заметив, что к ним подъехал купец, монах воздел руки и громко прокричал:

- Даже закоренелые в неведении хазары, вышедшие из тьмы степей, приняли христианскую веру [за период Хазарского каганата правящая аристократическая верхушка по политическим мотивам неоднократно принимала

различные религии - христианство, ислам, иудейство; народ же вплоть до гибели каганата оставался языческим, поклонялся Тенгри - верховному божеству]. А разве не жаждете вы света истины?..

3. ДЕРБЕНТ

Торговый караван заметили в крепости, и там, над башней, нависшей над скалой, затрепетал на шесте белый флажок. На городской стене меж зубцов-забрал, в бойницах воротных башен показалась лица стражников охраны ворот. Всмотривались внимательно, ибо нет числа человеческим хитростям. Случалось и такое, что подходил к городу большой торговый караван с охраной и слугами, мирно сидящими на верховых верблюдах. Караван был албанским, и много раз уже приходил в город, и купцы весело перекликались со стражниками на стенах, рассказывая о привезенных товарах: невиданных бронзовых зеркалах, красных и белых сукнах, различных мехах. Слуги доставали из мешков кувшинчики, откупоривали, как бы поддразнивая, отхлебывали янтарное густое вино, звенели монеты во встряхиваемых кисах, соблазняя вознаграждением, нетерпеливо ревели усталые верблюды. Наконец распахивались ворота, караван втягивался в город под радостные выкрики и шутки горожан, собравшихся посмотреть на прибытие богатых гостей. И вдруг по незаметному знаку слуги на верблюдах сбрасывали с себя походные накидки, выхватывали луки, прикрепленные к седлам... И, не успев опомниться, падали горожане-зеваки, а из ближних к городу оврагов, из-за увала, из припойменной рощи мчались к городу, к распахнутым воротам, конные сотни. И начинался грабеж и безжалостное избиение жителей.

Но этот караван был невелик, охрана немногочисленна. Дозоры, скрывающиеся в степи, не донесли о приближении врага. С пронзительным скрипом медленно начали распахиваться железные ворота.

Въехал купец, вожатый с монахом в черном плаще, заторопилась охрана каравана, настороженно встречаемая выстроившимися в две линии воинами городской стражи с луками в руках. Вожатый, следивший за византийцем, видел, как внимательно и цепко тот осматривает воинов-стражников, их оружие, вглядывается в лица. Византиец задержал взгляд на громадного роста албане, стоявшем первым в левой шеренге, и, чем-то неприятно пораженный, отшатнулся, когда его глаза оказались почти на одном уровне с сосредоточенным лицом пешего богатыря. Чертами лица этот могучий стражник напоминал лега, что первым погиб в поединке с хазарином.

Прямо от ворот начиналась просторная, вымощенная булыжником дорога. Город оказался неширок, и дорога как бы разрезала его на две части, не далее чем в полете стрелы упираясь в противоположную стену, где тоже виднелись ворота, выкрашенные в черный цвет. Справа от дороги город поднимался по склону холма вверх к крепости. Здесь были кварталы больших каменных домов, окруженных садами, каменными оградами, бассейнами. Сквозь листву садов желтела черепица крыш и кое-где поблескивали на солнце стекла окон. Богат Дербент и славен ремеслами!

- Стекло, господин, изготавливают только в Константинополе и Дербенте! - не удержался сообщить вожатый. - За стеклом к нам приходят караваны даже из Великой Болгарии [Великая Болгария - государственное объединение болгар в Приазовье в VII веке] и Руси [Русия - область проживания восточных славян]. - В его голосе слышалась гордость.

- Но не забывай, варвар, что в окна дворца вашего филаншаха [филаншах - должность в административном аппарате Персидского государства] Шахрабаза вставлено византийское стекло! - надменно отозвался христианин. - И помни о моем предупреждении! Если в аду сатана поджаривает грешников на сковороде с кипящим маслом, то человек может придумать такое, что и сатана позеленеет от зависти! Но послушай, зачем строится эта стена?

Справа, немного поодаль от дороги, от северных ворот до южных суетилось множество полуголых, тощих, запыленных людей. Одни вкапывали в землю бревна, укрепляли их поперечинами, укладывали на подпорки доски,

другие носили на изготовленные подмости камни, укладывая их в воздвигаемую стену, третьи размешивали длинными палками дымящийся известковый раствор в больших ямах, подкатывали его к подмосткам на тачках. Люди работали молча, поспешно, подгоняемые окриками здоровенных надсмотрщиков. Если кто, заслышав шум проходившего по дороге каравана, поднимал от кладки измученное лицо, замедляя работу, тотчас слышалось предупреждающее щелканье бича надсмотрщика. Свежесложенная стена росла на глазах. В поспешности, с которой работали люди, было нечто грозное.

С первого же взгляда становилось ясно: каменная стена скоро отделит кварталы, что поднимались по склону холма, от кварталов, теснящихся слева от дороги, и не требовалось большой проницательности, чтобы понять: верхний богатый город отделял себя от нижнего. Поэтому вожатый промолчал, но византиец больше и не расспрашивал.

По левую сторону дороги тянулись закопченные низкие кузны, гончарни, крытые черепицей навесы. Из распахнутых дверей ближней кузни выплывал сизый дым, там, в глубине полутемного помещения, вспыхивало, металось в горне пламя, и обнаженные по пояс кузнецы гулко били молотами по раскаленной полосе железа. Костлявый, с бритым черепом человек с черным клеймом раба, выжженным на выпуклом лбу, охлаждал в чане с водой только что выкованный меч. Из чана вырывались клубы пара. Раб мрачно глянул на проезжающих мимо людей, сверкнув исподлобья глазами, и тут же согнулся, притушив раскаленный блеск глаз. Дальше под навесами на гончарных кругах работали мастера-гончары: один, смуглый, в набедренной повязке, ножом отрезал куски глины, бросал на поддон круга, два других - сутулые, лохматые - руками раскручивали круг, и на нем мгновенно вырастала глиняная трубка. Ловкое движение ножа одного из гончаров - и трубка разваливалась вдоль на две равные части, превращаясь в сырую черепицу. Заготовленная черепица сохла на солнце, а под навесом была сложена уже высушенная. Там же стояли высокие узкогорлые кувшины, широкодонные амфоры и мелкие сосуды.

За мастерскими теснились приземистые хижинки с плоскими крышами, некоторые были обнесены каменными оградами. В двориках по чахлой траве ползали голые дети, бродили тощие овцы, козы. Кое-где меж хижин виднелись крохотные участки обработанной земли, на них копошились женщины в длинных, до пят, просторных рубахах, в платчатых головных покрывалах. Кварталы отделялись узкими улочками, местами чернеющими жидкой грязью. На некоторых крышах сушилась трава. За хижинами, в глубине города, виднелся обширный пустырь, окаймленный густыми кустами розового тамариска, а за тамариском выступала голубовато-дымчатая равнина моря. Обе городские стены уходили на несколько сот локтей в море и почти смыкались, оставив лишь узкий проход, образуя гавань. В гавани на мелкой, сверкающей под солнцем зыби, покачивался корабль.

Вожатый видел: ничего не ускользало от зорких глаз византийца, который, заметив возле сточной смрадной канавы громко спорящих людей, остановил коня, чтобы послушать, о чем они спорят.

Двое темнолицых, в оборванных рубахах албан, стоя возле пешеходного мостика из двух бревен, переброшенных через канаву, кричали друг на друга. Возле толпились, слушая, смуглые подростки в набедренных повязках и несколько чумазых бритоголовых рабов, очевидно вышедших из кузни.

- Я здесь родился! - гневно кричал один из албан. - Это моя земля! А ты - пришлый! Как смеешь ты не уступить мне дорогу?

- Пусть я пришлый, но равен тебе - я свободный албан! - отвечает второй. - Почему я должен уступить тебе, если подошли мы одновременно?

- Уйди, проклятый галван [презрительная кличка пришлых], или я сброшу тебя с моста! - Подростки одобрительно посмеивались, рабы равнодушно молчали, угрюмо развлекаясь, подталкивали друг друга. Пришлый албан затравленно оглянулся и с мрачной униженностью отступил от мостка. В это время из глубины улочки на сером, вскидывающем голову жеребце рысью выехал всадник в шелковом халате, лохматой шапке, подбоченившись, ни на кого не

глядя, въехал на бревна; конь, всхрапывая, осторожно прошел по мостку, но копыто задней ноги сорвалось с бревна, конь пугливо присел, рванулся под ударом плетки наездника и прыжком взлетел на берег, грудью столкнув не успевшего или не захотевшего отойти местного албана в зловонную канаву. И напрасно тот кричал и хватался за нож, висевший на ремешке, опоясывающем рубаху. Всадник даже не оглянулся.

- Эй, проклятый шихван, я пожалуюсь Мариону! - крикнул местный албан, стоя по пояс в зловонной жиже.

- Кто такой - шихван? - спросил византиец вожатого.

- Управитель квартала, - был ответ.

- Гм, странно, я уже несколько раз слышу имя Мариона, хотя он всего лишь простой воин. Чем же он славен?

- Марион, господин защитник Дербента, герой, мужественный и справедливый человек. Простые люди верят, что пока Марион жив, враги не захватят город...

- Гм, он меня заинтересовал... Где я могу увидеть этого героя?

- Я не знаю, господин... - уклончиво буркнул вожатый, не сказав, что византиец уже видел Мариона, того самого пешего богатыря, что стоял первым в линии воинов, охранявших ворота.

Караван, сопровождаемый бегущими вслед подростками, свернул с дороги на соседнюю из улиц, ведущих в верхний город. В глубине улицы виднелось большое побеленное здание караван-сарая с крытыми галереями, окружавшими внутренний двор - торговую площадь. В галереях тянулись деревянные лавки торговых рядов. Подростки постепенно отстали. В широких распахнутых воротах караван-сарая стоял хозяин - высокий тучный, багроволицый человек и выжидательно улыбался.

Здесь, на мощенной булыжником чистой улице, в тени росших по обочинам развесистых платанов, проезжали нарядно одетые всадники, многие в сопровождении пешеходных слуг. Кое-кто из всадников, завидев ширванского купца, окликал его:

- С благополучным прибытием, Саул, что привез?

- Благополучия и здоровья, Уррумчи, рад тебя видеть, Бусснар! Разный хапур-чапур привез: есть прекрасные меха из Руси, мед, воск, аркацильская шерсть - настоящее руно! Есть шкурки ягнят с варачанских пастбищ...

- О, и варачанские шкурки есть? Мы же с тобой друзья, Саул, побереги для меня десятка три шкурок. Завтра я пришлю слугу!

- Конечно, конечно! Для тебя, друг Бусснар, я отберу самые лучшие! Но и ты не забудь: мне срочно нужны кольчуги, выкованные славянином Микаэлем. Я обещал их кое-кому в Ширване...

- Будь спокоен, Саул, будут шкурки, будут и кольчуги. Ты мне, я тебе! Бусснар не подведет! Какие новости в Семендере?

- Никаких новостей! Никаких новостей! - торопливо прокричал, опережая удивленного купца, вожатый, косясь на монаха. - Весь путь наш был благополучен, слава светоносному Ахурамазде!

Солнце уже скатывалось по небосклону к горам, когда последний верблюд прошел в ворота караван-сарая. Во дворе сразу стало шумно. Воины охраны быстро разгружали верблюдов, уносили тюки в галерею, торопясь получить у ширванского купца расчет и разойтись по домам. Потный хозяин караван-сарая с неожиданной прытью носился по двору, показывая, где складывать груз, устраивая гостей в крохотных комнатках-кельях, хлопоча об ужине. Когда он вел монаха и двух его молчаливых спутников в отведенное им под ночлег помещение, монах спросил:

- Есть ли в Дербенте церковь, где можно было бы помолиться христианину, четыре дня уже не зрящему лика Господня? Да простятся нам грехи наши...

- Была, господин, была, но иудеи, поклоняющиеся Яхве [одно из имен бога у древних иудеев], пять зим назад разрушили ее, и персы запретили строить новую... Тогда была большая вражда между поклоняющимися Яхве и

христианами... На месте церкви филаншах Шахрабаз, да будут благословенны лета его, велел построить часовню... Там есть икона. Шахрабаз строго следит, чтобы никто не смел обижать и притеснять христиан.

- А как относятся к христианам персы?

- Персы, о мудрейший, хотят, чтобы все люди жили в мире, - уклончиво вымолвил хозяин.

- Персы не обременяют жителей Дербента налогами?

- Нет, о справедливейший, они не обременяют жителей налогами, - ответил хозяин, тараща на любопытного христианина глаза и вытирая со лба пот пухлой ладонью. - Мы все день и ночь молим Ахурамазду, чтобы персы - защитники наши - не покинули крепости, чтобы могущественный из могущественных, ослепительнейший, милостливый Ахурамазда благословил их на трудном пути!..

- Аминь! Истинно так! - насмешливо буркнул монах.

Отведя гостей, хозяин караван-сарая озабоченно пронесся по галерее во двор и, подбежав к юркому неприметному человечку, шнырявшему возле воинов охраны каравана, что-то тихо шепнул ему.

4. МАРИОН

Тревожный слух о том, что хазары готовятся воевать с Персией, быстро распространился в городе. Купцы, спустившись по реке Куре из Иберии и плывущие на далекую реку Итиль [Волга] к славянам, рассказывали, что по слухам византийский император Ираклий предложил Турксанфу союз в войне против Персии, и Турксанф воспрянул духом. Прошлый его поход на персов был неудачен. Хазарский каган не сумел пройти даже в Албанию. Чтобы грабителю войти в дом, надо взломать запертую дверь, а Дербент недаром так назван: ДАР - дверь, БАНД - застава. Каган не смог захватить город, и здесь под северной стеной погиб младший брат Турксанфа Ратбар. Купцы передали, что теперь каган поклялся разрушить обе стены, а жителей города угнать в рабство. Воины, прибывшие с караваном ширванского купца, подтвердили сведения иберийцев: хазары толпами стекаются в Семендер, уводят свои стада в предгорья.

Когда молодой широкогрудый стражник, поднявшийся на сторожевую башню сменить Мариона, рассказал последнюю новость, Марион выслушал его спокойно. Ожидать нападения хазар было так же привычно, как ожидать наступления зимних холодов - не сегодня, так завтра. А хазары - это еще не самое худшее. Тепла и прекрасна весенняя степь, но всегда леденящей тревогой несло из скрытой для глаз таинственной зеленой глубины ее. Какие неведомые, но грозные силы таятся там? Может, уже приближается, подобно бушующему половодью, сметая и увлекая все на своем пути, новая орда хуннов? Прадед Мариона, великий воин Нишу, погиб, защищая Дербент от персов, а потомок его Марион теперь вместе с персами защищает город от хазар. Времена меняются, и впереди - неизвестность. Руки еще крепко держат меч, но против кого он сейчас будет направлен? Вот это в последнее время тревожило Мариона все больше и больше.

Из настоящего черед прошлых событий кажется неотвратимым. И киммерийцы, и скифы, и хунны, и хазары приходили в Албанию ради грабежа. Пришельцы вытапывали поля, разрушали жилища, оскверняли домашние очаги, но подобно насытившейся, раздувшейся от добычи змее, медленно уползали обратно в степь. Никому и никогда не удавалось еще истребить народ. Оставшиеся в живых, спасшиеся от рабства, возвращались на свои пепелища. Вновь распахивались поля и восстанавливались жилища, и вновь звучала в городах и селениях албанская речь. Было кому поддержать друг друга в трудную минуту, было кому передать обычаи, рассказать предания, сохранить заветы предков, ибо только памятью прошлого люди мудры в настоящем. Восемь

раз Марион отбивал хазар от Дербента, защищая не просто свой очаг, не просто свободу, но и род свой, и память, ибо сын раба уже не вспомнит, что он - албан. Четырежды была прорублена кольчуга Мариона, трижды в его руке оставалась лишь рукоять меча, и только случай спасал его от гибели, и тело его пятнисто от шрамов, подобно шкуре леопарда. Но в последний раз хазары напали двенадцать весен назад, и за двенадцать мирных лет в жизни города произошло столько непонятных и грозных перемен, что Марион стал все чаще и чаще приходиться к мысли: хазары и тем более персы не столь уж страшны для албан, что внешний враг - это еще не самое худшее.

Вечереющее солнце коснулось своим раскаленным краем вершины горы. Скоро наступит темнота. Наказав молодому стражнику ночью не спускать глаз с дороги, чтобы не просмотреть сигнальных огней заставы, Марион по крутым узким ступенькам протиснулся в лаз, ведущий в караульное помещение. Толща стен башни не прогревалась даже летом, и низкое сводчатое отверстие дохнуло сырým холодом. Лаз вел круто вниз и влево. Плечи касались противоположных стен. Глаза с трудом различали ступеньки: только на повороте горел единственный светильник. Здесь все было продумано для обороны. Тесное, неудобное пространство лишало врага численного преимущества, и нападавшие, поднимаясь, не могли действовать ни мечом, ни копьем. Однажды Марион один сумел отстоять сторожевую башню, копьем сталкивая хазар в лаз.

В низком полутемном караульном помещении стоял грубо сколоченный стол и несколько широких деревянных лавок-лежанок. Свет с трудом проникал в сужающиеся внутрь бойницы, расположенные на высоте груди. Со двора доносились оживленные отрывистые голоса. Там обсуждали последнюю новость, слышалось: хазары... предводитель Урсулларх... Ваче защитил честь леггов...

Стражники по обычаю встретили почитаемого молчанием.

Марион вышел во двор и сказал:

- Говорите!

Чернобородый горбоносый стражник из рода даргов хмуро проронил:

- Погиб Ваче! Воины охраны каравана, что пришел из Семендера, сообщили: убил его вождь берсил Урсулларх у брода через реку Озень... Урсулларх убил и Масуда, сына Т-Мура... Только двое они были леги, остальные воины охраны - гаргары. Они не сумели отомстить...

Кто-то из толпящихся особняком в углу двора гаргаров зло выкрикнул:

- Это был честный поединок! Хазарин-берсил предложил бой, и албан-лег принял его. Так за что же мстить? Это не по обычаю! Он мог бы отказаться от поединка, и никто не осудил бы его!

Наступило тяжелое, не предвещавшее ничего хорошего молчание, но чернобородый помешал готовой вспыхнуть ссоре, продолжив:

- Урсулларх грозился убить и тебя, Марион. Ему не терпится сразиться с тобой в поединке.

Марион не обратил внимания на последние слова чернобородого. Хазарская палица, с размаху опущенная силачом-берсилом, так не оглушила бы Мариона, как известие о смерти Ваче и юного Масуда. Из всех воинов нижнего города было только три воина из рода леггов, теперь он остался один. Единственный защитник рода. Т-Мур посажен в зиндан за неуплату долгов, а два его старших сына проданы в рабство на невольничьем рынке в Ширване. Преданный и храбрый Ваче! Трижды бились они плечом к плечу на северной стене с хазарами, и много раз меч Мариона спасал родича, а щит Ваче прикрывал грудь Мариона. О Ваче, Ваче! Где сейчас бродит твоя душа? Встретилась ли она с душой юного Масуда?

Видя окаменевшее лицо Мариона, стражники сочувственно зашумели:

- Марион, мы отомстим!

- Пусть приходит проклятый Урсулларх со своими берсилами!

- Мечи наши ждут его!

- Берсилы храбры на своей земле!

Но кричали только воины из рода даргов. Стражники-гаргары молчали,

украдкой переглядываясь.

К Мариону протолкался широкоплечий круглолицый дарг Золтан. Он пытался казаться печальным, но невольная улыбка пробивалась на его добродушном румяном лице и радостно блестели глаза из-под густых сросшихся бровей:

- Марион! Я разделяю с тобой твою горе, верь, твою горе - наше горе... но у меня родился сын! И я назвал его в твою честь Марионом! Пусть он станет таким же великим воином, таким же добрым и справедливым! Да благославят тебя предки!..

- Спасибо, Золтан, я обязательно навещу твоего сына.

Добродушный стражник неловко потоптался, нерешительно хмыкая, потом выпалил, отведя глаза:

- Только сделай это скорее, Марион... так будет лучше...

- Конечно, я приду до появления хазар... - Марион положил тяжелую руку на сильное плечо друга.

- Дело не в хазарах...

- Что-нибудь случилось?

- Ты прости меня, Марион, ты знаешь, мы с тобой как братья... и я сейчас говорю как брату: я решил уйти в горы с семьей... Для меня не было бы большей радости, если бы и ты... - он смущенно замолчал, опустив глаза.

- Ты предлагаешь мне уйти в горы? - потрясенно спросил Марион. - И оставить свой род беззащитным? Чтобы матери прокляли меня?

- Большая часть твоего рода и моего тоже - в горах!

- Я не судья тем, кто ушел, но судья самому себе!

- Дело твое, Марион, - тяжело вздохнул Золтан, - поступай, как знаешь, но я тебе говорю как брату, ты храбр и могуч, но ты - один... И может быть, тебе удастся защитить оставшихся легов - вдов и детей - от хазар, но ты бессилён защитить их от налогов, придуманных персами, от пришлых албан, которым нужна наша земля, от алчности раисов [раис - богач из простонародья, отличавшийся особой алчностью] и несправедливостей шихванов!

- Отойди! - гневно прохрипел, сдерживая себя, Марион. - Замолчи и отойди, пока я помню еще, что мы с тобой как...

- Ты можешь убить меня! Но я сказал правду! - выкрикнул, попятившись, дарг.

- Да, ты сказал правду! Но не забудь: те леги, что ушли в горы, называют себя уже не легами, а лезгами!

- Марион! Пойми, я не могу поступить иначе! Только в горах еще живут свободные люди! Марион, я уйду, но не прощу себе, что оставил тебя одного! Моя душа разрывается! Она раздвоена! - В черных глазах Золтана, забывшего даже о рождении сына, отразилось страдание. - Я хочу вернуться в добрые старые времена, когда один был за всех, а все за одного, но я не хочу потерять родину, тебя!

- Тогда останься, Золтан! - В голосе Мариона вдруг прозвучали непривычно просительные нотки. Он медленно обвел взглядом толпившихся возле них стражников. Вот чернобородый горбоносый Ишбан, вот горячий безрассудный в бою Бурджан. Почему они молчат? Почему потупил глаза медлительный длинноволосый силач Маджуд, по прозвищу Булгар? Много еще в живых воинов, с кем Марион защищал город в последний раз, но нет уже ни одного, с кем - в первый. Ваче был последним из них.

Из друзей только горячий Бурджан смотрел на Мариона открыто и прямо, ничего не утаивая; остальные, встречая взгляд Мариона, или поспешно отводили глаза, или смотрели в землю. И Золтан молча смотрел в землю. Нет, он не останется. Марион почувствовал усталость, такую усталость, которая появляется после долгого смертельно-опустошительного боя, когда боль возвращается в израненное тело, а осознание себя - в душу. Неужели все самое лучшее - в прошлом?

5. ШИХВАН, СЫН ШИХВАНА

Над угловой башней крепости на длинном шесте все еще трепетал на ветру белый флажок - знак того, что в город прибыл торговый караван. Пастухи, пасущие свои стада на ближних пастбищах, передадут весть на дальние, и она разнесется по горным селениям. Жизнь меняется, теперь и там охотно приобретают индийские пряности, шелка Срединной империи [Срединная империя - Китай], византийские украшения, а уж за тоурменские сабли - невиданное ранее в Дербенте оружие - легкие, острые, прочные, горцы готовы отдать последнее. К ним уйдет Золтан, возможно и Мажуд с Ишбаном - лучшие воины-дарги. Они хотят вернуться в прошлое, когда не только мужчина был защитником рода, но и род защищал его, когда мудрейшие родичи по справедливости судили возникающие споры и тяжбы, когда земля была общая, а скот не знал владельцев.

Но нельзя вернуть унесенное потоком времени, невозможно восстановить обычаи, в которых отпала нужда. Люди сменили их на законы, которые, по неоднократным заявлениям персов, составлены для того, чтобы сильный не угнетал слабого, чтобы не обижали вдов и оказывали содействие сиротам. О, Золтан, ты не просто уходишь, тырываешь кровную связь с остающимися! И твое сердце будет сочиться кровью. Но он - один из многих, а человек часто считает себя правым, если ему есть на что сослаться. До сих пор еще прославляют тех, кто жертвовал собой ради благополучия рода, но уже не осуждают те, кто отделяет интересы семьи от интересов рода. О небо! Когда изменились души людей! Может быть, с появлением в Дербенте гаргаров? Но ведь пришлые оказались нужными, полезными гражданами. Они умели ковать железное оружие, изготавливать черепицу, амфоры, стеклянные изделия. К тому же гаргары обладали письменностью. Однако вскоре они потребовали отдать им земли ушедших в горы легов. И леги признали это требование справедливым, ибо пришлые приняли всяческое участие в защите и процветании города. Но тогда оказалось, что и власть, ранее принадлежавшая родовым собраниям, потеряла свою силу, ведь она не могла учитывать интересы пришлых. Требовалось правление, учитывающее нужды всех горожан. Появились шихваны, стражи порядка. Но потеря власти для легов и даргов не прошла даром - теперь всюду первыми были чужаки. Их поддерживали персы, потому что город рос, становился многолюднее только благодаря пришлым.

О небо, кто разберется во всех этих хитросплетениях, когда предполагаемая польза вдруг оборачивается злом! Много вдов с детьми осталось в городе, и раньше род бы взял их под свою защиту, а теперь?

Эти мысли терзали Мариона, вызывая то гнев, то жалость, то чувство бессилия. Он в раздумье стоял у башни... Вопросов много, а ответы неутешительны, будущее представляется мрачным. Теперь леги, лишенные земли, все чаще становятся должниками, а людей, вовремя не выплативших долг, по закону можно продать в рабство. Лега-должника покупает, случается, лег-богач. Но не для того, чтобы освободить родича, а для того, чтобы заставить работать на себя. Что может сделать Марион? Борьба против закона? Но закон не говорит: бери в долг. Закон велит: если взял - возьми, а если не можешь возвратить - зачем брал? Закон справедлив, ибо человек, сделавший добро, не должен потерпеть ущерба. Но почему те, что делают благодеяния, становятся богаче, а кто принимает благодеяния - беднее? Или само небо помогает первым?

Марион отправился домой.

Множество столбов дыма поднималось в вечернее небо из дворики нижнего города, где на летних очагах готовили еду. Дворики отделялись от проулка, по которому шел воин, плетневыми оградами и каменными

заборчиками. Заслышав тяжелые шаги, дети отрывались от игр и, увидев громадную фигуру задумавшегося Мариона, прилипали к заборам, плетням, с молчаливым восхищением провожали его глазами.

Важно прошествовал мимо посторонившегося Мариона ослик, нагруженный свежескошенной травой. За осликом поспешала женщина из рода даргов в длинном, до пят, черном просторном платье, закутанная в белое покрывало. Она степенно поклонилась Мариону:

- Здоровья твоим детям, благополучия семье, Марион!

- Мира и благополучия родным вашим, тетушка Зухра! - поздоровался Марион, ибо обычай требовал желать благополучия всем родичам.

- Ой, не напоминай о мире! Везде только и слышно: хазары, хазары, чума на голову матерям, родившим разбойников! - воскликнула тетушка Зухра, заторопившись за ушедшим осликом, оборачивалась, на ходу выкрикивая: - На тебя надежда! Защити от проклятых длинноволосых! Пусть дух твой укрепится, а рука не ослабеет!

Марион горько покачал головой. Да, руки его по-прежнему сильны, но нет прежней ясности в жизни, и дух его в смятении, будто в жилы влили чечевичную похлебку. А сила без стойкости все равно, что выщербленный нож в ножнах, такой меч и вынимать нет желания.

Возле одной из калиток сидели на нагретых за день камнях два старика в безрукавках мехом внутрь, меховых шапках и в войлочных башмаках. Они негромко и неторопливо разговаривали. Это были единственные старики на весь нижний город. Когда-то славные воины, они чудом уцелели и вот теперь мирно доживали свой век у разбогатевших сыновей. Сын одного был хозяином гончарной мастерской, второго - владелец стекольной, оба уже строили себе дома в верхнем городе.

Обычай и вросшее в душу уважение к старшим требовали почтительно приветствовать стариков, спросить, не нуждаются ли они в чем. Марион низко поклонился, прижав могучие руки к груди. Старики важно кивнули, подслеповато вглядываясь в Мариона, и, не узнав его, отвернулись, забыв ответить уважением на уважение. Видимо, умереть на этой земле вовремя - великое благо.

Выстроенный из необработанного камня домик Мариона стоял в глубине третьего от северных ворот проулка. Марион не успел миновать первый квартал, как в глубине, между домами, раздались звуки зурны и показался невысокий узкоплечий человек в вывороченном мехом наружу черном тулупчике, с остроконечным колпаком на голове. Человечек, побагровев от натуги, дул в кизилковую трубочку, издававшую пронзительные переливчатые звуки. Он приплясывал, изгибался, кружился, вздымая пыль босыми ногами, пот с него лил градом. Следом шел принаряженный в голубой шелковый кафтан парень, ведущий на поводу смирную рыжую лошаду. Встретить свадебное шествие - к счастью. На лошади в седле, обитом золотой парчой, восседала невеста в белом длинном покрывале, оставлявшем открытым только лицо, смотрела прямо перед собой неподвижными от смущения, блестящими глазами. Позади лошади шли двое мужчин с обнаженными мечами - родственники невесты, охранявшие ее до дома жениха. За свадебной процессией бежали вездесущие мальчишки, из дворов наблюдали люди. Нестарая, но с седыми прядями волос, выбившимися из-под черного покрывала, женщина возле плетня, улыбаясь и что-то шепча, плавно взмахивала руками, словно набрасывала нечто на невесту, желая ей счастья. Парень и мужчины поклонились Мариону, он ответил на приветствие. Принаряженный жених по обычаю возил по городу свою невесту, объявляя тем самым, что с этого времени становится главой семьи, защитником чести жены. Марион с возникшей в душе приязнью проводил взглядом торжественное шествие и нахмурился, вспомнив, как жизнь и здесь изменила то, что раньше казалось неизблемым. Раньше, образовав семью, мужчина получал от рода личный семейный надел, который обязан был обрабатывать сам, десятую часть урожая он отдавал на общественные нужды: содержание сирот, калек, создание запаса на случай осады, неурожая. В случае опасности должен был вооруженным

явиться на защиту города, на сходах рода он всегда имел один голос. Теперь же при желании земельный надел он мог сдать в наем, лишь бы вовремя платил в городскую казну налог "с дыма домашнего очага" на управление городом, на ремонт стен, на содержание "охраны порядка", а в случае призыва на войну, хозяин обязан выставить от семьи одного вооруженного воина, но не обязан являться лично. Теперь у богатого появилась возможность послать на стены вместо себя наемника, самому же под охраной закона отсидеться дома, потом скупить освобожденные наделы. Зачем взывать к небу? Разве небо помогает людям творить несправедливые дела?

И словно бы в довершение мрачных мыслей, перебивая удаляющиеся звуки зурны, в соседнем переулке послышались грубые мужские голоса, пронзительный женский плач и причитания. Марион свернул в переулок, откуда донесся плач.

Возле турлучной [турлучная хижина - хижина с плетеным деревянным каркасом, стены которой обмазаны глиной] хижины с полуразвалившимся плетнем восседал на коне, подбоченившись, надменный всадник в шелковом халате, лохматой меховой шапке, а два стражника охраны порядка суетились во дворе: один тащил к калитке упирающегося крупного барана, второй отталкивал цепляющуюся за барана пожилую, громко причитающую женщину в сбитом на худые плечи выцветшем покрывале, обнажившем седые волосы. Женщина была из племени гелов, славящихся искусством строить большие каменные здания, украшать их колоннами, выточенными из камня, или лепными фигурками зверей, рыб, птиц, затейливыми карнизами. Сидящий на коне шихван квартала каменщиков и стражи порядка были из рода гаргаров, незаметно прибравших к рукам власть в нижнем городе.

- Уйди, дочь блуда, уйди с дороги! - ревел мрачный круглолицый страж порядка, одной рукой держа за рога барана, другой отталкивая женщину, мешавшую ему пройти в калитку.

- Ударь ее плетью! - натужно советовал второй страж, приземистый, сутулый, подталкивая барана сзади.

- Ох горе, ох горе! Я не дам вам увести моего кормильца! - устало вскрикивала женщина, цепляясь то за барана, то за калитку. - Ох, нам тогда остается только умереть! Ох!

Переулок был пустынен, люди, видимо, затаились в своих дворах, боясь связываться с мстительными стражами порядка.

- Эй, что здесь происходит? Почему вы грабите эту женщину? - спросил Марион, торопливо подходя к калитке.

Стражи и женщина на миг замерли, узнав лега. Толстяк вдруг громко икнул и поспешно прикрыл рукой рот. Второй медленно выпрямился и нерешительно ухватился за рукоять висевшего на боку меча. Баран, почувствовав свободу, дернулся, вырвав из руки толстяка свой рог, и со всех ног метнулся к хижине.

- Ох, Марион, они хотят отнять у нас кормильца! Спаси нас, ох! - женщину от пережитого волнения уже не держали ноги, она тяжело опустилась на землю и, боясь, чтобы Марион не ушел, ухватилась за полу его кафтана иссохшей в вечной нужде и работе коричневой рукой.

Всадник гневно что-то выкрикнул, толкнул лошадь и она грудью пошла на Мариона. Тот поймал лошадь за узду, серый жеребец попытался вскинуть голову, всхрапнул, но мощная рука человека с такой силой пригнула крутую шею, что жеребец споткнулся, а всадник едва не выпал вперед из седла. Шихван ударил коня плеткой, дернул повод, оскалившись, но жеребец, рванувшись, остался на месте. Стражи изумленно взирали на борьбу животного и человека. Всадник с искаженным в бешенстве лицом схватился за меч.

- Придержи руку, шихван, сын шихвана, - спокойно, но выразительно посоветовал лег, сжимая узду храпящего жеребца, - не забудь: и мой меч легко вынимается из ножен.

- А ты отпусти коня!

Марион разжал пальцы. Жеребец осел на задние ноги, вскинул голову,

заплясал, удерживаемый всадником. Стражники поспешно отвернулись, сделав вид, что не заметили унижения шихвана.

- Так что случилось, тетушка? - обратился Марион к женщине.

- Они хотели забрать баранчика за то, что старик мой болен и не может выйти на строительство стены. А мы со стариком кормимся только тем, что наши три овечки приносят весной ягнят... ох, - всхлипывала на земле изможденная женщина, хватаясь тощей рукой за грудь, - ох, как болит! Они меня били...

- Замолчи, женщина! - зло выкрикнул всадник. - А ты, Марион, иди своей дорогой, помни, в зиндане достаточно места, найдется и для тебя уголок!

Мариону показалось, что он ослышался, что угроза не несет в себе прямого смысла, а нечто иное, может даже шутку. Взгляды их встретились. Молодое, сытое, несокрушимое упорство светилось в презрительно прищуренных темных глазах шихвана. Отец этого шихвана - первый шихван квартала каменщиков, уличенный в несправедных деяниях, много раз уступал Мариону. Сын не уступит. Молодой шихван надменно подбоченился, поигрывая плеткой. Его взгляд и поза свидетельствовали: произнесенная угроза не пуста, он все сделает, чтобы убрать Мариона с дороги. Громадная ладонь лега накрыла рукоять меча. Только меч решит, кому остаться.

- Марион! - вскрикнула женщина, пытаясь подняться с земли. - Марион! Вспомни: перед тобой албан! И ты албан! Не надо крови! О небо! Не допусти братоубийства! Пусть они берут моего баранчика! Я согласна его отдать!

Словно ледяной водой окатило Мариона. Никогда еще его меч не поднимался на албана.

- Марион, ты восстаешь против закона! Я должен взять у них налог с дыма домашнего очага! Я обвиню тебя на суде филаншаха! - грозно выкрикнул шихван.

- Но если нечем им платить?

- Тогда старик должен отработать долг на строительстве стены.

- Но если он не может отработать?

- Закон велит: взять налог с дыма домашнего очага, и я возьму его...

Иначе, Марион, нечем будет платить тебе!

Воин охраны ворот получал от города три меры [мера веса, в данном случае около двухсот пятидесяти килограммов] зерна и четырех баранов ежегодно. Мариону же, как воину, совершившему подвиг, выдавали на одну меру зерна и на одного барана больше, чем обычному стражнику. Превосходный филаншах распорядился ежегодно награждать храбреца, а новый правитель Шахрабаз, заменивший несколько весен назад погибшего на охоте предшественника, не стал отменять его распоряжение, понимая, как полезно поощрять рвение. Так вот, эти изможденные морщинистые руки, цепляющиеся сейчас за Мариона, кормят его семью! Думал ли ты когда-нибудь об этом Марион? Стыд облил душу. О небо, воистину, умереть вовремя на этой земле - великое благо!

- Оставьте эту женщину. Я внесу за нее налог, - глухо сказал Марион.

- Но ведь она не из твоего рода! - изумленно воскликнул круглолицый толстяк-стражник. - Зачем тебе нужно им помогать? И разве ты сможешь облагодетельствовать всех нищих, больных, калек? Ведь ты должен кормить свою семью!

- Слушайте, гаргары, - раздумывая, проговорил лег, - я не могу понять одного, почему вы: и ты, и ты, и ты, - кивнул он поочередно всем троим гаргарам, - почему вы богаты?..

Толстый и приземистый стражники протестующие захмыкали, молодой всадник застыл в презрительном молчании.

- Почему вы богаты, да, да... вы живете в верхнем городе, в больших каменных домах, у каждого из вас столько овец, что вы смогли бы, если бы захотели, без ущерба для себя содержать всех сирот и калек в городе, но вы предпочитаете, чтобы ваши жены носили золотые украшения, а дети ходили в

шелковых кафтанах... Так почему вы богаты? А я и она, - Марион указал на женщину, - бедны?

- Мы больше трудимся! Вот ответ! - выкрикнул приземистый стражник, самодовольно покосившись на толстяка.

- Больше муздвара [муздвар - поденщик, свободный человек, нанимающийся за плату], надорвавшегося на работе? - удивился Марион. За каким-то из каменных заборчиков послышался одобрителный смешок. Видимо, там, спрятавшись, прислушивались к разговору подростки.

- Слушайте, вы! - громко сказал Марион. - Я вам скажу, почему вы богаты, и не удивляйтесь - народ прекрасно видит все ваши дела. Удивляйтесь другому, как он терпит ваши злодеяния!

- Какие это злодеяния? - опять недобро прищурился шихван. - О, Марион, не заставляй обвинить тебя во лжи на суде филаншаха.

- И там я повторю то, что скажу сейчас, - возразил Марион, - вы скупаете надель сирот и заставляете этих же сирот единственно за прокорм работать на их земле! Разве это не злодеяние? Вы никогда не сдаете полностью в казну собранный налог, часть его вы утаиваете и делите между собой. Разве это в обычаях вашего рода или это разрешает закон? Ты, шихван, недавно продал за долги двух малолетних детей бедняка-дарга, и мать их умерла от отчаяния. Разве за это предки твои одобрили бы тебя, разве души их сейчас не стеноют от неслыханного позора, что нанес ты их памяти?..

- А ты, Марион, разве не продал в рабство хазарина Рогая? Или ты, справедливый, считаешь, что поступил наилучшим образом? - торжествующе выкрикнул приземистый стражник.

Наверное, не было еще у людей лучшего способа оправдаться, как обвинить обвиняющего в том же, в чем виноват обвиняемый. Даже если деяния несравнимы, в худшем положении окажется первый, ибо он в глазах других будет выглядеть ко всему еще и лицемером.

И Марион растерялся...

6. ПЕРВЫЙ РАБ

...Двенадцать лет назад рабы были только у перса-хармакара [хармакар - должность в административном аппарате Персидского государства], жившего в крепости. Разбогатевшие дарги и леги обходились муздварами и слугами. Но муздвару за работу надо платить столько, чтобы не было стыдно перед соседями, а слуги часто бывают непокорны, и к тому же они, получая непомерно высокую плату, обвиняют нанимателя в скаредности. Рабов хотели иметь многие. Но зачинатель в плохом деле - всегда наихудший в глазах людей. И получилось в Дербенте удивительное: рабство было, но рабов - не было.

И для Мариона наиболее горьким и стыдным воспоминанием всегда оставалось то, что первым, кому в городе обрили голову и выжгли на лбу клеймо раба, стал хазарин Рогай.

Двенадцать лет назад у Мариона родился сын Геро. Волей судьбы рождение сына совпало со штурмом, предпринятым хазарами.

В город густо летели черные стрелы с пучками горячей пакли вместо оперений. Чадный дым сизым туманом стлался по улочкам бедняцких магалов [магал - квартал в Дербенте]. Оглушительно бил в северные ворота таран. Яростные вопли хазар сливались с криками албан. И в это время раздался слабый крик новорожденного, услышанный только матерью и женщиной-повитухой.

Марион, еще не знавший о рождении сына, в тот день совершил подвиг, равный, быть может, подвигу своего прадеда Нишу, имя которого персы запретили упоминать.

...Хазары огородили стену длинными рядом огромных повозок, выкатив их на высокий вал. Часть нападавших метали на стену арканы, другие из-за бортов били в албан стрелами. Множество хазар, прикрываясь кожаными щитами, заваливали ров хворостом и карабкались по длинным осадным лестницам. И беспрерывно било и било в ворота огромное, окованное железом, раскачиваемое на цепях бревно тарана. Уже была сорвана средняя запорная петля, толщиной в руку, и теперь гремющий металлический лист створки ворот медленно, но неумолимо прогибался, вызывая чувство бессильного отчаяния у защитников. Они пытались поджечь башню, в которой скрывался таран, но башня оказалась сплошь обтянута сырыми и толстыми воловьими шкурами. Тогда албаны начали забрасывать ее камнями.

Марион потерял счет сбитым и сброшенным вниз врагам. Некогда было вытереть пот с лица, а тем более - передохнуть. Малейшее промедление - и хазары ворвутся на стену.

Вот рядом взлетел аркан, змеей обвился вокруг зубца стены. Тут же взметнулся еще один, туго натянулся. Глухо стукнулся о стену край осадной лестницы. Неподалеку, попятившись, упал воин-албан. В горле у него торчала белоперая стрела. Марион могучим усилием оторвал от стены железные крючья лестницы, сбросил ее вместе с врагами в ров. Прикрываясь бронзовым щитом, перерубил арканы - успел заметить, как, распахнув руки, спиной вниз молча падал хазарин. И тотчас невдалеке над стеной, там, где лежал воин со стрелой в горле, показалось обрамленное густыми черными волосами смуглое лицо с застывшим выражением испуга и злобного торжества. Марион прорубил непокрытую голову, и хазарин, не вскрикнув, сполз вниз. С коротким свистом в кольчугу Мариона впились стрела, закачалась, повиснув. Еще одна звякнула о бронзу щита. Огромный камень, выпущенный из хазарской катапульты, с силой ударился о верх зубца стены, раскрошил его и рухнул, подмяв одного из албан. Тот страшно закричал, бессильно заскреб руками, пытаясь подняться, изо рта его алой струйкой брызнула кровь. Отбросив щит, Марион подбежал к задавленному воину, поднял над головой упавший камень, равный весу крупного мужчины, и с бешеной яростью швырнул его на крышу башни тарана. Увидел: камень, пробив помост, исчез в дыре.

Не медля, Марион спрыгнул с высоты десяти локтей на помост башни, оттуда через дыру проник внутрь.

Десятка два хазар, раскачивающих бревно, ошеломленные появлением могучего албанца, растерявшись, не успели оказать сопротивления. Огромный таран замер. Повисли канаты. Обнаженные по пояс, смуглокожие и длинноволосые хазары с испуганными воплями заматались в дымной полутьме, спасаясь от молниеносно разящего меча. Не много уцелевших успело выбраться наружу.

Неподвижная грузная башня загородила ворота. Защитники приободрились. Несколько отчаянных албанцев поспешили на помощь Мариону. Раскачиваемое богатырем-легом бревно отбрасывало врагов, пытающихся овладеть тараном.

Хазары не смогли захватить город. Высланный из крепости отряд обошел лагерь хазар по глубокому, заросшему кизилом ущелью и ударил им в тыл. Турксанф ушел на север, в свою Берсилию.

После боя Марион обнаружил в углу башни среди трупов раненого молодого хазарина, который тихо стонал в беспомощности. Услышав стон, разгоряченный боем Марион подошел, склонился, разглядывая. С его меча еще капала, загустевшая, чужая кровь.

Хазарин, скорчившись, лежал на боку, зажав рукой разрубленное плечо. На юном, заострившемся от боли лице виднелась страдальческая гримаса. Он очнулся, глянул неподвижными блестящими глазами на склонившегося над ним Мариона, обреченно перевел взгляд на дыру в помосте, где виднелся кусочек голубого неба, и умоляюще что-то прошептал. Потом, когда Рогай выздоровел, Марион вспомнил его шепот и спросил:

- Ты когда меня увидел, о чем подумал, Рогай?

- Я не тебя увидел, а смерть свою, - серьезно ответил тот, - глаза

твои безумны были и лицо черно. И я попросил бога своего Тенгри - воина великого - взять меня поскорей к себе на небо.

Убить врага - нетрудно. Убить человека - что может быть мучительнее? Только что Марион в бешенстве и азарте боя рубил и рубил, испытывая почти удовольствие, когда меч в очередной раз погружался в тело врага. В горячке, поддавшись обострившемуся чувству ненависти, Марион не воспринимал хазар как людей, перед ним мелькали, возникали, исчезали злобные враги, которые, окажись он послабее, сейчас бы с хохотом глумились над его трупом. Но победив и остыв, он испытал отвращение при мысли, что нужно добить этого беспомощного юношу, с покорной обреченностью ждущего смерти.

Он пожалел его.

Марион вложил меч в ножны, осторожно поднял хазарина и на руках пронес в ворота. В доме Мариона рану хазарина осмотрел пожилой лекарь Иехуду, нашел ее не опасной, наложил повязку. И Марион, видя, каким благодарным взглядом посматривает на него пленник, впервые в жизни порадовался, что удар его меча оказался неудачным. Обычно меч Мариона рассекал человека надвое.

Рогай оказался послушным, тихим, трудолюбивым человеком, и жил он в доме лега несколько лет, как равный член семьи. Вместо турлучной хижины он построил Мариону каменный дом, нянчил детей, и те полюбили его, и он привязался к ним. Услужливость свойственна благодарному человеку, и только разум того, на кого она направлена, способен установить ей пределы. Марион никогда не злоупотреблял ею и скоро уже считал Рогая как бы членом семьи, хотя в городе задолжавшим уже обривали головы и они до выплаты долга поступали в распоряжение того, к кому обратились в трудную минуту, и хозяева заставляли их трудиться, как если бы те были рабы, единственно в чем не имея воли - в наказании работников. Но пленник - не должник, на пленника закон не распространяется, и владелец был вправе предать его смерти. И Мариону однажды пришлось выслушать назидательную речь разбогатевшего перекупщика Обадия - речь, удивившую его. Встретив Мариона на торговой площади, Обадий сказал:

- Достойные люди города смотрят на тебя с укоризной, славный Марион!

- В чем заключается обида достойных? - вежливо спросил лег.

- Ты развращаешь нравы людей. Должники не хотят работать, ссылаясь на тебя, говоря с возмущением: Марион не заставляет хазарина трудиться так, как заставляет трудиться албан албана, мы с раннего утра до позднего вечера пашем, строим, сеем, молотим за скудную чечевичную похлебку, наши глаза застилает кровавый пот, а в это время Рогай, наслаждаясь послеполуденным отдыхом, спит в тени дерева на свежей траве. Видно, алчность затмила стыд у наших хозяев! О небо! - плаксивым тонким голосом воззвал Обадий, подняв толстые руки и лицо к небу. - Так ленивцы платят за доброту нашу! Нас же обвиняют в алчности! Послушай, Марион, продай мне Рогая. Я дам за него, но только из уважения к тебе... наклонись, я шепну на ухо, дабы меня не обвинили в расточительстве... я дам тебе целый золотой динарий! Но при одном условии: вели Рогая за всеуслышанье объявить, что отныне душа и тело его принадлежит Обадию, который волен в животе и смерти раба Рогая!

- Но почему об этом он должен объявить во всеуслышанье?

- Разве ты не знаешь шестого закона третьего столбца? - удивленно воскликнул Обадий, указывая на врытые возле торговых рядов две медные плиты, в ширину и высоту достигающие шести локтей. - Пойдем, я напомним его! - И, подойдя к доске, на которой свод законов был выбит по-албански, ткнув жирным пальцем в третий столбец, громко произнес: "Если кто желает отдать себя по каким-либо причинам в полную власть другого человека и об этом объявит во всеуслышанье... тому не должно быть отказано в его желании"

- Нет, Обадий, я не продам Рогая, - сказал Марион.

- О небо, почему? - Удивился толстый перекупщик. - Разве тебе не хочется получить золотой динарий? Неслыханно! Ведь ты можешь увеличить свое имущество вдвое! Вдвое! Зачем тебе нужен раб, который только объедает тебя?

- Он не раб, он - свободный человек! Не в обычае леггов унижать достоинство человека продажей его тела.

- Но он не лег и даже не албан, он - хазарин, варвар, степняк, пахнущий кислой овчиной! Враг!

- Оказывается, законы персов можно хорошо усвоить только забыв обычаи своего рода! - горько усмехнулся Марион. - Но я еще с молоком матери впитал, что враг - это тот, кто желает тебе зла, а друг - кто делает тебе добро... - Марион замолчал, осекшись, поняв, что из произнесенного выходило: даже албан для албана, даже лег для лега могут теперь стать врагами, а он, Марион, хотел только сказать, что хазарин Рогай - друг ему. Как же так получилось? Марион был ошеломлен и с трудом слушал то, что ему говорил Обадий.

- Послушай, Марион, - нравоучительно выговаривал тот, - ты окажешь плохую услугу своим детям, если выучишь их тому, что заповедали нам отцы наши... Разве род дает тебе прокорм твой, разве по обычаям сейчас судят о делах наших? Но, может, ты хочешь вернуть прошлое, когда род наш был един и сплочен? Тогда убери из Дербента все мастерские... гончарные, кузнечные, оружейные, стеклодувные, ковроткацкие... Запрети появляться в городе торговым караванам, а купцам не разрешай продавать в торговых рядах ткани, обувь, украшения, оружие, пряности, хозяйственный инвентарь, лакомства... Сможешь ты на это решиться? О, я знаю твое мужество, силу и решимость! Но ты и пальцем не шевельнешь против всего этого, а почему? А потому, что в мастерских, товарах - во всем, что производится, заключено великое благо! А тот, кто выступает против полезных деяний, тот - враг людям! Но, может, ты против золотых и серебряных монет, что идут в обмен на товар? Я вижу, что ты - против! Но тогда ты против и самого обмена! Тебе нужно закрыть глаза, чтобы не видеть, что товары производятся только ради обмена! И если ты, Марион, заповедаешь детям то, что нам заповедали отцы наши, ты заставишь их прозябать в нищете. Забудь об обычаях, твори жизнь по законам, и справедливость тогда предстанет в глазах твоих в совсем ином обличье!..

- Обадий, ты во многом прав, но разве справедливость подобна кафтану: не нравится один, снял его и надел то, что больше подходит?

- Справедливо то, что вершится в судьбах наших и деяниях по божественным проявлениям, против чего ни один смертный не может бороться,

и чему, следовательно, не должен противиться! Справедливо то, что неизбежно! А если ни один смертный не мог остановить потока деяний, приведших к очевидному, то, следовательно, было божественным промыслом и то, что многие теперь называют злом. Значит, зло неизбежно, следовательно, зло - справедливо!

- Зло справедливо? - потрясенно переспросил лег. - Или я чего-то не понял?

- Ты не понял, Марион, самой сути происходящего. Я в молодости слышал, что древние философы сначала устанавливали предмет спора... то есть выясняли, что они понимают под предметом спора. Давай и мы выясним... Например, зло ты, конечно, назовешь такую неблагоприятную страсть у людей, как корыстолюбие? Я даже вижу по твоим глазам, что в этом пороке ты охотно обвинил бы и меня! Ха-ха! А знаешь ли ты, достославный Марион, что именно корыстолюбие привело к появлению в Дербенте неслыханного изобилия товаров? В противном случае, что было бы здесь делать купцам? Ты молчишь, Марион, ты ищешь и не находишь возражения? Слеп же ты, Марион, коль полагаешь, что те, кто стремится извлечь выгоду из своих деяний, поступают вопреки своей

совести! Знай, если переполнившийся поток разорвал привычное русло и устремился на возделанные поля, то причиной тому дождь, выпавший с неба! Все мы знаем, что и наши деяния направляются небом!

Марион тогда, после слов Обадия, почувствовал, что разум его несколько помутился, а душой овладели сомнения и нерешительность, ибо вдруг обнаружилось, что любое очевидное таит в себе неслыханную глубину, или, по крайней мере, имеет оборотную сторону: зло не несет в себе бесконечное зло, а добро не всегда приводит к добру. Например, учить детей следовать в жизни обычаям рода - значило в действительности желать им зла, а столь желанная людьми доброта, благодаря которой в душе хазарина расцвела любовь к семье Мариона, привела к тому, что Рогай стал первым в городе человеком с клеймом раба.

С наступлением весеннего тепла город посетила страшная беда: заболело много людей. Болезнь подкрадывалась внезапно. Человек вдруг испытывал отвращение к пище, метался в беспричинном томлении, у него возникала нестерпимая жажда, он пил и не мог напиться, так быстро пересыхало все внутри. Если болезнь захватывала человека утром, к вечеру заболевший неизменно худел, слабел, у него шла горлом кровь - и он умирал, после смерти чернел, словно обугливался. Одним из первых умер от странной скоротечной болезни старик-лекарь Иехуду. Но перед смертью он успел сказать своему сыну, какое снадобье нужно приготовить, чтобы спасти людей. Иехуду был бескорыстным лекарем, а сын его за короткое время сделался богачом.

Беда не прошла мимо семьи Мариона, имевшего пятерых детей. Дети заболели в одно утро. Марион в это время находился в карауле. Когда перепуганный бледный Рогай прибежал к нему со страшным известием и сообщил, что сын Иехуды требует за лечение золотой динарий, Марион окаменел от горя. Все, что он имел, едва оценивалось и в половину золотого динария. Да и кто сейчас будет покупать его жалкое имущество? И тогда Рогай сказал, что он раздобудет лекарство. Хазарин убежал, а Марион заторопился домой. Когда он шел мимо распахнутых дверей стеклодувной мастерской, оттуда вышел высокий тощий человек в длинной рубахе, поприветствовав Мариона, сказал:

- Я уже слышал, родич, о твоём горе... подожди, - закашлялся, согнувшись и шаря рукой у себя за пазухой, откашлявшись, выплюнул мокроту, грустно заметил: - Видишь, родич, какой дорогой ценой приходится платить за кусок хлеба. А когда-то, помнишь, я мог поднять три мешка зерна... - Стеклодув, видимо, не мог долго говорить, внутри у него сипело, он опять закашлялся, вынул из-за пазухи браслет из голубовато-молочного стекла с искусно закрученными краями и сказал, покосившись на чернеющий проем двери:

- Возьми, Марион... Это все, чем я могу тебе помочь...

- Нет, Шакрух, нет... я не возьму такой дорогой подарок...

- Я сделал браслет для тебя... хозяин о нем не знает, клянусь, я разобью его, если ты не возьмешь!

Когда Марион с браслетом в руке широко зашагал к дому, он уже не видел, как из дверей мастерской навстречу Шакруху выскочил хозяин мастерской и, тихо прошепав: "О, сын шакала и гиены! Ты подарил принадлежавший мне браслет!", - размахнувшись, стегнул хвостатой плеткой работника по костлявым плечам, а потом, дождавшись, когда Марион скрылся в проулке, пнул ногой, обутой в тяжелый сапог, стеклодува в пах.

Сын Иехуды, брезгливо откинув предложенный Марионом браслет, сказал, что ему не нужно имущество Мариона, а нужен только золотой динарий.

К полудню из верхнего города прибежал, задыхаясь, Рогай. Он принес динарий. Удалось спасти только двух детей: дочь Витилию и младшего сына Геро - любимца Рогая.

А спустя некоторое время, после того как болезнь из города исчезла, перекупщик Обадий вывел на торговую площадь хазарина Рогая, уже обритого и

с клеймом на лбу, и тот во всеуслышанье объявил собравшимся людям:

- Отныне душа моя и тело принадлежат Обадию, который волен в животе и смерти раба своего Рогая!

Довольно улыбающийся Обадий поднял плетку с зашитыми в концы тонких кожаных ремней хвоста кусочками железа и, удостоверив сказанное хазарином, ударил его по плечу, нарочно по раненому. Рогай дернулся, сморщившись от боли, схватился рукой за багровый рубец, проступивший на смуглой коже. Мальчишеский вскрик прорезал тяжелую тишину. Закричал Геро, сын Мариона. Рогай вскинул опущенную голову, улыбаясь, сказал, успокаивая мальчика:

- Геро, прожитые в вашей семье дни - лучшие в моей жизни! Что эта боль по сравнению с радостью, что вы с Вителией живы и здоровы!

Обадий пронзительно-громким голосом выкрикнул:

- Единственно по доброте своей, желая спасти детей Мариона, купил я пленника Рогая! Не отплати мне, славный Марион, черной неблагодарностью, я вижу: лицо твое сумрачно! А ты, раб, впредь помни пятый закон второго столбца: "Раб, единожды послушавшийся хозяина, наказывается ударами плети, дважды послушавшийся - лишается уха. Раб, вступивший с хозяином в спор, лишается языка. Раб, ударивший хозяина, подлежит смерти посредством четвертования".

Довольно поглаживали свои бороды важные, стоявшие впереди толпы, владельцы гончарных, кузнечных, башмачных, стеклодувных, оружейных, ковроткацких мастерских. Наконец-то свершилось столь долго ожидаемое ими! Неслыханных богатств можно добиться, имея рабов-людей, низведенных в послушании и усердии до уровня разумных животных. Но привозной раб стоил дорого. Мудр был тот, кто придумал шестой закон третьего столбца! Ибо насильственное принуждение не просто отвратительно в глазах людей, но и чревато гневом. Человек же, во всеуслышанье выразивший желание стать рабом, - вдвойне раб!

На другой же день раис Махадий вывел на торговую площадь должника-лега, не сумевшего к сроку вернуть долг, и тот хмуро, но громко объявил, что душа и тело его отныне принадлежат Махадию. Таким образом, вторым в Дербенте рабом, но не последним, стал лег.

И в первый, и во второй день Мариону мерещилось, что со всех сторон на него направлены осуждающие взгляды, и он уходил с площади с поникшей головой. Воин не подозревал, что у истинно благородных людей врагов открытых гораздо больше, нежели тайных, потому что благородство, заключенное в душевной доброте, никогда не вызывало страха, опасений у людей, низких по натуре.

Стражник-гаргар, выкрикнувший обвинение богатырю Мариону, знал, что только слепая, не подвластная рассудку ярость заставит Мариона обнажить меч на албана, знал и о чувстве вины, таящимся а душе Мариона. И только потому был так смел.

7. КРЕПОСТЬ

Когда-то много лет назад вокруг холма, на котором высилась сейчас крепость, шумел лес, а по ущелью огибая холм с севера, текла к морю река. В лесу бродили дикие звери, вили птицы гнезда, а море было гораздо дальше от гор, чем теперь. Вдоволь воды, еды, топлива, безопасность - что еще желать человеку? И на вершине холма поселились люди. Это становище было небольшим и в памяти потомков осталось безымянным. Люди жили в каменных хижинах или в плетеных мазанках, ловили рыбу, охотились, пасли на густотравных полянах скот. Селение разрасталось, часть людей спустилась жить к подножию холма, а по мере того как вырубался лес, все ушли сюда. Название этого селения сохранилось - Чора. Потом в горах случилось большое

землетрясение. Горы сдвигались с мест, небо заволочило пылью, и выпал каменный дождь. Большую часть источников, питающих реку, завалило, и река стала пересыхать, а вскоре поредел лес. Уходить с насиженного места албаны не захотели, да и племена уже жили тесно. Провели люди в селение от сохранившихся родников в горах глиняные водоводы, упрятали их в скалы под землю. Это было еще до того, как на Персию напал Александр Двурогий, и албаны посылали отряд воевать на стороне Дария. Много воинов ушло тогда и из Чора. Вернувшиеся рассказывали, что времена тревожные, Персия покорена Двурогим, везде бродят отряды, нападая на селения. И появилась на вершине холма каменная башня, куда можно было укрыться в случае опасности. Море стало подниматься, подступать к горам, лес исчез окончательно. И кочевники, пасущие свои стада на равнинах Берсилии и дальше на север, обнаружили, что долина возле Чора - удобный путь в богатые и плодородные земли Закавказья. Албания к тому времени была сильным государством, и чтобы обезопасить страну от набегов кочевников, на холме была построена крепость с толстыми глинобитными стенами.

Давно уже вместо глинобитных высятся могучие каменные стены, достигающие сорока локтей в высоту. Через каждые пятьдесят локтей выступают полукруглые или квадратные башни, сложенные из огромных тесаных камней. Вдоль западного и северного склонов холма тянется глубокое ущелье - бывшее русло реки, и склоны здесь так обрывисты, что превосходно дополняют мощь стен. А в последнее столетие именно с севера чаще всего грозила опасность, недаром северные городские ворота люди прозвали "Воротами войны". С полуденной стороны нападений не было уже много лет, но и отсюда холм прикрыт гребнем Южной горы, и на их склонах нельзя установить ни таран, ни метательные баллисты. С востока, со стороны моря, крепость прикрывается городом с его мощным оборонительным поясом, и это направление считается самым безопасным. Поэтому здесь к стене пристроен дворец филаншаха. Под дворцом идет сводчатый тоннель, где имеются ворота. Еще одни ворота располагаются в западной части и выводят в ущелье.

Неподалеку от дворца филаншаха - казармы, где живет постоянный персидский гарнизон. Здесь же склады и конюшни.

На самой вершине холма в скале вырублено огромное крестообразное водохранилище, где запас постоянно пополняется родниковой водой, текущей с гор теперь уже по каменным водоводам. Немногие в крепости знают, из каких потаенных источников в пещерах поступает вода и где скрыты водоводы. А те, кто знает, умеют держать язык за зубами. Такое же водохранилище, только поменьше и со сводчатым куполом, находится возле дворца.

И лучшим доказательством того, что ни чужеземный гарнизон, ни неприступность стен, ни обилие воды и съестных припасов все-таки не могут сохранить незыблемым порядок сущего, является устроенная возле северной стены подземная тюрьма - зиндан. А то, что эта подземная тюрьма никогда не пустовала, и в крепости подумывали: не вырыть ли еще одну с таким же узким горлышком - входным отверстием, - свидетельствовало о том, что главную опасность таят в себе все-таки не степь, а души людей. Вот об этой-то опасности и шел разговор во дворце филаншаха вечером того дня, когда пришел караван. В этот вечер Шахрабаз собрал во дворце знатных горожан.

8. ВЕЧЕРОМ ВО ДВОРЦЕ

Персы, опытные в управлении обширным государством, обязывали правителей города не менее двух раз в году вершить открытый "суд справедливости", дабы пресекались слишком несправедливые деяния власть имущих, дабы народ знал, что закон справедлив и равно заботится обо всех.

Но совершенство законов никогда не означало совершенства исполнения их. Безошибочное соблюдение их требует неподкупности, большого ума,

воздержания от личных страстей, мужества. Люди слабы и подвержены страстям. История свидетельствует, что могущественные, процветающие государства гибли не под ударами внешних врагов, а от своеволия властителей и чиновников, влекущего за собой накопление несправедливого в судьбах граждан, порождающего пороки нравов, имущественное расслоение; от неудовлетворенности и обид возникали смуты, и государство слабело, теряя защитников.

Ничто человеческое не было чуждо и Шахрабазу. Единственное, чего он не мог себе позволить, будучи человеком предусмотрительным, - чтобы его слабости превратились в пороки, ибо пороки способны вызвать отвращение у ближних. Шахрабаз любил роскошь. Но эта страсть, даже будучи пороком, вызывает у людей не отвращение, а зависть. Шахрабаз любил власть и упивался ею, и не было для него ничего слаще, чем власть неограниченная, тем более что бездетный филаншах задумывался о будущем, ибо эта весна для него была уже шестидесятая, а старость лишает человека удовольствий и делает его беззащитным. Но узнай шахиншах Ездигерт Третий о стремлении к неограниченной власти правителя Дербента, завтра же голова Шахрабаза закачается не шесте вместо белого флага. Шахрабаз любил молоденьких девушек, но не рабынь, обесцвеченных покорностью, а юных и свежих из свободных, могущих возбудить слабеющую чувственность застенчивым сопротивлением. Но и это желание филаншаха встречало глухую враждебность жителей нижнего города. Существует старая, как сама история человечества, истина: правитель, наделенный слабостями, вольно или невольно покровительствует ближним, имеющим сходные слабости.

Противоборство между необходимостью и желаниями привело к необычайной изощренности ума правителя Дербента.

Вечером, в день прихода каравана, приемный зал дворца филаншаха был ярко освещен. Бездымно горели широкие льняные фитили бронзовых светильников, прикрытые сверху прозрачными стеклянными колпаками - новинка, привезенная из Византии, вызывающая завистливые взгляды собравшихся знатных горожан. В непривычно ярком свете блестела позолота лепных карнизов, по черному мрамору колонн вились серебряные виноградные лозы. Хрустально искрились бьющая из небольших бронзовых фонтанчиков вдоль стен вода, с шумом падала в тяжелые мраморные чаши. Пол был устлан разноцветными коврами. Возле противоположной от дверей стены виднелось небольшое, в три ступеньки, возвышение, где стояло кресло правителя Дербента. Возвышение охраняли два неподвижных великана с обнаженными мечами - воины личной охраны филаншаха.

Он появился в дверях в сопровождении дворецкого - желтоглазого араба Мансура - и лекаря, сына Иехуды, теперь неотлучно находящегося при особе правителя. Однажды он сказал лекарю: "Помни: если я умру, тебя казнят".

Филаншах, не глядя на почтительно расступающихся горожан, горделиво пересек зал, легко взошел по ступенькам, опустился в кресло. Удалось это ему ценой значительных усилий, и Шахрабаз, помрачнев, невольно и гневно оглянулся.

Лекарь тотчас неслышно выступил из-за кресла и, подав ему желтую подслащенную пилюлю, склонившись, с шутивным упреком прошептал:

- О, могучий, сегодня вы побывали у двух наложниц? Подобный труд едва ли под силу двадцатилетнему юноше. Вашему богатырскому здоровью можно только позавидовать!

Хитрец-лекарь прекрасно знал, что ничто так не полезно здоровью, как хорошее расположение духа. Капли лести достаточно, чтобы приободриться простому смертному, а от подобной чаши повеселеет и умнейший. И филаншах уже с улыбкой оглядел толпящихся в зале людей.

К старости накапливается мудрость. Даже неограниченная власть должна на что-то опираться. Что был бы филаншах без преданных исполнительных

шихванов, что были бы они без него? Не на жалованье филаншаха содержался дворец, наложницы, слуги, рабы, приобретались украшения, а на подарки и откупные тех, кого он назначал на должности. Разумеется, он мог бы назначить и других, и каждый был бы ему благодарен, а следовательно, и предан, но отбирал он из многих - сметливых, а из числа последних - завистливых, ибо сметливость без зависти - добродетель мученика, а не должностного лица. Вот возле колонны шепчутся седобородый перс Махадий, взявший подряд на строительство поперечной стены, и могучий дарг Бусснар, по прозвищу "Рыжекудрый" - начальник охраны южных ворот. Это они предложили разделить Дербент на два оборонительных пояса - верхний город и нижний. Хазары не могут захватить крепость прежде, чем падет верхний город, а поперечная стена не позволит штурмовать верхний город, пока обороняется нижний. И теперь, чтобы овладеть Дербентом, Турксанфу надо предпринять три штурма один за другим! Говоря о пользе постройки стены, Махадий и Бусснар умолчали о том, что тяжелее всех в случае войны придется жителям нижних магалов. По тем же предлогом - наилучшей обороны - Бусснар предложил северные ворота оставить в нижнем городе, а южные защитить поперечной стеной. И опять, словно о безделице, он не упомянул о том, что поля и пастбища горожан находятся с южной стороны и, чтобы жителю нижнего магала попасть на свое поле, ему придется пройти через двое ворот, которые будут в руках знатных. Не надо было быть пророком, чтобы предвидеть, что рано или поздно бедняки будут вынуждены кормиться с земли за "воротами войны", а уголья с южной стороны станут собственностью богатых. Но пусть кто-либо из черни попытается обвинить знатных в злоупотреблении, не боясь, что его самого обвинят в измене! Да и найдется ли среди черни ясновидец, способный догадаться о том, что еще не случилось и даже не выражено в явном желании. А ведь ум у Буссанара неповоротлив и не изощрен в придумывании хитростей, но когда отважным Буссанаром овладела страсть к наживе, он проявил такую смекалку, что самые умные из числа знатных побледили от досады. Но удивительно не это, а то, что в душе дарга уживается одновременно забота о защите города и алчность, одно не в ущерб другому. Алчность его от зависти к более удачливым знатым горожанам, способным давать богатые откупные. Если бы не был завистлив рыжекудрый Бусснар, разве стал бы он брать пятьдесят серебряных дирхем с каждого проходящего каравана сверх установленной пошлины - на "ремонт ворот", как объясняет он купцам. Тридцать дирхем с "ремонта ворот" - филаншаху. Накопленной мудрости Шахрабазу хватило, чтобы понять - вселенная держится не на святости, ибо в основе радостей и наслаждений всегда лежит грех, равно как и нарушение закона. Вот пухлый плаксивый Обадий, принаряженный в малиновый византийский кафтан, голубые персидские шаровары, перетянутый по огромному животу шелковым кушаком, с детским удивлением вертит круглой головой, разглядывая убранство зала - о хитрец из хитрецов! Делает вид, что поражен, изумлен, а между тем половина роскошных ковров на полу - его подарок. Да, собравшиеся знатные горожане тщеславны, сластолюбивы, полны вожделиний, алкают власти, хотят упрочить свое положение, чтобы передать накопленное сыновьями-наследниками. Но тем лучше, ибо их благополучие зависит от Шахрабаза. А размышления правителя Дербента над законами навели его на удивительную мысль: государства слабеют и гибнут потому, что законы излишне справедливы! В них нет лазейки для выхода человеческим страстям. Шахрабаз - потомок албанского царя Урнайра - в свое время обучался у лучших мудрецов и прекрасно знал законы многих, могущественных в прошлом государств и историю гибели последних. Что стало с могучим древним Египтом, куда исчезла обширнейшая из обширнейших Персия Дария? Глупец тот, кто думает, что фаланги Александра Двурогого смели его когда-то прекрасно обустроенную державу. Алчность сатрапов погубила ее куда раньше, чем войска македонцев. Придя к такому заключению, Шахрабаз не препятствовал порокам знатных. Гордость потомка Урнайра была уязвлена тем, что он - всего лишь правитель Дербента, но даже и это положение Шахрабаза

сомнительно, потому что шах Ездигерт Третий все еще медлит с присвоением ему титула "Мазрапана", означавшего "Приравненный к нашему царскому роду".

- Мы собрали вас, о славные, чтобы до "Суда справедливости" поговорить о делах насущных, - неожиданно звонко произнес Шахрабаз, ощущая прилив бодрости от таблетки Иехуды. Потом продолжил высоким и сильным голосом: - В совместных усилиях на благо и процветание Дербента, который по праву можно назвать величайшим, пусть иссякнет желчь забот ваших и тревог! Слава и слава светоносному Агуро-Мазде! - старательно выговорил он имя бога персов, как его называли сами персы, хотя албаны произносили Ахурамазда, и вскользь заметил, как переглянулись стоявшие особняком возле стены начальник гарнизона крепости - надменный грузный перс Гаврат и главный сборщик налогов перс Сардер. - Спешу уведомить вас, что в городе достаточный запас еды до нового урожая, сохраняется порядок и законность, благодаря бдению шихванов и неусыпным хлопотам стражей порядка; среди жителей наблюдается спокойствие и почтительность к властям. Да святится имя нашего повелителя, божественного миротворца, наисправедливейшего сокрушителя врагов Албании, мужественнейшего Ездигерта Третьего, милостиво изволившего изречь жителям Дербента: "Спокойствие, трудолюбие, мудрость - вот три источника, что, в едином потоке слившись, дают жителям Дербента неслыханное процветание, а Мы, Ездигерт Третий, даем вам Мир!.." - Это был привычный ритуал славословия, и Шахрабаз произносил его четко, торжественно, опыту зная, что все сказанное запомнится, ибо люди легковнушаемы и достаточно впечатлительны, а умных врагов среди присутствующих не было. Об этом Шахрабаз за годы правления успел позаботиться. Недаром только в Дербенте он содержал четырех преданных осведомителей.

- ...Благодаря заботам повелителя нашего двенадцать лет уже на нашей земле царит мир! Мы спешим уведомить вас, о преисполненные добродетели, что, дабы еще более упрочить мир на нашей земле, дабы не было насильственности и принуждений, всякий да пусть отправляет обряды своей веры и молится своим богам в местах, для этой цели предназначенных. Так объявил светоч мудрости шах Ездигерт Третий! Пусть община иудеев откроет в Дербенте свой молитвенный дом - синагогу, а христиане вновь отстроят церковь, мы также не препятствуем албанам, кои отправляют свои обряды в святилищах и считают святыней домашний очаг, но и не мешаем никому перейти по своему желанию в иную веру, а кто пожелал посещать храм светоносного Агуро-Мазды, приносить жертвы священному огню и помогать атраванам [атраван - служитель Ахурамазды] совершать молитвенный обряд, тому выражаем свое благоволение и восхищение! Забудьте о вражде, живите с миром! Так повелел передать жителям Дербента величайший факел праведности Ездигерт Третий!

Подобно тому, как всякий, если пожелает, может увидеть в прозрачных струях ручья дно, так и в струях слов для страждущего обнажен смысл. И первым успел Обадий. Протолкавшись вперед и выставив из толпы свой круглый живот, перетянутый широким кушаком, он воскликнул:

- Дарю храму светоносного Ахурамазды, да останется он - единственным в сердцах потомков наших, пять... нет, десять самых жирных, молоденьких овечек! И в помыслах своих и в деяниях я давно уже руководствуюсь заповедями пророка Заратуштры! А теперь, и пусть свидетелями будут и ты, мужественный Гаврат, и ты, благочинный Сардер, из памяти восхищенного сердца своего извлекаю я двенадцатый гимн Ясны, священной книги Авест [священная книга Авест - изложение поучений пророка Заратуштры]: "Я проклинаю дэвов [дэв - злой дух], как почитатель Мазды, как последователь Заратуштры, принес я обет быть врагом дэвов, исполнять учения... превозносить молитвы... Богатому сокровищами, благому Ахурамазде обещаю я все доброе и все лучшее, ему, праведному, великолепному, величавому..." - И так уж был устроен этот человек, что даже в столь торжественный момент в голосе его проскользнули плаксиво-жалобные нотки.

- А я дарю храму двадцать баранов! - резко и грубо перебил Обадия нетерпеливо переминавшийся возле колонны Уррумчи, первый шихван, сын шихвана, явно раздосадованный. Щека его нервно подергивалась, глаза были налиты кровью.

- Я пятнадцать...

- Десять и серебряный браслет!..

- Полный тюк отличной аркацильской шерсти!

- Два лучших ковра из Ширвана!.. - послышались голоса из толпы знатных, затеснившихся к возвышению, где стояло кресло. Многие, выкрикивая, оборачивались к Гаврату и Сардеру, и те благосклонно кивали, поглаживая унизанными перстнями пальцами крашенные хной бороды.

Шахрабаз медленно обводил глазами толпящихся горожан, что-то беспокоило его, и только столкнувшись с тяжелым немигающим взглядом человека, в отдалении от толпы прислонившегося широким плечом к мраморной колонне, понял: вот прекрасный случай. Начальник охраны северных ворот молчал и кривил губы в пренебрежительной усмешке, всем своим видом показывая презрение к происходящему, плеть в его тяжелой, с набухшими жилами руке подрагивала, а взгляд черных блестящих глаз, направленных на филаншаха, был смел и жесток. Начальник охраны северных ворот молод, силен, храбр (о, небо, Шахрабазу бы его годы!) и не подобострастен, ибо ничем не обязан правителю Дербента, на эту должность назначил его сам ширваншах провинции. Немного времени назад соглядатай-осведомитель донес: Масандил, начальник охраны северных ворот, заявил в разговоре с сородичами-даргами: "Леги и дарги должны быть хозяевами в городе. Всех пришельцев, в том числе и Шахрабаза, надо выгнать. Наплевать, что Шахрабаз - потомок Урнайра. Мы - свободные люди - никогда не признавали царей!" Ширваншаху нужно иметь в городе своего человека. Ширваншах тоже надеется получить титул "Мазрапана". Кто его получит, тот и будет править и Ширваном, и Дербентом. Ах, если бы мазрапаном стал Шахрабаз! Тогда можно было бы подумать и о восстановлении царского трона Урнайров. Спешить надо, спешить. А этот щенок Масандил напоминает орла, готовящегося взлететь с утеса. Глупец, он и не подозревает, как легко сейчас с ним разделается мудрый Шахрабаз.

- Масандил! - звонко выкрикнул он. - Масандил! Что же ты не выражаешь радости! Или ты огорчен милостью богоравного владыки нашего? - Обратив внимание персов и знатных на начальника охраны северных ворот, он умолк, внутренне смеясь.

Выкрики смолкли, и в наступившей тишине многие обернулись к даргу. До этого он стоял у всех за спиной, а теперь очутился как бы в центре. Да, Масандил смел и горд, и гордость не позволила ему погасить презрительную усмешку. И теперь ему надо отвечать за нее. Было время, филаншах расставлял ловушки и похитрее. Эта же была груба, но зато Шахрабаз не сомневался: открыто, у всех на глазах вспылчивый Масандил не будет кривить душой. Так и случилось.

Набывшись, широко расставив сильные ноги в желтых сапогах, дарг что-то гневно прорычал, хлестнул плетью по сапогам. Во дворец правителя знатный перс может войти вооруженным, албаны же, в том числе и воинские начальники - только безоружными. Было время - и во дворце пускались в ход мечи.

- Мы не слышим ответа! - подстрекнул дарга Шахрабаз.

- Я говорю: подобострастие унижительно для свободных людей! - взревел в бешенстве Масандил.

- Почитание светоносного Агуро-Мазды - подобострастие? Любовь к избранному богами владыке нашему - подобострастие? - громко спросил Шахрабаз, заметив, как впилась глазами в Масандила персы. - Или мы неверно слышим?

- Ты все правильно слышишь, Шахрабаз Урнайр! Но, клянусь, мне наплевать на то, какую выгоду ты извлекаешь из моих слов!

- Ты безумен, Масандил, опомнись!

- Это вы все безуменны, вы, готовые лизать персам задницы! - сам себя захлопнул в ловушке дарг.

Шахрабаз, изобразив на сухом пергаментном лице кроткое изумление, довольный откинулся в кресле. Открытая враждебность к персам была проявлена настолько бурно, что Масандила даже не потребуется судить. Персы теперь расправятся с ним сами, и незамедлительно. В подобных случаях промедление смерти подобно.

Масандил, обедев всех презрительным взглядом, повернулся и, тяжело ступая, направился к выходу, опять ворча на ходу что-то гневное. За ним, не спеша, важно зашагал Гаврат, не сводя с толстой шеи дарга зло прищуренного взгляда. Оба скрылись в коридоре. Не прошло и десятой доли "от нагара до нагара" льняного фитиля светильника, как за темным окном, возле водохранилища, послышались крики персов. "О, Ангра-Манью! [бог тьмы] Будь ты проклят! Умри, пес!" - раздался глухой шум борьбы, кто-то простонал, и все затихло.

Неслышно шмыгнув из дверей бритый раб-тюрок, смуглый, в грязной набедренной повязке, потупив глаза, стараясь быть как можно незаметнее, проскользнул вдоль светильников, приподнимая колпаки, щипчиками убирая нагар с фитилей. Вслед за ним появился Гаврат, прошагал к своему месту.

И в наступившей неловкой, напряженной тишине Уррумчи громко произнес:

- Я дарю храму Ахурамазды единственного еще двадцать баранов! И повторяю мысленно двенадцатый гимн Ясны священной книги Авест! - Последнее означало, что шихван, сын шихвана, отказываясь от прежних верований, впредь признает богом Верховным и Единственным Агуро-Мазду. И тотчас последовала ответная признательность, ибо любое деяние, даже самое бескорыстное, требует вознаграждения.

- Уррумчи! Мы назначаем тебя начальником охраны северных ворот! - торжественно провозгласил филаншах.

- Чашм! Да будет так! - кивнули персы. - Во имя Агуро-Мазды!

Шахрабаз видел, как огорченно заскреб подбородок Обадий, хотя из перекупщика воин, как из евнуха муж, но упущенного, пусть даже и ненужного, всегда жаль; видел завистливые взгляды, обращенные к Уррумчи, и довольно улыбался: присутствующие лишний раз убедились, что его воля для них - и милость, и наказание. Не закон, а именно его воля. Что стало с Масандилом, поступающим по закону, - умные поймут. Он не брал взяток, только предусмотренные пошлины, не угодничал, не делился с филаншахом, был честен, неподкупен - персы, призванные следить за соблюдением законов в Дербенте, сами же убили его. Пусть все знают, что желание и воля Шахрабаза превыше всего.

- От имени высочайшего повелителя нашего мы объявляем вам свою признательность за дары храму Агуро-Мазды единственного, - обратился вновь к знатным Шахрабаз, - признательны мы вам также и за справедливое возмущение, вызванное предательством клятвоотступника Масандила! Негодяй замыслил недоброе и наказан богом!

- Господин! Пусть небо заодно накажет и воинов охраны северных ворот Мариона, Золтана, Бурджана, особенно Мариона! - воскликнул Уррумчи.

- Что такое? - недоуменно поднял брови филаншах.

- Золтан и Бурджан заявляли во всеуслышанье, что земли за южными воротами - родовые земли легов и даргов, что пришлые из племени гелов, дидуров, гаргаров обязаны или выкупить их, или распахать себе поля за северными воротами. Они же говорят, что налоги непомерно тяжелы. К тому же Марион не дал мне сегодня выполнить свой долг - взять недоимку с нерадивого каменщика...

В толпе знатных послышались голоса:

- Да, да, Уррумчи прав! Эти люди обвиняют нас в алчности...

- Подстрекают рабов не слушаться хозяев!

- Они хотят уйти в горы и увести с собой рабов...

- А самый дерзкий среди них Марион!..
- Да, да, он больше всех заслуживает наказания!..

- Многие в нижнем городе недовольны, говорят, что они стали бедны из-за несправедливостей шихванов и раисов, что мы забрали себе слишком много власти, а они стали неправы! - выкрикнул Обадий жалобным голосом.
- Нельзя допустить, о светоч мудрости, чтобы бедняки возмущались! Когда они возмущаются, то не хотят работать, и мы, знатные, терпим большие убытки!..

Шахрабаз слушал, неприятно пораженный. О черни он думал меньше всего. Во дворце были рабы и слуги, но ими распоряжался дворецкий, араб Мансур, который молчаливо стоял за спиной филаншаха. Правда, несколько слуг он отличал от остальных, потому что они иногда выполняли его личные тайные поручения. Шахрабазу случалось проезжать по нижнему городу и видеть жизнь черни. Чернь копошилась в закопченных кузнях, грязных гончарнях, жарких, задымленных стеклодувнях, крохотных двориках хижин, изготавливала, строила, пахала, сеяла с раннего утра и до позднего вечера, чем-то кормилась, не испытывая радостей, не наслаждаясь жизнью, но даже если смысл ее жизни сводился единственно к тому, чтобы трудиться и плодиться, то чернь должна быть признательна правителю и знатным, ибо город обязан процветанием единственно их неусыпным заботам. Но оказывается, чернь способна возмущаться! Платить неблагодарностью за заботу! Куда смотрят стражи порядка?

- Начальник стражей порядка сейчас в нижнем городе... - понимающе склонился к Шахрабазу дворецкий. - Послать за ним, о великий?

- Да, да! Пусть немедленно схватит Мариона, Золтана, Бурджана. До суда Справедливости - в зиндан!

Мансур махнул рукой стоявшему невдалеке от возвышения малозаметному человеку в грубом кафтане и войлочном колпаке простолюдина, и тот, робко пробравшись меж нарядно одетых знатных, приблизившись, склонился в глубоком поклоне.

И в это время Бусснар, отличающийся грубым неповоротливым умом, прогремел на весь приемный зал:

- Единственно тревога о благополучии в городе заставляет меня сказать: о филаншах, не соверши необдуманного! Эти трое лучшие воины города. Народ поднимет восстание, если они будут схвачены!

Шахрабаз замер в кресле. Самые изощренные доводы были бы куда более убедительны, чем этот тяжеловесный, как сам Бусснар, довод. Восстание - что это такое, Шахрабаз знал. В нижнем городе три тысячи восемьсот девяносто шесть домов, выплачивающих налог "с дыма очага", бесчисленные узкие улочки, переулки, черные дыры гончарен, кузниц, множество других мастерских, откуда однажды послышится гул яростных голосов, замелькают огни факелов, свирепые лица черни... В молодости Шахрабаз, будучи командующим конницей провинции, подавлял восстание албан против персов. Прада, восстание тогда возглавляли знатные, многие из которых не без помощи Шахрабаза впоследствии лишились безрассудных голов.

- Кто из троих самый опасный? - спросил, ни на кого не глядя, Шахрабаз.

- Марион! - воскликнул Уррумчи.

- Марион! - подтвердил Обадий, приглаживая бороду.

- Мира вам, благодетельные, идите спокойно по домам. Небо удовлетворит ваши чаяния, - устало произнес филаншах. Он уже кое-что слышал о Марионе. Воин, пользующийся любовью черни, опасен для правителя, а если он еще и благороден, храбр, умен - опасен многократно. Неповоротливый Бусснар опять проявил смекалку. Невозможно открыто, не вызвав гнева черни, уничтожить Мариона. Ну что ж, надо обдумать, какую ловушку приготовить ему. Во всяком случае, Мариону более не быть героем.

Негромкий голос дворецкого Мансура прервал размышления Филаншаха.

- Мой господин, осведомитель ждет, чтобы сообщить нечто чрезвычайно

важное...

Последним покинул зал лекарь Иехуду, пятясь и кланяясь. Остались Шахрабаз, Мансур, два неподвижных, напоминающих статуи, телохранителя и осведомитель в одежде простолюдина, но это было то же самое, как если бы филансах беседовал с осведомителем с глазу на глаз. И тем не менее юркий человек, блестя из-под низко надвинутого колпака смышленными всевидящими глазками, привычным шепотом, как бы говоря на ухо, произнес:

- О всемилостливейший! Бессчетно и бессчетно припадает слуга к стопам вашим! Доношу: сегодня раб хазарин Рогай уронил со стены камень весом почти в восемь шекелей [шекель - мера веса, равная примерно 0,5 кг] на ногу надсмотрщику Дах-Гаде. Повелением перса Махадия раб Рогай наказан тридцатью ударами кнута и посажен в зиндан...

- Ты узнал, почему Махадий не велел отрубить рабу руку?

- Да, о повелитель, Махадий сослался на то, что раб этот - чрезвычайно ценный работник.

- Продолжай.

- В нижнем городе произошли три ссоры, дарг и два лега подрались с гаргарами, обвиняя пришлых в своих несчастьях...

И так как Шахрабаз промолчал, осведомитель продолжил:

- В город на двухдневный постой пришел караван ширванского купца, возвратившийся из Семендер. Вместе с караваном прибыл странный монах-христианин...

9. ГЕРО

Он встретил свою шестнадцатую весну, но еще не прошел обряда посвящения. Хоть и Буснар, и Меджуд, и Золтан считали, что взрослым юношу делает умение владеть оружием, отец не спешил с посвящением, говоря, что и заточенный меч окажется тупым, коль не остра мысль хозяина его. Геро терпеливо ждал своего часа. Он гибок, ловок, силен, и нет в Нижнем городе юноши, который смог бы побороть его. Геро очень похож на свою сестру, красавицу Витилию. Брат и сестра чернокудры, черноглазы, одинаково гордо держат головы, словно они - дети важного хармакара. Но лицо пятнадцатилетней Витилии нежно и бело, отчего брови ее кажутся нарисованными угольком, а Геро же от загара почти черен, потому что все теплое время проводит в одной набедренной повязке под солнцем. Вот уже третью весну он пасет отару овец богатого перекупщика Обадия, получая за это в неделю три круглые лепешки величиной с детский игрушечный щит, небольшую головку овечьего сыра и чеснока сколько уместит пригоршня.

Раба посылать с отарой опасно: может сбежать, а муздвара - слишком накладно: не за что ему тогда платить поденную плату. Пастухи, пасущие общее стадо, потребовали от Обадия восемь лепешек, две большие головки сыра и горячий ужин раз в неделю. Обадий заплакал, закричал, что его хотят разорить, и, явившись в гости к Мариону, долго жаловался на людскую скардность. А потом предложил, чтобы Геро пас его овец.

- Чем я прогневал великого Уркациллу? - воскликнул он, и его толстые щеки дрожали от обиды. - Почему он не дал мне детей? О горе мне, о горе! Клянусь, Геро будет мне вместо сына! Я осчастливорю его! Марион, я выручил тебя из страшной беды, спас детей твоих! Но теперь терплю страшные убытки, купив Рогая. Я не знаю, что делать: или продать Рогая в Ширване на невольническом рынке, чтобы вернуть деньги, или отдать его персу Махадия на строительство поперечной...

- Отец, ты слышишь, домисто Обадий хочет продать Рогая в Ширване! - закричал Геро.

- Да, да, мальчик, а что остается делать? Мне нечем платить пастухам. О горе мне, Рогая могут увезти даже в Дамаск! Это так далеко, так

далеко... Но что остается делать?

- Отец, я согласен пасти его овец! - вскрикнул Геро.

- Но, Геро, ты еще мал, - нерешительно возразил Марион. Геро, ни слова не говоря, поднялся с камня, на котором сидел, наклонился и легко вскинул камень, равный собственному весу, над головой, подержал, улыбаясь, легко опустил и так же молча уселся, ровно и глубоко дыша. Действия его были настолько решительны, что Обадий хлопнул себя от удивления по бедрам и, подняв глаза к небу, слезно спросил, почему у него нет сына, хотя он и содержит трех жен.

Теперь вечером последнего дня недели Обадий, пересчитав овец, выносит мальчику его плату и всякий раз, указывая на головку сыра, жалобно закатывая глаза, произносит:

- Ах, только из уважения к Мариону я дал тебе вот это... только из уважения... я ведь говорил, что непременно осчастливорю тебя! Будь благодарен, мальчик, будь благодарен, что на свете встречаются еще добрые люди, как я, может быть, я самый-самый добрый на весь Дербент! Когда я умру - о небо, не допусти этого - кто поможет тебе?

Геро всегда вежливо и молча выслушивал его, с молоком матери впитав, что почитание старших - непреложно. И только сегодня вечером, когда Обадий, прощаясь с головкой сыра, опять залился слезами, он не вытерпел и вежливо спросил:

- Домисто Обадий, почему вы так часто плачете?

- От радости, мой мальчик, от радости, что еще раз довелось осчастливить тебя! Неужели это так трудно понять?

- А почему вы тогда не осчастливите, домисто, Т-Мура, Шахруха...

- Что, что, что? - торопливо забормотал перекупщик, моргая мгновенно высохшими глазами.

- ...А еще в нижнем городе говорят, что вы покупаете у купцов,

пришедших издалека, товар по дешевой цене, а когда они уходят, продаете его в три раза дороже...

- Но ведь у меня расходы, мой мальчик. Нельзя верить слухам, их обычно распространяют нехорошие люди, ох, какие бывают завистливые...

- Такие же расходы, как и у купцов, караваны которых идут месяцами? - не выдержав столь явной лжи, перебил перекупщика Геро. Отец часто напоминает, что тот лег, который не почитает старших - скверный лег, но как же можно уважать того старшего, который постоянно лжет и притворствуется?

Воспользовавшись тем, что Обадий только молча хлопал волосатым ртом, не зная что сказать - лицо его медленно наливалось сизой кровью, - Геро, не попрощавшись, с достоинством вышел.

Когда он прибежал домой и отворил калитку, каким уютным показался ему дворик! Громадный ствол платана занимал чуть ли не половину крохотного пространства, а крона его была так велика и густа, что даже в самые жаркие дни и дворик, и дом с плоской крышей скрывались в прохладной тени. Дерево могуче и вольно раскинуло свои толстые ветви, накрыв ими двор, и если глянуть вверх - над головой везде непроницаемая зеленая крыша.

Уже стемнело. Ярко пылал огонь в летнем очаге. Возле него хлопотала мать в длинном широком платье, какие носят замужние албанки, в белом, сползшем на плечи платке. Придерживая одной рукой платок, она длинной деревянной ложкой помешивала в закопченном горшке. Лицо матери ярко озарялось пламенем, казалось румяным, молодым, между нижними ветвями и крышей дома виднелась полоска тускнеющего неба, и там сейчас ярко горела большая зеленая звезда. Листва, освещенная снизу пламенем, казалась такой же черной, как выбившиеся из-под платка волосы матери.

Отец был не один. Он и высокий голубоглазый славянин Микаэль сидели на теплых, нагретых за день камнях у очага и неторопливо беседовали. Широкое лицо отца было задумчиво и хмуро.

Геро положил на лавочку возле матери лепешки, сыр, мимоходом прижался к ее теплой руке, снял с себя лук, колчан со стрелами, кинжал, которые всегда носил, выходя за город, и, торопливо подбежав к сидящим мужчинам, прижав руки к груди, степенно поклонился, потом, все-таки не выдержав, бросился к отцу, обнял его, потом любимого домисто Микаэля, прокричал:

- Как хорошо, что ты пришел, домисто! У меня к тебе накопилось много вопросов.

Взрослые заулыбались, понимающе переглядываясь.

- Остер ли твой кинжал, Геро? - спросил Микаэль, ласково поглаживая мальчика по широкому крепкому плечу. Неделю назад он подарил Геро кинжал.

- О! Такой острый, что я за один взмах могу перерубить ствол дерева в руку толщиной! - воскликнул мальчик и, сверкнув глазами, взмахнул правой рукой, показывая, как он перерубает ствол. - Я уже пробовал! И он даже не затупился.

- А сколько будет, если к четырем прибавить пять? - быстро спросил Микаэль, лукаво улыбнувшись в бороду.

- Девять, - без промедления ответил мальчик, включаясь в игру.

- А от шести отнять восемь?

- Как можно от меньшего отнять большее? Домисто Микаэль, а почему звезды не падают на землю? Кто их подвесил? А кто каждую ночь зажигает их там, в небе? - торопливо задал Геро с недавнего времени мучившие его вопросы.

Микаэль несколько растерянно глянул на Мариона, словно спрашивая, что с его сыном, но тотчас улыбнулся, погруженный в свои мысли.

- Может быть, я в детстве тоже задавал подобные вопросы, но на счастье или на беду, я не помню, чтобы кто-нибудь смог на них ответить, - медленно проговорил Микаэль. - Ты спрашиваешь о том, чего я не знаю. - Он грустно покачал головой и добавил: - Ну вот, ты уже вырос, мальчик, вырос настолько, что задаешь вопросы, на которые я не знаю ответа, и мне грустно сознавать, сколь скудны мои знания...

- Как ты можешь говорить такое! Ведь ты лучший оружейник в городе! - горячо возразил Геро.

Давно, может, двадцать лет назад, по настойчивой просьбе филаншаха, купцы привезли в Дербент оружейника, знающего секреты изготовления стальных панцирей и кольчуг. Они сказали, что выкупили кольчужника у тудуна Семендера за огромные деньги, а хазарский тудун приобрел этого человека у алан - жителей Кавказских предгорий. Этим оружейником и был Микаэль. Теперь в Дербенте у него было много учеников, и в нижнем городе его уважительно звали Уста-барх, что означает - первый мастер. Жил Микаэль одиноко, в пристройке возле мастерской, давно забыл свои обычаи, принял христианство, а по языку и одежде казался настоящим албаном.

- Какой бы я ни был оружейник, но знания мои скудны, да... Но я часто слышал, что жили когда-то в древности мудрецы, их звали философами, которые, пожалуй, смогли бы тебе объяснить многое...

- И почему луна светит только ночью? И почему она то огромная, то маленькая, то красно-желтая, то словно из серебра? И почему иногда начинают трястись горы? И живут ли в море морские люди? - глаза мальчика возбужденно блестели, он нетерпеливо затеребил Микаэля за рукав.

Вдруг кто-то сверху схватил юношу за прядь волос. Геро поднял голову. Вверху раздвинулась густая листва, и в просвете появилось смеющееся лицо Витилии, она показала брату язык и, посмеиваясь, сказала:

- А я знаю, почему луна сначала большая, а потом становится меньше и не такой круглой... Потому что она сладкая, как дыня! И верхние жители откусывают от нее по кусочку! А потом она прячется и снова растет... Поймай меня, Геро!

- Подожди, не мешай... - мальчик отвернулся от нее и вновь спросил: - А почему, домисто Микаэль, вы себя называете то славянином, то росичем?

- Потому что племя наше славянское, а жили мы на реке Рось и, чтобы

отличаться от других племен, называли себя росичами, что значит с Роси, - объяснил Микаэль.

- Домисто Микаэль, а ты можешь меня выучить, как из разных знаков, которые пишут палочкой на выделанной коже или на глине, складывать слова? Я видел, так делал мальчик в верхнем городе, он объяснил мне, что складывать из знаков слова называется чи-та-ть, а изображать знаки - пи-са-ть...

Задумавшийся было Марион, услышав просьбу сына, поднял голову и неожиданно сурово сказал:

- Послушай, Геро, ты сын воина и сам будущий воин. Тебе не нужно знать того, что знают мальчики из верхнего города. Жизнь слишком тяжела для простых людей, и тебе нужно знать лишь то, что тебя будет кормить. Ты понял? Сейчас поужинай, и мы займемся с тобой делом.

Сникший было мальчик, услышав последние слова отца, обрадованно сверкнул глазами. Заняться делом означало, что отец после ужина будет показывать ему приемы рукопашного боя. Он вприпрыжку побежал в дом, но Витилия уже опередила его и появилась в дверях, прижимая к себе обеими руками бронзовый щит отца.

- Меч я не могла вытащить из ножен, он слишком длинный и тяжелый, - объявила она, отдувая упавший на глаза кудрявый локон, и, приблизив губы к уху брата, шепотом сказала:

- Геро, отец хочет нас увезти в горы. Он ждет, когда в городе появятся сородичи. Правда, хорошо? Ну, неси скорее меч!

Внутри дома было две комнаты, разделенные плетеной из прутьев и обмазанной глиной перегородкой. Двери в перегородке не было, проем входа занавешивался пологом. В первой, большой комнате жили мать, отец и Геро, во второй спала Витилия и хранился сундук с приданным сестры и зерно в потайной яме.

В большой комнате, потрескивая и чадя, горел светильник, подвешенный на стене, тускло освещая зимний очаг - обложенное камнями небольшое углубление с нависшим над ним вытяжным дымоходом, напоминающем закопченный кузнечный мех, сужающимся концом уходящий в отверстие в потолке. Дымоход был изготовлен из ивовых прутьев, обмазанных глиной. Слева из полутьмы выступали огромные, почти в рост мальчика глиняные кувшины. В них держали зерно и воду. Рядом, на крепком деревянном табурете виднелись два каменных круга в локоть шириной, один с отверстием посередине и широким округлым желобком, другой - с двумя каменными пальцами на противоположных сторонах круга. Сложенные один на другой, они образуют зернотерку, на которой мать Геро мелет муку. Обычно в зимнее время возле очага стояла широкая лавка, на которой громоздились малые кувшинчики, глиняные чашки, горшки для варки мяса и похлебки. Сейчас эта лавка вынесена во двор. Возле дальней от входа стены - крепко сколоченный дощатый помост, прикрытый бараньими мягкими шкурами. Слева от помоста, на обмазанной глиной стене, висит оружие отца: кольчуга с короткими рукавами, изготовленная Микаэлем из множества мелких вороненых колец, лук в кожаном налучье, со спущенной тетивой и меч в ножнах. Марион иногда доверяет сыну точить свой громадный меч на точильном камне, и хотя Геро для своего возраста весьма росл и силен, мечом он может взмахнуть, лишь держа его обеими руками, да и то с трудом. Впрочем, и не каждому мужчине он под силу.

Возле горящего светильника кружились ночные бабочки, залетевшие в крохотное оконце из темноты на свет. Оконце на зиму закрывалось бычьим пузырем, растянутым на деревянной раме. Сейчас рама была вынута, и в комнату вливалась ночная прохлада.

Геро бережно снял со стены меч, вынул его из ножен и на миг замер, держа тяжелую холодную сталь на весу. Чудесно пахло оружие, пахло кожей, железом, потом. Томительно-сладкое чувство восторга, упоения, надежд пронизало все существо юноши. Ах, скорее бы вырасти! Бессчетное число раз Геро примерял шлем и, грозно насунив брови, расхаживал с мечом по комнате.

Как волновали его рассказы отца, как будоражили воображение!

Ужинали во дворе. На плоском камне возле очага мать нарезала сыр, положила на дощечке вяленое баранье мясо, подала в горшке дымящуюся мучную похлебку с чесноком.

Когда все уселись и выжидательно замолчали, Марион взял кусочки сыра, мясо, бросил в жарко пылающий огонь. Пламя взметнулось, весело затрещало, пожирая подношение. Марион торжественно произнес, обращаясь к очагу:

- О великие предки! О могучий Нишу - охранитель наш! Мы помним о вас, молимся за вас! Пусть будет светел ваш мир, блаженство да будет! Защитите же и вы нас от всех болезней, напастей и бед грозных. Мира и благополучия роду нашему пожелайте!

Микаэль принес для детей гостинец - горшочек меда, купленный у купца из Ширвана. Когда сняли тряпицу, прикрывающую горловину горшочка, разлился такой восхитительный аромат, что Витилия восторженно взвизгнула.

После ужина отец велел взять кинжал и щит. Геро вскочил, снял с ветки висевший на ней, сплетенный из ивовых прутьев щит и пошел вслед за отцом. Отец, не обращая внимания на сына, сделал несколько шагов, держа меч в опущенной руке, и вдруг, молниеносно повернувшись, направил острие меча в грудь Геро. Но как ни было неожиданно и стремительно его движение, сын успел уйти из-под удара, прикрывшись щитом и резко бросив свое тело влево. И лезвие скользнуло вдоль щита и было отброшено щитом. Марион только одобрительно хмыкнул, Витилия хлопнула в ладоши, а Микаэль выкрикнул, улыбаясь:

- Не поздоровилось бы тебе, Марион, будь у него настоящий щит и меч! Придется подарить ему и то, и другое! Молодец, Геро!

- Я Геро, сын Мариона!.. - гордо воскликнул мальчик, но тут же замолчал, потому что отец нанес рубящий удар сверху, и Геро опять прикрывшись щитом, и, когда обрушивающаяся сверху сталь коснулась щита, быстро опустился на правое колено, смягчая удар, и, в свою очередь, наклонившись вперед, коснулся своим кинжалом незащищенной ноги отца.

Потом Марион показывал приемы рукопашного боя одного воина сразу с несколькими противниками, с бешеной силой вращал над головой меч, не давая приблизиться на расстояние пяти шагов, и от его мечущегося по двору тела поднялся ветер, задувая пламя очага и колебля его.

Учил:

- Всегда следи, чтобы за спиной оставалось свободное пространство для передвижения, но если противник оказался позади, заметь, где он, и жди. Он бросился на тебя! Ты - вперед! Передний занес меч, скользни под его руку! Главное, чтобы он нанес удар - рубящий или колющий. Тот, кто нападает сзади, пытаясь настичь тебя, тоже ударил. Он не может не ударить! Ты близко - искушение слишком велико! Быстро уходи влево! Противники столкнутся. Руби обоих! Действуй быстро! Как можно быстрее! Почему влево? Думай! Отвечай!

У Геро от возбуждения разгорелись глаза. Он наслаждался пусть не настоящим, но все-таки боем, наслаждался ощущением собственной силы, ловкости, неутомимости. Он успевал следить за каждым движением отца, каждым неожиданным его выпадом, успевал защищаться, стремительно атаковать.

- Хорошо! - говорит не знающий устали отец.

- Молодец, Геро! - улыбается седобородый Микаэль.

Решения приходят, как будто кто-то их выкрикивает прямо в уши. Подсекающий удар сбоку... прыжок вверх! Меч отца свистит под ногами... Отец пытается поймать Геро свободной рукой за ногу, чтобы сделать подсечку, Геро в прыжке заносит босую ногу, опирается на склоненную спину отца, отталкивается, тело его, получив дополнительный толчок, взлетает, наклон вперед, падение головой вниз, сжаться, перекат, и Геро встает на ноги в десяти шагах от изумленного Мариона, успев заметить в падении и тревожную улыбку матери, и зеленую мерцающую звезду над крышей дома,

услышать восторженное аханье сестры.

Поблденело небо над морем, и взошла багрово-красная луна, освещая город призрачным светом. Все реже стучали молоты по наковальням в кузнечных мастерских, изредка в переулках взирали собаки, сыто мычала корова. Прошли по переулку, громко и грубо разговаривая, несколько стражей порядка, торопясь куда-то по своим ночным делам, один из них, не видимый со двора, приостановился, попытался заглянуть поверх калитки, что за шум во дворе, даже нерешительно окликнул, но, узнав Мариона, поспешно удалился, громко стуча сапогами.

Уже несколько раз мать подбрасывала хворост в очаг, и каждый раз пламя, вспыхивая, освещало стремительно передвигающиеся по двору разгоряченные тела, лоснящуюся от пота обнаженную грудь Мариона. Он торопился. Когда он сидел на камне и разговаривал с Микаэлем, вдруг незнакомая доселе тоска больно сжала ему сердце. Он даже задохнулся, так неожиданно и резко ударила по сердцу гнетущая тяжесть. И исчез дворик, исчез Микаэль и платан - мир на миг стал беззвучен и безлюден, и только багровый закат на востоке ярко пылал перед глазами Мариона - ах, какой зловеще-багровый закат! И тогда Марион вспомнил, что говорил ему перед своей гибелью отец:

- Сын! Что бы ни случилось со мной, будь тверд духом. Я обучил тебя всему, что умел сам. Скоро я умру. Не пугайся. Будь тверд духом. Судьбу не изменишь. У каждого человека есть предчувствие собственной смерти. Об этом мне говорил твой дед, а ему - великий Нишу, твой прадед. У меня сейчас перед глазами закат... он горит багровым цветом... а в душе тоска... это предчувствие. И ты тоже помни о нем!

Закат... зловеще-багровый закат... а может, он настоящий? Марион спросил тогда у замолчавшего Микаэля:

- Микаэль, взгляни в ту сторону, где зашло солнце. Что ты там видишь?

- Там чистое небо, только чуть-чуть красноватое, завтра будет хороший день.

И вот теперь Марион торопился обучить сына всему, что умел сам. А Геро, не зная усталости, дышал так же ровно и глубоко, как и в начале игры.

Опять резкий уход влево... Почему влево? Да потому что оружие воин держит в правой руке, и, чтобы изменить направление удара, нападающему сзади нужно остановиться и придержать занесенную руку, а путь ему уже пересек передний воин, и они мешают друг другу! Прыжок... еще прыжок... падение на руки... меч свистит над головой.

- Думай! Скорей! - гремит голос отца.

10. СХВАТКА НА УСТУПЕ СКАЛЫ

На ремешке - кинжал в ножнах. В одной руке - узелок с сыром и лепешкой, в другой - лук, за спиной на кожаной перевязи - колчан с двумя десятками стрел, на плечах мягкая козья шкура, на которой можно лежать и смотреть в небо. Геро готов выйти за город.

Такого лука нет ни у кого из ребят нижнего города. Подарил его юноше Микаэль. Это настоящий боевой лук, только поменьше размером. Чтобы испытать его дальнобойность, отец однажды выстрелил от северных ворот к южным, и некоторое время спустя оттуда прибежал запыхавшийся воин, принес стрелу и сообщил, что стрела на излете пронзила доску деревянного надворного навеса. А от северных ворот до южных расстояние превышает восемьсот локтей.

Лук Геро, как и отцовский, сделан из гибкого кизилового дерева, скреплен роговыми накладками, а снаружи для большей прочности проклеен по всей длине двойными воловьими сухожилиями. Стрелы с гранеными железными

наконечниками оперены гусиными перьями. Крепкую тетиву из воловьего сухожилия мальчик хранит вместе с запасной в мешочке, пришитом к колчану, и натягивает ее на лук, только выйдя за город.

С утра до полудня мальчик пасет овец на солнечном склоне Южной горы, а когда наступает жара, загоняет овец под выступ скалы. Под этим каменным навесом прохладно от сквозняков, и там пробивается, бурля, родничок, стекающий по пологому склону прохладным журчащим ручейком.

Геро вскарабкивается на уступ, на каменной площадке расстилает козью шкуру, кладет возле себя лук и колчан со стрелами. Кто бы ни подкрадывался к овцам, Геро сверху увидит его, и вору не поздоровится: на днях на глазах у целой толпы мальчишек Геро с расстояния в сто шагов пробил стрелой доску толщиной в два пальца.

За спиной мальчика почти на десять локтей отвесно вверх поднимается скала, и дальше, к горам, простирается плато, поросшее густой высокой травой. Если поднять голову, видно, как бурые космы сухой прошлогодней травы, похожие на взлохмаченную шерсть иеху, покачиваясь, свисают над обрывом.

Прямо впереди - зеленая долина, теряющаяся в голубоватой дымке полдня. Ближе к уступу видны изумрудно блестящие поля пшеницы, за ними - ровные, ухоженные ряды виноградников, среди которых отчетливо выделяются цветущие голубым полоски льна. В глубине долины пасутся стада, а вблизи родового святилища легов и даргов - огромного плоского камня, в трещине которого растет священный вяз, - серыми пятнами движутся овцы.

Слева долину перегораживает южная стена, за которой видны вершины тополей, платанов. Еще левее, на холме - крепость. На ближней башне изредка блеснет доспех стражника. Жаль, что отсюда не видны разноцветные византийские стекла во дворце филаншаха. Чтобы увидеть дворец, надо забраться повыше, на плато. Отец рассказывал, что стены дворца украшают изображения диковинных зверей и рыб, сделанные из блестящих разноцветных плиток. А вместо глаз у них драгоценные камни, которые светятся даже при слабом свете ночных звезд, и оттого кажется, что однорогие или длинношеие чудища, грифы, рыбы с огромными зубастыми пастьями оживают по ночам и охраняют крыльцо из черного мрамора.

А в торговых рядах, куда Геро вместе с мальчишками из нижнего города прибегал поглазеть на прибывший караван, он слышал, что если внимательно взглянуть в крайние окна дворца, то можно заметить женские лица - это наложницы филаншаха, скучая, прильнули к окнам. Они целыми днями заперты в комнатах под бдительным присмотром двух сердитых, со сморщенными безбородыми лицами евнухов, а гулять их выводят темными вечерами в сопровождении вооруженного дворецкого - желтоглазого араба Мансура. Когда какая-либо из наложниц надоедает филаншаху, он с ближайшим купеческим караваном отправляет ее в Ширван, на невольничий рынок. Девушки из нижнего города боятся попасть на глаза филаншаху, а если выходят на улицу, то всячески стараются изменить лицо, выпачкать или прикрыть. Только Витилия никого не боится, гордо ходит везде. Кто посмеет обидеть дочь Мариона!

Геро видел несколько раз издали проезжающего по нижнему городу рыжебородого старика - филаншаха. Он ездит на белоснежном жеребце в сопровождении многочисленной нарядной свиты, всегда надменен и мрачен. Мальчика при воспоминании о Шахрабазе охватывает неприятное чувство, и он отворачивается от крепости. Геро - лег, а леги всегда уважают достоинство других людей и никогда не унижат женщину, без которой немислим домашний очаг, а последний - священен для лега. Так поступает отец, так будет поступать и Геро. Мальчик смотрит на город - туда, где видна могучая вершина его родного платана, смотрит долго, и невольная улыбка блуждает на его губах. Потом переводит взгляд на море. Вот что для Геро всегда прекрасно и загадочно.

Утром море дымчато-бирюзовое, и край его почти сливается с голубым небом. В полдень оно напоминает бескрайнее поле молодой пшеницы. К вечеру

резко очерчивается линией горизонта, темнеет, наливается синевой, и даль становится так близка и маняща, что хочется заглянуть за темно-синюю равнину, посмотреть, что там. И невольно думается, что если забраться на утес, то увидишь что-то необыкновенное.

Когда поднимается ветер, море желтеет, глухо и гневно рокочет, и на хмуром челе его каплями белого пота выступает пена. Что тогда происходит в таинственной и недоступной глубине его? Отец рассказывал, что дальше от берега, в фарсах или даже двух, море так глубоко, что если поставить одну на другую подряд десять сторожевых башен, и то они не достанут дна! Неужели там вечная тишина и беспросветный, безжизненный мрак?

Геро не верит, что в глубине море пустынно. Он не рассказывал отцу, что часто видел, как над волнами вдруг показывалась круглая усатая голова, вглядывались в него сверкающие глаза, поднималась из воды и призывно махала ему смуглая гибкая рука. А иногда вечерами в глубине сумеречной водной равнины он замечал мелькание таинственных огней, слышал отдаленные невнятные крики, словно кто-то звал его.

И ему грезится сумрачное дно, покрытое бурыми водорослями, которые он часто видел у берега, и по водорослям, словно по траве лужайки, пасутся стада рыб. А рядом с ними, оседлав могучую рыбину, плавают зеленоволосый мальчик-пастух. Иногда морской мальчик останавливает своего скакуна, прислушиваясь, смотрит вверх неподвижными синими глазами. А вверху голубовато просвечивают солнечные лучи, шумит мелькающими тенями весел, проплывая, купеческий корабль. Вечером же, загнав стадо рыб в глубокую подводную пещеру, прикрыв сплетенные из водорослей двери, зеленоволосый пастух поднимается на поверхность и, нежась в теплых покачивающихся волнах, вглядывается в темнеющий, слабо озаренный огнями город и когда видит Геро, который часто ходит по вечерам купаться, подплывает поближе и кричит, и зовет, и машет рукой.

"Подружиться бы с зеленоволосым пастухом, - думает Геро, - побывать у него в гостях. Там, на сумеречном дне, города, хижины из сплетенных водорослей, там поля, на которых колышутся неведомые растения, плавают стада рыб, а зелеными улицами бегают зеленоволосые дети..."

Игра постепенно увлекает Геро, и ему никогда не бывает скучно. Постепенно мысли о морских людях вытесняются вспомнившимися рассказами отца, домисто Микаэля, купцов о разных удивительных странах. Есть далеко-далеко на севере страна ас-Сакалиб [название, употребляемое арабскими путешественниками для обозначения местности, где проживали западные и южные славяне], куда много месяцев пути по обширным лесам. Там высятся огромные, достигающие неба горы из сплошного льда, там ночь длится так долго, что половину своей жизни люди живут без солнца, в вечной темноте, только изредка в тех краях разноцветными огнями загорается небо, и вид его прекрасен, и тогда люди выходят из своих жилищ и при свете небесного пожара бродят среди льдов, разыскивая диких зверей, которых душат голыми руками. Но есть и такие страны, где никогда не бывает зимы и люди не знают, что такое ночь, потому что там никогда не заходит солнце. В той удивительной стране, которую называют ал-Африк, непроходимые вечнозеленые леса, где деревья много толще платана, что растет во дворе у Геро. Там на деревьях живут обросшие шерстью дикие люди, подобные уеху, а по берегу моря бродят одноглазые великаны и, когда видят проплывающий корабль, отрывают от гор целые скалы и бросают в корабль. Здесь же, в Дербенте, нет ничего, что могло бы показаться удивительным, вот разве уеху, но они всегда избегают людей. Геро вспоминает вчерашний бой с отцом, рука невольно сжимает рукоять кинжала. Вырасти бы скорее, сразиться с черным великаном, испытать свою силу и храбрость, встретиться с чудовищными зверями, дикими людьми. Геро уверен, что он ни перед кем не отступит, и опять с нетерпеливой силой сжимает рукоять кинжала, только бы поскорее испытать себя!

И сегодня был теплый весенний день, когда особенно хорошо растут,

наливаются соком травы, и если присмотреться повнимательнее, можно увидеть и услышать, как, напрягаясь, тянутся вверх бледно-зеленые новые побеги, с тихим шорохом вспучивая землю. И солнце ярко светило, и над головой носились, щебеча, веселые, недавно прилетевшие ласточки, и жаворонок неумолчно звенел.

Геро сидел недалеко от края площадки и мечтал, наслаждаясь теплом, солнцем, мирным покоем. И ничего не изменилось в мире перед его глазами и слухом - доносился все тот же щебет, все так же мелькали беспокойные ласточки и трещали крылышками цикады, но Геро вдруг почувствовал странное беспокойство. Ему показалось, что кто-то следит за ним тяжелым пристальным взглядом. Он мгновенно сжался, напрягся, продолжая сидеть неподвижно. Ощущение пронизывающего взгляда осталось. Шевелились и вздыхали внизу под площадкой-навесом овцы, на пологих пустых склонах шелестела под ветром трава, а солнечный мир для Геро уже погас и посуровел. Он не видел опасности, он чувствовал ее всем напрягшимся похолодевшим телом. Лук и колчан лежали рядом, одна стрела, поблескивая граненым наконечником, наполовину была высунута из колчана.

Поднять руку, вырвать стрелу из колчана, схватить лук, послать стрелу, но - куда? Первая заповедь отца: не поддавайся страху. Вторая заповедь: не видишь опасности - сделай то, что первым пришло в голову. И сразу же мелькнуло: надо прижаться к скале. Как раз за его спиной есть углубление. Геро толчком послал тело назад, и в то же мгновение вверху раздался шорох осыпающихся камешков: кто-то большой прыгнул вниз. Длинное серое тело мелькнуло перед глазами, обдав запахом шерсти. Волк не успел всего на два удара сердца, и там, где только что сидел мальчик, оказалась пустая козья шкура. Волк упал на лапы, развернулся броском, так что отлетела вбок подстилка, и вновь прыгнул. Но у Геро в руках уже был кинжал. И, держа оружие вытянутыми обеими руками впереди себя, он поднырнул под распластанные лапы, погрузил кинжал в тощее волчье брюхо. И силой собственного прыжка волк распорол себе о лезвие брюхо. Вывалились влажные внутренности, на спину Геро пролилась теплая кровь, но на нем не оказалось даже царапины. Невредимый, он мгновенно вскочил на ноги, готовый к новому нападению. Почувствовав запах крови и волка, под скалой тревожно теснились и блеяли овцы. Волк лежал на боку, откинув лобастую голову с раскрытой огромной красной и влажной пастью. Возле брюха в лужи крови дымились сизые внутренности, над которыми тут же закружились зеленоватые мухи. Схватив лук и стрелы, мальчик быстро взобрался по узкой расселине на вершину скалы, откуда спрыгнул волк. В сотне локтей отсюда начинались кизилловые заросли. Здесь, на прогретом плато, трава была почти по пояс. Ветер дул с моря. Значит, волк был привлечен запахом овец, а когда подкрался от кизилловых зарослей (трава еще была примята), понял, что овцами ему не удастся поживиться, пока не разделается с пастушонком.

Глупые овцы под скалой уже успокоились. Волк был одиночкой. И тогда мальчика охватила бурная радость. Ветер долины нес свежий запах цветов, шелестела налитая соками жизни молодая трава, а в голубом поднебесье парил на могучих крыльях неизвестно откуда появившийся огромный гриф, всматривался горящими глазами в отплясывающего над побежденным волком мальчика. Вскинув над головой лук и кинжал, топчя траву, Геро плясал на площадке им самим придуманный танец победителя.

11. ПОНЯТЬ - ЗНАЧИТ ПРОСТИТЬ

Где проходит черта между беспечной юностью и мужественной зрелостью, за которой, как говорили раньше, в юноше умирает ребенок, чтобы родился воин? Еще на памяти Мариона такой гранью служил обряд посвящения в воины. Но сам Марион посвящения уже не проходил. И тому было много причин. Дело в

том, что защитниками Дербента теперь оказались не албаны, а персы. И они же подвергали испытаниям тех, кого брали в охрану ворот. До сих пор в Дербенте вспоминали, как много лет назад Марион в испытательной схватке на мечах рубился с двумя, потом с тремя и наконец с пятью персами и довел бой до победы, то есть у всех персов выбил мечи из рук.

Вечером Геро, сопровождаемый в переулках яростным собачьим лаем, принес домой шкуру волка. Мать и Витилия испуганно заохали, отец же внимательно выслушал сына, одобрительно улыбнувшись, положил тяжелую руку ему на плечо и сказал:

- Отныне ты воин!

Геро понял, что это не просто похвала, и, преодолев вспыхнувшую радость, ответил со сдержанной силой:

- Я готов доказать это в любое время, отец!

- Ты докажешь через два дня. С кем бы ты хотел провести схватку на мечах?

Это было единственное испытание, оставшееся от посвящения, которое филаншах Шахрабаз разрешал проводить публично. Вторым по мощи и умению воином после Мариона в Дербенте считался Бусснар, и, конечно, Геро, не задумываясь, назвал его.

- Нет, сын, - Марион с сожалением покачал головой. - Я догадывался, что ты назовешь его, и заранее говорил с ним. Бусснар отказался.

- Почему? - изумился юноша.

- Бусснар сказал, что победа ничего не прибавит к его славе, но поражение унижит. А он теперь должен оберегать свое достоинство.

Чтобы воин - лег или дарг - отказался от публичного боя - такого в городе еще не бывало. Как отец может спокойно отнестись к этому?

- Тогда он трус! - вспыхнул Геро.

Марион строго посмотрел на него. Геро, опомнившись и уже стыдясь сказанного, смущено и гневно отвернулся, хмуря брови. Недостойно мужчины говорить плохое в его отсутствие. Как он мог забыть об этом! О проклятый язык! А Марион, словно не замечая состояния сына, еще подбавил масла в огонь, сказав укоризненно:

- Легко обвинить человека, понять - труднее. Бусснар никогда не показывал спины врагам...

- Отец! - бледнея от решительности, выговорил Геро. - У меня не два языка, и я не возьму своих слов назад. Я готов повторить их Бусснару прямо в лицо! - и гордо вскинул голову в ожидании, что решит отец, ибо случалось, что разгневанный родитель велел сыну повторить человеку в глаза то, что тот говорил в его отсутствие. И тогда уже только от оскорбленного зависело - быть или не быть схватке. Мать и Витилия, занятые приготовлением ужина, тревожно замерли у пылающего очага.

Много лет назад некто, проживающий в Шумере, обиженный на сына, написал:

"Ты, бродящий без дела по людным площадям, хотел бы достигнуть успеха? Тогда взгляни на поколения, которые были до тебя... это принесет тебе благо... Из-за того, что ты ведешь себя не так, как подобает человеку, сердце мое как бы опалено злым ветром... Ты мужчина лишь по упрямству, но в сравнении с другими ты вовсе не мужчина!.."

Об этом гневном обращении, написанном клинописью на глиняной табличке, Марион не знал, но как бы ни разрушалась связь времен и народов, связь поколений прерваться не может, и то, что заботило канувшего в безвестность шумера, в равной мере озаботило сейчас Мариона. Благо, если юноша в тревожное, полное опасностей время приучен носить оружие, еще большее благо, если он к тому же трудолюбив и умеет возделывать поле, но этого мало, чтобы стать взрослым, ибо не умеющий сдерживать себя может пустить в ход оружие по самому незначительному поводу, а не имеющий жалости не накормит голодного сородича. Но если умению сдерживаться можно

научить, состраданию - нельзя. В этом Марион был убежден.

Мать, Геро, Витилия ждали, что предпримет отец, и, видя его нерешительность, думали, что он колеблется. Но Марион уже забыл о Буснаре, вспомнив, как раньше при обряде посвящения юношей, из числа коих старейшины рода готовили будущих военных предводителей, подвергали дополнительным испытаниям. Например, на пути, по которому должен был бежать ночью юноша, торопясь к месту сбора, ложился человек и начинал громко стонать, изображая раненого. Испытуемый мог принять решения: или взять раненого с собой, но тогда он скорее всего не успевал к месту сбора, что по правилам означало не выдержать посвящения, или пробежать мимо. На месте сбора юноша сразу вступал в схватку. Те, кто сомневался в своих силах или же хотел сберечь их, возле мнимого раненого не задерживались. Но не взявший его становился простым воином, ибо ошибка в выборе могла повлечь за собой угрозу безопасности рода. Марион верил, что старые времена вернуться. После молчания, показавшегося остальным невероятно долгим, он спросил, словно ничего не случилось, готов ли ужин.

Пужинав, мать и Витилия ушли в дом, Марион и Геро остались сидеть на скамеечке, на которой уже была разостлана волчья шкура, и Марион, поглаживая грубую звериную шерсть, рассказывал:

- Испытания проводились весной, когда прилетали первые ласточки... обычно в самую темную ночь. После первого удара в щит [сигнал времени; первый удар - в полночь] испытуемого выпускали из крепости в ворота, что ведут в ущелье. Он должен был спуститься по склону... Тогда заросли в ущелье были гораздо гуще, чем сейчас, и там на дереве подвешивался мешочек с пожертвованием нашему покровителю, справедливейшему Уркацилле. Вот этот мешочек и должен был повесить на вяз родового святилища будущий воин. Но для этого он должен был пробраться по ночному ущелью к Южной горе, ты знаешь, с той стороны гора очень крута, подняться на нее, на самую вершину, там есть небольшая площадка. На площадке его уже ждал человек, чтобы разжечь костер...

Геро слушал, затаив дыхание, мысленно представляя себе, как он бежит в глухую мрачную полночь по кизиловым зарослям, где водятся шакалы, лисы и всякая ночная нечисть, карабкается по отвесным скалам на вершину, и желание испытать себя, чтобы убедить всех, что он легко совершит то, что делали в прошлом, охватило его. Он верил в свои силы. И, конечно, не мог знать, что скоро судьба предоставит ему такую возможность.

- ...Когда загорался огонь на вершине, на берегу моря возле скал тоже зажигали костер. Он должен был гореть столько времени, сколько требуется выносливому бегуну, чтобы пробежать два фарсаха...

- Я могу хоть ночью, хоть днем пробежать четыре, пять фарсахов! - не выдержав, воскликнул Геро. Молодая отвага распирала ему грудь.

- Я верю тебе, сын, - улыбнулся Марион, - верю - ты бы прошел обряд посвящения...

Рассказав об испытании, коему подвергались юноши, чтобы стать воинами, Марион добавил:

- Я научил тебя всему, чему обязан научить будущего воина отец. Но я знаю, Геро, теперь этого мало. Может, и ты уже догадался об этом, - он виновато глянул на сына и устало опустил голову. И тогда Геро пережил непривычное состояние: ему показалось, что глаза его в слабом свете затухающего очага вдруг приобрели необыкновенную остроту и зоркость, и одним взглядом Геро охватил тревожную печаль в хмурых глазах отца, седые виски его, шрамы на груди, похожие на старческие морщины, и морщины на лице, похожие на шрамы, набухшие жилы на руках - и жалость остро кольнула сердце. Наверное, юноша становится взрослым, когда начинает верно понимать истинный смысл увиденного. Но жалость неуместна воину, она расслабляет тело и душу. Чтобы не выдать себя, Геро отвел глаза. Отец поднял голову и, догадываясь, что сейчас пережил сын, сказал:

- Утром я сам сообщу Обадию, чтобы на завтра и послезавтра он нашел

тебе подмену. Тебя ждет более важное. Эти два дня ты свободен. Иди в город. Все, что ты хотел бы увидеть, постарайся увидеть. Услышишь беседу, если она покажется интересной, остановись, послушай, но так, чтобы твое внимание не показалось назойливым. О том, что тебя поразило, расскажешь мне вечером второго дня, к этому времени я сменюсь из караула... И еще - если встретишь иудея по имени Эа-Шеми, побеседуй с ним, скажи, что ты сын Мариона...

- Я видел Эа-Шеми... Люди говорят, что он сумасшедший.

- Кто говорит? - отец нахмурился.

- Христиане смеются над ним, когда он объявляет о присутствии в себе Божьего духа [христиане верили, что некоторые верующие люди отмечены особой благодатью - таких людей называли харизматиками; но Эа-Шеми был иудей - отсюда насмешки], а огнепоклонники [исповедующие маздаизм] презирают его за предсказания... Но ессеи [еврейская секта, члены которой придерживались аскетического образа жизни при общности имущества и равенстве в потреблении] не дают его в обиду... - поспешно добавил Геро, заметив, как гневно вскинулся отец, хоть и не чувствовал себя виноватым: он повторил лишь то, о чем неоднократно твердили люди.

- Эа говорит, что нельзя подчинить народ ни верой, ни насилем. Это не нравится персам... Но запомни, Геро, только глупцы или лизоблюды могут называть его сумасшедшим! - брови отца почти сошлись на переносице. - И мне непонятно многое, что он говорит, но когда у меня появляется желание высказаться, а рядом нет ни единой живой души... так бывает по ночам в карауле, я всегда мысленно представляю Эа и разговариваю с ним. Он добрый и правдивый человек. Многие его слова запали мне в душу...

Чтобы обойти Дербент, следуя вдоль городских стен, потребуется полдня, но чтобы обойти торговую площадь, во много раз меньшую, времени понадобится гораздо больше, ибо какое другое удовольствие сравнимо с удовольствием от развлечения. В торговых рядах есть на чем задержаться взгляду. Особенно в дни прихода караванов, когда на площади царит изобилие, манящее многих, как сладкое византийское вино.

По пути на торговую площадь Геро свернул к бывшей христианской церкви, которая во время распрей иудеев и христиан была разграблена и осквернена ночью неизвестными лицами. Раньше здесь проводил по воскресеньям богослужения сам патриарх автокефальной Албании. Когда же в крепости обосновался гарнизон персов-зороастрийцев и многие албаны стали огнепоклонниками, персы попросили патриарха отдать им разрушенную церковь. Христиане уступили добровольно, ибо не было еще случая, чтобы сильный не взял у слабого то, что хотел взять.

Раньше здание имело форму креста, теперь было перестроено, стало прямоугольным, по фасаду поднялись колонны из белого камня, поддерживающие крышу портика, по заново оштукатуренным стенам чеканно вздымались пилястры; стены, пилястры, колонны сплошь покрывал орнамент, узоры не оставляли свободным ни одного локтя поверхности. В глубине портика пожилой уста-строитель [уста - мастер] с двумя подручными, стоя на подмостках, заканчивали вырезать по сырой еще штукатурке фигуру человека с лисицей, свернувшейся у его ног и державшей в пасти кисть винограда. Возле храма стояло несколько любопытных горожан: красота всегда привлекает. Новенькие резные створки двери, ведущей в здание, были широко распахнуты, из проема тянулся сизый дымок. Поднявшись по широким ступенькам, Геро заглянул вовнутрь - иноверцам вход туда запрещался, дабы они не оскверняли своим дыханием благоуханный воздух, очищенный огнем. Но в запретном как раз и заключен соблазн.

В храме было светло и дымно. В глубине тщательно подметенного помещения виднелось круглое возвышение-алтарь. На возвышении пылал костер. Пламя его горело ровно, без треска, жаркие языки поднимались высоко и смешивались с солнечным светом, льющимся в узкие, напоминающие бойницы, окна. Возле алтаря на коленях стояло несколько албан в белых ритуальных

плащах. В поднятой руке каждый держал горящую очистительную ветку кедра. Возле каменного поставца, на котором лежала раскрытая книга, стоял высокий темнолицый жрец-атраван, но не читал, а громко говорил, обращаясь к коленапоклоненным албанам с проповедью, предназначенной для новичков.

...Уже удаляясь от храма, Геро вспомнил, что скоро должны состояться весенние моления в честь албанского бога Уркациллы. Кого леги и дарги на этот раз изберут распорядителем? Мысль промелькнула и забылась, и под впечатлением увиденного возникла другая: разве достойно изменять богам предков, как делают сейчас некоторые албаны, избирая в покровители наиболее почитаемого в Дербенте Мазду или же Иисуса Христа? Геро привык к тому, что великий Нишу незримо следит за ним, и, как любой человек, вынужденный ежедневно встречаться с людьми, исповедующими другие религии - огнепоклонниками, христианами, молящимися Яхве или Тенгри-хану - понимал, что уважение к чужим богам - единственный выход в отношениях разноязыких соседей, и тем не менее он не мог представить себе на месте Уркациллы чужого бога. Неужели те албаны, что присутствовали сейчас в храме, не кривят душой? Как понять их? Неужели они все - плохие люди? От этих вопросов было тревожно.

Торговая площадь шумела, бурлила в пестроте лиц, одежд, говоров, напоминая морской прибой в момент, когда нахлынувшая на берег волна останавливает свой разбег, рассыпаясь в брызгах пены на множество клокочущих, шипящих водоворотов, струй.

Две стороны крытых столбчатых галерей - северная и южная - были отведены соответственно купцам, прибывшим с севера и юга; западная и восточная - наиболее именитым перекупщикам Дербента, среди которых непременно должен был быть и Обадий. Остальные - мелкие перекупщики, ремесленники, земледельцы - вынесшие на продажу свои товары, располагались прямо на площади, образуя длинные ряды.

В толпе заметно выделялись усатые молчаливые горцы в лохматых высоких папах, стройные сирийцы с закутанными в белые покрывала головами и шеями, но с открытыми смуглыми лицами. Шныряли бойкие мальчишки из Нижнего города с кувшинами на плечах, погромыхивали глиняными кружками и звонко кричали:

- Холодная вода! Почти даром: кружка - медный дирхем!

Возле горячих жаровен, на которых, маслянисто поблескивая, поджаривались лепешки, стояли хлебопеки-гаргары и тоже выкрикивали:

- Лепешки! Лепешки на коровьем масле! Одну возьмешь, другую не захочешь: сыт будешь весь день!

Бродили в толпе продавцы сластей, одной рукой держа подносы с шербетом, изюмом, финиками, другой - отгоняя мух, а заодно мальчишек, страстно желающих попробовать сладкого.

У Геро от пестроты рябило в глазах, его задевали плечами, толкали, он старался не обращать внимания на тесноту, помня, что сын Мариона должен быть выше мелких обид.

Возле торговых рядов северной и южной части галерей толпились особенно много народа, и за спинами невозможно было разглядеть, какие товары выставлены на продажу. Там слышалась речь персов, быстрый говор сирийцев, певучие восклицания тюрков, возбужденные голоса евреев, армян, иберийцев. Геро, как и любой подросток, выросший среди разных народов, хорошо различал языки, а некоторые даже понимал. Местные перекупщики выставили сегодня на продажу мохнатые ковры, бронзовые и серебряные кувшины, глазурованные амфоры, посуду, стеклянные украшения, изделия из золота, раскрашенные сундуки, мужские сапоги, женские чарыки, но особенно много - одежды и тканей...

Торговая площадь - средоточие того, чем богат и славен Дербент, чем он вправе гордиться перед другими городами и даже странами. Но не только этим. Еще - красивейшими зданиями, умелыми мастерами, особенно - многолюдством. Потому сюда и стремятся купцы из разных земель, даже самых

отдаленных - Индии, Арабии, Сина [Син - Китай]. Не по этой ли причине в народе все чаще стали повторять, что "голод не имеет стыда, богатство - удержу". Разве что только сладострастие сравнимо по необузданности и длительности со страстью к приобретательству. И потому здесь, как нигде в другом месте, яростно разгорается алчность, пьянит голову хмель неслыханных возможностей, а зависть находит величайший простор. Но где и когда изобилие порождало скромность, где и когда зависть сопрягалась с благородством?

О Дербент изобильный! О Дербент горьчайший!

Вот остроносый гаргарин в зеленом кафтане, распушив черную длинную бороду, украдкой пересчитывает деньги, просунув ладонь с монетами между кафтаном и бородой, настороженно озираясь. Вот прошел мимо Геро обнаженный по пояс мускулистый раб-тюрок, согнувшись под тяжестью скатанного ковра, небольшой бронзовый амулет в виде бегущего оленя висел на его сильной шее. Не помог ему олень-оберег, не умчал хозяина от беды. А за рабом важно шествовал краснолицый перс, самодовольно заложив руки за спину и выпятив под шелковым халатом сытый живот. Большой живот - гордость, ибо свидетельствует о благополучной и обильной кормами жизни.

Возле рядов кричат охрипшие зазывалы, перебивая друг друга с таким усердием, словно победитель получал награду.

- Вот снадобья для мужчин! Хилым придает силу льва! Не пожалейте серебряный дирхем, и любой станет неумомим в любви!

- Корень мандрагоры! Здесь корень мандрагоры! Предохраняет от любых бед и злоумышлений!

- Плоды манго! Из благоуханной Индии! Сладки как любовь красавицы!

- Товары из Сина! Вот товары из Сина! Зуб дракона, обитающего в Желтой реке! Неслыханный напиток, именуемый ца-й, увеличивает телесную и умственную мощь, возвращает молодость старикам! Рог невиданного зверя носорога! Пять тысяч воинов погибли в сражении с ним! Шелковые ткани, бодрящие тело!...

А вот и пронзительный голос невидимого за множеством людей Обадия вознесся, перебивая охрипших зазывал:

- О благородный! - вопил перекупщик. - По десять дирхем за пару платил я мастеру! Пусть все будут свидетелями. Я не мог обидеть лучшего уста среди сапожников! Только два дирхема набавил я на продажу, ведь и мне надо кормить семью, ведь я тоже тружусь. Пусть мой труд незначителен, но я сохраняю время мастера. Ведь если бы уста сами продавали свой товар, кто бы тогда его изготавливал? Вникни, о просветленный! Единственно ради такого благородного красавца сбавлю до десяти, и пусть мои дети останутся сегодня голодными! Но какие прекрасные сапоги! Прочнейшие подметки из кожи буйвола! Ровно восемь лет назад мой сосед Бусснар купил у меня точно такие же сапоги и до сих пор, приходя ко мне в гости, вспоминает: "О, дорогой Обадий! О, бескорыстный друг! Если б не ты..." - словом, как он рад, что купил эти сапоги! И всего за пятнадцать дирхем!

Наверное, покупатель у Обадия оказался из числа приезжих, потому что перекупщик лгал беззастенчиво, отважно, неумомимо, лгал в упоении. Геро даже передернуло от отвращения, потому что совсем недавно он своими ушами слышал, как Обадий клялся кожевникам, что не может купить сапоги дороже чем четыре дирхема за пару, потому что не хочет разориться. А в обширном дворе перекупщика, охраняемом двумя здоровенными волкодавами, по обе стороны от массивных ворот тянулись длинные каменные склады. И когда рабы вносили или выносили что-либо, Геро мог, даже не любопытствуя, увидеть в глубине склада висящие под опорными балками сушеные бараньи туши, копченые колбасы, кувшины в рост человека, в которых хранилось зерно, тюки тканей на высоких подставках - чего только не было на складах перекупщика. Геро не стал слушать дальнейший торг и направился в оружейный ряд. В сущности, только оружие интересовало его на торговой площади. Ну, еще, может быть, сладости.

В оружейном ряду толпилось много мужчин. Но на этот раз Геро решительно протолкался к прилавку, и на миг забыл обо всем.

Перед ним было оружие - лежащее на досках прилавка, развешенное на крюках, сложенное пучками, охапками... То самое оружие, которое так высоко ценилось и в знойной Арабии, и в Месопотамии, и в Хазарии, и у албан, и в Иберии, и даже у гордых римлян. Груды тяжелых копий зловеще поблескивали воронеными наконечниками. Связки длинных мечей особой закалки, с острейшими лезвиями тяжело покоились на помостах; отдельно рядами были расставлены начищенные шлемы; солнце отражалось в ворохе блестящих панцирей; распяты на крючьях, чтобы каждый желающий мог подобрать себе размер, висели кольчуги - с рукавами, без рукавов, с воротниками и без них; громоздились на стеллажах кованые наплечники, поножи, боевые рукавицы, стальные нарукавники, отдельно - луки без тетив, связки оперенных стрел, россыпью - наконечники, граненые, круглые; здесь же висели широкие кожаные боевые пояса в перевязь, колчаны с вышитыми изображениями сцен охоты на львов, ножны простые, ножны разукрашенные - здесь было отчего разбежаться глазам. Мужчины жадно разглядывали товары, тянулись пощупать, примерить, подержать. Некоторые, грозно прищурившись и окаменев лицом, пробовали возле прилавка взмахнуть мечом. Если для женщины первородное желание выглядеть заманчивой, - то мужчина изначально стремится быть грозным, мужественным.

У Геро тоже разгорелись глаза. От макушки до пяток пробежала сладкая волна. Перед ним лежало то, к чему он, как каждый подросток, тянулся с того времени, как научился различать полезность вещей. Сколько игрушечных деревянных щитов превратилось в щепки, когда он, бывало, с утра до вечера рубился в дружеских схватках с сыновьями соседа, гончарника Т-Мура. До сих пор доски калитки, толстая кора платана хранят следы ножевых отметин - рамок, прорезанных отцом, и отверстий в них, оставленных наконечниками стрел, когда без усталости - стоя, с колена, в прыжке, в повороте, даже лежа - он с двадцати, сорока, шестидесяти шагов пускал и пускал стрелы в цель. Он не сомневался, что стал бы одним из первых, выдержавших испытания обряда посвящения, вздумай леги и дарги восстановить забытый обычай. В полном вооружении Геро прыгал с места в длину почти на десять локтей, а в высоту с малого разбега - на четыре локтя и притом мог внезапно повернуться в воздухе на полный оборот и прикрыться щитом, что нередко требуется в рукопашной схватке. При виде оружия в его душе вновь пробудилось желание скорее проявить себя, чтобы о нем заговорили в городе: "Вы слышали? Да, да, сын Мариона! Геро - великий воин!" - И тогда, тогда!.. В нижнем городе много красивых девушек. Но ни с одной еще он не встречался и даже не решался посмотреть в глаза.

К замершему юноше подошел широкоплечий продавец в новом кожаном фартуке, насмешливо предложил:

- Не купишь ли копье? Такому храброму юноше оно как раз впору. Только не забыл ли ты взять у отца пятнадцать дирхем?

Геро гневно вспыхнул, но сдержался и молча отошел от загородки. На его место тотчас протискался сириец, нетерпеливо спросил:

- Твой меч - чье клеймо?

- Клеймо Микаэля, господин! - подобострастно поклонившись, ответил торговец, - это лучший оружейник в городе.

Сириец вытащил из-за пазухи туго набитый кошель, положив его на прилавок, хлопнул в ладоши и показал их раскрытыми продавцу, тот пробормотал: - Так, господин, десять? - сириец опять хлопнул и опять показал торговцу, еще раз хлопнул и показал. - Тридцать мечей господину! - воскликнул торговец, обращаясь к двум своим помощникам, выжидательно стоявшим поодаль.

- Эй! Эй! Обождите!.. Я покупаю мечи Микаэля! - закричал кто-то, и к прилавку прорвался потный запыхавшийся албан.

- Продано, господин! - с сожалением развел руками торговец.

- Как продано! - возмутился тот, - я приехал из Ардебилля на двух арбах! Я еще зимой заказывал мечи!..

- Твой два арба? - враждебно спросил сириец. - Мой караван прибыть Дамаск! Сто верблюдов! Месяц дуруга!

- Но ведь я заказывал и задаток оставлял... По десять дирхем, а всего - триста!..

Торговец обратился к сирийцу:

- Если господин купит по двадцать пять за один, я верну задаток этому господину...

- Я плачу по двадцать шесть! - выкрикнул албан.

- Я двасать семь! - отозвался сириец.

Возле спорящих появился маленький человечек в низко надвинутом войлочном колпаке, из-под которого блестели внимательные глаза. Это был осведомитель филаншаха Урсуф. На поясе его халата висели нож и рог. Геро не стал смотреть, что будет дальше. У него в кармане было три медных дирхема, которые ему дал вчера отец. Он почувствовал, что проголодался, и отправился искать продавца сладостей.

В западной галерее торговали украшениями, благовониями, мазями, различными натираниями. Здесь толпились знатные женщины из верхнего города - каждую сопровождал евнух. Геро равнодушно скользнул взглядом по бронзовым зеркалам, стеклянным флакончикам, серебряным кувшинам для омовений, шелковым подушечкам с прикрепленными к ним кольцами, перстнями, браслетами, бусами.

Тут же, у лавок западной галереи, толкался продавец сладостей. Купив за три дирхема кусок шербета, Геро по пути отломил часть сласти мальчишке, жадно глядевшему на лакомство, потом прошел в распахнутые ворота и двинулся в сторону общего двора ессеев (или, как они себя называли, эссенев), притулившегося у Южной стены.

Не доходя до общего двора, Геро свернул на белесую, утопанную тропку, ведущую в закоулок между стеной и каменной оградой сада ессеев. За редкими деревьями сада проглядывали низкие, сложенные из желтого камня строения...

В тупике росло ореховое дерево, а под ним между толстых корней пробивался студёный родничок, по глиняному желобу, по канавке убегающей под ограду сада. Люди не стали огораживать закоулок, чтобы каждый желающий мог напиться воды и отдохнуть в тени ореха, где трава была особенно густой и манящей.

На камне возле родника сидел человек. Он был закутан в ветхий порыжелый плащ, босые ноги его утопали в траве, на икрах были заметны вздувшиеся жилы. Он сидел, опустив голову, и чертил палочкой в пыли, покрывающей тропинку, непонятные знаки. Длинные каштановые волосы, упав, завесью закрывали лицо. Покой и тишина царили здесь, лишь журчал родничок и в кроне ореха перекликались птицы.

Услышав шаги, человек поднял голову. Взгляд его был спокоен и кроток. Мягко курчавились борода и усы, а в темных глазах его застыла печаль, как у человека, повидавшего слишком много земных скорбей. Это был Эа-Шеми.

Геро вспомнил, что часто замечал в толпе это бледное лицо с курчавой бородачкой, как бы случайно брошенный на него внимательный взгляд, а иногда проплывал мимо него в темном переулке ветхий плащ одинокого прохожего, и на бегу пронзительно вглядывались в Геро глаза Эа.

По обычаю, встретив незнакомого человека, нельзя пройти мимо, не поинтересовавшись его здоровьем и не спросив, в чем он нуждается.

- Благодарю тебя, Геро, у меня все хорошо, - ответил Эа.

- Откуда ты знаешь мое имя? - удивился юноша.

- Кто в Дербенте не знает воина Мариона, тот равнодушен к прошлому, а кто безразличен к его сыну, того не интересует будущее.

Недавно отец сказал Геро, что простому смертному не дано провидеть будущее, равно как участнику большой битвы не дано определить, на чью

сторону склонится победа. Пророчества доступны только вершителям судеб. Но ведь тогда выходит, что Эа один из вершителей - не появившись он в Дербенте, не было бы ессеев.

- Будущее, Геро, в желаниях людей, но вести за собой, быть пастырем дано немногим... А ты скоро будешь великим воином, - словно угадав, о чем подумал юноша, произнес Эа. Геро смутился. Как Эа догадался об этом,

испепеляющем душу Геро желании?

- Отец послал меня к тебе...

- Он хотел, чтобы я поговорил с тобой?

- Да.

- Тогда я спрошу тебя, а ты не удивляйся вопросу, каким бы странным он тебе не казался. - Эа говорил тихим голосом, опустив голову, вычерчивая палочкой в пыли волнистую линию. - Я хочу спросить тебя: был ли ты хоть раз на полянке, что находится в зарослях возле дороги, ведущей к морю? Там тоже есть родник и много цветов... Об этой поляне мало кто знает. Даже мальчишки - слишком неприступны заросли. Так был ли ты на той полянке?

- Если ты имеешь в виду место, где растут дикие мальвы, то был.

Кажется, два раза.

- Как ты попал туда в первый раз?

- Случайно.

- А второй?

- Также случайно... И больше я там не был. Правда, однажды я возвращался домой после купания и свернул на тропинку, что ведет к той поляне... Но я вернулся.

- На ту поляну не ведет тропинка, Геро, - медленно сказал Эа, не поднимая головы.

- Тогда как я попал туда два раза? - Геро напрягся: уж не заподозрил ли Эа его во лжи? Впрочем, что можно ждать от сумасшедшего? Хоть отец и говорил об этом есее хорошие слова, но разве нормальный человек станет спрашивать о какой-то забытой всеми поляне, где растут дикие мальвы? Да, Геро был на той поляне. Но и в первый и во второй раз он напился ледяной воды и тотчас убежал. Ему там показалось скучно и одиноко. Разве это плохо? Когда Геро выбрался из зарослей и, отбежав, оглянулся, он действительно не обнаружил тропинку, по которой ушел с поляны: везде стеной стояли колючие заросли, оплетенные ежевикой и еще какой-то дрянью, название которой он забыл. Может, этот странный есеей и прав, что туда нет тропинки. О, Уркацилла, сегодня какой-то непонятный и путанный день! Но отчего так печален Эа?

Эа зябко закутался в плащ, голос его донесся как бы из отдаления:

- Туда, Геро, тебя вела память души. Ее или хранят или утрачивают...

В каждом ребенке две искры, вспыхнувшие от могучих светильников!.. Два пути перед каждым, два пути! Но желания плоти рождаются и умирают с плотью. Желания разума рождены вселенной и стремятся к вселенной. Потому бесконечны. Великое совершенство ожидает человека на втором пути, ибо только здесь он обнаружит в себе бога! - Эа вначале говорил медленно, неохотно, но потом речь его стала быстрее, возбужденнее. Он поднял голову, в глазах сверкнул огонь. Есеей глядел поверх головы Геро и продолжал как бы в забытьи: - Поколения будут сменять поколения... И брат пойдет против брата, сказавшего: "Это мое и это мое!" - ибо не захочет уступить! Ибо каждый скажет: "Я лучший из вас! И мой дом, и дети мои, и скот мой, и все, что именуется жизнью моей, - все лучшее!" - Великого могущества достигнет человек на пути соперничества, создаст орудия, сокрушающие материки, иссушающие моря! Будут вздыбливаться горы и проваливаться земля от ветра безумия, ибо люди впадут в отчаяние, перестав верить в разум свой, и необузданность станет мерилем ценности, а сила не найдет узду! Надежда возрождается лишь в детях... - Эа-Шеми замолчал и вновь опустил голову.

Прошло время. Эа, задумавшись, чертил палочкой знаки: кружочки, прямые и волнистые линии. Густая пыль медленно засыпала их. Геро, решив, что эссеи забыл о нем, напился воды, поднялся. Эа сказал:

- Скоро я уйду из Дербента...

- Если отец спросит куда, что ему сказать?

- Я пойду берегом моря... Впрочем, перед уходом я увижусь с ним...

Прощай, сын Мариона! Мы еще встретимся... Правда, это случится не скоро. И передай отцу: понять - значит простить.

Как разобраться в ворохе разноцветных дневных впечатлений уму, не привычному и не искушенному в поисках сходства в разных внешне вещах и отличий - в сходных? Геро понял, что отец задал ему трудную задачу, посылая в город смотреть и слушать, явно не для развлечений, а чтобы в чем-то убедить. Но в чем? Понять - значит простить - что это означает? Эа говорил: измените жизнь, и греховность исчезнет. Эссеи живут безгреховно. Геро не хочет такой жизни. Если бы ему сейчас сказали: "Будь таким, как все, не превозноси себя перед другими, не пользуйся большим, чем другие, и ты обретешь счастье!" - он с возмущением отверг бы это предложение. Но к тому, к чему стремился Геро, стремятся многие, равно как другие к богатству, и только время покажет, чье желание исполнится. Это понять можно. Даже можно и простить. Но не уступить!

12. ВСТРЕТИТЬ БЫ ТОГО ХАЗАРИНА

Самые дорогие воспоминания, которые хранит и лелеет человек на чужбине, - воспоминания детства. Поэтому Микаэль всегда с удовольствием рассказывал Геро о своей юности. Однажды, когда сын Мариона был еще мальчиком, он поведал, как на родине, подражая взрослым, он и другие подростки делали из камышинок трубочки и сидели под водой, дыша через полую камышинку. Марион, слушавший друга, воскликнул:

- Да ведь это военная хитрость! Геро, запомни ее, она может пригодиться: неизвестно в каких краях придется тебе побывать. А тебя, Микаэль, прошу: покажи сыну, как это делается... Жаль, поблизости нет озера или реки...

- Но зато есть море, - возразил Микаэль. - А тростник растет в ущелье по ту сторону Южной горы. Пусть Геро срежет охапку, и я непременно испытаю мальчика...

На следующий день Геро принес несколько трубок. Выдолбил их он на площадке, где позже убил волка, и две штуки на всякий случай припрятал в расселине скалы. В тот же день Микаэль и Геро отправились на берег моря. Через несколько дней Геро мог уже плавать под водой, лежа на спине и высунув из воды лишь кончик камышинки. Воистину пути судьбы неисповедимы: разве мог славянин Микаэль в юности предположить, что пройдет время - и он будет обучать албанского юношу славянской хитрости. Да и сам Геро, спустя годы, не раз поблагодарит благосклонного Уркациллу, давшему ему в

наставники чужестранца. Впрочем, славянская хитрость пригодилась ему гораздо раньше.

Купив Микаэля за большие деньги, прежний филаншах дальновидно не превратил Микаэля в раба, понимая, что раба хоть и можно заставить работать и даже изготовить то же количество изделий, что способен изготовить свободный, но никогда господин не сможет заставить раба сделать добротную, а тем более прекрасную вещь, ибо рабство и вдохновение - несовместимы. Оставив славянина свободным, прежний филаншах проявлял к нему всяческое благоволение и даже приказал шихвану оружейников построить для славянина дом в Верхнем городе, намереваясь женить его. Но вскоре филаншах погиб на охоте. Микаэль так и остался жить в пристройке к

мастерской и теперь уже сам не захотел жениться, объяснив однажды Мариону, что не следует заводить семью, когда не знаешь, что ждет тебя завтра (он тогда еще не был христианином). Его уважали за ум. Геро а разговоре с отцом о Бусснаре, сказав, что у него не два языка, лишь повторил фразу Микаэля, ставшую поговоркой в Дербенте. Однажды славянин заметил Обадию: "У тебя во рту два языка: один для бога, другой для ближнего". Его ценили за мастерство, так как не было в Дербенте мужчины, который бы собственную безопасность не ставил в зависимость от прочности кольчуг и крепости мечей. Случалось, на торговой площади устраивались даже перекупные торги на оружие Микаэля, когда приобрести его желали многие. Доходы от продажи оружия шли в казну и филаншаху, а потому за торгами следил преданный филаншаху осведомитель Урсуф. Иногда Микаэлю платили за услуги, которые он оказывал горожанам в ремонте изделий из железа, эти деньги Микаэль тратил на гостинцы детям Мариона, к семье которого он успел привязаться.

Геро обрадовался, когда на второй день, идя в город, случайно встретил Микаэля возле ковроткацкой мастерской. Микаэль был чем-то озабочен и шел стремительно. Он бы не заметил юношу, если бы тот не окликнул:

- Мира и благополучия, домисто! Куда направляешься?

Под легким навесом мастерской стояло несколько вертикально укрепленных станов с натянутыми на каждом основами из разноцветных нитей. По две женщины возле каждого стана проворно вплетали челноками в основу толстые шерстяные нити.

- Кузнец Оскар прислал ко мне сына - мол, изготовил повозку, приходи посмотреть, - объяснил Микаэль, когда они от ковроткацкой мастерской свернули направо и дорога пошла мимо длинного ряда серых глинобитных гончарен. Возле ближней несколько рабов месили голыми ногами глину, с трудом двигаясь в вязком тесте.

Геро повозки не интересовали, но он отправился вместе с Микаэлем, печальный вид которого несколько встревожил юношу. Не решаясь сразу заговорить о том, что его обеспокоило, Геро спросил:

- Домисто, почему ты стал христианином? Почему ты не выбрал покровителем нашего Уркацилла, ведь тебе к этому не было бы препятствий...

- Лучшего бы я и не желал, - вздохнул Микаэль, - но Уркацилла, пусть будет он чтим вами во веки веков, покровительствует только тому, чьи предки захоронены на этой земле...

- Ах, да... Я не подумал об этом... Но почему ты не стал огнепоклонником?

- Разве я не рассказывал тебе, что у меня на родине есть обычай сжигать трупы умерших и погибших [в "Повести временных лет" сохранилось описание вятичного погребального обряда, распространенного у восточнославянских племен: "...и аще кто умряше, творяху тризну над ним, и посемень творяху краду великую и възложяхуть й на краду, мертвеца сожьжаху, и посемень собраще кости, вложяху в судину малу, и поставляху на столпе на путех..."]. И мне неприятна даже мысль, что когда я умру...

- Живи, пока светят солнце и луна! - привычно произнес Геро пожелание долголетия.

- Благодарю тебя, так вот, я не хочу, чтобы мой труп после смерти бросили в "башню молчания" как падаль...

- Но ведь христиане зарывают умерших в землю.

- Я не договорил, Геро...

- Прости, домисто! - юноша ласково коснулся натруженной руки Микаэля.

- Я хотел спросить - отчего ты сейчас печален? Прости и на этот раз, если любопытство мое неприятно тебе...

Мастер некоторое время шел молча, погруженный в свои мысли. Молчал и Геро, боясь показаться назойливым. Когда они вошли в переулочек, ведущий к кузнице, славянин задумчиво проговорил:

- Сегодня я увидел сон, Геро, который давно уже не посещал меня. Как

будто я вернулся к себе на родину. Отнесла меня туда птица Самург и опустила возле избышки на поляне в ельнике. Эту избышку я поставил, когда на болотах собирал железную руду. И вот смотрю - в домике свет горит... Захожу, а там мой покойный отец на лавочке меня поджидает, в белой рубаше, седой... И говорит мне: долго же ты не возвращался! Я вот все жду, когда ты по мне тризну справишь! - Голос славянина дрогнул. - Я виноват перед родителем, Геро!.. Он остался непогребенным...

- Но ведь тебя захватили в плен!

- Да, в плен!.. Но душа родителя, видно, тоскует, ждет...

- Домисто! Тебе надо вернуться на родину!

- У меня нет большего желания, Геро, но...

- Я отправлюсь с тобой!

- Какими бы мы ни были богатырями, но пройти через земли хазар, буртасов, алан, торков...

- Мы наймемся в охрану торгового каравана!

Микаэль только тяжело вздохнул. Геро остановился, придержал Микаэля и, глядя на разгорающееся солнце, воскликнул:

- Клянусь Уркациллою всевидящим и его супругой Весшной, я отправлюсь с тобой на твою родину!

В это время славянина окликнули:

- Микаэль! Микаэль!

Выбежав из-под столбчатого черепичного навеса, кузнец махал им рукой. Он был бритоголов, чумаз, в прожженном во многих местах дерюжном фартуке.

- Мира и благополучия вам! Вон моя повозка! - Аскар указал под навес, где толпились люди. - Я только что закончил и выволоч на обозрение. Повозку одобрили, Микаэль!

Простодушное бахвальство прозвучало в его голосе, и Аскар, чтобы скрыть детскую радость, осветившую его выпачканное сажей лицо, провел по нему широкой ладонью, запачкав еще больше.

- Это моя двадцать пятая! Вон на том столбе я всегда делаю зарубку после очередной, но эта - особенная!

Он радовался как мальчишка, чуть не приплясывал. А ведь год назад у него умерла жена, а вскоре и сын, и кузнец едва не умер с горя. Эа-Шеми однажды сказал: "Станут люди как дети! И велика будет у них радость, а обиды легки!"

Толпившиеся под навесом уважительно расступились перед мастером. Повозка действительно оказалась особенной, такой в Дербенте еще не изготавливали.

Повозки в Дербенте были грубы и прочны: рамы и оси вытесаны из тонкомерных бревен, коробка сколочены из толстых досок, огромные колеса выпилены из дерева - сплошной деревянный круг, окованный для прочности железным обручем. Чем прочней, тем надежней. А прочность - в массивности. Ведь недаром и среди людей самые массивные - самые сильные.

Эта же до умопомрачения хрупка. Это была даже не повозка, а что-то новое, чему на первый взгляд нельзя было подобрать сравнения. Она напоминала тонкую осу, если прежние сравнить с неуклюжим жуком. Колеса были похожи на кольца и впору были бы на палец какому-нибудь одноглазому великану. По окружности колес - тонкие железные спицы, одним концом упирающиеся в желобочный обод, другим - в барабан ступицы. Верх повозки напоминал длинное кресло со спинкой в виде двух поднятых крыл. Впереди кресла - круглое сиденье для возницы, обтянутое светло-желтой кожей. Обычная повозка - пять локтей ширины, не менее десяти длиной. А у хазар, говорят, еще громаднее. Эта же была гораздо уже и вдвое короче. Словом, игрушка. Люди, ожидая, что скажет Микаэль, негромко переговаривались:

- Хороша, но бесполезна.

- Зато легка.

- Но прочна ли?

- Для груза не годится. Баловство.
- Почему непременно для груза? А если в гости?
- В гости - и на лошади... или пешком.
- А с детьми? С женой?
- Те пусть дома сидят! Это баловство - жен и детей к легкой жизни приучать!
- А если болен?
- Ха-ха! Еще скажи - без ноги!..
- И скажу! Мой сосед Шаруд без ноги. Сын его на себе, если куда надо, носит...
- Так они разве смогут купить такую повозку? Она же, наверное, не меньше динара будет стоить!
- Такую в верхнем городе сразу купят! Чтоб похвастаться: ни у кого нет, а у нас - есть!
- Да вы о чем? Разве не видите - баловство... Для нее ж дорога нужна! Как она по ухабам поедет?
- Вот бы до Семендера дорогу построить! Да хороших лошадей! Два дня - и там! Неслыханно!
- Аскар! Аскар! - выкрикнул кто-то. - А если верх кожаный сделать, как навес? Чтоб от солнца...
- Почему только от солнца? От дождя.
- Шатер поставить, как у хазар...
- Зачем шатер? Он тяжелый... Каркас сделать и кожей обтянуть...
- А вот здесь - подножку! Чтоб влезать удобнее!

Удивительно, но каждый из этих людей и прежде много раз видел повозки, но ни у кого даже мысли не возникло, чтобы улучшить ее, но вот поразило их нечто новое, оценили они полезность его - и появилось у многих желание выдумать свое, улучшить. И не останется изобретение втуне, заговорят о нем, распространятся слухи окрест, дойдут и до других земель, как волны от брошенного камня.

Микаэль медленно обошел сооружение вокруг, осмотрел, велел Геро сесть на сиденье, тот лихо, в два прыжка взлетел в кресло, повозка мягко качнулась, как бы вжалась, но тут же выпрямилась. Кто-то восторженно ахнул.

- Аскар, вот эти пластины зачем? - Микаэль, присев, показал на изогнутые вверх железные пластины, закрепленные на оси.

- А почему, как ты думаешь, повозка выпрямилась? - вопросом на вопрос ответил кузнец.

- Неужели от них? - Микаэль посидел, что-то прикидывая в уме, обернулся к кузнецу: - Аскар, сам придумал?

- Нет, Микаэль, мне подсказал один человек. Ты его не знаешь. Звать Хармас. Еще когда мы были молодыми, он исчез из города. А теперь объявился. Зашел ко мне в кузню. Долго смотрел на работу, потом спросил: "Зачем ты делаешь такие огромные колеса?" Я ответил, что делаю, как делали до меня. Тогда он сказал: "Смотри, что я сейчас нарисую!" И начертил на земле повозку, которую вы сейчас видите, и спрашивает: "Сможешь изготовить такую?" Я ответил: "Конечно! Только она слаба будет". Он говорит: "Поверх оси закрепи пластины..." Объяснил все и добавил, мол, сделай, за прочность ее я ручаюсь. И купят у тебя ее непременно и еще закажут такие же. Красивая вещь льстит тщеславию...

- Где сейчас Хармас? - поднимаясь, спросил Микаэль.

- А он к тебе не заходил? Перед уходом сказал, что зайдет к оружейнику, чтобы показать, как изготовить лук, дальнобойность которого не будет зависеть от силы лучника...

- Такого - не может быть! - быстро сказал Геро. Раздались нерешительные голоса:

- Конечно, разве стрела летит не от натяжения?

- А натяжение - от мощи стрелка... Это же ясно!

- Кузнец пошутил!

- Кто пошутил? Я пошутил? - обиделся Аскар. - Вы сначала дослушайте!.. Хармас сказал, что лук нужно плашмя укрепить на деревянном ложе и устроить натяжной механизм с рычагом... А в рычаге-то и сила!..

- Оп! - от изумления кто-то громко захлопнул рот.

- А ведь просто!

- А я говорю: баловство это! Если луки будут сами стрелять, мечи сами рубить...

- А щиты сами закрывать...

- Зачем тогда воины? Зачем их тогда и обучать?

- Вот и хорошо! Тогда любой может сравняться с богатырем! Ты сильнее меня, а я тебя саморубным мечом р-рраз!..

- О-о-о! - озарило вдруг кузнеца. - Тогда, может, и войны кончатся! Если все станут равны, кто будет победителем? А?..

- Аскар, где сейчас Хармас? - опять спросил Микаэль, забыв, что об этом уже спрашивал.

- Я сам его вчера искал, хотел повозку показать, да не нашел. Может, на торговой площади? Или опять ушел: он как ребенок себя ведет...

Микаэль, не дослушав, торопливо вышел из-под навеса, Геро заспешил следом. Они направились к караван-сараяю.

- У него большой лоб и очень светлый взгляд! - кричал вслед им кузнец. - Ты узнаешь его по лбу-у!..

Если Хармас и бродил в этот день на торговой площади, то обнаружить его в многолюдстве и толчее базара было равносильно - как говорили леги - во множестве летящих в тебя стрел успеть увидеть зеленую. На всякий случай Микаэль и Геро обошли мастерские, спрашивая, не заходил ли к ним человек с большим лбом и светлым взглядом. И никто не удивлялся тому, что они пытаются найти человека по таким скучным приметам, а, подумав, отвечали, что такого у них не было - нет, не было, иначе запомнили б. Взгляды бывают разные, но светлых мало.

- Ах, Геро, - с горечью сказал Микаэль, когда они возвращались обратно, - будь я на месте филаншаха и узнай о появлении в городе Хармаса, я бы приказал немедленно разыскать его и...

Геро, на которого ни повозка, ни новость о луке не произвели особого впечатления - первое его совершенно не интересовало, а второе обидело тем, что уравнивало со слабыми, - сердито и ревниво перебил Микаэля:

- Чем этот Хармас лучше тебя, как уста, что тебя так сильно поразило в нем?

Микаэль остановился, испытующе глянул на юношу, спросил:

- Ты догадываешься, зачем отец посылал тебя в город?

- Нет, - признался Геро. - Отец хотел, чтобы я увидел как можно больше...

- Попробую тебе объяснить, почему, будь я филаншахом, приказал бы оказать содействие Хармасу. Дело в том, Геро, что, сколько помню, я всегда ковал оружие... И даже в тот день, когда на наше селище напали хазары, не оставил начатой работы. Огонь в горне пылал так сильно!.. И отец не покинул меня... Брось я меч, беды бы не случилось!

- Какой меч, домисто? Ты не рассказывал об этом!

- Неприятно вспоминать о собственной глупости, Геро, но как-нибудь расскажу... Я люблю свою работу и старюсь ее хорошо выполнять. Но мои знания, Геро, перешли ко мне от отца или других людей. Если я и придумывал что-либо, то самое незначительное... И мне никогда не приходило в голову, что лук можно, оказывается, укрепить на ложе! Человек, способный увидеть в обыкновенном необыкновенное - великий мудрец! Бусснар как-то рассказывал о греке Архимеде, прославившем город Сиракузы. Хармас мог бы стать славою Дербента! Таких людей очень и очень мало... Много ли ты видел в городе людей, придумавших нечто новое? Но я вижу, тебе скучно слушать это?

- Да, скучно, ты прав, домисто, лучше расскажи о своей родине и какая с вами случилась беда. Ты ни разу не говорил, сколько до вас дней пути и по каким землям придется проезжать. - Мысль выполнить обещание, данное утром Микаэлю, крепко засела в голове Геро, не давала покоя.

Микаэль почему-то вздохнул, как после трудной работы, сказал:

- Вседержитель посылает таких как Хармас на землю в особенное время, но, боюсь, Хармаса здесь встретит равнодушие. Сядем-ка вот на эту скамеечку. - И, когда они уселись, он продолжил: - Тебе, Геро, надо непременно научиться понимать рисунки, на которых изображены пути, особенно знать расстояния, помнить дороги, реки, переправы через них, где какая местность, где хорошие травостои...

- Мне об этом говорил отец, - согласно кивнул юноша и оживился: это было то, чем он займется с удовольствием в любое время. - Он мне уже рассказывал о дорогах на юг! Теперь твоя очередь поведать о путях на север! Но меня уже не интересуют великаны, льды, небесные костры...

- Ты быстро взрослеешь, Геро, - улыбнулся в бороду Микаэля. - Тогда смотри, - он сапогом расчистил перед собой место, обнажив черноту земли, острием палочки провел извилистую черту, длиной в локоть, изогнув ее вверху, - это берег нашего моря. Дербент находится здесь, - он ткнул палочкой в середину черты. - Пеший дневной переход равен примерно пяти фарсахам, конный - восьми... От Дербента до этого места, - Микаэль показал на вершину черты, - примерно одиннадцать - двенадцать конных дневных переходов. Дальше берег уходит вправо, противу солнца, то есть на восток. В месте изгиба в море впадает огромная река, которую тюрки именуют Итиль, она течет с севера... Семендер - столица хазар - в двух конных переходах от Дербента, - Микаэль отметил, где Семендер. - А после трех дней пути на север горы уходят влево, образуя долину, она плоская, как стол. Вот здесь обильные травостои, и я слышал, в этих местах можно все лето кормить сотни тысяч коней. По долине течет река, которую хазары зовут Те-ре-це [Терек], она быстра и мутна, но переправиться через нее не трудно... Это все земли хазарских племен... - Микаэль чертил, показывал, Геро слушал, затаив дыхание. - Слева от хазар, в предгорьях, живут аланы - народ, чуждый хазарам, - многочисленный, воинственный. Аланы не знают ничьей власти, кроме власти своих князей, у них много хороших оружейников, они тоже пасут стада. Этот народ постоянно воюет с хазарами и ко всем, кроме хазар, настроен дружелюбно. Я у них жил два года и не испытывал обид... На заход солнца за аланами обитают черные булгары, которые пришли в эти места вместе с хазарами, когда те были хуннами... Если от Семендера ехать на север, оставляя по правую руку Итиль, то в четырех переходах от Те-ре-це начинаются песчаные холмы. Здесь часты ветры, поднимающие тучи песка, губительные для животных. Песчаные холмы надо проходить как можно быстрее, дав коням хороший отдых перед переходом, и обязательно нужно иметь запас свежей воды - там если и встречается вода, то соленая, губительная для людей и животных. За песчаными холмами начинается обширная степь, где растет седая трава [ковыль], такая высокая - всадник скрывается с головой... Идти нужно по степи двадцать переходов. Земли тут хороши для передвижений, но плохи для выпаса: часты засухи, дуют горячие ветры, но случаются хорошие лета, когда выпадает много дождей, тогда здесь задерживаются на длительные кочевки степные племена. Их здесь, я слышал от купцов, перебивало очень много: скифы, сарматы, хунны, авары, мадьяры... Сейчас, говорят, туда пришли гузы и торки - родичи хазар, но им не подвластные... Эти племена не знают письменности, у них нет городов, поклоняются они своим богам от предков. Любой, кто живет не по обычаю степи, для них враг!.. Эти места самые опасные для караванов. Чтобы пройти их, нужно сильное войско. Здешние кочевники, хоть и полудики, но придумали много полезных вещей: седла, стремяна, саблю. Я до сиз пор не могу узнать, из какой стали сабли изготавливаются. От тех мест до моей родины еще двенадцать полных конных переходов. Там уже начинаются леса, и большим стадам мало простора. Моё

селище находилось в трех днях пути от начала леса. У нас много озер, рек, полных рыбы, болот с железными рудами... Ах, как хорошо на родине! О Иисусе милостивый, пожить бы хоть перед смертью в избе, подышать ее запахами!.. Столб бы отцовский увидеть, на котором отец каждый день зарубки делал!.. Мне часто этот столб снится, будто ранним утром выхожу из избы и вижу его, - Микаэль замолчал, руки его бессильно повисли.

Чтобы отвлечь друга отца от грустных воспоминаний, Геро спросил:

- Домисто, а что такое ис-ба? И зачем делались зарубки на столбе?

- Изба - это жилье с печью. А зарубки - чтобы время знать: в какой день пахать, в какой - сеять, в какой - зимы ждать или праздник проводить. В самую светлую летнюю ночь у нас праздник был... Девушки венки плели, по реке их пускали - гадали! А в день, когда зиму встречать, парни и девушки вечерами по избам ходили, песни пели, плясали, а им за это пироги, дичину выносили... А как зиму провожали! Хозяйки блины пекут, молодежь на санках с горы катается! Масленица!.. Эх, я мало веселился, Геро, - печально вздохнул Микаэль, - больше по болотам бродил, руду искал. Мечтал такую руду найти, из которой бы можно было необычный меч выковать! Который бы любую броню пробивал! Однажды мне и покажись, что я такую руду нашел. Домой принес, молотом измельчил, большой костер развел - чтобы из руды примеси выжечь. А отец, как сейчас помню, подошел ко мне и говорит: "Не успеешь, сыно!" Я спросил: "Почему?" А он и говорит: "Посмотри, небо-то какое..." Я глянул, небо черное, и день кажется вечером, хоть солнце еще не село. Отец и объяснил - он ведун был, будущее мог предсказывать - это степь горит от засухи великой. Я удивился: до степи-то эвон сколько! А отец сказал: "Увлечен ты слишком своим мечом, ничего вокруг не замечаешь, степь-то уже пятнадцать дней горит, я пятнадцать зарубок сделал после того как небо дымной тучей заволочло! Боюсь, нагрянут к нам неожиданные гости!" К нам вороги-то степные и раньше приходили, но редко и осенью, непременно, когда урожай собран, рыба засолена, дичина и мед припасены, кожи

выдублены, а скот жир нагулял. Я и возрази - если и объявятся, какая им сейчас прибыль, ведь весна на дворе. Отец грустно так сказал: "Одна беда порождает другую, сыно!.. Если новые степняки пришли в предлесье, им обязательно разведать нужно, где наши грады стоят... Так что не успеешь, сыно, чует мое сердце, ноет, как перед непогодой". Какое там не успеешь! Я упрямый был. Руду обжег, крицу вытопил, поковку добрую сделал. За несколько дней управился. Начал меч ковать... всю ночь, помню, ковал. Изготовил, закалил меч, начал над ним наговор читать... А тут и степняки объявились. Родитель-то прав был, я ничего вокруг не замечал. Он родичей предупредил, чтобы из селища ушли, а сам остался, не захотел меня покинуть. Видно, уж знал: чему быть, того не миновать. Ворвались хазары в селище, начали по избам шарить. А то, что это хазары были, то я теперь точно знаю. Видно, племя у них отбилась от орды. Я с Рогаем разговаривал, он мне и объяснил: мол, берсилы в тех краях оставались зим тридцать назад, несколько лет кочевали, а потом пожар случился, они к своим ушли. Рогай говорил, что теперь племя берсилов большую власть в каганате взяло и каган ихний Турксанф из рода берсилов - Ашины называются. А часть этого племени сейчас возле реки Озень кочует... Может, те самые, что к нам приходили? Эх, встретить бы того хазарина! Предводителя ихнего! Отец мой добрую зарубку на его лице оставил! Теперь кровник он мой: смерть отца на нем!..

- Какой он из себя, домисто?

- Я б его сразу узнал! - помолчав, мрачно отозвался Микаэль. - Такого да не узнать! Взгляд, как у оскалившегося волка... Глаза красные, словно у грифа... Богатырь он, как и твой отец... - Славянин тяжело поднялся, не заметив, наступил ногой на рисунок. - Да, сон я сегодня видел, Геро, тоскует душа родителя. И моя... Вот почему я принял христианство, мальчик. Если уж в этой жизни домой не вернусь, так хоть после смерти! Если есть рай, то этот рай, мне кажется, должен быть похож на родину детства!

Другого рая ни от Бога, ни от людей мне не нужно!..

- Домисто, если я встречу того богатыря, я его убью!

- Я верю, мальчик! Благодарю тебя... Кроме тебя и Витилии у меня уже не будет никого дороже в этой жизни. А теперь иди домой и скажи отцу: если появится желающий провести испытательный бой, без меня не начинайте!..

Возвращаясь домой, Геро думал о богатыре-хазарине, взгляд которого похож на волчий. Конечно, такого он узнает сразу! Только бы встретиться! Себя он видел в сверкающем панцире, с тяжелым копьём в руке, почему-то ранним утром на лесной поляне, на которой стоит столб с зарубками, возле столба - красноглазый богатырь, обхвативший столб руками и раскачивающий его, пытаясь вырвать. Тяжелое копьё Геро пронзает богатыря и пригвозждает к столбу.

Дома был только отец. Они молча поужинали. Перед ужином Марион бросил в огонь очага кусочки пищи, с особенным значением сказал:

- О Нишу, хранитель наш! Прими от сердца, мы помним о тебе! И ты не отверни лика благожелательности, дабы не омрачились дни наши! Окажи благоволение Геро - продолжателю рода моего, поддержи его в трудную минуту, пусть глаза его станут всевидящи, мысль остра, мышцы неутомимы, да не коснется души его страх, а языка - ложь!

Пламя, ярко вспыхнув от бараньего жира, с треском пожирало подношения, пляшущие языки его весело взвивались, наклонялись с невнятным бормотанием в сторону отца и сына, словно говорили о чем-то. Геро приободрился: предки явно помнили о нем.

- Что же ты видел и слышал за эти два дня, сын? - Марион испытующе, как Микаэль, глядел на сына, словно искал на его лице следы неких изменений.

Геро, стараясь ничего не забыть, рассказал обо всем, что видел и слышал. Закончил он рассказ словами Микаэля: "Кровник он мой!.." Славянин не простил хазарину смерти отца своего. А ведь Микаэль христианин! Геро поклялся убить хазарина по обычаю, ибо он сын друга кровника, у которого нет родичей, и в случае, если кровник не сможет отомстить, право на месть передается его друзьям. Геро поклялся не задумываясь, но теперь, когда в его памяти всплыли - одно за другим - проповедь жреца огнепоклонников, разговоры на торговой площади, слова Эа-Шеми: "Понять - значит простить!" - он растерялся: все ли он делает правильно, даже поступая по обычаю? И словно отвечая на его мысли, отец задумчиво сказал:

- Итак, прошлого уже не вернуть. Понять - значит простить, и все равно - прошлое виновато пред будущим! Я виноват перед тобой, Геро, что воспитал тебя, согласно обычаям, надо было иначе, - отец умолк, видимо, не решаясь произнести слова, смыслу которых противился его разум. Помолчав, он переспросил: - Эа-Шеми расспрашивал тебя, был ли ты на поляне в зарослях, куда нет тропинки? Ты сказал, что попал туда случайно? А я, сын, ходил туда не случайно! И много раз... - Марион оживился. - Хорошо помню, как попал туда впервые. Это случилось, когда я был... - Марион не успел закончить фразу.

В переулке послышались голоса, топот ног, калитка распахнулась, и во двор шумно ввалились громогласный Меджуд, веселый Золтан, массивный купец Аскар, стеклодув Шакрух и еще несколько леггов и даргов. Геро сразу заметил у Золтана меч, который тот даже не вложил в ножны, а нес в руке как палку, а Бурджан за скобу держал щит.

- Мира и благополучия! Мира и благополучия! - оживленно здоровался каждый, а Бурджан после приветствий сказал, шутливо подмигивая Мариону:

- А мы шли мимо, решили: давай зайдем! Навестим друга! Заодно и вина захватили! Почему б после караула не повеселиться? Обычаем это не запрещено, тем более законом персов... Как там в тринадцатой строке шестого столбца? Ага! "После уплаты налога разрешается выносить на продажу овощи, вино, фрукты..." А для чего вино выносится на продажу? Ведь не для омовений же! А где же Геро? - без перехода спросил Бурджан как бы

невзначай. - Ага, вот он! Ого, какой здоровяк! Золтан, эй, Золтан! Тебе трудно придется!..

Геро только после этой фразы догадался, кто поведет с ним бой. Ну что ж, Золтан сильный и умелый воин. Плохо только, что друг отца и, наверное, не станет серьезно сражаться. С каким азартом скрестил бы сейчас Геро свой клинок с Бусснаром или Уррумчи. На худой конец с надсмотрщиком Дах-Гадом. Уж эти оказались бы настоящими противниками. Каждый из них думал бы только о победе.

- Не пора ли начинать? - пробасил Маджуд. - Геро, неси светильник!

По обычаю схватка должна длиться от начала и до конца полного сгорания жгута светильника толщиной в палец и длиной в ладонь. Если за это время никто из сражающихся не побеждал, схватка объявлялась ничейной, но считалось, что испытуемый посвящение прошел, как более молодой и неопытный.

- Кто сказал начинать? - вдруг раздался от калитки знакомый, шутивно-возмущенный голос. В ней показался Микаэль. И не с пустыми руками. Геро, забыв обо всем, бросился к славянину. В одной руке Микаэль держал меч в ножнах и широкий боевой пояс, а в другой - тускло отсвечивающий щит. - Как можно начинать без оружия? - прокричал мастер. - Геро, держи!

О, Уркацилла! Его собственное оружие! Меч! Геро вырвал его из ножен! В два локтя длиной, в ладонь шириной, обоюдоострый, заточенный до той остроты, когда достаточно взгляда на дымчатое мерцание стали, чтобы ощутить близость смерти, блестящий, с костяной витой рукоятью, с канавкой посередине лезвия! Щит! Выгнутый в центре наружу, с множеством заклепок по внешнему обводу, с прочной захватной скобой, с кожаным ремнем, чтобы щит можно было забросить на плечо, при легчайшем соприкосновении издающий чистый благородный звон металла превосходной закалки! Толстый пояс из буйволиной кожи с приклепанными по всей длине стальными пластинками, способными выдержать колющий удар в живот, гибкая чешуйчатая портупея, на каждой клепаной чешуйке изображение всадника или пешего воина!

Все, толпившиеся во дворе, любовались оружием, как могут любоваться только ценители - как кревоугодник, смакующий изысканное блюдо, как сладострастник перед прекрасным женским телом - когда созерцание вызывает наслаждение, сравнимое лишь со сладкой болью. Воин поймет воина. Геро готов был взвизгнуть. Все богатство Дербента, да что там - мира! - в его представлении было лишь тусклой грудой мусора перед этим благородством форм. Он наслаждался запахами кожи, звоном щита, не выдержав, он в восхищении лизнул одну из чешуек, чем вызвал добродушный понимающий смех.

А потом был бой! И Геро, и Золтана азарт захватил гораздо раньше, чем они пошли друг на друга. На щите Золтана виднелись вмятины от страшных ударов, и меч его стал выщерблен, но владел он ими с умением мастера. Золтан занес меч!.. Со стороны кажется, замах неотразим... Подставлен щит! Гул столкнувшегося оружия для Геро - лучшая песня. Меч скользит по обводу, Геро наносит удар. Золтан прикрылся щитом. Удар! Уход вправо! Удар! Упоительный звон щита. Прыжок! Нырок! Подсед! Блеск мечей! Свист рассекаемого воздуха! Хорошо!..

На крыльчке в плошке догорал светильник. Пылал огонь в очаге, казалось, сам великий Нишу пламенными глазами всматривается в схватку.

Как бы молниеносны ни были удары Золтана, Геро легко отражал их, не забывая следить за светильником. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за юношей. Одобрительно кричали при удачном приеме, мычали в восхищении от ловкого ухода. Вот прощально ярко вспыхнул светильник перед тем как погаснуть. И тотчас Геро, сделав обманное движение, ушел вправо, нырнул под левой рукой Золтана и оказался за спиной его. Этот неожиданный прием отец называл "захват" и сам применял только в юности, потому что "захват" требовал необычайной гибкости и быстроты. Чтобы защитить спину, противник должен был, отпрянув, круто развернуться, и успевал бы... но Геро как прилип спиной к спине Золтана, разворачиваясь вместе с ним и одновременно

щитом перехватывая его занесенную руку. При настоящем бое сразу бы хрустнули у Золтана сухожилия плечевой кости, выворачиваемой из сустава. Но Геро замер. Замер и Золтан. Погас светильник.

А потом все встали в "круг братства", плечом к плечу, и Геро встал, как равный со всеми, и каждый положил руки на плечи соседей, сцепив пальцы в сплошную завязь. Когда-то "круг братства" собирал сотни могучих воинов, а сейчас каждый слышал дыхание всех. Закашлял Шакрух. Возможно, это последний сбор!..

Они оставались в прошлом со своими привычками и надеждами, привязанностями и обычаями. Они стояли в тесном кругу, плечом к плечу, и каждый слышал дыхание всех; и каждого, за исключением Геро, пронзила сейчас тревожная мысль: кто же из них первым уйдет из этого малого "круга братства". Они оставались в прошлом, и время незримо сплетало над ними замысловатую вязь скорых испытаний, и не было среди них такого, который бы мог провидеть грядущее.

Медленно двигался по своему извечному кругу небесный свод, неумолимо увлекая за собой миры, в глубинах которых вихрился неодолимый поток времени. Жизнь всего лишь искра, мгновение, но эти искры вспыхивают и гаснут, освещая путь небесному своду, ибо только они мириадами своих мерцаний освещают будущее и гаснут в прошлом. Лишь для вечности не существует ни того, ни другого.

Они уходили в прошлое, все, кроме Геро. И когда чаша виноградного вина пошла по кругу и каждый выпил за победу Геро, в том числе и Золтан, добродушно приговаривая: "Как ты меня, а, сын Мариона?..", искренне радуясь за него, и все радовались победе Геро. Только юноша был безмолвен. С этого времени до самого последнего дня Геро никогда и никому не расскажет об этом испытательном бое, даже своим детям и внукам, ибо до самого последнего дня он останется прямодушным, неспособным к лжи. Этот короткий бой сохранится в его памяти как постыдное воспоминание. Когда Геро скользнул под щитом Золтана и перехватил его правую, занесенную для удара руку, он вдруг ощутил острое мгновенное желание выломать ее, вырвать из плеча, и вместе с этим вспыхнула злоба на Золтана. Его обдало жаром, бросило в пот. Чудовищным усилием воли он переломил себя и замер, дрожа от напряжения. И, видимо, почувствовав что-то неладное, замер тогда Золтан, нарочно уронив меч. И сейчас Геро не успевал отирать ладонью пот, тело горело, от стыда неловко было поднять глаза на друзей отца, впредь он никогда не потеряет самообладания. А Золтан весело смеялся, Бурджан шутил:

- Геро был похож на тигра [по мнению биолога С.П.Кучеренко ("Тигр", Агроиздат, 1985 г.), еще в прошлом веке Кавказ входил в ареал распространения тигра], а Золтан на буйвола.

- ...Когда буйвола тигр за хвост хватает, а тот головой вертит: кто это, мол, меня? - добавил Аскар.

- Ха-ха-ха! - смеялся над собой Золтан.

Отец сказал так, чтобы услышали все:

- Геро, ты убедился, что в Дербенте живут не только твои друзья - за эти два дня ты видел много людей. Ответь нам: не зародились в твоей душе сомнения? Ведь рано или поздно тебе придется защищать город.

Геро решительно ответил:

- Дербент - моя родина, и здесь мои друзья... Но, отец, я поклялся Микаэлю перед Уркациллой всевидящим, что помогу ему вернуться на родину...

И тотчас Золтан виновато отвел глаза, стараясь не видеть грусти во взгляде Мариона.

13. ГИБЕЛЬ ЗОЛТАНА И БУРДЖАНА

Заставы в степи менялись в полдень каждого следующего дня. На этот

раз утром вместо пяти выезжало пятнадцать воинов.

Приглушенно звякнула о кольчугу рукоять меча, шурша плащом, Марион поднялся в седло. Громадный жеребец беспокойно всхрапнул, почувствовав грузную мощь седока.

- Забудем обиды, Марион, - сказал Уррумчи, отводя глаза, - время тревожное, филаншах приказал усилить заставу. Я дал вам лучших коней. По степи, наверное, уже бродят шайки разбойников-хазар. Ты возглавишь дальнюю заставу, ближнюю - Золтан. Хао, пусть этот день и ночь будут счастливыми для вас!

Выехали за ворота. Тотчас за спиной лязгнули, закрываясь, железные створки.

Сытые свежие кони охотно пошли рысью. Над головами всадников поплыли назад легкие облака. Впереди, до самого предела земного, где просвечивал в легкой дымке край опущенного над степью голубого небесного шатра, блестела под солнцем зеленая трава. Взлетали из-под копыт лошадей кузнечики, свистели суслики. Воздух был так густо напоен запахами трав, что казалось, его можно пить как травяной отвар.

Румяный веселый Золтан то свистел, подражая сусликам, то нетерпеливо озирал, пристав на стремянах, распахнувшуюся степь, словно ему не терпелось схватиться с хазарами. Горячий Бурджан ехал молча, угрюмо косясь на окружающих его гаргаров, ему что-то не нравилось.

Один из гаргаров, развязав ремешки шлема, снял его, подставил под ветерок, как под опахало, огромную блестящую лысину, нежась, закрыл глаза. Два молодых воина затеяли между собой шутивную рубку, закружились, вскрикивая - хао, хао! - отбивая удары мечей, топчя конями молодую траву.

- Послушай, Марион, те, что пришли с караваном из Семендер, говорили, что слышали голос чудовища, которого леги зовут уеху, - сказал ехавший рядом с Марионом пожилой гаргар со шрамом, пересекавшим смуглое лицо, даже губы были разрублены, отчего гаргар слегка шепелявил. - Кто такой уеху?..

- Когда-то уеху были людьми... давно, очень давно... - рассеянно отозвался Марион, думая о своем.

- Вот как... и что же с ними случилось?

- Они не могли жить в мире между собой, и сердца их наполнились злобой друг к другу. Не уважая обычаев отцов, они часто ссорились. Племя распалось, они разбрелись, каждый ненавидя и обвиняя сородичей, и одичали... Уеху - дикий человек!...

Спустившись по откосу в глубокий овраг, на дне которого струился ручей, здесь травы были столь высоки, что шуршали о седла. Проехали вверх по оврагу под сумеречными пологими развесистых ив. Показались ближние, седые от молодой полыни увалы, подобно младшим братьям, прильнувшие к старшим богатырям-горам. Ближняя заставка была примерно в трех фарсах, дальняя - в шести.

Пустынен был голубой горизонт, не мелькало в отдалении не единой тени, только струился воздух да ветерок вольно проносился по степи из края в край ее.

Два воина ближней заставы уже поджидали их на каменистой вершине холма. Здесь был навес из засохших ветвей, прикрытых оленьей шкурой. Под навесом лежали охотничьи примятой травы и пучки смоляных факелов, на случай скачки ночью. С противоположной от дороги стороны холма стояли привязанные к кольям две лошади. Золтан и трое гаргар слезли с коней, поднялись на вершину. Бурджан подъехал к Мариону, негромко сказал:

- Я решил отправиться с тобой.

- Нет, Бурджан.

- Марион, я не доверяю гаргарам! Они всю дорогу разговаривали на своем птичьем языке... Они могут предать тебя, как предали Ваче и сына Т-Мура.

- Подумай, что будет с нами, если мы начнем оскорблять друг друга подозрениями?

Бурджан обернулся к толпящимся у них за спиной в отдалении гаргарам. Дремлющий в седле лысый, так и не надевший шлем, словно почувствовав взгляд Бурджана, приоткрыл глаза, тяжело, зорко глянул и снова прикрыл. Верить или не верить тому, что неприятным холодком просочилось в душу; его невольно ждешь, но не выскажешь словами, ибо предчувствие - не от мысли?

Марион оберегал друга, кормильца восьмерых детей. В случае опасности дальняя застава отходит на виду у противника, чтобы прикрыть собой факельщика - гонца. Сколько застав не вернулось из степи!

- Золтан! - окликнул Марион стоявшего на вершине дарга. - Бурджан остается с тобой! Долгого вам мира и веселья!

- Долгого и тебе мира! Возле очага домашнего да пребудут дни твои! Прощай, Марион! - тихо произнес Бурджан.

Марион тронул жеребца и уже не видел, как гаргары, пошептавшись, оставили еще троих воинов, остальные, во главе с лысым, зарысили вслед за легом.

В полдень Марион сменил дальнюю заставу. На вершине высокого обрывистого холма стоял, как и на ближней заставе, навес, но только прикрытый с севера огромным валуном, здесь были охапки травы, служащие постелью, пук факелов был прислонен к шесту. Марион заметил, что половина гаргар осталась с Золтаном, но ничего не сказал. Того, кто не желает рисковать, нельзя принудить к подвигу. Нерасседланных коней отвели к коновязи. Марион, привязывая жеребца, подумал, как изобильна была бы жизнь людей, если бы им удалось жить в мире. Ведь вот же еще на памяти Мариона привезли из Семендера первые седла в Дербент, и весь город сбежался смотреть на невиданный товар. Люди ахали, щупали, удивляясь человеческой выдумке, бесчисленно просили купца оседлать коня и проехать и опять ахали в восхищении. А от албан хазары переняли умение строить каменные прочные жилища, научились изготавливать известковый раствор. А вот теперь Рогай, которого, кстати, надо бы уже проведать, уста-каменщик, строил в Семендере настоящие дворцы для тудуна и знатных и теперь волею судьбы воздвигает поперечную стену в Дербенте. Марион тяжело вздохнул. Ни единого упрека не высказал Рогай ему, но все-таки гадко на душе, словно он, пусть не по собственной охоте, предал хазарина. Разбогатеть бы да выкупить, но деньги всегда идут почему-то только к богачам, а у Мариона как было имущества на полдинара, так и осталось столько же.

Задумавшегося Мариона окликнули с холма. Когда он поднялся на вершину, гаргары сидели кружком в тени навеса на траве, посередине на войлоке лежали куски вяленого мяса, несколько лепешек и стояла глиняная чаша, наполненная темно-красным виноградным вином.

- Мы уже обошли чашей по кругу, - дружелюбно улыбаясь, сказал лысый, похлопав по изрядно опустевшему кожаному бурдюку, в котором булькнула жидкость. - Выпей, Марион, за благополучие детей своих... Я слышал, что Геро кинжалом убил волка? Хао! Пусть вечен будет твой очаг!

Марион принял протянутую ему чашу. Вино было прохладное, сладковатое. Необычайно приятно выпить в жаркий полдень чашу легкого виноградного вина. Говорят, что купцы-византийцы привозили вино, изготовленное из пшеницы, очень хмельное и отвратительное на вкус. А еще говорят, что в Византии придумали какой-то "греческий огонь", который в хрупких горшках бросают на головы осаждающим, и горшки, разбиваясь, обливают воина жидким огнем, и тот сгорает, подобно факелу. Воистину, беспредельна изобретательность человеческая, направленная на выдумывание и полезного и ужасающего. А что будет через много-много весен, когда дети детей наших будут в том возрасте, в каком мы сейчас?

- ...Да-да, что будет со вселенной через много весен, когда дети станут зрелы? Ты не задумывался об этом, Марион?.. - громко спросил лысый гаргар, близко наклоняясь к громадному легу, впиваясь в него совинокруглыми сверкающими глазами. Марион, очнувшись, удивленно поднял голову, ставшую неимоверно тяжелой. Странно, он думал - это его мысли, а

оказывается, ему на ухо шептал об этом гаргар, и тем более странно, почему Марион лежит, запрокинувшись навзничь, почему небо такое мутное, а огромный валун туманится и расплывается перед глазами? И как хочется спать! Неужели он захмелел?

- К-кто с-сейчас наблюд-дает за с-степью? - вяло спросил Марион, едва шевеля непослушным языком, он хотел приподняться, сесть, но даже руки не смог напрячь.

- Спи, богатырь, спи, воин, - неприятно усмехаясь, произнес лысый гаргар, - не скачут кони, не дрожит земля, все покойно в степи, кому нужно, тот и наблюдает за ней... спи, славный воин... спи...

Почему так странно смотрит лысый... чем-то он неприятен... его глаза подобно горящим глазам грифа, Марион! Да это и в самом деле огненный гриф, глухо клекоча, распростер над тобой громадные крылья. Прикройся щитом, скорей меч из ножен вырви, вот уже железные когти птицы стучат о щит твой, руби его, Марион, руби, но не звенит и отскакивает железный меч, натолкнувшийся на железные встопорщенные перья, темна ночь вокруг, и злобно кричат в темноте "демоны ночи", окружив холм, на котором Марион бьется с огненным грифом... Внезапно из темноты доносится голос Золтана: "На помощь, Марион! На помощь!" - хрипло и отчаянно зовет друг. Вот почему зловеще воют демоны ночи, это с ними бьются Золтан и Бурджан! Но клекочет, машет красными крыльями огненный гриф, не оторваться от него... и опять из темноты слышится зов о помощи, но это уже отдаленный крик Бурджана: "Марион! Мари-он!.."

- Проснись, лег! Проснись! Встанешь ли ты или я зарублю тебя, проклятый пес! - кричал кто-то над его головой. Марион с трудом открыл глаза. Далеко-далеко в вышине тускло светились, мерцали звезды. Разве сейчас ночь?

Что такое? Что за шум там, в отдалении? Там словно бы кто-то рубится? Где гриф? Неужели все это приснилось? Но почему так явственно слышны звуки боя, кто яростно кричит? Почему этот лысый гаргар невежлив? Он, кажется, Мариона назвал псом?

Ощущая холодящую тяжесть кольчуги, Марион вскочил, лихорадочно ощупал пояс. Вот ножны. Меч при нем. Шум рубки уже стих. Кто-то стонал в темноте. Снизу доносились всхрапы лошадей и возбужденные голоса.

- Марион, на нас напали! - громко кричал лысый, хотя и стоял рядом. - На нас напали, пока ты спал, мы отбивались! О небо, почему ты так крепко спал?..

- Во имя Уркациллы, не кричи громко. У меня звенит в голове! Кто напал?.. Где враг?

- Мы не знаем, кто набросился на нас подобно стае шакалов! Они уже исчезли, растворились в ночи...

Послышались тяжелые шаги. На холм, громко переговариваясь, шумно дыша, поднимались люди, кажется, что-то несли.

- Вы послали гонца в крепость?

- Нет, не успели... они окружили нас... мы отбивались... погибли четверо, двое ранено...

- Кто погиб?

- Золтан, Бурджан и двое молодых, ранен Большой Шрам...

- Зажгите факелы! - взревел Марион. - Во имя солнца, зажгите факелы!

Вспыхнуло сразу два факела. На холм поднялись гаргары. Марион бросился к ним. Гаргары молча положили на каменистую землю принесенные на плащах трупы. Трещали дымные факелы. Трупы Золтана и Бурджана были обезглавлены. Головы, выпачканные в крови, лежали рядом с телами. Плащи пропитались черной кровью. Марион опустил на колени, еще не веря, не желая поверить, осторожно поднял голову круглолицего Золтана, тихо позвал: "Золтан!" Черноволосая голова была холодна и липка, черные губы были раскрыты. В последнюю минуту он звал на помощь друга.

Марион плакал молча, на коленях, склонившись над неподвижными

Бурджаном и Золтаном, плакал сквозь стиснутые губы, как плачут могучие духом, потрясенные горем воины. И поэтому окружающим его гаргарам казалось, что он просто задумался.

Кто-то легонько тронул его за плечо. Голос лысого произнес с участливой ноткой:

- Марион, может, послать гонца в крепость?

Да, надо подумать о безопасности города. Марион осторожно прикрыл тела друзей краями плащей, преодолевая невероятную тяжесть, поднялся. В свете факелов лица гаргар были хмуры и отчужденны. А где валун, который скрывал навес? Где сам навес? Валяются кольца, шесты, разбросаны факелы, как будто на вершине холма происходила схватка. Марион подумал, что все еще продолжает грезить. Как он мог очутиться на ближней заставе? Три фарсаха отделяло его от Золтана и Бурджана.

- Потушите факелы, - велел Марион. - В ночи свет их далеко виден.

Гаргары неохотно исполнили приказание. Тихо было в степи. Бледнело уже небо над невидимым отсюда морем. Смутно брезжил рассвет.

- Как мы оказались на ближней заставе? - спросил Марион. Голос лысого гаргара неторопливо ответил ему:

- Мы долго сидели под навесом. Ты шутил, смеялся, рассказывал, как было бы хорошо жить, если бы в сердцах людей не было злобы, говорил что-то о седлах и рабе Рогее. Когда начало темнеть, заявил, что хочешь спать, лег и уснул. Мы даже и подумать не могли, что сон твой может быть так крепок. А потом... потом прибежал дозорный, им был Большой Шрам, и закричал, что в степи слышен топот, как будто сюда скачет конный отряд. Мы стали тебя будить - ты не проснулся. Отряд уже приближался, даже слышно было, как перекликаются хазары. Тогда мы из шестов навеса и плащей сделали носилки, едва вчетвером подняли тебя меж двух лошадей и поскакали сюда. Хазары гнались за нами. И настигли нас здесь... Мы рубились, Марион, пока ты спал, мы славно рубились! Много хазар полегло, роса на траве сейчас, наверное, красна от крови!.. Почему ты так крепко спал?..

- А может, не хотел просыпаться? - вкрадчиво спросил кто-то из гаргар.

Кровь бросилась в голову Мариону. Его обвинили в трусости! Кто посмел спросить? Кто? Он шагнул вперед, оглядывая попятившихся воинов, спросил хрипло:

- Кто?

Враждебное молчание было ему ответом.

14. ВРЕМЯ ОБИД

Души предков, незримо витающие над домашним очагом, оскорбленные деянием потомка, покидают его, лишая защиты семью, и тогда вероломная судьба спешит обрушить на беззащитных людей все накопленное зло и для них наступает "время обид". Немногие выдерживают его.

Застава Мариона вернулась в город после полудня, а весть о ночной схватке с бродячей шайкой хазар гонец привез раньше - утром. При возвращении возле коновязи ближнего холма почерневший от горя Марион увидел трупы лошадей Золтана и Бурджана, пронзенные стрелами. Над ними уже кружились, громко каркая, вороны, на примятой траве еще виднелись бурые пятна засохшей крови. Шея жеребца Бурджана была пробита двумя стрелами, и над спутанной рыжей гривой остро торчали граненные наконечники.

Все большее число гаргаров склонялось к зороастрийской вере, ибо персы благосклонны к поклоняющимся Агуро-Мазде, а как учил Заратуштра, душа благочестивого погибшего непременно покидала тело, улетая в блаженное царство праведников. Труп же, покинутый душой, нечист и никоим образом не должен соприкасаться с чистыми стихиями: землей, водой, особенно - огнем.

Поэтому к времени возвращения заставы гаргары - поклонники Агуро-Мазды - успели соорудить в ущелье за северными воротами обрядовую башню, именуемую у персов дакмой - круглую, каменную, с углублением-колодцем на вершине, куда кладут раздетых донага покойников. Ночью возле дакмы соберутся чудовища - дэвы, почуявшие свежати́ну, радостно визжа, по-вороньи каркая, злобно урча, дэвы устроят себе пиршество. Страшно оказаться одинокому прохожему в глухую полночь возле башни, где пирует нечистая сила.

Далеко за северными воротами громким плачем встретили женщины изнуренных воинов заставы. Упали в густую дорожную пыль матери погибших гаргаров, разметав волосы, царапали лица, исступленно причитая:

- О великий Агуро-Мазда, о всемогущий Агуро-Мазда, прими душу Евагра, прими душу Менола в царство блаженных, в царство блаженных!..

Четверо рослых молчаливых атраванов-гаргаров торопливо приняли с лошадей трупы молодых воинов, завернутые в плащи, и, не дав матерям взглянуть на сыновей, бегом устремились к дакмам, спеша выполнить до темноты обряд освобождения душ, для чего нужно длительно перечислять достоинства погибших.

Не успел мрачный Марион въехать в ворота, как от торговой площади раздался громкий, протяжный звук трубы глашатая, призывающий народ собраться для слушания указа филаншаха. Марион остановился поодаль от быстро густеющей шумной толпы. Глашатай прокричал:

- О славные жители Дербента процветающего, слушайте указ филаншаха, справедливейшего из справедливейших Шахрабаза Урнаира! Слушайте указ! - И в наступившей тишине объявил: - Справедливейший и мудрейший Шахрабаз с величайшим прискорбием узнал о гибели четырех храбрейших воинов заставы, пусть души их покоятся в мире! Узнал он также о том, что во многом повинен в смерти воинов Марион, проспавший нападение хазар и бой с ними. Позор да падет на голову труса! Только в память о былых заслугах стражника северных ворот Мариона последний не наказывается ударами плетей на площади в присутствии жителей города. Но Марион впредь лишается всех почестей и вознаграждений, дарованных ему за былые заслуги! Я, Шахрабаз Урнаир, так повелел!

Вина Мариона была неоспорима, хоть стыло в душе тяжкое недоумение: как же могло случиться, что он, слыша голоса друзей, звавших на помощь, слыша шум боя, не мог очнуться? Нет ему прощения! И он безропотно сносил угрюмые взгляды, проезжая по улице, делая вид, что не слышит осуждающих голосов за спиной. О, если бы душе человеческой можно было бы выплеснуть часть той муки, что приносят ей отчаяние и унижение, небо бы почернело! Но Марион молчал. И дома его встретили молча.

Ночью он метался на помосте. Склонялись над ним окровавленные лица друзей, звали на помощь голоса. Вдруг голос Бурджана произнес из темноты хижины:

- Возле очага да пребудут дни твои!..

Марион выбежал из хижины, упал на колени перед тлеющим очагом, прошептал:

- О Нишу, ты здесь? Ответь мне! Ответь!

Ни звука не раздалось.

А утром в хижину, грохоча сапогами, ввалился горбоносый Ишбан, тот самый стражник, что первым сообщил печальную весть о гибели Ваче и сына Т-Мура, и с порога громогласно объявил:

- Мы не верим, Марион, тому, что случилось! Пусть будет проклят тот лег или дарг, кто посмеет обвинить тебя! Сегодня день весенних молений "Ацу", и мы избираем тебя распорядителем. Я пришел, чтобы напомнить, что пора отправиться к "священному камню"...

"Священный камень", огромная плоская вершина которого едва поднималась над травами, находился возле Южной горы. Широкая и глубокая трещина змеилась по камню, и в трещине этой рос невысокий, но крепкий вяз. Возле него собрались леги и дарги на весеннюю молитву "Ацу" в честь

бога-громовержца Уркациллы. Возле вяза толпились только мужчины. Женщин не было, женщины здесь соберутся вечером на свою отдельную молитву супруге Уркациллы, богине плодородия Весшну. Невдалеке от камня горел костер. В огромном закопченном котле варилось мясо жертвенного барана, на траве лежали серые бурдюки с вином, узелки с вареным пшеном. Тощий Шакрух, кашляя, подкладывал в костер хворост. Среди собравшихся не было Бусснара, Обадия, Уррумчи. Марион тяжело вздохнул, все меньше и меньше легов и даргов приходят на весеннее моление "Ацу". Когда взоры собравшихся

устремилась на него, он начал, стоя возле зеленых ветвей вяза, рассказывать ежегодное ритуальное предание:

- Давным-давно, когда не было ни города, ни стен крепостных, вокруг Чора шумели леса и текла к морю река, огибая холм, когда еще не было ни легов, ни даргов, а был единый род, тогда жители Чора выгоняли пастись свое тучное стадо к этому камню. Когда наступала весна, прилетали птицы и расцветали цветы, люди Чора собирались сюда на весенний праздник, здесь пожилые украшали друг друга венками из пахучих цветов, здесь пели песни, здесь плясали девушки и юноши. И все желали счастья друг другу, и не было в сердцах людей злобы. Царил в душах людей мир, и вечерами мирно собирались они возле очагов своих, поминая предков.

Однажды пастухи, пасущие стадо возле камня, увидели, что небо внезапно покрылось тучами, так что день стал похож на темный вечер. Вдруг из туч ударила сверкающая молния, поразила вершину камня и рассекла его, и гром раздался такой оглушительный, что казалось, небо обрушилось на землю. Упали в страхе пастухи в траву, закрыли головы руками, чтобы не оглохнуть, но стихло вокруг, и не полился дождь из осколков небесных. Подняли пастухи головы и увидели, что появилась в камне трещина, в трещине вырос вяз, а возле вяза стоит человек, великий ростом и прекрасный видом, молнии выются над его головой подобно серебряным змеям, и в руках он держит пучок молний. Сказал тот человек голосом, подобным громовому раскату:

- Я - Уркацилла, бог солнечного огня и молний, возлюбил вас за единство ваше, каждый из вас - брат другому и защитник слабых! Отныне будете вы изобильны, ибо я покровитель ваш...

Мариону стало трудно говорить. Вокруг невеселые, хмурые, задумчивые и даже равнодушные лица. Он неожиданно для самого себя продолжил горько:

- Но многие из нас забыли веру свою, забыли покровителя, не почитают предков, бесчестье овладело душами многих...

И тогда Марион ясно расслышал, как надсмотрщик Дах-Гада негромко, но враждебно произнес:

- Тот, кто в бою предал своих братьев, по обычаю должен быть изгнан!

Сколько мужественных и справедливых людей недосчитались леги и дарги с прошлого весеннего моления? Посадили за долги в зиндан Т-Мура, убит его сын, на днях персы убили Масандила, погибли Золтан, Бурджан, Ваче... и вот теперь Марион подлежит изгнанию. Он увидел блестящие, устремленные на него глаза сына Геро, который пригнал свою отару к священному камню, в широко раскрытых глазах Геро стояли слезы. Сыну, наверное, тяжелей, чем отцу. Марион опустил голову. Если род вынесет решение, он подчинится.

Но люди молчали. Тогда шумно вздохнул рядом горбоносый Ишбан, напоминая, что пора продолжать моление.

Широкогрудый стражник Маджуд - тот, что сменил Мариона на караульной башне, кинжалом доставал из котла дымящееся баранье сердце и печень. Шакрух уже разливал вино в чашу.

Марион не глядя протянул руку, и Маджуд тотчас вложил в нее кинжал с

нанизанной на острие печенью, подошел Шакрух с чашей вина. Марион собственным кинжалом отрезал кусочки пищи, протягивал их на острие Шакруху, тот поливал пищу вином.

Все выше поднималось, разгораясь в безоблачном небе, солнце -

всевидящий глаз Уркациллы, - теплым сиянием освещая долину, море.

Марион, обернувшись в сторону солнца, разбрасывал кусочки печени, сердца, громко произнося:

- О, Уркацилла, бог небесных сил, громовержец, пошли нам милость твою: дай плодородие земле нашей, чтобы мы с женами и детьми не знали ни холода, ни голода, ни горя! О, Уркацилла, всели мудрость в разум и мужество в сердца наши, чтобы деяния потомков Чора несли печать покровительства твоего, да будет тысячекратно благословенно имя твое, о Уркацилла!..

Марион говорил и чувствовал, что привычные слова обращения, которые раньше пробуждали в сердце надежду, сейчас оставляют его безучастным и тревожным. Скоро в молитве Уркациллы он произнесет: "О, Уркацилла, воздай людям по праведности их, воздай каждому по вине его!" Неужели тогда не обрушится небо, не разверзнется земля? Произносить эти слова или не произносить? И в душе Мариона тотчас вспыхнул гнев на самого себя, посмеявшегося усомниться в праведности своей. Он виноват перед людьми, но не перед самим собой, а следовательно, не перед Уркациллой - всевидящим. Ведь не было у него в ту ночь ни страха, ни колебаний, скорей всего это духи тьмы сумели окутать его своими чарами. Но людям не объяснишь этого, люди тотчас спросят: почему же они окутали тебя, а не тех, кто слабее? И он не будет знать, что ответить. Но перед громовержцем-всевидящим он чист!

- О, Уркацилла, воздай людям... Воздай каждому по вине его!

Наступила тишина. Люди смотрели в небо, затаив дыхание. Прошло мгновение, еще одно. Радостно заулыбался Геро. По-прежнему ласково сиял в небе светлый знак Уркациллы, а возле него - что случается крайне редко, только в минуты наивысшего благословения - светился серебряный диск супруги его нежной Весшну. Радостью засветились лица Шакруха, шумно сопящего Ишбана, широкогрудого коренастого Маджуда и многих других, кто в мужестве и праведности Мариона черпал убежденность и стойкость, и многие громко повторили вслед за Марионом:

- О, Уркацилла, ты воистину всевидящ, покровитель наш, благословен будь тысячекратно!

И случилось еще: когда Марион вешал на ветвь священного вяза рога жертвенного барана, вдруг встрепенулась листва, хоть было в долине тихо, и ласково прошумело дерево.

Радостные и оживленные, будто вернулись старые добрые времена, люди рассаживались в кружок возле котла с дымящейся бараниной, ели мясо и вареное пшено, а виночерпий Шакрух по очереди раздавал чаши с вином, пока не опустел бурдюк, и принявший громко говорил:

- О, Уркацилла, да будет трижды благословенна пища твоя! Пошли каждому из присутствующих счастья...

И каждый, оборачиваясь к соседям, ласково желал:

- Счастья вам! Счастья вам! И вам счастья!.. - во взглядах людей светилась надежда.

Марион не был весел. Он ждал, опустив голову. Но сейчас даже Дах-Гада не решился напомнить об обычае изгнания, наоборот, он дружелюбно посматривал на Мариона, а захмелев, ибо пил он и ел жадно, пожаловался:

- Грязный хазарин Рогай уронил на днях камень мне на ногу, я до сих пор хромаю! - В подтверждение своих слов надсмотрщик грузно повернулся на траве, вытянул правую ногу в огромном грубом кожаном сапоге.

- Где сейчас Рогай? - предчувствуя недоброе, спросил Марион. Дах-гада пьяно махнул рукой по направлению к крепости.

- В зиндане. Пусть там прохладится! Хо-хо! Жаль, что Махадий не дал отрубить этому вонючему хазарину правую руку! Пусть бы помнил, как ронять камень на благородного албана!

Марион молча поднялся, чувствуя, как в груди вскипела волна ярости. Он боялся, что сдержанность может покинуть его. Вот и закончилась весенняя молитва! Люди шумно переговаривались, продолжая желать друг другу счастья,

и едва ли кто из них подозревал, что если бы это место не было священным, Марион схватил бы сейчас "благородного албана" за протянутую ногу и раздробил бы ему голову о камень. "О, Уркацилла, всели мудрость в разум наш! О, Уркацилла!.."

Вечером Мариону опять пришлось проявить сдержанность. Жена и Витилия ушли на весеннюю молитву богине Весшну, Геро побежал на море искупаться, ибо дни были жаркие, а вечера наступали душные. Марион сидел возле пылающего очага, задумавшись. Когда он в гневе возвращался домой, у него опять появилась мысль собрать легов и даргов, нуждающихся в защите, вместе уйти в горы, соединиться с теми, кто ушел раньше, и восстановить прежние

обычаи. Мысль эта пришла к нему, когда он навещал родичей в горах. Здесь же Марион бессилен. Будущее Дербента в руках тщеславного Уррумчи, алчного и лукавого Обадия, жестокого Дах-Гады, - родичей, от которых нужно держаться подальше. Но Чора - родная земля, здесь захоронены предки, и души их витают над родными очагами. Разве можно оставить сиротами души предков? Это невозможно! Как же быть? Мариона томили мрачные предчувствия. Ему казалось, что где-то в отдалении зловеще воет уеху.

Неожиданно в круг света из темноты двора неслышно вступил человек в грубом черном плаще и накинутом на голову глубоком капюшоне. Блеснув серебряным крестом и цепочкой, висевшим поверх плаща, незнакомец приблизился к Мариону и коснулся рукой железной цепи, протянутой над очагом.

Если в дом албана входил странник и касался рукой надочажной цепи - это значило, что человек, кто бы он ни был, напоминая о предках, просил у хозяина покровительства и защиты. По священному для албана обычаю хозяин должен был защищать его от любой опасности. Несмываемый позор, презрение родичей падало на семью того, кто отказал страннику, коснувшемуся очажной цепи, в гостеприимстве.

Марион поднялся, вежливо пригласил гостя отужинать с ним. Глубокий капюшон скрывал лицо незнакомца. По виду странник был монахом-христианином, из тех, что часто ездят с торговыми караванами, распространяя христианскую веру среди народов-варваров.

15. С ВАРВАРАМИ ВСЕ ПОЗВОЛЕНО

- Благодарю за гостеприимство тебя, Марион, но у меня слишком мало времени. Я не ужинать пришел, а поговорить, - глухо сказал из глубины капюшона незнакомец. В голосе его послышалось надменность.

Марион пригласил его сесть, но странник-монах остался стоять; медленно поворачивая голову, осмотрел хижину, двор, лавку, накрытую волчьей шкурой, взгляделся в чернокудрого гиганта, поразительно похожего необычайной мощью тела и мужественными чертами лица на древнегреческого силача Геракла, сказал с невольным уважением:

- Я много слышал о твоей храбрости и силе, но не думал, что ты столь совершенен! Твое имя должно остаться в веках.

Грубая лесть оставила Мариона равнодушным. Но вежливость требовала ответить благодарностью на уважение.

- Назови свое имя, странник, и в этом доме будут рады выполнить любое твоё желание! - прогремел лег.

- Отлично сказано, теперь я не сомневаюсь, что ты не только отважен, могуч, но и благороден. Душевыми качествами ты напоминаешь патриция, ты располагаешь к себе, - заметил странник, - но ради пресвятой девы Марии, умерь силу своего голоса! Я не хочу, чтобы мой приход к тебе был замечен соглядатаями Шахрабаза...

Последняя фраза нежданного гостя не понравилась Мариону. Он не привык скрывать ни мыслей, ни дел.

- Зови меня... - продолжил монах и, помедлив, решительно сказал: - Зови меня Кирилл.

Имя было не албанское, но сейчас многие албаны, принявшие христианство, носят христианские имена. Даже сам Марион, поддавшись искушению, назвал дочь благозвучно - Витилия, справедливо полагая: что приятно его слуху - приятно и слуху предков.

- Я слушаю тебя, Кирилл, ты, кажется, сказал, что пришел для разговора.

- Да, для очень важного разговора. Но прежде чем начать его, я скажу искренне, и да не осквернят твой слух эти слова - ты, Марион, заслужил лучшую жизнь! Гораздо лучшую жизнь!

- Вот как... и какую же?

- В Дербенте сейчас нет человека, более достойного, чем ты, жить во дворце, в котором живет Шахрабаз Урнаир! - произнес монах и, видя удивление на широком лице лега, добавил: - Я сказал то, что сказал, ты достоин быть правителем Дербента и жить во дворце, где живет этот дряхлый сластолюбец Урнаир...

Марион вежливо молчал, ибо подобный разговор требует не вопросов, а пояснений к уже сказанному.

- Я знаю, Марион, что ты привык довольствоваться малым, но даже длительная покорность отнюдь не означает, что покорный считает свою судьбу справедливой, надеюсь, что и ты придержишься того же мнения?..

Монах выжидательно умолк. Марион молчал, но молчание его теперь было растерянностью: он не знал, о чем нужно говорить, ибо проницательный гость угадал - Марион действительно привык довольствоваться малым в жизни. Но, не помышляя о большем, он никогда не задумывался, справедливо ли это. Да к тому же он не столь знатен, как Шахрабаз Урнаир.

- Если ты полагаешь, что знатность одних и незнатность других predeterminedена свыше, - сказал, словно угадав мысли лега, монах-христианин, - то ты ошибаешься... Знатность дается за заслуги! А теперь подумай, Марион, вот о чем: первым из рода Урнаиров стал знатным славный герой Ваче Мудрый, сумевший объединить Албанию в единое государство. Он стал царем. Но за какие заслуги дарована знатность потомкам его, и в том числе последнему из потомков - Шахрабазу? Жалкие, ослоподобные ублюдки - потомки Ваче Мудрого до сих пор купаются в лучах славы его! Твой же прадед - могучий воин Нишу - погиб героем, дед твой - погиб героем, отец твой - умер героем, ты же, Марион, не менее славный герой, чем любой из твоих предков! Так считаешь ли ты справедливым, что заслуги предков твоих и твои заслуги оплачиваются единственно жалкими миллиакриями, а подчас даже унижениями, когда за более незначительное - за тень славы предка - люди получают неизмеримо большие блага? Я спрашиваю: справедливо ли это? Я жду ответа!

Мариону часто приходилось бывать среди христиан и слышать, как те в минуты растерянности и досады упоминали имя жестокоумного дьявола-искусителя Сатаны, время от времени являющегося к людям и соблазняющего их на несправедные деяния. Не дьявол ли искуситель явился сейчас в образе монаха-христианина, имея какую-то тайную цель? Кто из земных людей двумя-тремя фразами способен заставить прозреть Мариона, согласиться, что судьба несправедлива к нему? Ведь это означало, что сам Уркацилла несправедлив к Мариону, что предки его... Марион, похолодев, невольно оглянулся на догорающий очаг... нет, нет, об этом и подумать - кощунство! Прочь нечистые мысли! И он пробормотал в растерянности первое, что пришло в голову:

- Я не понимаю тебя...

- Странно, - усмехнулся монах-христианин, - меня понимали и более простодушные... - опять в голосе его прозвучала плохо скрываемая

надменность. - Но знай, Марион, что благородство - не обязанность и, проявляя его, взамен ты не получишь ничего, даже признательности! Но, может быть, случай на заставе мешает тебе ответить искренне на мой вопрос, может, стыд сейчас заглушает искренность твою?.. - Монах близко придвинулся к богатырю-легу, заглянул черным провалом капюшона ему в лицо, хорошо освещенное отсветами пламени, продолжил: - Если бы ты был воином Византии, то давным-давно заслужил бы чин, гм, по меньшей мере начальника банды [банда - подразделение византийской армии численностью в двести-четыре человека], а может, даже звание папия [папий - административная должность в государственном аппарате Византийской империи, начальник стражи дворца императора], что позволило бы и тебе при жизни, и детям твоим, и внукам жить роскошно, наслаждаться всеми мыслимыми благами! Посмотри на свою убогую хижину, на жалкий скарб своей! Ты пригласил меня, Марион, отужинать, я благодарю тебя за гостеприимство, но знай, что в гостях я не привык довольствоваться мучной похлебкой! А чем иным ты можешь угостить странника?..

- Ты пришел ко мне только затем, чтобы убедиться насколько священы для лега законы гостеприимства? - с трудом двигая от обиды губами, спросил Марион. О, Уркацилла, воистину наступило время обид.

- Нет, конечно, не за этим, - понизил голос до шепота черный странник, - но мысль о том, что ты оставишь детям - разве не посещала тебя? Мне очень жаль тебя, и только поэтому я пришел в твой дом. Не сомневаюсь, что я первый из незнакомых тебе людей, кто на твое благородство отвечает благородством! Сумей это оценить, Марион, и слушай... Я сейчас сообщу тебе новость, которая поразит тебя, знай, что она правдива, ибо чтобы узнать истину, я распростился с двумя серебряными динарами, два человека втайне друг от друга рассказали мне о ней. Итак, Марион, я осведомлен о том, что произошло на заставе. О, не делай такое страшное лицо, ибо я еще не сообщил главное. В том, что случилось, ты не виноват! Вино, которое ты принял из рук лысого гаргара, было... да... да... я вижу, что ты догадался... в чашу подсыпали снотворного! Это снотворное изготовил лекарь Иехуда, а подсыпал его лысый. Таково было повеление филаншаха Шахрабаза!

Как ни был могуч Марион, он едва устоял от этого удара. Вот почему он так странно спал! И не мог пошевелиться! Проклятый лысый гаргар! Он живет в верхнем городе! Сейчас Марион притащит негодяя на торговую площадь и заставит его до следующего утра кричать о собственном предательстве. Марион тяжело шагнул к калитке, но рука странника властно удержала его:

- Не торопись, Марион, - сказал монах, - если гаргар не признается, найдутся ли в Дербенте люди, которые смогут подтвердить истинность моих слов?

- Как? - в полный голос прогремел лег. - Разве очевидное нуждается в подтверждении?

- Очевидное для тебя - не обязательно истина для других, - возразил монах. - Я успел познакомиться со сводом законов персов. Там говорится: "Всякий, кто обвиняет другого в совершении преступления, должен выставить со своей стороны не менее двух свидетелей из числа свободных, дабы они могли подтвердить обвинение. Если же свидетелей нет, то обвинитель сам должен быть обвинен в умышленной клевете".

Марион остановился. Да, он не подумал об этом. Но закон справедлив, против него не возразишь. Проклятье, как усложнилась жизнь, какой изощренный стала подлость, слова уже не несут прямого значения, а дружелюбие стало лицемерно! Так кому же верить теперь в этой насквозь пропитанной ложью жизни?

Марион резко повернулся к черному незнакомцу. А если и он лжет? Почему он явился тайно, почему не снял с головы капюшона, почему боится соглядатаев?

- Нет, Марион, я не лгу, - спокойно сказал монах, опять угадав его

мысли, - то, что подсыпали снотворного, чтобы ты не проснулся, пока гаргары сумеют расправиться с Золтаном и Бурджаном - правда, но правда, которую ты не сможешь доказать...

- Ты сказал... гаргары расправились с Золтаном и Бурджаном? Разве не хазары напали на заставу? О, Уркацилла!..

Только теперь Марион вспомнил, что наконечники стрел, торчащие из шеи жеребца Бурджана, были граненые. Это были албанские стрелы! Наконечники хазарских стрел круглы!

- Но почему... почему же тогда погибли воины-гаргары...

- Золтан и Бурджан защищались...

- Во имя святой истины, ответь: зачем филаншаху понадобилось убить моих друзей... я ничего не понимаю...

- Этого, Марион, и я не знаю. Но если уж ты пожелал, выскажу догадку: тебя ненавидят в городе! И хотят изгнать из Дербента, но сделать это так, чтобы тебя изгнали твои же родичи. Ведь это гораздо позорнее!

- Кирилл! - прогремел лег. - Где те двое, которые рассказали тебе...

- Их уже нет... - спокойно перебил его христианин.

- Послезавтра суд филаншаха. Ты поведаешь народу правду!

- Я чужеземец, Марион, - возразил христианин, - а чужеземцы по закону не могут быть свидетелями...

Грудь Мариона бурно вздымалась, ему не хватало воздуха, он задыхался. Подобно ударам меча, вонзались в душу слова монаха.

- Если ты спросишь себя: за что? За что тебя ненавидят, за что хотят изгнать - ты не найдешь ответа! И для тебя это будет горше всего! Люди, те самые люди, которых ты защищал, за кого проливал кровь, кого готов снова защищать - эти люди предали тебя и в любое время готовы предать снова! Сейчас, Марион, я уже не спрашиваю тебя: справедливо это или нет, ибо ты уже не сомневаешься в последнем. Я спрашиваю тебя: зачем тебе нужно быть благородным по отношению к неблагодарным? Разве ты не мужчина? Разве ты забыл, что существует месть? Ты должен отомстить!

- Да, я отомщу!.. И месть моя... - Марион скрипнул зубами. - Живые будут завидовать мертвым!..

- А вот теперь, Марион, когда ты созрел для мести, я скажу, зачем пришел. Тебе представится скоро прекрасная возможность насладиться мщением. В ближайшие дни к Дербенту подойдет конница хазар. Сейчас у Турксанфа воинов гораздо больше, чем у Аттилы во время Великого Нашествия хуннов. Турксанф также жаждет мести! И никто уже не сможет остановить его! Если Дербент не покорится, он будет уничтожен вместе с жителями! Турксанф знает о тебе! Он мне сказал: "Кирилл..." Но, кажется, сюда идут... Марион, я тороплюсь... он мне сказал: "Иди и уведоми Мариона, что ради него я сохраню город! Но только пусть он откроет мне северные ворота! Я осыплю Мариона золотом!" О, Турксанф умеет быть благодарным! Итак, ты станешь правителем Дербента и сумеешь отомстить! Я жду ответа, - черный христианин торопливо подошел к калитке. В темноте переулка слышались приближающиеся шаги. Монах выжидательно обернулся.

Марион хрипло засмеялся. Монах вздрогнул. Марион захохотал. Ему стало смешно, как бывает смешно только в детстве, когда счастливо избежешь опасности.

- Я жду ответа, - напомнил монах.

- Ответ будет один, - весело прохрипел Марион. - Благодарю лега за стойкость, ибо я постоянно помню, что ты мой гость. И не изменю обычаю гостеприимства, даже если гость оказался гнусным человеком. Но я вижу: ты торопишься?

- Ты пожалеешь о сказанном, Марион! - с этими словами черный человек исчез в темноте, и когда Геро с мокрыми слипшимися кудрями вбежал во двор, возле очага одиноко сидел Марион, и ничто не напоминало, что здесь был кто-то еще.

В этот вечер Марион больше ни разу не вспомнил о том, что Рогая

посадили в зиндан.

16. ФИЛАНШАХ

С грохотом опустилась ржавая цепь, перекрывающая выход из гавани, и крутобокий с высокой кормой корабль, блестя на солнце мокрыми, неровно поднятыми веслами, выскользнул в море. На палубе забегали, засуетились люди, резко прокричал кто-то по-персидски, и с берега хорошо было видно, как корабль сверху донизу покрылся белыми парусами, слегка накренился, удаляясь, унося сборщика налогов перса Сардера, а с ним послание Шахрабаза Урнаира шахиншаху Ездигерту Третьему. Это было уже третье послание, в котором филаншах напоминал о своих заслугах. Два первых были оставлены без письменного ответа, а на словах было передано: "Жди. На все воля Агуро-Мазды". Осведомитель при дворе Ездигерта передал: шахиншах озабочен предстоящей войной с Византией, а с Турксанфом у него мир. Это означало, что Дербент сейчас не столь важен Ездигерту, ибо прикрывает всего лишь тыл. Но с приходом каравана из Семендера стало известно, что Турксанф собирает свои орды и расчищает путь на юг. С этим известием Сардер и отправился в ставку шахиншаха.

Дорога из гавани шла через пустырь, заросший цветущим розовым тамариском, вдоль северной стены, мимо водоема, поднималась в верхний город.

Сегодня утром в верхнем городе был обнаружен труп воина - перса из гарнизона крепости. Его убили, видимо, ночью, и убийцы бросили труп в известковую гасильную яму, но второпях не заметили, что на поверхности остался торчать сапог. Шахрабазу пришлось провожать Сардера в гавань, ибо это было уже четвертое с прошлой весны убийство перса. Откормленные, томящиеся бездельем воины персидского гарнизона приставали к албанкам.

Сегодня начальник гарнизона крепости Гаврат заявил филаншаху, что он не отвечает за спокойствие воинов гарнизона, что они разгневаны и собираются мстить албанам. Шахрабаз распростился с перстнем и десятью золотыми динариями, дабы Сардер в отчете не упомянул об убитом.

Проезжая через пустырь, Шахрабаз вспомнил, что вечером к нему должны провести монаха-христианина, прибывшего с караваном из Семендера. Монах зачем-то добивается встречи с правителем Дербента, об этом сообщил соглядатай. Что нужно христианину? Уж не хочет ли он обратиться Шахрабаза Урнаира в свою веру? При этом предположении филаншах только усмехнулся.

Вдруг слева от дороги, в зарослях тамариска, послышался шорох, раздвинулись кусты. Шахрабаз едва успел сдержать отпрянувшего жеребца, как перед ним на дорогу из розовых зарослей выпрыгнул невысокий человек в длинной рубахе простолюдина, босой, с седой взлохмаченной бородой. Резко и зло прокричал араб Мансур, два рослых телохранителя, ехавшие по бокам филаншаха, рванулись вперед, в мгновение ока сбили с ног конями появившегося человека, выхватили мечи.

- Не убивайте меня сейчас, я должен сказать правителю нечто важное! Подождите меня убивать! - кричал простолюдин, подняв голову, даже не пытаясь защищаться.

Человек был безоружен и явно слабосилен. Шахрабазу бросился в глаза его огромный, мраморно блестящий лоб, достойный мудреца. Телохранители с обнаженными мечами окружили правителя.

- Оставьте его, - приказал Шахрабаз и, когда телохранители нехотя отъехали, мрачно велел: - Говори, старик!

Лоб простолюдина был настолько выпукл и просторен, что, нависая, скрывал глаза, и только старик подполз на коленях, поднял большую седую голову, филаншах увидел устремленный на него смелый и доверчивый взгляд светлых, напоминающих две льдинки, глаз. Это были глаза ребенка, не

знающего ни боли, ни страха, ни лжи.

- Меня не пускали к тебе, правитель, как я ни пытался, и вот я вынужденно прибегнул к столь необычному способу, - торопливо и вместе с тем простодушно объяснял старик, доверчиво касаясь стремени филаншаха худой, слабой рукой. - Послушай, много, очень много лет я провел в одиночестве, жил в пещере, спал на подстилке из трав и цветов, питался дикими плодами и акридами. Единственным моим богатством были труды Аристотеля и Платона, единственной радостью - размышления. Поверь, я очень много знаю!..

- Ты можешь вернуть мне молодость? - перебил его филаншах.

- Нет, - покачал головой мудрец, - этого я не в силах... Но я знаю, что надо предпринять, чтобы люди жили в мире, чтобы не было ни бедных, ни богатых, чтобы мужчин не превращали в рабов, а женщины не знали вдовства. Я знаю, что нужно сделать, чтобы государства были изобильны, дети не умирали от голода и болезней...

"Да он сумасшедший!" - подумал филаншах и, дернув поводья, гневно сказал:

- Старик, ты отнял у меня время! Прочь с дороги!

- Разве ты не хочешь, чтобы люди жили счастливо и изобильно? - простодушно удивился мудрец. - Я вижу, что ты мрачен, твою голову теснят тяжкие думы... О, я не сомневаюсь, что думы твои - о наилучшем устройстве дел!

- Да, да! Ты прав, - нетерпеливо перебил его Шахрабаз, - но ответь мне: ты можешь сделать людей равными?

- Твой вопрос говорит с твоим высоким умом, но и этого я не умею.

- Тогда ты напрасно провел много лет в размышлениях! - мрачно усмехнулся филаншах. - Питание акридами и постель из цветов не пошли тебе на пользу!

- Выслушай меня... я прошу единственного - выслушай меня!

- Зачем? - холодно удивился правитель. - Сейчас ты станешь лгать, искренне веря, что сказанное - истина. Прочь с дороги! - Филаншах тронул коня и больше не остановился.

- Ты еще не знаешь, что я придумал самодвижущую повозку! - закричал вслед ему простодушник. - Но у меня нет даже шекеля железа, чтобы выковать хоть одну ось! Я придумал лук-самострел! Выслушайте меня!

Но свита равнодушно проехала мимо, старик пытался кого-нибудь задержать, хватался за стремя, его отталкивали сапогами. На огромном лбу старика вздулась толстая жила, изможденное лицо его сморщилось, он, протягивая вслед уезжающим руки, кричал:

- Все смеются надо мной, но я не сумасшедший, я думал над всем этим двадцать лет! Разве вы не хотите быть счастливыми?

Счастье Шахрабаза испытал спустя короткое время после тут же забытой им встречи с мудрецом. Когда он поднимался в верхний город, впереди, пересекая дорогу, прошла стройная девушка в длинном белом льняном платье с кувшином на плече. Лицо ее было открыто. Ах, как она шла, словно не касалась земли, словно плыла. Гибко покачивался тонкий, перехваченный узким серебряным пояском стан, свежо горел румянец на щеках, приоткрытые алые губки, казалось, источали аромат роз. А какой гордый, огненный взгляд метнула она на Шахрабаза из-под черных длинных ресниц. Шахрабаза вдруг обожгла чувственная страсть, словно молнии пронзили тело. Он выпрямился, замер, приподнявшись на стременах, провожая юную красавицу взглядом. Когда девушка прошла мимо своей летящей походкой, гордо откинув голову, отягощенную черными как ночь кудрями, рассыпанными по плечам, он почему-то шепотом попросил Мансура: "Узнай, чья!" А когда Мансур рванул коня вслед девушке, крикнул: "Не обидь!"

И пока он ждал возвращения дворецкого, в теле его бурлили молодые силы, кипела молодая кровь, обжигая лицо, и он был счастлив и даже улыбался. Телохранители, видя странную мертвую улыбку на сухом

пергаментном лице старика, оцепенели от страха, ибо филаншах на их памяти улыбался впервые.

До вечера Шахрабаз во дворце принимал соглядатаев, выслушивал сообщения шихванов, начальника стражей порядка, отдавал распоряжения, но перед глазами неотступно стояла Витилия, дочь Мариона, как сообщил Мансур, и чувственные молнии по-прежнему обжигали тело, вызывая на лице филаншаха счастливую улыбку.

Кроме этого происшествия, все остальное для правителя Дербента было обычно.

Люди в нижнем городе, чтобы как-то прожить и не умереть с голоду, лепили горшки, ткали ковры, выезжали за южные ворота пахать и сеять, - и если бы не было филаншаха в Дербенте, люди бы делали то же самое - трудились, как муравьи, нисколько не задумываясь о том, кто ими правит, как если бы правителя не было вовсе. Никто не вспоминает о сердце, пока оно здорово, но каждый огорчается, когда почувствует в нем боль.

Персам было также безразлично, кто правит в Дербенте, но было небезразлично, как правят. Шахрабазу все равно, кому служить, если уж этого не избежать, и кто у него в подчинении, если без этого не обойтись, но было далеко не все равно, как к нему относятся. Персов он задабривал, а чернь постоянно ощущала на себе его тяжелую безжалостную власть. А в сущности, он равнодушен и к тем, и к другим. Но люди помнили, что у них есть правитель.

Вечером к Шахрабазу тайно провели монаха-христианина в длинном черном плаще.

Шахрабаз принял его в крохотной, удаленной от жилых помещений келье, освещенной единственным бронзовым светильником. Льяной фитиль, пропитанный нефтью и не прикрытый стеклянным колпаком, чадил и потрескивал, углы кельи скрывались в синеватом мраке. За спиной сидящего в кресле Шахрабаза стоял, по-волчьи мерцая глазами, дворецкий Мансур. Возвышаясь возле низкой двери, осторожно переминался великан-телохранитель.

Монах, решительно войдя в келью, наклонил голову, приветствуя Шахрабаза, откинул капюшон, отстегнул на правом плече фибулу, отбросил длинный черный плащ, и перед правителем Дербента предстал седеющий широкоплечий человек мощного сложения, в роскошном атласном скарамангии [скарамангий - дорожная одежда аристократов в Византии, напоминала разукрашенный кафтан], украшенном сканевыми [скань - ювелирные изделия из крученой золотой и серебряной проволоки] золотыми узорами. Широкий пояс, обшитый золотыми бляшками, говорил о знатности владельца. На поясе висел короткий кинжал. Из-под ворота скарамангия виднелась вороненая кольчуга. На крупном благородном лице было выражение властности и надменности.

- Я протоспафарий [протоспафарий - высокий государственный чин в Византии] Кирилл! - звучно проговорил вошедший, гордо подняв голову.

Растерявшийся Шахрабаз медленно приподнялся с единственного в келье кресла. В молодости, неоднократно участвуя в походах против Византии, он был наслышан о смелом и решительном полководце-протоспафарии Кирилле и сейчас совсем не ожидал встретить его во дворце. Более того, он был прекрасно осведомлен, что чин протоспафария Византии соответствует в Персии чину ширваншаха - наместника провинции, приравненной к столичной области.

- Приветствую протоспафария Кирилла!

- Привет и тебе, филаншах Шахрабаз! - просто сказал гость.

Шахрабаз выразительно глянул на Мансура. Тот выступил из-за кресла, подойдя к маленькому круглому столу, позвонил в серебряный колокольчик. Появился слуга, бесшумно двигаясь, принес еще одно легкое витое креслице.

- Не обессудь, дорогой Кирилл, что встречаю тебя... - Шахрабаз развел руками. - Может, нам следует перейти в более подходящее столь высокому гостю помещение?..

- Не трудись и не хлопочи, я пришел монахом и уйду монахом, - возразил Кирилл, усаживаясь в кресло. Помолчав, он сказал: - Раньше мы могли встретиться только на поле брани, а сейчас - как меняются времена - не кажется ли тебе странным: византийский вельможа - тайный гость у вельможи персидского... - Говоря, он изучающе приглядывался к сидящему напротив филаншаху.

- Я не перс, я албан.

- О, я много слышал лестного о твоём уме, Шахрабаз, но не ожидал, что ты столь проникновенен! - звучно воскликнул гость. - Для того чтобы так сказать случайному, а я для тебя пока - случайный гость, надо догадаться о цели моего появления у тебя...

- Я догадался...

Некоторое время они смотрели друг на друга - смотрели серьезно и внимательно.

- Так будем в таком случае откровенны, - с прямолинейностью воина, не привыкшего вроде бы хитрить, понизив голос, сказал Кирилл, но замолчал, покосившись на араба Мансура.

- При нем можешь говорить все...

- Хорошо. Надеюсь, ты уже понял, что дни Персии сочтены?

- Знаю и об этом.

Теперь протоспафарий развел руками и задумался, опустив крепкую голову. Шахрабаз терпеливо ждал.

Он не лгал, говоря, что догадался о цели приезда протоспафария в Дербент, но не знал, что дни Персии сочтены, и уверил Кирилла только потому, что, почувствовав, что за словами протоспафария что-то скрывается, понял: выгоднее казаться осведомленным. Впрочем, у Персии недавно появился новый враг, но знал ли об этом Кирилл? В тусклом свете блестели на поясе гостя золотые бляшки. А пояс потомка Урнайра Шахрабаза украшен серебром, ибо в Персии золотые украшения на поясе могут носить только мазрапаны. Разве это не оскорбительно, разве не уготована Шахрабазу лучшая участь? Но с другой стороны, можно распротиться и с тем, что уже имеешь.

Кирилл поднял голову, решительно вынул из-за пояса плотный пергаментный пакет, протянул его филаншаху:

- Прочти, потом побеседуем.

На пакете была оттиснута квадратная печать кагана Турксанфа. Послание было написано по-албански. Это было неудивительно. При дворах правителей содержатся обученные люди, знающие чужие языки и письменность, тонкости придворных этикетов и многое другое, что необходимо для внешних сношений. Вот что было в письме:

"Тому, кто прочтет нашу весть, пожелание здоровья и всяческого благополучия, процветания семье. Шахрабаз! Тебе говорю я, Турксанф: мои войска неисчислимы. Птица, оказавшись в середине моей конницы, не сможет долететь до края и погибнет от усталости. Кони откормлены, воины сыты и томятся бездельем. То, что я не взял в прошлый раз, возьму теперь. Войско мое скоро затопит всю Албанию, Иберию, Армению, а персы проклянут тот день и час, когда родились на свет, ибо я, Турксанф, помня о хорошем, никогда не забываю зла, причиненного Хазарии. Шахрабаз! Говорю тебе: что дали тебе персы, что даю я! Персы дали тебе Дербент, я дарю тебе всю Албанию. В землях твоих ты будешь царем, и предки твои на великой небесной равнине возрадуются. Поверь мне и пропусти мою конницу через Железные ворота. Подумай три дня. Я иду. Не сомневайся: дети твоих детей будут помнить о моей доброте. Поверь: я не хочу, чтобы они помнили о моем гневе".

У Шахрабаза не было детей. Но сам он хотел жить как можно благополучнее и как можно дольше.

Пропустить войска Турксанфа через Железные ворота значило сдать крепость.

В письме ощущалась уверенность, идущая от сознания собственной силы. Оно подтверждало сведения, полученные от лазутчиков. Недавно один из них

донес:

"Он (Турксанф) уведомил всех тех, кто находился под властью его - племена и народы, жителей полей и гор, живущих в городе или на открытом воздухе, бреющих голову и носящих косы - чтобы по мановению его руки все были вооружены и готовы. Он поклялся, что всех воинов ожидает богатейшая добыча".

Второй лазутчик, почти одновременно с первым, сообщил, что со времен нашествия царя царей, могучего Аттилы, никогда еще не собиралось такого количества войск, сколько собралось сейчас под желто-голубыми знаменами хазарского кагана. Двенадцать лет назад Турксанф казался шакалом, рыскающим возле дремлющего льва, а теперь шакал превратился в льва, полного свежих сил, а его противник одряхлел.

- Клянусь памятью матери, я не привык хитрить ни в мыслях, ни в делах, - сказал протоспафарий, заметив, что филаншах прочел письмо, - как ты догадываешься, я не мог путешествовать по враждебной стране со свитой, со мной только два телохранителя-воина, они ждут меня в караван-сараяе. Ты можешь меня убить, чтобы заслужить еще одну каплю доверия Ездигерта Третьего, но, клянусь, этим ты не подорвешь мощи хазарского каганата, но вызовешь ответную месть.

- Я не собираюсь тебя убивать, протоспафарий Кирилл, - возразил Шахрабаз, - более того, я дам тебе надежную охрану, которая будет сопровождать тебя до границ Албании...

- Отсюда я выведу в Иберию. Там, на берегу Понта, меня будут ждать. Поэтому я тороплюсь. Итак, к делу. Как ты понимаешь, цель моей поездки в Дербент состояла не только в передаче письма Турксанфа. Мне нужно было самому убедиться в мощи дербентских стен и крепости. Мой император Ираклий заключил военный союз с Турксанфом. Впрочем... - Кирилл, опять прикидывая что-то про себя, опустил седеющую голову, подумал, потом решительно сказал: - Впрочем, персам поздно уже что-либо предпринимать. Конница Турксанфа через два дня будет у стен Дербента, а в Иберии, на берегу Понта, уже высаживаются войска моего императора и даже его личная этерия [этерия - личная конная гвардия императора Византии], оттуда они двинутся на Ширван. Таким образом, помощи Дербенту ждать неоткуда, он будет через короткое время отрезан от Персии. Я говорю прямо: крепость действительно была бы неприступна, если бы имела неиссякаемый запас продовольствия и воды...

- Того и другого в крепости вполне достаточно, уверяю тебя, протоспафарий!

- ...И если бы оборона крепости не имела еще одного существенного изъяна, - Кирилл усмехнулся, - мне пришлось унизиться до разговоров с простыми людьми, и я убедился... в вашей защите, несмотря на неприступность стен, есть изъяны...

- Какие же? - поднял брови Шахрабаз и нервно потерев рукой свою рыжую бороду.

- Дух защитников... Я убедился, что персы в крепости не будут защищать в случае нужды город, а предпочтут отсидеться на холме, а народ не придет на помощь крепости...

Протоспафарию тоже нельзя было отказать в проницательности, удар его был обдуман и нанесен в самое слабое место. Кирилл выжидательно глянул на Шахрабаза, но тот молчал, теребя бороду. И тогда протоспафарий сказал:

- Не думай, Шахрабаз, что если Дербент удален от Константинополя на триста фарсахов, мы плохо осведомлены о том, что здесь происходит. И запомни: император Ираклий - прекрасный стратег, он понимает, как высока должна быть плата за сдачу столь важной крепости. Поэтому он велел сообщить тебе, и в этом состоит вторая цель моей поездки, что тебя ждет звание патрикия Византии, прекрасная вилла, утопающая в зелени на берегу Эгейского моря, ежегодное содержание за государственный счет, десять юных невольниц в счет содержания и... - Кирилл выпрямился, взялся обеими руками

за свой украшенный золотыми бляшками широкий пояс, словно хотел его расстегнуть, - и чин протоспафария! И еще запомни: Византия никогда не унижится до обмана того, кто оказал ей услугу. Но это в том случае, если ты не откажешься от предложения Турксанфа, ибо нельзя быть одновременно хазарским тудуном и протоспафарием Византии. Итак, решай!

В это время в узком коридорчике послышались торопливо приближающиеся шаги. Протоспафарий Кирилл легко вскочил с кресла, поднял сброшенную черную накидку и, отступая в угол, слился с темнотой, словно его и не было. В дверном проеме показался высокий рябой слуга. Великан-телохранитель обнаженным мечом загородил ему дорогу. Слуга, имевший встревоженный вид, упал на колени, сказал:

- О господин, прибыл неизвестный человек, стоит возле ворот крепости, требует, чтобы его пустили к филаншаху. Говорит, что очень важное дело. Утверждает: спасение Дербента от хазар в его руках...

Филаншах был осторожен. Он знал, как полезно все предусмотреть и взвесить заранее, поэтому послал Мансура узнать, кому там не терпится спасти Дербент и, провожая глазами Мансура, мысленно порадовался своей предусмотрительности. Полное имя дворецкого было - Мансур ибн Хаукаль. Он был арабом-мусульманином. Прибыв два года назад с большим торговым

караваном, он на площади во всеуслышанье объявил себя посланником пророка Мухаммеда - посла бога единого и всемогущего Аллаха. Тогда уже до Шахрабаза доходили тревожные слухи, что на южных границах Персии появился новый и грозный враг - арабы, называющие себя "мусульмане", что означает "покорные Аллаху", мечом и уговорами распространяющие новую веру - ислам. Персы отняли у Мансура товары, с которыми он прибыл в Дербент, так как он не имел разрешения на торговлю, а христиане за проповеди избили его. Филаншах же, узнав о Мансуре, приблизил его к себе, сделав постельничим, а когда прибывший осенью из Дамаска купец подтвердил слухи об арабах, Мансур стал дворецким. Теперь он не проповедовал, а терпеливо ждал своего часа, утверждая, что скоро могучее войско мусульман, пройдя огнем и мечом по Персии, приблизится к Албании. И он не обманывал, ибо новые слухи о появлении мусульманского войска на южных границах Ирана уже дошли до Шахрабаза. Филаншах знал, что Мансур окажет ему всяческое содействие в деле ослабления Персии. И Шахрабаз сейчас радовался своей предусмотрительности - то, что вчера казалось незначительным, завтра обернется величайшим благом.

Кирилл, выйдя из мрака в черной накидке монаха, сказал:

- Единственное условие, которое ставит тебе император, чтобы ты стал христианином.

Шахрабаз вытащил из ворота мягкой полотняной рубахи золотой нательный крест и показал Кириллу.

- О! - обрадованно-изумленно воскликнул тот. - Этого мы в Византии не знали!

Шахрабаз, спрятав крест, усмехнулся про себя, подумав, как много не знают про него те, кто хотел бы знать как можно больше. Вместе с персами он совершал обряды поклонения светоносному Ахурамазде, с Мансуром молился Аллаху, а каждую субботу тайно посещал христианскую церковь - единственную в Дербенте - и исповедовался священнику. Он верил, что хуже не будет, что он в любом случае поступает так, как угодно богу. В молодости Шахрабаза смущало обилие богов, и он, не зная, кому отдать предпочтение, старался больше поклоняться Ахурамазде, как самому могущественному и сильному из всех, он и в вере придерживался того же, что и в жизни: служить тому, кто в данный момент сильнее. Но потом он подумал, что будущее полно неожиданностей и то, кто сегодня силен, завтра может оказаться слабым, а боги, равно как и люди, не любят предательства. И решил поклоняться всем известным ему богам. Даже иногда в воскресенье посещал иудейскую синагогу, мысленно очищаясь перед Яхве. Ибо, если богов много, тогда они ведут себя,

как люди, и так же враждуют между собой. Но если они как люди, то не столь уж пронизательны и можно любого из них и умиловать, и обмануть. Наказание, например, иудея должно засчитываться в заслугу перед Ахурамаздой, а христианина - перед Аллахом. А если бог на самом деле один, то какая разница - кому молиться: все молитвы дойдут. А жизнь любого смертного состоит из дел, праведность или неправедность которых зависит от пользы или вреда, приносимого деянием. Но кто сочтет пользу или вред поступка, если он переплетен с множеством других, сцеплен с будущим, вытекает из прошлого? Например, сдачу Дербента хазарам многие сочтут деянием крайне несправедным, но оно же спасет тысячи жизней! В том числе и персов, и христиан, и иудеев. А сколько благих дел в будущем они могут совершить! А Турксанф так или иначе город захватит, ибо протоспафарий Кирилл прав: запасов продовольствия в крепости и в городе - на один месяц, не больше. Дербент слишком многолюден, чтобы здесь можно было хранить большие запасы. А хазары уже будут крайне озлоблены: они в городе, да и не только в городе, а во всей Албании и даже в Персии, все предадут огню и мечу, чего можно избежать, мирно пропустив их через Железные ворота.

Вернулся желтоглазый Мансур и на ломаном албанском языке доложил, что у ворот стоит караванвожатый, с которым прибыл в город этот господин, Мансур поклонился протоспафарию, караванщик рассказал, что христианский монах на самом деле не монах, а византийский шпион, у которого есть айца самого кагана Турксанфа. Мансур выжидательно глянул на филаншаха.

- Караванщика убить. Труп сбросить в ущелье, - приказал Шахрабаз и вдруг вспомнил, что хазары управителей дворцов называют "чаушиар". Чаушиар... чаушиар... Возможно, ему своего дворецкого тоже придется звать "чаушиар". А вот как дворецкого называют византийцы, Шахрабаз, как ни напрягался, не мог вспомнить, а спросить у протоспафария счел неудобным. Он встал с кресла, выпрямил сутулившуюся спину, ибо даже перед самим собой хотел казаться молодым и стройным, сказал протоспафарию, что он принимает предложение императора Ираклия.

А когда византиец ушел, филаншах насмешливо подумал: "О небо, как глупы люди! Каждый из тех, кто молится одному богу, думает, что истина только в руках его, а вне его веры - ложь. А я исповедую все религии, следовательно, постигаю истину гораздо больше!" И хрипло рассмеялся, подумав о том, что слабым бог нужен для того, чтобы не лишиться последней надежды, а сильным - чтоб было пред кем сложить грехи свои, ибо не было бы у сильных грехов, незачем было бы им и молиться. Все это хорошо, но как сделать, чтобы и город сдать и чтоб персы об этом не дознались? Да и народу об этом знать не положено, ибо слишком много тогда посыплется проклятий на голову правителя Дербента, а проклятия для достоинства унизительны. Нет, тому, кто слишком много видел и знает, воистину грешно поступать с неосмотрительной горячностью молодости. Единственное, чему можно предаваться с прежним пылом - это любовным утехам. Десять юных наложниц... Прекрасно! Шахрабаз далеко еще не стар, о, далеко не стар! Но сначала он заберет во дворец Витилию, дочь Мариона, пробудившую в нем давно, казалось, забытые сладостные молодые чувства. О, Витилия, дочь Мариона! Марион, Марион... это не тот ли воин, которого... Шахрабаз нахмурился, прошелся по келье. Впрочем, тем лучше! И даже гораздо удачнее, чем можно было ожидать. Народ смотрит на Мариона уже другими глазами, стойкость легиона сломлена. Да и нужно ли ему, Шахрабазу Урнайру, теперь опасаться этого жалкого сброда? Не успеет появиться на небосклоне новая луна, Шахрабаза здесь уже не будет. Зачем ему, не имеющему детей, восстанавливать трон Урнайров, когда можно прекрасно прожить в спокойствии, благополучии, тиши, на белоснежной вилле возле теплого моря? Что ценного в его теперешней жизни? Править пыльным, полуголодным городом, вечно опасаться, что тебя в любое время могут лишиться власти, и славный Шахрабаз Урнайр останется ни с чем? О, нет, мы не так глупы!

Филаншах остановился возле Мансура, вперив в него пристальный взгляд.

Тот напомнил:

- Завтра, о господин, день Суда Справедливости!

Филаншах очнулся. Да, да, Суд Справедливости. Надо вести себя по-прежнему, как будто ничего не случилось, ибо нельзя быть ни в чем окончательно уверенным. Важно, очень важно быть предусмотрительным, но не возможно все предусмотреть. Плох тот полководец, который не обеспечивает себе заранее надежного безопасного тыла.

17. СУД СПРАВЕДЛИВОСТИ

Множество людей поднималось сейчас из нижнего города в верхний, пересекая широкую дорогу, через проем будущих ворот в поперечной стене и дальше, по средней из трех улиц, направляясь к бывшему зданию городских собраний, ныне караван-сарая, где на торговой площади должен был состояться Суд Справедливости. В этот день отменялись все работы для свободных.

Марион шел на голову возвышаясь над самыми высокими, привлекая невольно внимание непривычно суровым сосредоточенным выражением лица. Рядом покашливал тощий Шакрух, слушая разговор Маджуда и Ишбана с седобородым Микаэлем.

Проехал мимо надменный красавец Уррумчи на сером жеребце, ни на кого не глядя, поигрывая плетью, за ним на крупном осле поспешал раис кузнецов - толстяк в длинном плаще. Мелькали в толпе смуглые обветренные огородники в чистых холщовых рубашках, прокопченные кузнецы с тяжелыми мускулистыми руками, отдельно от других шли оружейники - самые почитаемые люди в нижнем городе, выделяясь независимым видом. И так же, выделяясь в толпе длинными черными одеждами, иссиня-смуглыми лицами, отдельной кучкой поспешали иудеи во главе с талмид-хахамом [талмид-хахам - глава еврейской общины], предки которых переселились в Дербент несколько поколений назад, после разгрома Римом иудейского восстания. В основном же толпа была смешанной: возле христианина шел поклонник Агуро-Мазды, знакомого армянина-горшечника дружелюбно окликал албан-ткач. Единственно, в толпе не было персов.

Маджуд, рассеянно оглядывая людей, говорил Микаэлю:

- Все жители нижних магалов уважают тебя, Микаэль, за твою мудрость. Ты жил и среди алан, и среди хазар, знаешь обычаи многих народов. Скажи, почему люди столь разны?

- Нет ничего проще, чем ответить на твой вопрос, - вмешался в разговор босой старик с огромным лбом, идущий рядом, - одни живут в теплых краях, другие там, где холодно, одни в изобилии пользуются дарами земли, другие нищенствуют на неудобии, одни занимаются хлебопашеством, другие - скотоводы... отсюда и вражда... те, кто живут скудно, всегда более воинственны, потому что закалены в трудностях. Скотоводу же нужна обширная степь для пастбищ, но его стада стесняют земледельца...

Время подчас неузнаваемо меняет лицо человека, но не голос. Марион, услышав старика, замедлил шаги, обернулся, взгляделся и, остановившись, спросил с волнением:

- Мудрец, разве ты не узнаешь меня?

Да, когда в юности, он звал Хармаса мудрецом. Хижина отца Хармаса была рядом с хижинкой отца Мариона, и лучшие годы они провели вместе. С детства Хармас отличался странной задумчивостью, а иногда он произносил слова, смысл которых был непонятен юному Мариону, и за это он прозвал друга мудрецом. Много лет назад отец Хармаса вместе с другими сородичами увез семью в горы, с того времени они не виделись. И вот теперь они шли рядом, и если бы не голос, Марион бы не узнал мудреца. Тот вскинул прячущиеся под огромным лбом детски-простодушные глаза, воскликнул: "Марион!" Они бросились друг к другу. Остановились и остальные.

- Еще с того времени, когда мы были вместе, меня мучила мысль: что нужно для того, чтобы люди были счастливы? - рассказывал Хармас, когда они вновь двинулись по направлению к площади. - Помнишь, Марион, раньше при церкви был священник-византиец... Ты тогда любил сражаться на мечах, тебя мало интересовали мои думы, а я по вечерам любил ходить к этому священнику. Он много мне рассказывал из истории племен и народов, научил латинскому языку, познакомил с трудами греческих философов, с "Историей" Геродота. Накопив знаний, я удалился от людей, чтобы обдумать все... И вот, обдумав, вернулся!.. Теперь же пребываю в растерянности, ибо не мог даже предположить, что мои мысли не нужны людям. Вчера на дороге из гавани я сумел встретиться с филаншахом, он мне сказал, даже не выслушав толком, что все, что было обдумано мною - ложно!..

- Почему же он так сказал? - спросил Микаэль.

- Видимо, догадался, что я хочу ему сообщить.

Мудрец опустил большую седую голову, прошептал, глядя в землю:

- Кажется, я зря отдалился от людей... Я совершил большую ошибку.

Он остановился и, уже не обращая ни на кого внимания, словно забыв о существовании Мариона и остальных, видимо привыкнув за долгие годы одиночества рассуждать вслух сам с собой, впал в задумчивость.

От поперечной стены вымощенная булыжником улица полого поднималась к холму. Потянулись цветущие сады. Персиковые, гранатовые, яблоневые деревья за невысокими каменными оградами стояли словно окутанные бело-розовым дымом. Ветви тянулись из-за оград, навевая прохладу и свежее благоуханье.

В глубине садов виднелись обширные дворы, каменные большие дома, на высоких крышах желтела черепица, стены переливались на солнце многоцветными красками и изразцами. Широкие ворота вели во внутренние дворы, там блестела в водоемах вода.

Подходившие люди вливались в толпу, полукругом обступившую свободное пространство возле медных досок с выбитыми на них законами, в центре было устроено возвышение, устланное коврами. На возвышении стояло кресло, обитое золотой парчой. Внизу, возле досок с законами, стояли, не смешиваясь с толпой, жители верхнего города, нарядно и пестро одетые, щеголяя друг перед другом искусной отделкой широких шерстяных рубах, голубых, малиновых, зеленых кафтанов, кое-кто явился на площадь в греческих, ниспадающих вольными складками хитонах, в персидских шароварах или в плащах-накидках. Среди же простолюдинов закопченные фартуки кузнецов, рваные штаны стеклодувов, истлевшие от пота рубахи каменщиков встречались гораздо чаще, чем хотелось бы тем, кому нравилось называть Дербент богатым и славным городом. Возле торговых лавок изредка проезжали по площади, надменно подбоченясь, персы, не обращая внимания на албанов. И те, порой даже из числа знатных, бросали на всадников угрюмые, затаенно-враждебные взгляды. Албаны терпели персов, потому что те защищали их от хазар, персы терпели албанов, потому что те были на своей земле. Но мира, достигнутого полным согласием, между ними не было. И первые, и вторые понимали это, но скрывали вражду, ибо худой мир лучше доброй ссоры.

В толпе шныряли соглядатаи, стараясь держаться как можно неприметнее, но острые, воровато-ищущие взгляды из-под низко надвинутых войлочных колпаков выдавали их. Иногда, грубо раздвигая людей плечами, проходили стражи порядка, при них смолкали разговоры, которые возобновлялись лишь когда стражи удалялись.

- Люди только и говорят о том, что вчера атраваны отнесли на башню-дакму убитого перса... - заметил широкогрудый Маджуд, - теперь персы очень злы на албан. Видишь, Марион, они и замечать нас не хотят!

- Пусть не высовываются из своей крепости, - угрюмо откликнулся чернобородый Ишбан, поигрывая длинным кинжалом, висевшим на поясе. - Кто намерен терпеть обиды этих откормленных жеребцов?

- Стражи порядка кого-то ищут, филаншах приказал найти виновных или

он разгонит всю стражу, - сказал из толпы мускулистый кузнец в фартуке, услышав их разговор.

Марион молчал. У него не выходил из головы ночной монах-христианин. В конце разговора, когда монах предложил Мариону совершить предательство, лег, забыв о наконечниках стрел, подумал, что христианин лгал, дабы выхватить у него ответную месть, но когда монах ушел, Марион опять вспомнил о граненных наконечниках. Теперь Марион искал, возвышаясь над толпой, лысого воина-гаргарина. Того нигде не было видно. Когда Марион рассказал друзьям о случившемся вечером, возмущенные Ишбан и Маджуд тут же отправились на поиски гаргаров, бывших в заставе вместе с Марионом. Но им отвечали, что те отплыли на корабле сопровождать главного сборщика налогов перса Сардера. Сообщение монаха никто не смог бы подтвердить. Микаэль, размышляя о гибели Бурджана и Золтана, сказал, что гаргары могли убить их и без ведома филаншаха, сговорившись с Уррумчи. "Но почему же они не убили меня?" - спросил Марион. "Погибнув, ты бы остался героем, о мертвых не говорят плохо, да никто и не поверит. Им достаточно было тебя обесславить", - подумав, ответил Микаэль. И тогда Геро, присутствующий при разговоре, воскликнул: "Я отомщу за тебя, отец!" Марион и не надеялся встретить на площади лысого гаргара, но гневное желание увидеть того было столь сильно, что Марион невольно обшаривал глазами толпу, которая все прибывала и прибывала.

Наконец на повороте улицы, ведущей от крепости, показалось множество всадников. Десятка два воинов скакало впереди, расчищая путь. Опередив свиту, вслед за охраной на белоснежном жеребце ехал стройный рыжебородый человек. На голове филаншаха был шлем, над гребнем которого покачивались при движении белые перья.

Из-под распахнутого малинового, расшитого золотыми узорами плаща виднелись узкие красные шелковые штаны, заправленные в высокие мягкие сапожки. Замшевый желтый камзол плотно облегал грудь. Широкий наборный пояс сверкал серебряными литыми пластинами. Блестели на солнце, позванивали, когда лошади вздергивали голову, серебряные мелкие бляшки на уздечках, пестрели разноцветные ковровые чепраки свиты, фыркая, настороженно косились на толпу лошади.

Воины охраны, оттеснив людей, образовали коридор, по которому правитель Дербента подъехал к возвышению. Пешие стражи порядка подбежали к всаднику, но филаншах отказался от услуг, сам сошел с коня, отдохнув, выпрямившись, поднялся по ступенькам, уселся в кресло, медленно обвел глазами толпу, скользя взглядом поверх голов, что-то негромко сказал. Тотчас из толпящихся вокруг возвышения советников выступил рослый глашатай и зычно, на всю площадь прокричал:

- Кто хочет обратиться за справедливостью к славному и мудрому правителю нашему, да будут осияны его благодатно всевидящие глаза, пусть обращается! Все равны перед законом и перед небом! Кто обижен, того утешат, кто обездолен - найдет защиту, кто неправеден, будет наказан!

На площади наступила тишина. Все смотрели на филаншаха, а он смотрел поверх взглядов, прикрыв тяжелыми веками глаза, положив на подлокотники отягощенные перстнями руки. Кольца длинных усов мешались с пушистыми кольцами подвитой бороды, смуглое лицо каменно-неподвижно. Слева от кресла, сложив руки на сытом выпирающем животе и тоже глядя поверх людей, стоял приземистый лекарь Иехуда в черной круглой шапочке и черной лекарской шерстяной накидке. Справа, обшаривая толпу желтыми зоркими глазами, высился бдительный Мансур в кольчуге и шлеме.

Марион вздрогнул, когда увидел Иехуду, о существовании которого он чуть было не забыл. Вот у кого надо вырвать признание!

Не сводя с лекаря гневных глаз, Марион тяжело шагнул к возвышению. Люди расступились перед ним.

- Куда ты, Марион? - удивился Микаэль.

Марион не обернулся. Друзья кинулись следом. Последним плелся

безучастный к происходящему, погруженный в свои мысли Хармас-мудрец. Иехуду вдруг беспокойно завертел головой, вытянув шею, словно принюхиваясь, пытаясь уловить: откуда исходит тревожное, заметил возвышающегося над толпой Мариона, съехался, попятился к Мансуру. Тот недовольно выслушал испуганного лекаря, посмотрел на лега, что-то буркнул вниз. И тотчас несколько стражей порядка, расталкивая толпу, стали пробираться к Мариону.

Маджуд и Ишбан обогнали богатыря, остановили. С высоты своего роста Марион гневно смотрел на них.

- Во имя Уркациллы, ты забыл обычай! - воскликнул Ишбан. - Презрение падет на того, кто во время сходки затеет побоище!

Заметив, что Марион заколебался, остановились и стражи, которым не хотелось столкновения с гигантом. Отвлеченное на время внимание людей вновь обратилось к возвышению. Сейчас на свободном пространстве перед ступеньками, устланными красным ковром, стоял талмид-хахам иудеев, одетый в длинное черное одеяние. Он говорил:

- Во имя справедливости! Мы свободные граждане Дербента. Мы равно со всеми защищаем в случае надобности город и ежегодно платим налоги. Господин, в нашей общине много ессеев, в обычае которых общность пользования благами труда. Но земля, выделенная земледельцам-ессеям на склоне Южной горы, скудна и не дает им достаточного пропитания. По обычаю ессеи могут заниматься земледелием или ремеслом, но чем-то одним, чтобы можно было легко взвесить и оценить труд каждого. Скудность земли не дает им всем отдаться земледелию, а заняться ремеслом мешают гончары, оружейники и другие, которые боятся, что ессеи будут соперничать с ними, и, полные враждебности, заявляют: "Не пытайтесь делать то, что не дано вам издревна от бога вашего, но занимайтесь тем, к чему привычны". Разве это справедливо? Мы признательны за то, что позволено нам открыть синагогу. Наша община будет вдвойне благодарна, если справедливо разрешится и эта наша нужда.

Талмид-хахам умолк, отступил на шаг, в знак того, что он изложил свою просьбу и теперь ждет решения. Советники возле ступенек зашептались.

- О, это очень и очень трудный вопрос, - пробормотал Хармас, задумчиво покачивая головой, - его нельзя разрешить справедливо. Если иудеям будет выделена дополнительная земля, это ущемит интересы землевладельцев, они будут недовольны, потому что вынуждены будут потесниться. Если же ессеям разрешат заниматься ремеслом - потерпит убытки сословие ремесленников, ибо при изобилии товара обязательно падает цена на него. Вот еще источник вражды...

- Пусть бы оставались в своей Палестине, - угрюмо заметил Ишбан, - Албания должна принадлежать албанам, и вражды не будет...

- Иудеев изгнали из Палестины римляне.

- Но сейчас там нет римлян, пусть вернуться.

- В Палестине сейчас арабы...

- Странно устроен этот мир, - проворчал Ишбан. - Оттого, что в какой-то жалкой Палестине появились арабы, страдают жители Дербента...

- Персы разрешили иудеям поселиться в Дербенте, чтобы город был многолюднее, ведь чем больше жителей, тем больше защитников, - вмешался в разговор Микаэль.

Недовольный Ишбан умолк, потому что рядом прошмыгнул соглядатай, окинул их оценивающим взглядом, запоминая скользнул цепкими глазами по чернородому даргу. Ишбан сделал вид, что внимательно вслушивается, ожидая решения филаншаха. Всем было еще памятно, что две назад Шахрабаз приказал сжечь на костре лега-стеклодува, заявившего здесь, на площади, что персов нужно изгнать из Дербента.

Советники, посоветовавшись, что-то сказали правителю, тот в раздумье важно погладил белой рукой с блеснувшим перстнем пышную рыжую бороду. Через некоторое время глашатай зычно прокричал:

- Разрешаем иудеям с этого времени образовать в Дербенте сословие торговцев и менял, выделив в это сословие наиболее даровитых и состоятельных. Устав сословия должен предусмотреть, что принявшие устав должны иметь имущества не менее, чем на сто серебряных дирхем. Земля же тех, кто выделился, может быть передана в общинное пользование остальных ессеев!

Иудеи, пришедшие на площадь, одобрительно закачали головами, как бы в изумлении перед необычной мудростью решения правителя.

Из ближних рядов толпы вырвался старик, таща за руку молодого с изумленным лицом парня. Вторая рука парня, обмотанная тряпьем, торчала в повязке, свисающей с тощей шеи.

Старик, остановившись перед ступеньками, громко закричал:

- Я Маршед-Григор, свободный человек, а это мой сын - каменщик. Я отдал его на строительство поперечной стены персу Махадию, и тот обещал платить сыну два с половиной ше [самая мелкая денежная единица] серебра за полный проработанный день от восхода до заката солнца. Но в первый же день случилось несчастье: сын упал с подмостей на землю и сломал себе руку. Махадий не заплатил за увечье, сославшись на то, что он упал по собственной неосторожности. Я обвиняю Махадия в том, что на подмости перс дал гнилые брусья. Мой сын остался калекой, а у него семья - четверо детей...

- Маршед-Григор, где твои свидетели? - спросил глашатай. Из толпы вышли два человека, выжидательно остановились поодаль.

- Свидетели, поклянитесь святыми для вас именами, что вы скажете правду! - потребовал глашатай.

- Клянемся святым именем Иисуса, что мы скажем правду! - перекрестились свидетели в сторону видневшейся в распахнутых воротах часовни христиан. - Дело было так, господин: сын Маршед-Григора шел по подмостям и оперся случайно о заградительный брус. Тот подломился, и сын Маршеда упал на землю.

- Почему подломился брус? - спросил глашатай.

- Он был гнилой.

- Много ли в заграждении подобных брусьев?

- Все они с какими-либо изъянами.

- Кто еще падал с подмостей, кроме сына Маршед-Григора?

- Больше никто, господин. Мы знали, что брусья слабые...

- Почему же вы не предупредили нового человека?

Свидетели растерянно переглянулись. Один из них сказал:

- Мы просто забыли, господин...

- Отойдите и ждите решения. Пусть явится подрядчик Махадий.

От нарядно одетых знатных горожан, стоящих возле досок с законами, отделился высокий человек в шелковом, подпоясанном кушаком халате, остановился, заранее принимая скорбный вид. За ним вышли два свидетеля. Поклявшись говорить правду, Махадий сказал:

- Закон велит ограждать подмости, если стена поднята на высоту более четырех локтей. Я это делаю, хоть и иду на неслыханные расходы, ибо лес очень и очень дорог, его мне доставляют с гор. Устройство подмостей мне обходится дороже, чем кладка стен, но я честно выполняю требования закона. Господин! Я жалуюсь на свободных! Муздвары ленивы и беспечны. Они требуют отдыха, хорошей еды да еще платы, да к тому же мне приходится содержать надсмотрщиков! Рабы обходятся гораздо дешевле, они послушны, трудолюбивы и осторожны. Муздвары же пьют виноградное вино, а захмелев, бегают по подмостям, словно по мощеной улице! Где это видано! Они пользуются моей добротой, думая, что она безгранична! О господин! Я отказываюсь от подряда на строительство поперечной стены, ибо несу большие убытки, да к тому же меня обвиняют в беспечности! О Агуро-Мазда, ты все слышишь! Я отказываюсь от подряда!

- Махадий! - проревел глашатай. - Не делай этого!

Из толпы знатных горожан послышались выкрики:

- Махадий! Во имя Ахуро-Мазды, не приостанавливай работы!
- Разве ты хочешь, чтобы хазары захватили Дербент?
- Пусть гнев богов падет на головы этих муздваров!
- Разве справедливо, чтобы хозяин терпел убытки по вине беспечных муздваров?

Лицо тощего старика жалко скривилось, он вытирал рукавом рубахи пот, обильно выступивший на морщинистом лице. Парень, съжившись, уставился в землю, боясь поднять глаза. Но уже другие выкрики послышались из толпы простолюдинов:

- Знатные совсем обнаглели! Они хотят, чтобы свободные работали на них даром!

- Пес Махадий хитрит!
- Эй, Шахрабаз Урнаир, не верь Махадию!
- Он лжет, не боясь гнева Агуро-Мазды!

Правитель Дербента, подняв тяжелые веки, что-то гневно сказал глашатаю. Тотчас резко и звонко пропела труба глашатая, призывая людей к молчанию.

- Ах, как люди суетны, - вздохнул возле Мариона мудрец. - Какая Махадию выгода в том, что он скупится заплатить калеке, хотя он может заплатить тысячам... без особенного ущерба для себя.

- Он боится, что, уступив сейчас, будет уступать и впредь, - заметил Микаэль, - этого боятся все знатные.

- Но разве дальновидно, если народ, потеряв веру в правителей, впадет в отчаяние. Ах, если бы Шахрабаз выслушал меня!..

- Зато ты, Хармас, имеешь сейчас прекрасную возможность выслушать Шахрабаза и убедиться... Впрочем, Хармас, я, кажется, понял, в чем твоя ошибка: ты искренне веришь в то, что людей заботит будущее!

- Но разве не потому крепка вера в загробное блаженство и воздаяние за грехи?

- Ты забыл, Хармас, об искуплении грехов! Каждый человек уже в настоящем может очистить свое будущее. Таким образом, предполагается, что будущее всегда чисто. Так зачем о нем тревожиться?

Хармас опустил седую голову, размышляя над сказанным. В это время опять требовательно пропела труба. На площади наступила тишина.

- Что скажут свидетели подрядчика Махадия? - спросил глашатай. Один из свидетелей, надушенный, с завитыми русыми кудрями, женственно-нарумяненный, кокетливо сведя к переносице тонкие выщипанные брови и изящно поправляя волосы, томно сказал:

- Ах, мы прогуливались по дороге, прогуливались по дороге, когда случилось это... ужасное... ах, мы подошли и увидели... Ах, человека, лежащего в неудобной позе...

- Видели ли вы сломанный брус? - зычно спросил глашатай.

- Ах, ах, что такое - брус? - обратился белолицый ко второму свидетелю, широкоплечему мужчине с грубыми чертами лица.

- Нет, Персик не видел бруса, он поспешил отвернуться, его сердце не выдерживает ужасных зрелищ... Видел брус я, - грубо и хрипло проговорил тот. - И должен сказать, что брус сломался не оттого, что был гнилой, а потому, что на него неосторожно навалились, излишне неосторожно...

Опять пропела труба, призывая к тишине, и глашатай спросил:

- Маршед-Григор, ты согласен с тем, что твой сын поступил неосторожно?

- Да, но ведь...

- Разве ограждения существуют для того, чтобы на них опирались?

- Нет... - ответил, понурившись, старик.

- Маршед-Григор, твой свидетель сказал, что ограждение было с изъянами, но тем не менее никто, кроме твоего сына, не падал с подмостей. Таким образом, твой сын получил увечье не по вине Махадия, а по

собственной неосмотрительности, поэтому справедливость требует отказать тебе, Маршед-Григор, в иске. Кто еще желает обратиться за справедливостью?

Вышел рослый бородатый человек, сказал:

- Мое поле справа от южных ворот, рядом с полем старосты горшечников Ашурпалома. Две весны назад я нанялся в охрану каравана, идущего на реку Итиль, и прошлой весной не смог вернуться в Дербент: слишком долог оказался путь. Поэтому я поле не засеял. Ашурпалом распахал между и мое поле присоединил к своему. Теперь он утверждает, что это его земля.

- Кто внес плату за поле в прошлом году? - спросил глашатай.

- Плату внес Ашурпалом. Я не мог внести ее, потому что находился далеко отсюда...

- Хозяином поля считается тот, кто заплатил за него в казну.

- Я согласен, что урожай этого года снимет Ашурпалом. Но несправедливо будет, если моя земля останется за ним. Я много лет вносил за нее плату. У меня есть свидетели...

- Когда суть дела очевидна, свидетели не нужны, - возразил глашатай.

- Напоминаю всем горожанам, что в Дербенте нет собственности на землю! Говорю: поле принадлежит тому, кто последним внес за него подать!

Нарядно одетые горожане заулыбались, одобрительно закивали, кто-то выкрикнул:

- О мудрый, ты прав! Если живущие в нижнем городе будут засеивать поля по желанию: захотел, не захотел - разве это не грозит славному Дербенту голодом? А кто будет кормить воинов крепости? Давно бы надо закрепить землю за рачительными хозяевами!

Возле него тотчас подхватили:

- Да, да! Какая верная мысль!

- Мы согласны даже вносить еще большую подать!

- Рассуди, осиянный!

- Какая громадная польза будет Дербенту!

Филаншах важно выслушал выкрики, поднял правую руку с блеснувшим золотым перстнем, прося подождать, наклонившись к советникам, заговорил с ними.

В толпе простолюдинов изумленно молчали. Только чей-то одинокий глас спросил, ни к кому не обращаясь:

- Да что же это делается?

Шахрабаз, выслушав советников, повернулся к площади. Глашатай прокричал:

- И ты прав, раис огородников, и вы все, беспокоящиеся о благе Дербента, правы! Тебе же, бросающему свое поле, - глашатай указал на бородатого, - я говорю: обратись к раису огородников, и пусть он решит, кому впредь будет принадлежать земля, что справа от южных ворот.

- Но раис огородников - родич Ашурпалома! - гневно закричал истец. - Разве не ясно, что он решит в пользу родича!

- У нас нет сомнений относительно мудрости раисов, и мы не повторяем дважды! - проревел глашатай.

Среди простолюдинов все громче слышался ропот. Возле Мариона коренастый рыжеволосый кузнец громко сказал:

- Теперь, выходит, нам не у кого искать защиты.

Ему горько ответили:

- Бедняки должны работать, а не искать справедливости.

Рыжеволосый кузнец продолжил:

- Начальник охраны южных ворот отнял у моего соседа Загала жену, а когда тот обратился с жалобой к шихвану, стражи порядка избили его, сейчас он лежит дома! Да будь они прокляты, эти власть имущие! Пусть про...

Кузнец не договорил. Возле него как будто из-под земли вырос юркий человек и вцепился в него глазами. Будто холодный ветер пробежал по толпе. Можно уже не сомневаться, что сегодня ночью к рыжеволосому явятся

стражи порядка. Но к счастью для него, в нескольких шагах кто-то, воздев руки к небу, громко возопил:

- Под сенью многострадального Иисуса Христа мы все невольно пребываем, ибо безгранична милость его к страждущим и долготерпелив он с грешными! Но сказано им же: легче верблюд пролезет в игольное ушко, чем богатый попадет в царствие Божие!..

Соглядатай, раздвигая острыми плечами людей, метнулся к проповеднику - жилистому лохматому человеку, у которого на едва прикрытой истлевшей рубахой костлявой груди висел медный тяжелый крест. Проповедник схватил крест, высоко воздев, кричал:

- Верую в царство небесное! Верую! Не силой, а единственно кротостью,

не хитроумием, но простодушием враги ваши победимы будут, ибо сказал Агнец, любимый Иисус-назарянин: не будете детьми, не войдете в царствие Божие! Сходитесь, страждущие, в лоно Церкви Христовой, утешены будете! Истинна вера наша, ибо великие милости являет бедным, обиженным, скорбным, мятущимся, вдовам и сиротам! Сыне Божий, восславляю кротость Твою, да ниспошли ее на овцы свои, уподобь их агнцам...

Сильно и грубо расталкивая людей, к христианину спешили два стража порядка, готовясь схватить возмутителя спокойствия. Но соглядатай предостерегающе показал: не трогать проповедника, вновь метнулся к рыжеволосому. Но тот исчез. Стражи вопросительно переглянулись, недоумевая. Они не знали, что вчера поздно вечером филаншах, вызвав урванкара - начальствующего над соглядатаями, велел всячески ограждать христиан от нападков иноверцев.

Ишбан и Маджуд вытолкнули из толпы кузнеца, посоветовали впредь не попадаться на глаза стражам порядка, вернулись к Мариону, который, слушая Суд Справедливости, все больше загорался гневом.

Теперь перед ступеньками стоял невероятно худой, в оборванной грязной одежде человек, на землисто-серое лицо его космами свисали седые волосы. Этот человек уже несколько месяцев сидел в зиндане за то, что осмелился ударить шихвана. На лице его застыло выражение покорности и отчаяния. Напрягаясь, он простуженно-слабым голосом говорил:

- ...Раис Ашурпалом объявил мне, что сам будет покупать мои горшки и кувшины, и стал забирать все, что я изготовил. Раньше я всегда выручал за год работы два дирхема - так платили приезжие купцы. Этих денег мне хватало, чтобы покупать себе пропитание и что нужно из одежды. Поле я содержать не могу, потому что целыми днями занят изготовлением горшков, жена у меня больна, детей всемогущий Уркацилла не послал. В конце года раис уплатил мне только один дирхем, объяснив, что цены на горшки и кувшины упали. Я справился у купца из Ширвана, так ли это. Он мне сказал, что цены остались прежними. Тогда я пошел к шихвану, а там уже были Ашурпалом и Обадий. Я рассказал Уррумчи в присутствии Обадия, что Ашурпалом обманул меня, и призвал Обадия быть свидетелем. Уррумчи закричал, что обманываю я, а не Ашурпалом, который заплатил как раз два серебряных дирхема. Господин, свидетелей при выдаче денег не было. Тогда я сказал, что шихван и раис сговорились. Уррумчи ударил меня плеткой. В гневе я ударил Уррумчи. Они же - все трое - накинулись на меня и избили. Свидетелей избиения я выставить не могу.

- Кто же удостоверит правдивость твоих слов? - спросил глашатай. Истец молчал. Он едва держался на ногах от слабости.

- Пусть выйdet Ашурпалом! - возгласил глашатай.

Высокий грузный человек, умильно улыбаясь, подобострастно поклонился филаншаху. Вышли свидетели - надменный Уррумчи в лохматой шапке, поигрывая треххвостой плеткой, и пухлый Обадий с заискивающей улыбкой.

- Именем пресветлого Агуро-Мазды клянемся говорить правду! - поклялись свидетели Ашурпалома.

- Скажи нам, Ашурпалом, сколько ты заплатил горшечнику за товар?

- Два серебряных дирхема, господин. То, что я заплатил именно эту сумму, могут засвидетельствовать Обадий и Уррумчи.

- Дело было так, о пресветлый, мудростью уподобленный богам, - начал Обадий, - этот нехороший человек, как только вошел в дом благородного раиса, с криком: "Проклятый обманщик, я убью тебя!" - кинулся на Ашурпалома и начал избивать. Мы с Уррумчи, желая его успокоить, удержали, но он, как буйвол, охваченный бешенством, накинулся на нас и ударил меня, а потом благородного Уррумчи. Втроем с величайшим трудом нам удалось связать его. Вот тогда-то у него из-за пазухи выпал остро отточенный нож и выкатились два серебряных дирхема...

- Почему же, Ашурпалом, ты не сообщил нам в первый раз, что этот негодяй ударил Уррумчи и Обадия? - нахмурившись, спросил филаншах.

- Чтобы не усугублять его вину, - скромно отозвался раис.

- Тебе жалко негодяя? - удивленно и гневно спросил Шахрабаз. - Знай, что благородство по отношению к низким людям развращает их! - и, повернувшись к глашатаю, что-то негромко сказал.

- Горшечник Виста, - прокричал глашатай, - кто может подтвердить твои слова?

- Кроме Уррумчи и Обадия - никто. Но они говорят неправду. Раис заплатил мне один дирхем, а шихван первым ударил меня...

- Твой бог Уркацилла накажет тебя за ложь! - жалобно воскликнул Обадий. - Ты вымогал деньги у честнейшего человека и ударил невинного! По твоим глазам вижу я, что ты и сейчас готов всех нас растерзать! Но слава Агуро-Мазде, давшему несравненную мудрость правителю нашему, который не

допустит несправедного...

Филаншах поднял руку, прерывая Обадия. Глашатай выкрикнул:

- Как же я могу поверить тебе одному, горшечник Виста? Подумай: поверив тебе, я должен обвинить во лжи трех знатнейших жителей города, честность коих неоднократно подтверждалась делами на благо Дербента!

- Но они же говорят неправду! - отчаянно закричал изможденный горшечник. - Я не могу это доказать, но они говорят неправду!

- Справедливо: верить большинству! - торжественно провозгласил глашатай. - Твоя вина доказана. Завтра тебе отрубят руку, которой ты совершил насилие! Уведите его!

Два стража подскочили к горшечнику, явно красуясь своей силой, схватили и потащили к крепости. Когда горшечника вели мимо толпы простолюдинов, он, подняв голову, страдальчески спросил:

- Есть среди вас хоть один дарг? Обо мне некому будет вспомнить. Моя жена умерла. Я Виста, сын брадобрея Вишу...

Кровь бросилась в голову Мариону, и он, не помня себя, рванулся вперед. Пусть оправдываются все предчувствия! Пусть рухнет все и разлетится вдребезги! Не хочется жить, когда на твоих глазах совершается чудовищное: отказываются от богов, лгут, совершают насилие! Не хочется жить, когда торжествует злоба, а подлость смеется тебе в лицо!

Мариона никто не удерживал. Люди впереди поспешно расступились. В несколько огромных прыжков он настиг стражей, схватил за отвороты кафтанов, мелькнули испуганные лица. Это были те самые стражи, что пытались отнять несколько дней назад у женщины-гелы барана. Марион в бешенстве расшвырял их. Мрачный сутулый страж отлетел под ноги простолюдинов, круглолицый толстяк, отброшенный на середину площади, подкатился к возвышению правителя. Шахрабаз гневно вскочил. От возвышения к Мариону ринулись воины охраны, выставив копья, на ходу вытаскивая мечи, обегая завывающего от боли толстяка, у которого оказалась сломана нога. Марион выхватил свой меч, описал над головой огромный сверкающий круг. Пусть сбегутся сюда хоть все воины Персии! Были сотни боев! В степи, в горах, под стенами Дербента - где только не гниют разрубленные этим мечом враги! Но ни единый удар не был нанесен безвинному и беззащитному! Марион

ждал. Почему так медленно подходят к нему воины? Ну же, скорей! На душе было просторно и легко. Вспыхнувший привычный азарт предстоящего боя вытеснил все тревоги, овладел напряженным телом. Сейчас зазвонят по камням отрубленные наконечники копий, затрещат щиты, загромолятся тела на унавоженных камнях площади! Много тел! Последний бой Мариона! О нем долго будут помнить в Дербенте! И вдруг в это короткое мгновение вспомнилось, что леги, ушедшие в горы, называли себя уже не легами, а лезгами. Значит, этот бой - последний бой лега!

Но схватки не произошло. Искра единения мгновенно пробегает по толпе, рокочущей от гнева, если появляется предводитель, толпа, дотолпе разрозненная, в таком случае превращается как бы в одного человека. Марион, сам того не подозревая, возглавил толпу. Рядом с ним встали Ишбан, Маджуд, Микаэль. Даже Мудрец, на время отвлеченный от своих дум, рассеянно поднял с земли камень. А за их спинами замерли в настороженном ожидании шагнувшие к Мариону горшечники, кузнецы, стеклодувы, каменщики, огородники, брадобреи, даже оружейники. Стражи порядка в нерешительности приостановились. Шахрабаз Урнайр тяжело опустился в кресло, не заметив протянутую лекарем Иехудой пилюлю. Тишина нависла над площадью. Слышно было лишь тяжелое дыхание множества людей, позвякивание удил и всхрапы лошадей персов, готовых по мановению руки Шахрабаза ринуться на албан. Но правитель оставался неподвижен. Вцепившись в серебряные подлокотники кресла, вытянув шею, побагровев, рыжебородый старик медлил, впившись взглядом в Мариона. Случались на его памяти скоротечные бунты. И он, не задумываясь, бросал на толпу стражей, воинов, конницу: пехоту - все, что было под рукой. Но сейчас? Дербент может остаться беззащитным. А сочтут ли Турксанф и Ираклий за заслугу сдачу беззащитного города? Нет, бунта нельзя допустить. Шахрабаз откинулся в кресле, перевел дыхание, взял с дрожащей руки Иехуды подслащенную взбадривающую пилюлю, проглотил. Над ним склонился, ожидая приказа, араб Мансур.

- Не сейчас, вечером. Ты понял? - негромко сказал Шахрабаз.

Требовательно, протяжно пропела труба глашатая, а потом и он хрипло проревел:

- Люди! Суд Справедливости закончен! Внемлите и передайте другим: все помыслы и заботы правителя единственно о благе народа - его благополучии и спокойствии. В доказательство неиссякаемой доброты нашей отменяется наказание горшечника Висту! Стража! Отпустите горшечника и вложите мечи ваши в ножны! Внемлите, люди: скорбью о неправедных деяниях людей переполнено сердце справедливейшего, но разум его не озлоблен и не горит мстью! Люди, с миром и верой расходитесь по домам. Надежда на величайшее единение правителя и народа ведает всеми его помыслами!..

18. ПЯТЬ ДИНАРИЕВ

Ах, какие наступили душные мрачные вечера. По ночам густо падали звезды, а как-то раз черный купол неба стремительно прочертила огненная полоса, словно падал горящий факел, рассыпая искры, и долго огненный след висел над Дербентом.

А сегодня еще с полудня небо закрыли тяжелые низкие тучи, не оставив просвета. Ни одна травинка, ни один листочек не шевелились в горячем душном воздухе долины, когда Геро гнал отару в город. Если бы не блеяние и топот множества овец, можно было бы подумать, что все вокруг вымерло.

Воин, стоявший на страже возле распахнутых ворот, разомлев от духоты, лениво взглянул на юношу и тут же сонно закрыл глаза, по смуглому лицу его стекала из-под шлема струйка пота. Геро прошел мимо, осуждающе сдвинув брови. Несколько воинов караула, расположившись на траве возле башни, беспечно играли в кости, шумно переругиваясь между собой. Шлемы и копыя

небрежно валялись в траве. Караульщики даже не взглянули на пропылившую мимо блеющую отару. Южные ворота закрывались только на ночь, и охрана здесь томилась бездельем. Геро подумал, что отец никогда бы не позволил подобной вольности: бросить копье или меч, снять на посту пластинчатый панцирь.

Во дворе Обадия мальчику пришлось задержаться. Возвратившись с торговой площади, где состоялся Суд Справедливости, чем-то раздосадованный перекупщик, грозно сопя, долго пересчитывал овец и ворчал, что овцы слишком тощи.

Возвращаясь домой, Геро всегда проходил возле неглубокого длинного водоема, в котором горожане поили скот, коней. Еще издали мальчик увидел возле водоема нескольких оживленно и громко разговаривающих нарядно одетых подростков. Дальше вдоль улицы тянулись каменные ограды, над ними свешивались пахучие ветви, ниже, на спуске к поперечной стене, дымились две огромные ямы, в которых гасили известь. Возле ям несколько взлохмаченных муздаров, одетых лишь в короткие холщовые штаны, помешивали жидкую известь длинными деревянными шестами. Из ям вырывались ядовито-зеленые клубы пара, окутывая белых от известковой пыли, тощих муздаров. Слева от гасильных ям на площадке стояли повозки, запряженные волами. Крупные грузные волы задумчиво жевали жвачку, опустив круторогие головы. Десяток рабов суетились возле повозок, стаскивая длинные белые камни. Поодаль стоял здоровенный чернобородый Дах-Гада, хмуро наблюдая за разгрузкой. Геро, приближаясь, увидел, как Дах-Гада, гневно выкрикнув бранное слово, тяжело шагнул к ближней повозке, в его толстой волосатой руке мелькнул длинный бич. Болезненный вскрик прорезал вечеряющий воздух, и один из полуголых рабов скорчился от боли. Надсмотрщик опять взмахнул кнутом, крик повторился. Привезенные каменные заготовки были дороги. Неимоверного труда стоило вырубить их железными клиньями и молотами в скале прокаленной от зноя каменоломни и привезти в город на четверке, а то и на шестерке могучих волов. Из этих заготовок мастера-уста вырубали ровные бруски, из которых складывали стены храмов, башен или же вытачивали из них фигурные карнизы украшения.

Геро прибавил шаг, напряг зрение, пытаясь разглядеть, кого бьет Дах-Гада? Неужели Рогая? Дах-Гада зол и жесток, для него раб - низкое презренное существо, отец говорил, что этот надсмотрщик бьет рабов не потому, что заготовки дороги, а от сладострастного желания издеваться над людьми. Иногда отец скрепя сердце относил подарки Дах-Гаде, чтобы тот был благосклонен к Рогая. Геро гневно сжал кулаки. Но Рогая, кажется, среди рабов, разгружающих повозки, нет. Где же он? Или его куда-нибудь отправили?

В это время нарядные подростки возле водоема громко расхохотались. Они тоже глядели в сторону площадки, и один из них крикливо произнес:

- Так им и надо, вонючим!

Второй - высокий, в голубом кафтанчике - похвастался:

- У меня теперь есть собственный раб, и я его каждый день бью по щекам, даже если он и не провинился! Он крутит головой и мычит! Очень забавно! Мне всегда смешно это видеть, ха-ха!..

Первый подросток перебил хвастуна:

- И у меня есть собственный раб! Иногда заставляю его нарочно бегать по двору, а сам щелкаю бичом и кричу: скорей, скорей! Он устанет, упадет на землю и плачет! Ха-ха! Мне тоже смешно!..

Геро, проходя мимо беспечно веселящихся хвастунов, замедлил шаги, сердито оглядел детей знатных. Разве хорошо гордиться тем, что судьба оказалась благосклонна к ним? Рабство - это несчастье, а будущее - скрыто во мраке, и неизвестно, что ожидает всех впереди. Но каким же нужно быть самому жалким существом, чтобы мучить человека единственно ради удовольствия видеть, как человеку больно!

- Эй, ты что на меня уставился, пастух? - зло и визгливо прокричал

высокий подросток в голубом кафтанчике.

У Геро перехватило дыхание. К нему никто еще не обращался таким угрожающим голосом. Он остановился, гордо выпрямившись, напомнил:

- Я Геро, сын Мариона!

Этим было сказано все: и то, что прадед Мариона - великий воин, и что отец Геро прославлен не только в городе, но и далеко за пределами его, и то, что недавно Геро в честной схватке убил огромного волка, а потому уже достоин уважения.

Подростки пошептались, хихикая, поглядывая на босого пастушонка, потом тот, высокий, выставив ногу в мягком сапожке, надменно выпятив подбородок, презрительно-насмешливо сказал:

- Эй! Вонючий овечий пастух! Ты - сын самого трусливого воина в Дербенте! Геро - сын труса! - И, наслаждаясь безнаказанностью, пренебрежительно сплюнув, повторил: - Сын труса, сын труса!

Геро не поверил собственным ушам. Он еще ни разу не сталкивался с детьми знатных, они не замечали его, и он избегал их. Но эти негодяи настолько чувствуют себя безнаказанными, что не боятся оскорблять свободного человека - прославленного воина, отца Геро! От обиды перехватило дыхание, но Геро быстро овладел собой. Он спокойно снял с плеча лук и колчан, повесил на ветку, нависшую над улицей, положил на траву под забором козью шкуру. Ну, что ж, Геро сейчас посмотрит, кто из них - он или эти нарядные негодяи - больше достойны уважения. Отец, если узнает о драке, не скажет сыну, что тот поступил плохо. Ведь Геро дрался за честь отца, за честь лега, защищал достоинство свободного человека, за всех, кого унижали эти хвастливые негодяи, и - только уж в самую последнюю очередь - за себя.

Подростки с удивлением смотрели на приближающегося к ним овечьего пастуха. Они недоумевали, он что - хочет с ними драться? Но ведь их - четверо. И потом, каждый из них старше и наверняка сильнее. Однако он смел, этот жалкий мальчишка из нищего магала! Его надо проучить!

Геро с тайной радостью отметил, что он совсем не боится этих надменных хвастунов и идет к ним совершенно спокойно, то есть "не потерял головы". Отец говорил, обучая сына искусству воина, что сохранить в момент опасности хладнокровие - значит победить.

Он не успел пройти и половины расстояния, что отделяло его от подростков, как те, не выдержав, одновременно бросились на него. Сначала они бежали, толкаясь, мешая друг другу, потом вперед вырвался высокий, торопясь обрушиться на смельчака, чтобы потом было чем похвастаться.

Геро повернулся и побежал. Ага, он удирает! Подростки помчались быстрее, растянувшись длинной цепочкой.

Геро, отбежав, оглянулся. Первым к нему, задыхаясь, приближался высокий. Дождавшись его, Геро плашмя упал. Подросток, споткнувшись, со всего разбега ударился о каменистую дорогу, взвыл от боли и испуга. Второго хвастуна Геро, перекатившись, подцепил ногой, резко рванул. Тот упал, будто подрубленный. Не медля, Геро вскочил и снизу вверх, вкладывая в удар тяжесть тела, стукнул третьего в подбородок. Тот, лязгнув зубами, взмахивая руками, мыча, опрокинулся, из глаз его брызнули слезы. Четвертый повернулся и, завопив от испуга, бросился наутек. Геро погнался за ним, не обратив внимания, что сзади послышался частый лошадиный топот. Догнав беглеца на перекрестке, Геро прыжком взлетел над ним, повернулся в воздухе, шершавой, затвердевшей пяткой резко ударил подростка в спину, упал на руки, вскочил. Подросток иступленно вопил, закрыв лицо руками, лежа у каменной ограды.

Около Геро послышался топот копыт, храп лошади. Удар плетью невольно ожег плечо. Мальчик стремительно повернулся, сжавшись для прыжка, увидел желтоглазого дворецкого Мансура на вороном жеребце. Мансур вновь занес плеть, но, заметив напряженный пристальный взгляд мальчика, опустил плеть и молча показал ему: "Иди!"

Возле длинного водоема толпилось много всадников. Кони, фыркая, тянулись к воде. Чуть в стороне от остальных, на белоснежном жеребце, нетерпеливо перебирающем сухими сильными ногами, восседал бородатый человек в малиновом плаще. Возле него стояли, всхлипывая, вытирая слезы рукавами кафтанов, побитые Геро подростки.

Мансур подвел Геро к филаншаху, и тот уставился на него тяжелым недобрый, напоминающем волчий, взглядом. Лицо старика было смугло, морщинисто, а борода огненно-рыжая.

- Это ты затеял драку? - сурово спросил филаншах.

- Нет, господин. Это была не драка. Они оскорбили моего отца, и я наказал их.

- Ты один - четырех? - удивился старик, сдерживая нетерпеливо ходившего под ним жеребца.

- Даже если бы их было больше!

Смелый ответ удивил филаншаха, он склонился с высокого седла, рассматривая кудрявого запыленного смельчака, потом, чем-то пораженный, обернулся к свите, произнес несколько слов на персидском языке. Один из всадников подъехал, всмотрелся в лицо мальчика, утвердительно кивнув, что-то ответил. Правитель Дербента спросил ласково:

- Как звать твоего отца, юноша?

Геро, как всегда, гордо ответил:

- Марион! Я сын Мариона!

Странное выражение, похожее на умиленную гримасу, промелькнуло на пергаментно-смуглом лице старика, он опять отрывисто, негромко спросил что-то у подобострастно склонившегося к нему всадника. Тот ответил. Старик, раздумывая, медленно погладил свою рыжую бороду и, обратившись к все еще всхлипывающим подросткам, сердито велел им идти по домам. Те, спотыкаясь и оглядываясь, побрели прочь. Геро даже не повернул к ним головы. Он их достаточно наказал, теперь они сами испытали, что такое боль и унижение. Никто не упрекнет Геро, что он поступил несправедливо, а разве за справедливый поступок наказывают? Геро смело смотрел прямо в глаза филаншаху, и тот, раздумывая, поглядывал на него с ласковой гримасой. Потом правитель Дербента сказал несколько слов всаднику. Тот поспешно, откинув полы плаща, достал из штанов кошелек, вынул пять золотых монет и, угодливо улыбаясь, протянул их Геро. Это были не серебряные дирхемы, а настоящие золотые динарии! Несколько лет назад один золотой динарий спас жизнь Геро и Витилии. За два же динария можно было купить всю отару, что пас мальчик. Он непонимающе посмотрел на филаншаха. Тот ласково кивнул и сказал:

- Бери, храбрец, отдай отцу. Скажи: правитель Дербента дарит тебе за величайшие заслуги перед городом. Еще скажи... впрочем, скоро он узнает все сам.

Геро, оторопев, попятился, спрятав руки за спину, отрицательно покачал головой. Нет, он не возьмет! Тут что-то не так. Зачем филаншах дарит отцу такую огромную сумму - целое богатство! Тем более что он объявил всему городу о наказании Мариона. А может быть, он узнал, что отец не виноват, и хочет загладить свою вину? Или что-то произошло на Суде Справедливости?

- Ты знаешь счет? - спросил филаншах.

- Да, знаю. Меня научил славянин Микаэль.

- Кроме пяти золотых монет, что ты отнесешь отцу, я увеличиваю ему ежегодное содержание еще на одну треть. Возьми монеты и беги домой. У такого храбреца их никто не отнимет!

Всадник, склонившись с седла, насильно всунул в руку Геро монеты, закрыл ему ладонь, повернул его спиной к себе и легонько подтолкнул.

Возле известковых ям валялись лопаты, шесты с налипшими кусками извести. Муздравы стояли на коленях, приветствуя правителя. Рабы на площадке тоже стояли на коленях, но уткнув головы в руки. Дах-Гада в

распахнутом халате возвышался над ними, посматривая на идущего от водоема Геро. Он видел, что тот разговаривал с правителем Дербента, и недоумевал, откуда сыну простолюдина такая честь, но не решался спросить, чувствуя в молчании Геро скрытую неприязнь. Когда Шахрабаз отъехал в сторону крепости, надсмотрщик, щелкнув кнутом, взревел:

- Встать, лентяи!

Рабы поспешно поднимались, торопились, склонив головы к повозкам. Дах-Гада вслед хлопал бичом, кричал, не зная на ком сорвать злость:

- Я вас всех сегодня лишу вечерней пищи! Вы чуть было не раскололи камень!

Рогая среди рабов не было.

Совсем стемнело, когда Геро отворил калитку родного дома. Дворик привычно освещался пылавшим очагом, и, как всегда, поджидая сына, хлопотала возле очага мать. Отец, обнаженный по пояс и, как показалось мальчику, озабоченный, точил на камне, лежащем возле очага, свой меч, комариное "вз-вз" сопровождало правку стального жала. Отец даже не посмотрел на вбежавшего сына. Сейчас Геро его обрадует! Вот - целое богатство зажато в ладони! Они сейчас пойдут и выкупят Рогая! Потом они наполнят сундук приданным для Витилии, купят матери новое покрывало, много меда. О сколько счастливых мгновений заключено в пяти золотых! Мальчик, положив оружие в свой тайник в развилке ветвей платана, прыгая на одной ноге, подскочил к отцу. Сейчас он его обрадует! Помешала сестра. Она бело-розовым вихрем вырвалась из дверей дома, видимо давно поджидая брата, розовый платок сполз на плечи, просторное белое платье не скрывало гибких движений молодого тела, глаза блестели под черными кудрями.

- Геро, Геро! - крикнула она, задыхаясь от нетерпения и хохоча от избытка жизни. - Ой, я забыла тебе утром рассказать, что встретила вчера филаншаха, когда ходила за водой! Он на меня так странно смотрел! Даже коня остановил и глазами провожал... Вот так. - И привстав на цыпочки, вытягивая стройную шейку, она, с трудом сдерживая смех, показала, как смотрел вслед ей филаншах. - Это было так смешно! Он похож был на бородатого грифа! Ха-ха-ха! А у меня еще одна новость, только плохая: Рогая посадили в зиндан. Он нечаянно уронил камень на ногу Дах-Гаде... - уже печально добавила Витилия, легко переходя от одного настроения к другому. Легкомысленная, она не подозревала, что первая новость отнюдь не лучше второй. Смутная тревога забрезжила в душе Геро. Обычай запрещал молодым женщинам, а тем более - девушкам, посещать многолюдные места, общаться с чужими, и потому Геро понял, что то, над чем смеялась сестра, совсем не так уж забавно. Вспомнился сверлящий волчий взгляд старика. Золотые динарии в руке неимоверно потяжелели. Геро невольно оглянулся на отца: слышал ли он? И увидел, что отец медленно поднимается, широкое лицо его густо заливают румянец гнева. И мать застыла возле очага. Но неужели все так страшно?

Отец хриплым прерывистым голосом спросил:

- Почему же... почему, Витилия, ты не рассказала ни мне, ни матери, что вчера встретила филаншаха?..

- Я об этом как-то забыла... - сестра растерянно посмотрела на брата, - вспомнила, когда пришел Геро... А что, отец, разве это так страшно?

Геро с надеждой смотрел на отца и, хоть испытывал сейчас жгучую тревогу, невольно любовался им. Выпуклая грудь Мариона была столь широка, что на ней бы, пожалуй, мог улечься волк. Широко расставленные узловатые от мышц руки напоминали стволы деревьев, впалый живот казался бугристым от крупных мускулов, напрягающихся при каждом бурном вздохе. Отец спасет их, оградит от любой опасности. Нет в городе человека, столь же могучего, как он! Не так давно, на многолюдной торговой площади, отец одним рывком повалил, схватив за рога, сорвавшегося с привязи огромного быка. Марион прошептал:

- Нет, нет, он не посмеет... не посмеет.

- Отец! - громко позвал Геро и, когда тот повернулся к нему, показал на разжатой ладони пять тускло блеснувших желтых монет. - Мне только что дал их филаншах. Он сказал, чтобы ты сегодня ждал гостей, - и, не выдержав, отчаянно закричал: - Я не знал, отец! Я не знал!

- Мы сейчас же уходим в горы! - голос отца прогремел, как в минуты опасности. - Геро! Сынок, как можно быстрее беги к Южным воротам! Скажи, если еще не закрыли, чтобы подождали, если закрыли - пусть откроют! Скажи: просит Марион! Мать! Витилия! Немедленно собирайся! Геро! Беги! Мы идем следом!

Ах, какой это был необыкновенно душный вечер! Пот заливал лицо, грудь, и нельзя было, не обжигаясь, глубоко вдохнуть горячий воздух. Геро несся по переулкам, разбрызгивая черные лужи, скользя по глине, ушибаясь босыми ногами о торчащие камни, которых сейчас особенно много оказалось на пути. Над морем рассеялись облака, и там, в расширяющих голубоватых просветах, медленно вставала над городом багровая, словно раскаленная, огромная луна.

19. НЕ НАДО МСТИТЬ

Геро не добежал до Южных ворот. Оставался всего лишь один переулок, как вдруг внизу, там, где был дом, послышались крики людей, яростно залаяли собаки. Геро, тяжело дыша, остановился, прислушался. В его проулке невнятно, зло кричали люди, позванивали сбруей, фыркали лошади. Отчаянно пронзительно закричала мать, и, перекрывая голоса людей, раздался громовой голос отца:

- Назад, дети шакалов! Назад!

И тут же лязгнула сталь. Удары повторились и больше не прекращались. Возле дома шла рубка. Жалобно закричала и смолкла Витилия. Опять вскрикнула мать. Мальчику послышалось, что она позвала:

- Геро! Геро!

И сразу же раздался предсмертный вопль. Геро повернул к дому. Скорей! Там отец бьется с ночными хищниками - стражами!

Опять замелькали темные хижины, заборы... Перед глазами висела огромная кроваво-красная луна. Местами узкие проулки были черны, как сажа, местами сумеречно-розовы. Возле дома Мариона кричали, плакали женщины, лязгала сталь о сталь. В соседних дворах хлопали калитки, слышались недоуменно-тревожные голоса.

Переулок возле дома оказался полон народа. Геро, лихорадочно пробираясь между людьми, слышал:

- Араб Мансур пришел с евнухами забрать Витилию...

- О, Уркацилла, что делается, ты всевидящ!

- Араб пришел не за Витилией, в доме Мариона обнаружили много золота.

- Какое золото?

- Говорят, его хотели подкупить, чтобы он открыл ворота хазарам!..

- О, Уркацилла! Неужели?

- Да, да, но все обнаружилось!..

Десяток воинов-персов с обнаженными мечами перегородили переулок, не пускали людей. Один из персов, грузный, в тускло отсвечивающем шлеме, в кольчуге, угрожающе говорил:

- Вам идти дома... спать... вам идти спать.

Геро, проскользнув меж людей, с разбега нырнул под брюхо жеребца перса. Перс попытался нанести колющий удар, но в том месте, где только что был мальчишка, оказался камень ограды, и меч ткнулся в него. Геро вдоль забора проскочил в распахнутую калитку.

Отец защищал вход в дом. Десяток стражей порядка окружили его, но не приближались. Громадный меч отца описывал сверкающие круги. Один из

стражей выбежал вперед, меч его столкнулся с мечом Мариона и, зазвенев, отлетел. Стражи поспешно прикрылись бронзовыми круглыми щитами, выставили

копья. Из дверей доносились жалобные вопли Витилии и причитания матери. Два трупа валялись возле ног Мариона, один возле догорающего очага, другой лежал возле ограды, широко раскинув руки, словно споткнувшись на бегу. Какой-то воин, отчаянно ругаясь по персидски, кружил около платана, придерживая перерубленную в кисти руку. В конце двора, освещенного розовым лунным светом, столпились несколько евнухов в длинных, похожих на женские платья, одеяниях. Все это Геро охватил с одного взгляда и сразу же понял, откуда грозит отцу наибольшая опасность.

Посредине двора стоял высокий Мансур в пластинчатом панцире и повелительно кричал толпящимся возле Мариона стражам, чтобы те разошлись. В руках араба был лук с наложенной на тетиву стрелой. Мансур выжидал, чтобы в кучке стражей образовался просвет. Марион был обнажен по пояс, и у него не было щита. Геро отчаянно закричал и бросился к арабу, пытаясь отвлечь его внимание.

- Геро! - проревел отец. - Уходи... в горы... Беги!.. Потом... отомстишь!..

Впервые в жизни Геро не послушался отца. Стражи порядка поспешно пятились от Мариона, расступаясь, и араб поднял лук. Геро в прыжке успел схватить руку Мансура, изо всей силы дернул, пытаясь выбить оружие. Стрела сорвалась с тетивы, ушла вверх. Араб зарычал, отступил шага на два. Геро, падая, охватил ноги араба, и тот упал, прикрываясь луком от неизвестно откуда свалившегося на него человека. Теперь только бы добраться до горла! Но мешал жесткий воротник, закрывающий жилистую шею Мансура. Кто-то ударил Геро по голове. Еще один страшный удар. Юношу отодрали от араба. Последнее, что увидел он тускнеющим взором: страж порядка, пригнувшись, подкрадывался по крыше хижины к дверям, которые защищал отец.

Геро очнулся на рассвете от холода. Он лежал на голой земле в каменном сарае. Онемели руки и ноги, туго связанные прочной веревкой. В щели двери, в крохотное оконце пробивался тусклый утренний свет. Что с отцом? Увезли ли Витилию? Геро перекатился на живот, упираясь ногами в землю, подполз к стене, сложенной из бутового камня, где на высоте локтя торчало несколько острых выступов. Попробовать подняться и перетереть веревку.

Но возле сарая послышались тяжелые шаги. Повозились у двери, и она распахнулась. Вошел мрачный страж порядка, наклонился над мальчиком, разрезал ножом веревку на ногах, хмуро велел подняться. От стража резко пахло вонючим потом, мокрой запревшей шерстью. Он накинул на шею Геро петлю веревки, затянул петлю, вывел из сарая.

В нескольких шагах от сарая к ореховому дереву была привязана лошадь. В раскидистой кроне его возились и всюю гомонили птицы, радуясь наступающему погожему дню, а под деревом трава была мокрой от влаги, упавшей с листьев. Внизу, за плоскими крышами нижнего города, расстилалось синее море, и там, наверное, сейчас в сумеречной глубине проснулся в хижине, сплетенной из водорослей, зеленоволосый пастух и смотрит в окно, ожидая когда пробьются сквозь синеватую толщу воды солнечные лучи. Скоро он выгонит свое стадо из рыб, поднимется и будет поджидать Геро, чтобы помахать ему рукой.

Воин грубо подтолкнул Геро к лошади, сел на нее и погнал ее вверх по каменистой дороге, туда, где над зелеными кронами деревьев вздымались на холме желтые стены и башни крепости.

Чтобы не задохнуться в петле, юноше приходилось бежать. Иногда страж, весело оскалась, пускал лошадь рысью, Геро падал, волочился по острым камням, раздиравшим кожу на ногах, животе, петля затягивалась. Геро задыхался, мерк в глазах утренний свет, вместо него возникал оглушительно звенящий кроваво-красный туман. Позабавившись, страж ослаблял веревку,

придерживал лошадь. И так израненного, полузадохшегося втащил в крепость. Когда-то Геро мечтал полюбоваться здесь разноцветными стеклами во дворце филаншаха.

Страж протащил Геро по каменистой дороге мимо длинных приземистых казарм, где жили персы-воины гарнизона, мимо конюшен и складов, под цветущими акациями, к вершине холма и дальше к воротам, выходящим в ущелье. Здесь, в углу, образованном южной и западной стенами, чернела выжженная кострами площадка. На ней сейчас суетилось несколько рабов, торопливо поднося охапки хвороста, укладывая его вокруг влажно блестящего свежего столба, вкопанного в центре площадки. На обнажившихся от земли, растрескавшихся и почерневших камнях местами серел жирный пепел, валялись остатки несгоревшего хвороста.

Геро тоскливо осмотрелся. Зачем его сюда притащили? Почему здесь хлопочут рабы? Страж подвел Геро к арабу Мансуру, который наблюдал за работой. Мансур злобно глянул на него и отвернулся, хлестнув плеткой по голенищу сапога. В памяти вспыхнул вчерашний вечер. Жаром ненависти облило душу. Вот он, в двух шагах - враг! Геро рванулся к арабу. Тот попятился. Натянувшаяся веревка отбросила мальчика назад, опрокинула на спину. Геро вскочил, страж опять опрокинул его, ударил сапогом.

Снизу по дороге, по которой страж тащил Геро от главных ворот, послышалось позвякивание оружия, топот ног. Из-за дымчато-белых акаций показались воины-персы. Между ними, на две головы возвышаясь, шел Марион со связанными за спиной руками. Широкая грудь его была выпачкана землей и почерневшей кровью. На лице запеклись кровоподтеки. Его тоже вели на веревке. Шел он спокойный, угрюмый, чуть откинувшись, и было видно, с каким трудом приходилось вести его персам. Они шумно сопели, ругались. По краям дороги следовала охрана с обнаженными мечами. Не менее двадцати человек сопровождало богатыря-лега. Геро, увидев отца, радостно вскрикнул. Марион вздрогнул, поднял голову, остановился, лицо его исказилось болью. Он не ожидал увидеть здесь сына, рванулся к нему. Четверо передних, ведущие его, поспешно отскочили, и Геро увидел, что сзади отца держали на веревке еще четверо воинов. Мариона вели на растяжках, как ведут на бойню быка. Геро опять закричал, бросился к отцу. Страж, злобно рванув веревку, свалил его на землю.

- Геро! - прогремел спокойный голос отца. - Геро, помни о матери и Витилии!

Только теперь мальчик понял, зачем рабы укладывают кучей хворост. Он глубоко вздохнул, поднимаясь с земли. Отец перед смертью не увидит слез и отчаяния сына. Отец перед смертью увидит сына мужчиной. Персы остриями мечей подтолкнули Мариона к хворосту. Подбежали два раба, торопливо принялись привязывать Мариона к столбу. Он сверху неотрывно смотрел на сына, ободряюще улыбаясь. Тело мальчика трясла дрожь, как при холоде, но и он улыбался в ответ спекшимися губами, ободряя отца, ведь он не знал того, что знал Марион, и делал то, что мог.

Снизу по дороге раздался конский топот. В сопровождении нескольких воинов-персов на белоснежном жеребце подъехал филаншах. Всадники остановились поодаль. И тотчас за спиной Шахрабаза возник лекарь Иехуда.

Рабы торопливо отбежали. Шахрабаз осмотрел площадку, приготовления, кивнул Мансуру. Тот, наклонившись, поднял плошку с горящим фитилем, поднес огонь к хворосту. Вспыхнули сухие ветки. Затрещало, задымилось. Задрожал над торопливо разрастающимся пламенем теплый воздух. И тогда голос Мариона прогремел сверху:

- Геро, запомни мой последний наказ: не надо мстить!

Но мальчик уже не слышал. Голова его бессильно повисла, и он рухнул на землю.

20. БОГИ МОГУТ ТОЛЬКО ПРИСУТСТВОВАТЬ

На берегу бесконечного темно-синего моря сидел человек в ветхом плаще и задумчиво чертил палочкой на песке знаки - песок, медленно струясь, засыпал их.

На площадке в крепости разгорался костер, и мечущиеся, жаркие язычки пламени уже касались босых ног Мариона. Возле площадки лежал мальчик.

Маджуд, Ишбан, Микаэль металась по переулкам нижнего города, собирая людей, и те выходили из домов и шли за ними. Мудрец Хармас брел за людьми, раздумывая, не уйти ли ему опять в пещеру, ибо он понял, что ничего не понял.

Протоспафарий Кирилл в плаще монаха с накинутым на голову глубоким капюшоном в сопровождении своих молчаливых спутников и охраны из воинов - гаргар удалялся от Дербента, стремясь как можно скорее достичь побережья Понта. Он был удовлетворен своей миссией.

Талмид-хахам общины нудеев, собрав в своем доме в верхнем городе наиболее даровитых сородичей, обсуждал с ними устав сословия торговцев и менял. И все, в том числе и талмид-хахам, были оживлены и радостны.

Хазарин Рогай сидел на остатках гнилой соломы в сырой вонючей яме, и вокруг него во мраке вздыхали и шевелились люди. Здесь уже даже не разговаривали.

Перекупщик Обадий, окруженный некормленными и непоеными овцами, жалобно вздымал к небу руки в своем дворе, проклиная неявившегося пастушонка, чувствуя себя несправедливо обиженным, ибо искренне верил в свою праведность.

"Благородный албан", надсмотрщик Дах-Гада, оглушительно хлопал бичом, подгоняя рабов на разгрузочной площадке, и он бы удивился, если бы ему сказали, что он жесток, ибо в жестокости заключалась его работа и наслаждение.

Много подростков, детей знатных, собралось сейчас возле водоема, договариваясь, как бы отомстить проклятому вонючему пастуху. Они жаждали мести.

Предводитель берсил Урсулларх в опустевшем становище точил меч, с нетерпением поджидая конницу великого кагана Турксанфа, раздувая ноздри в предвкушении радостей похода и обильной добычи. А что еще может быть целью жизни настоящего воина?

Тучный багроволицый хозяин караван-сарая, беспрестанно вытирая полый халата обильный пот, озираясь, прислушиваясь и отдуваясь, в полутемном углу сарая закапывал кувшинчик с драгоценностями. Хозяин с великой любовью и охотой приносил жертвы Агуро-Мазде, но не был уверен в ответной признательности, а потому на всякий случай берегся.

...Человек в плаще, сидевший на берегу моря, поднялся с камня и пошел через цветущую поляну в город, и ноги его не приминали зеленую траву там, где он ступал.

Геро пошевелился, со стоном начал приподниматься, опираясь о землю связанными онемевшими руками.

И тотчас из-за спины Шахрабаза выступил лекарь Иехуду и прошептал:

- Господин, щенка Мариона тоже не мешало бы бросить в костер. Нам будет спокойнее.

У Иехуды были свои интересы, и он ревниво оберегал их, радуясь, если они исполнялись, в подобных крохотных радостях заключалось удовольствие его жизни.

Огромным кроваво-красным глазом поднялось над холмом солнце. Взметнулся на вершине порыв ветра, пронес над площадкой запахи освеженных ночной росой цветов, молодых трав, смешав в одно и горечь полыни и сладость акации. Марион умирал без единого звука, единственный раз разжал он губы, чтобы сказать:

- О, Украцилла, к тебе иду!

И, очнувшись без единого возгласа, окаменев, наблюдал за смертью отца СЫН.

Филаншах мрачно раздумывал, поглаживая рыжую бороду. Ночью в нижнем городе было беспокойно. Неизвестные люди избили несколько стражей порядка, и те все ушли в верхний город. Внизу, в тесных переулках металась масса факелов, слышался гул толпы. Соглядатай поздно ночью донес, что славянин Микаэль, дарги - Маджуд, Ишбан подговаривают людей идти в крепость, чтобы освободить Мариона. Начальник гарнизона крепости Гаврат вывел персов на восточную стену. Персы разъярены. В ночной схватке с Марионом погибло пять воинов-персов и трое тяжело ранены. Гаврат поклялся отомстить албанам. И что совсем омрачило Шахрабаза - ночью лишила себя жизни юная красавица Витилия. Будь ты проклята, жизнь правителя! Вместо безмерного восхищения, вместо робкой благодарности, вместо трепетной уступчивости, вместо всего того, что воспламеняет кровь, пробуждая страсть, на правителя бросаются с кинжалом. Неслыханно! Святотатственно! Нет, боги явно не всемогущи!.. Четыре бога не могли остановить руку Витилии! Откуда у бедняков такая дикая гордость? О небо, он только хотел приласкать дикарку, забившуюся в угол, обрадовать ее, сообщив, что она впредь будет жить в роскошных палатах, каждое ее желание будет незамедлительно выполняться. Евнухи за филаншахом несли роскошное платье, золотую цепочку, гранатовые бусы. Разве этого не достаточно для нищей албанки, чтобы забыть убогую хижину? Да, Шахрабаз Урнаир нетерпелив, потому что явственно ощущает, как день за днем слабеет тело, из жил вытекает сила, и только поэтому он не мог ждать пока дикарка привыкнет к нему. Но из своего угла Витилия прыгнула навстречу ему подобно разъяренной дикой кошке. Одному богу известно, как в руке у него очутился маленький кинжал. Шахрабаз содрогнулся сейчас, вспомнив ее прыжок.

Если бы не Мансур, она бы вспорола правителю Дербента живот, ведь на нем не было кольчуги. Вот хороший урок на будущее: идешь к незнакомой красавице, надевай кольчугу! Да, несомненно, щенок Мариона гораздо опасней своей сестры. Надо навсегда искоренить дух этой семейки в Дербенте. Но убийство сына Мариона окончательно озлобит простолюдинов. Да и пристало ли правителю Дербента, потомку царей воевать с детьми? Но бросить его в зиндан необходимо. На всякий случай.

А Геро смотрел и смотрел, не чувствуя, как из закушенной губы струйкой бежит кровь. Сгорая, трещал хворост. Бездымным беззвучным факелом горел Марион. И только когда вспыхнули волосы, голова отца упала на обугленную грудь. Геро упал на землю, судорожно рыдая. Он уже не видел, как над догорающим костром поднялось голубоватое облачко и, медленно плывя в утренних воздушных потоках, растворилось в вышине над холмом, где обильно цвели акации.

А когда филаншах подъехал к своему дворцу, услышал он доносящийся из темного отверстия сводчатого тоннеля беспорядочный гул множества голосов. К нему поспешно подошли одетые в кольчуги Гаврат и приземистый, смуглолицый начальник охраны главных ворот перс Герд. Угрюмый Гаврат сказал, недобро блеснув глазами:

- Воистину, сегодня день "исполнения желаний"! Агуро-Мазда видит: я не хотел ссор, но души убитых собратьев взывают к мщению. Толпа простолюдинов поднялась из нижнего города к воротам крепости. Ты слышишь, филаншах, крики этих безумцев? Они требуют освободить Мариона! Мои воины готовы! - Гаврат показал рукой в тяжелой боевой рукавице на восточную стену, где возле каждого забрала стояли персы с луками в руках. - Прикажи, и я сокрушу эту жалкую толпу черни! Они долго будут помнить этот день!

- Да, да, ты прав, Гаврат, - устало отозвался Шахрабаз, - надо напомнить черни, кто здесь может требовать... - И вдруг, приподнявшись на стременах, побагровев, иступленно закричал: - Да, ты прав, Гаврат! Эту подлую чернь побить стрелами, залить горячей смолой! Приказываю, Гаврат: всех воинов посадить на коней! Немедленно! Эй, Герд, открыть ворота! Я сам

приму участие...

Филаншах с налившимися кровью глазами, с искаженными от бешенства лицом выхватил меч, толкнул коленями жеребца, посылая его к воротам. Сейчас он сам будет рубить! О, как он их всех ненавидит!

Но трясущийся от испуга лекарь Иехуда, проявив неожиданную прыть и смелость, схватил за уздцы белоснежного жеребца правителя, сказал побелевшими губами, заикаясь:

- Господин! Господин! Опомнитесь! Нельзя так волноваться: это небезопасно для вашего здоровья! Опомнитесь! От подобных волнений у вас может разлиться желчь! Что будет с нами, если мы лишимся правителя?

"Если я умру, тебя тотчас казнят!" - этих слов филаншаха Иехуду не мог забыть даже во сне.

Шахрабаз остыл. Посидел молча, с закрытыми глазами. Поправил растрепавшуюся рыжую бороду, протянул руку к лекарю, проглотил пилюлю, сказал персу Герду:

- Тем, кто собрался у ворот, объяви: Марион - изменник. Его подкупили хазары. Скажи так: все вы, достославные, знаете, что на днях пришел караван из Семендера. Вожатый этого каравана вчера вечером передал Мариону пять золотых динариев. За эти деньги Марион согласился открыть кагану Турксанфу северные ворота, когда он подойдет с конницей к Дербенту... Мы вынуждены были казнить и вожатого и, предателя...

21. ГОНЕЦ

Еще два раза после описанных событий вечерами над морем появлялась багровая закатная луна, но в этот вечер луна не поднялась, и теплые сумерки, окутав землю, незаметно перешли в ночь. В темном небе запылали летние звезды, и горели они подобно факелам, осыпаящим искры. И самая яркая, пушистая, зеленая звезда блистала над северными воротами, где неторопливо прохаживался воин караула. Доносился из степи неумолчный звон цикад, в затихшем городе изредка сонно взлаивала собака. Внизу, в дворике башни, на теплой земле дремлют воины ночной охраны.

Караульному тоже хочется спать, глаза сами закрываются, он не выдерживает искушения, прислонившись к зубцу стены, задремывает, опираясь на копьё, но, заслышав внизу негромкий кашель, испуганно вскидывает голову и поспешно отходит от зубца. Вдруг Уррумчи взбрело в голову проверить, как несет службу ночной караул? Если начальник обнаружит кого-либо спящим, провинившемуся не миновать зиндана. Эта мысль тревожит воина больше, чем возможное нашествие хазар. Ближняя опасность кажется страшней, чем дальняя.

Да и много уже прошло времени после того, как разнесся по городу слух о скором нападении хазар, и опасность уже начала забываться, потому что люди не могут долго пребывать в тревоге. Текущие горести всегда болезненнее предстоящих.

Ночь без сна тянется нестерпимо долго. Изредка с невидимой вершины холма, словно бы с неба, доносится приглушенный расстоянием крик: "Слу-шай!" - и сразу же после раздаются гулкие удары копья о бронзу щита. Крики и звон подхватывают впереди на стене верхнего города. В свой срок воин над северными воротами тоже зычно кричит, обернувшись к морю, и ударяет тупым концом копья в свой щит. Развлеченный, он трет жестким рукавом кафтана лицо, чтобы окончательно отогнать сон, появляется бодрость, и мысли уже не расплываются... Воин смотрит в сторону нижнего города, вспоминает Мариона, думает: мог ли могучий Марион стать предателем? Два дня назад, когда толпа людей из нижнего города поднялась к крепости, потребовать освобождения Мариона, филаншах один, без свиты и охраны, вышел к людям. Раньше он появлялся на горячем белоснежном скакуне,

стройный, в блистающем шлеме, с развевающейся огненно-рыжей бородой - властитель, уподобленный богу, а тут вдруг предстал перед оторопевшей толпой пешим, без шлема, и люди увидели, что Шахрабаз лыс, сутул и стар. С глубокой печалью на морщинистом лице, скорбью в голосе Шахрабаз Урнаир сказал, что он отказывается управлять городом, кишасим изменниками, что отныне Дербент опозорен, ибо в нем живут предатели и защитники предателей, что этой ночью ему приснился вещий сон: явился ему великий Уркацилла-громовержец, бог был разгневан, из десницы его били громыхающие ослепительные молнии, и сказал Уркацилла, что великие беды ожидают Дербент за грехи людей, живущих в нем. "Молитесь, люди! - воззвал Шахрабаз. - Молитесь Уркацилле, чтобы он смилостивился, и пусть в сердцах ваших затеплится надежда, но не бойтесь высшего суда, ибо судить вас будет не человек, но Бог!" И люди растерялись, умолкли, поверив сказанному. Напрасно Маджуд, Ишбан, Микаэль метались среди них, крича, что филаншах лжет, что Уркацилла на весенних молениях "ацу" проявил зримую народом благосклонность к Мариону. И тогда вышел из толпы маленький юркий человечек в войлочном колпаке и в присутствии двух свидетелей - стражей порядка, поклявшихся говорить правду, показал пять золотых динариев, якобы отобранных у Мариона.

"Пять золотых - огромное богатство! Если бы я прослужил еще много-много лет, и если бы мой сын прослужил столько же, и если бы мы не ели, не пили, тогда бы смогли скопить только половину этих денег, - думает караульный, пожевываясь от ночной свежести. - Я простой человек, и Марион был простолюдином, нам трудно жить и не на что надеяться... Я бы не устоял против такого соблазна, да простит Уркацилла мне грех! Хоть Марион был хорошим человеком и могучим воином, но пять динариев - огромное богатство! Мне сейчас хочется спать, и я с трудом преодолеваю искушение... но пять золотых динариев!.. Разве нельзя замолить один большой грех последующей праведной жизнью? Ведь стоит только перейти в христианство... Разве не мог Марион тайно это сделать, чтобы молитвами искупить вину?"

Вот уже ручка громадного звездного ковша на великой небесной равнине опустилась и краем уперлась в черные силуэты гор. Там, где должно взойти солнце, побледнело небо. Пахло из степи сыровой прохладой. Воин опять поежился - кольчуга холодила сквозь рубаху - и насторожился, обернувшись в сторону слабо различимой в темноте дороги. Далеко, возле приречной рощи мелькнуло что-то красное и тут же пропало за поворотом. Неужели отблеск факела? О, Уркацилла, сохрани наши надежды! Воин бросился к узкой бойнице, втиснул в нее голову, с трудом уняв волнение, прислушался, взгляделся. И уловил отдаленный глухой топот коня. Кто-то мчался к городу. Топот коня стал отчетливее. Теперь не оставалось сомнений: по дороге скакал гонец - вестник.

Караульный воин бросился к высокому зубцу, за которым как за укрытием мерцал в глиняной плошке огонек. Схватил стоящий рядом длинный шест с обмотанной поверху паклей, смоченной нефтью, поднес к плошке. Пакля вспыхнула. Воин замахал горящим шестом, подавая сигнал тревоги. Сигнал заметили в крепости, там тоже вспыхнул и заметался над башней огонь. Внизу, в ночном спящем городе, отчаянно залились собаки. Возле воротной башни слышались тревожные восклицания. Топот стремительно приближался к воротам. Уже по всей северной стене красными птицами метались сигнальные огни. Стражник, оставив на стене щит и копье, скатился по крутым ступенькам. На освещенной чадными факелами площадке уже сустились воины охраны. Караульный махнул рукой: открыть ворота! Лязгнули огромные засовы, заскрипели, распахиваясь, створки. Гонец не стал ждать, пока они распахнутся, влетел в узкую щель, поднял храпящую лошадь на дыбы. В тусклом дымном свете вестник и конь его показались черными. Блеснуло потом склонившееся над гривой коня лицо, бешено сверкнули глаза, оскалился в крике черный рот:

- Хазары! Хазары!

И тотчас захлопнулись створки ворот, вновь лязгнули железные засовы. И только тогда, опомнившись, караульный воин облился холодным потом, вспомнив, что в спешке забыл проверить: не подкрадываются ли к городу конные отряды коварных хазар. Он воровато оглянулся. К счастью, никто не заметил его оплошности.

22. БЕССИЛИЕ

Взошло солнце. Протянулась к нему по морю широкая искрящаяся дорога. В долине истаивал сгустившийся за ночь туман, оседая росой на каждую травинку, и в лучах солнца степь засверкала мириадами бриллиантов. По-утреннему звонко пели птицы, порхая с куста на куст, осыпая с них жемчуга и агаты. А под самой северной стеной мирно хлопотала в зеленой путанице трав семейка рыжеватых хомячков, сопя и недовольно вздыхая, когда с куста на нее сыпались холодные искры, посвистывая, гонялись за кузнечиками детеныши, а в отдалении от них, на бугре, оберегая семью, поднявшись на задние лапки, стоял старый хомяк, зорко поглядывающий то на пару орлов-могильников, описывающих круги в голубом поднебесье, то на стену, где сейчас было непривычно для его памяти тревожно-шумно. Рыжий хомяк встретил уже свою пятую весну, у него в закромах на глубине четырех локтей хранились еще не съеденные зимние запасы семян, зерен, жучков, кузнечиков, и семье его утром вполне можно было бы не выходить наружу, а закусить у себя дома тем, что осталось, но хомяк почувствовал необъяснимую тревогу и, проснувшись там, в норе, озабоченно подполз к хомячихе, они старательно обнюхались, молчаливо посоветовавшись, и после этого старик выгнал все семейство на поверхность, не разрешив трогать зимних запасов. И сейчас он стоял, вопросительно мигая и нюхая воздух, стараясь понять, откуда же исходит все усиливающееся чувство опасности.

...По всей северной стороне толпились воины охраны, а вместе с ними все мужчины города из числа свободных. Слышались голоса, брэнчало оружие. Но кроме воинов только уста-оружейники стояли в полных доспехах и вооружении. Теперь им предстояло испытать крепость собственноручно изготовленных кольчуг, мечей. Остальные - кто что раздобыл. Филаншах не велел открывать городские склады. И все сейчас, тревожно переговариваясь, смотрели на север.

Там, от моря до гор, насплошь перекрывая долину клубясь, подобно валу, движется к городу чудовищное облако пыли. Оно еще далеко, но поднялось уже выше гор. В этом беззвучно, неотвратимо приближающемся, непроницаемо сером вале исчезает зеленая степь, словно ползшее чудовище заглатывает пространство.

Некоторые на стене не выдерживают страшного зрелища, закрывают в страхе глаза, иные плачут в бессилии. Неотвратимая беда надвигается на город, словно огромная туча саранчи обрушилась на цветущую долину, подгребая под собой все живое.

Чернобородый Ишбан потрясает кулаком, гневно кричит, схватившись за рукоять меча. Широкогрудый Маджид по привычке озирается - должно быть, ищет Мариона - но, опомнившись, горестно качает головой. Мудрец Хармас в неумелых слабых руках держит копьё, и, забыв где он, опустив лобастую голову, разговаривает сам с собой.

- Я установил, - привычно бормочет мудрец, старательно придерживая двумя руками тяжелое копьё, - я установил, что вражда проистекает из неодинаковости положений народов и тщеславных помыслов правителей, - вот две причины постоянных разногласий. Но не означает ли это, что войны можно будет устранить только тогда, когда народы будут находиться в равном положении и иметь одного правителя? Если это так, то до благополучного разрешения вопроса еще очень и очень далеко, по крайней мере, это надо

обдумать. Но я твердо знаю уже сейчас, что можно избежать многочисленных бед и вредных последствий войн, если договориться о правилах ведения сражений и перемещения войск. Полезность договора всем очевидна. Зачем, например, победителям вытапывать поля, если эти поля впоследствии будут кормить самих же победителей? Тонкость этого договора заключается в том, что никто не начинает войну, не имея надежды выиграть ее! Если я знаю, что сосед сильнее - я при всем желании не решусь напасть на него, но напад, если уверен в обратном. Но коль скоро надежда выиграть сражение присутствует у обеих сторон, то они же легко могут согласиться не причинять вреда полям, жилищам, мирным людям. Ах, об этом я хотел поговорить с филаншахом, но он не стал меня слушать! Можно также договориться о том, чтобы отказаться от оружия, губительного как для тех, так и для других, например, отказаться от боевого лука, который, к сожалению, слишком скорострелен!..

Бормоча, мудрец не расслышал, как рядом с ним горько рассмеялся седобородый Микаэль. Тощий Шакрух в войлочном колпаке, в войлочных, простеганных вдвое доспехах, с огромным ржавым мечом без ножен, недоуменно оглянулся на славянина. Тот прошептал:

- Взгляни на мудреца! Хармас как всегда прав! Но самое ужасное в том, что он, как и мы все, бессилен что либо предпринять...

- Почему же мы бессильны? Разве мы не сможем защищаться? - спросил Шакрух, обеими руками опираясь на свой, явно принадлежавший ранее какому-то богатырю, ржавый меч.

- Защищаться мы будем и дорого продадим свои жизни, дело не в этом, а в том, что, обладая я сейчас оружием настолько мощным, что лук против него оказался бы детской игрушкой, я по праву справедливости, не задумываясь пустил бы его в ход, чтобы уничтожить, испепелить противника! То же самое сделали бы и хазары, чтобы выйти победителями - по праву сильного!..

А в нижнем городе в крохотных двориках мечутся женщины, вынося из хижин скудный скарб свой; плачут дети, прижимаясь в страхе к матерям, тоскливо мычат коровы, блеют овцы: скот сегодня никто не выгнал пастись в степь. Рабы поспешно достраивают поперечную стену, из кузнечной мастерской привезли огромные створки железных ворот, скоро ворота отделят нижний город от верхнего. А серое чудовище неотвратимо приближается к городу.

Горе, горе!..

На угловой северной башне крепости стоит филаншах в малиновом плаще, сверкает на солнце его серебряный пояс, ветер развеивает рыжую бороду. Позади блистают доспехами телохранители. Филаншах словно парит над городом, подобно огненному грифу, высматривающему добычу. Он тоже вглядывается туда, где движутся хазары. Турксанф не обманул: такое огромное войско еще не подступало к Дербенту. А в это время в Иберии, на берегу Понта уже высаживаются с кораблей пехотные фемы [фема - крупное войсковое соединение, около десяти тысяч человек; также обозначение области в Византийской империи] императора Ираклия. Со временем расстановка сил полностью прояснится. А пока надо выждать. Если персы окажутся сильны, Шахрабаз стойкой защитой Дербента докажет свою преданность, если окажется силен Турксанф, Шахрабаз Урнаир найдет способ сдать город и крепость. С башни было видно, как из верхнего города по дороге к крепости потянулись повозки, запряженные конями, волами, нагруженные узлами, сундуками.

- Послать гонца в Ширван, - не оборачиваясь, отрывисто бросил Шахрабаз.

Из крепости, навстречу торопливо поднимающемуся на холм шествию, выехали три всадника - гонец с охраной - у переднего на поднятой пике трепетал красный треугольный флажок. Слуги торопливо сворачивали лошадей на обочины. Всадники промчались вниз, сбив двух не успевших увернуться овец, потом исчезли за садами.

И в это же время в нижнем городе на пороге своего домика сидела мать

Геро, поседевшая в одну ночь. Растрепанная и обезумевшая, она сидит, вперив неподвижный взгляд в давно угасший летний очаг, ничего не слыша и не видя. Плетень вокруг домика повален, лавки опрокинуты, валяются черепки разбитых горшков и кувшинов, двери в дом сорваны. А матери все кажется, что она, молодая, раскрасневшаяся, хлопчет возле ярко пылающего очага, поджидая сына, и вечер уютен и тепел, листва платана над головой непроницаемо черна, и прямо перед глазами горит зеленая звезда, звезда - охранительница ее дома, горит и горит перед глазами, словно зеленая игла, воткнутая в зрачки.

Передовые отряды хазар подойдут к городу только к вечеру. Шахрабаз спустился с башни. Везде, на всем протяжении видимой части стен, суетились сотни воинов, сновали рабы под присмотром бдительных надсмотрщиков. Если наружная часть стен и башен обрывалась на глубину сорока и более локтей, то внутренняя выступала над вершиной холма не более чем на два-три локтя, что создавало дополнительные преимущества для осажденных: легче доставлялись на стены боеприпасы, можно было незамедлительно укрывать раненых, быстро маневрировать на опасных участках.

При появлении Шахрабаза еще грознее закричали охрипшие надсмотрщики, захлопали длинными кнутами, подгоняя рабов, заторопились и воины. Десятки рабов подтаскивали к стенам огромные черные котлы, для разогрева смолы, другие укрепляли опоры, подносили дрова. Воины тащили из складов и укладывали на стенах связанные пучками метательные дротики, втаскивали на башни огромные круглые камни. Такой камень в два, а то и в три веса крупного мужчины, сброшенный со стены на крутой склон, пробьет заметную брешь в рядах осаждающих. Вдоль северной стороны стояли "журавли" - устройства, представляющих собой два соединенных вместе бревна пятидесяти локтей длины, установленных наклонно на крепких распорках и укрепленных на прочном поворотнике из дубовых толстых плах. На поворотнике сколочен барабан с двумя рукоятями, с барабана через вершину "журавля" пропущен толстый пеньковый канат с железным крюком на конце. За этот крюк цепляли котлы с кипящей смолой и выливали ее на головы осаждающим. На крюке можно было поднять бревно и, поворачивая "журавль", сметать со стены осадные лестницы вместе с вражескими воинами.

Шахрабаз в сопровождении свиты и телохранителей медленно шел вдоль северной стены и все - воины, надсмотрщики, рабы - видели, что он сейчас охвачен теми же заботами, что и они: как можно лучше подготовиться к обороне. Он приостанавливался возле котлов, проверяя, достаточно ли дров, наблюдал за работой "журавля", когда десятка два воинов, натужась, разворачивали поворотник, поднимали и опускали барабаном крюк, замедлил шаги возле подземного водохранилища, послушал шум падающей воды, что-то сказал советникам, и те, старательно показывая перед филаншахом свою хозяйственность, стали суетливо и озабоченно заглядывать в отверстия, откуда берут воду, проверяя уровень ее в хранилище. Шахрабаз задумчиво поглядел на горы, поднимающиеся сразу за ущельем. Водоводы скрыты в земле, в потайных расселинах. Родники, питающие водой город и крепость, находятся в пещерах, а входы в пещеры завалены камнями и напоминают обрушившиеся от землетрясения скалы. Хазары в прошлый раз пытались отыскать источники, но пробродили по горам напрасно.

Шахрабаз остановился и возле зиндана. Два стража, с трудом отодвинув каменную крышку, спускали на веревке в узкую горловину подземной тюрьмы корзину с хлебом и кувшин с водой. Шахрабаз подумал, что если он сдаст крепость и город - рабов будет достаточно, если крепость будет защищаться, то преступники - лишние рты. Закрывать крышку, пусть они умрут с голоду. Но отдать распоряжение филаншах не успел. С угловой северо-восточной башни раздались тревожные выкрики:

- Корабли! В море корабли!

Шахрабаз вздрогнул, побледнев. Неужели у хазар появился флот? О боги, не допустите этого! Ведь тогда Турксанф легко может захватить город с

моря! Горе, горе! Почему ты, всеопытнейший Шахрабаз, не предусмотрел этого? Филаншах бегом заторопился на башню, шепча то проклятия, то молитвы.

Стражи, поспешно набросив крышку на горловину подземелья, бросились за ним.

Никогда еще Шахрабаз не чувствовал себя таким бессильным. Неужели варвары перехитрили его? А боги, куда смотрели боги! Разве мало пожертвовал Шахрабаз на храм Агуро-Мазды, разве не разрешил он христианам вновь отстроить церковь? А то, что мусульманин Мансур приближен к особе правителя Дербента, разве не зачлось в заслугу Шахрабазу перед Аллахом? А помощь иудеям!

По тропинке от дворца в черном одеянии и круглой шапочке торопился к филаншаху лекарь Иехуду, изумленно-осуждающе покачивая головой и протягивая успокоительную пилюлю.

- Господин! Вам вредно волноваться! Господин...

- Прочь! - задыхаясь, взревел Шахрабаз.

Если корабли военные, хазарам ничего не стоит переплыть на надутых кожаных мешках стадий расстояния от цепи, закрывающей вход в гавань, до берега и оказаться в городе.

Солнце слепило глаза, и с вершины холма невозможно было рассмотреть, что за люди толпятся на палубах.

23. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Подземное водохранилище находилось неподалеку от подземной тюрьмы. Вода просачивалась в зиндан. Земляной пол напоминал липкое месиво из глины и полусгнившей соломы. Сыростью пропитался затхлый вонючий воздух. Изможденные, больные люди ворочались, выкрикивали бессвязное в забытьи, стонали в мучительном сне, надрывно кашляли, жалобно плакали, с надеждой молились - слабые шорохи, шепот, проклятия, стенания заполняли густой мрак. Долго в зиндане не задерживались. Тела умерших поднимала наверх стража каждое утро, но каждое же утро в подземелье спускали новых провинившихся. Те, вначале полные сил, метались, громко жаловались, плакали, потом ложились в грязь, издававшую тошнотворный запах, и лежали в оцепенении, не желая принимать пищу. Грузные каменные стены давили. Мрак обволакивал густой вязкой тиной беспросветной ночи души людей, и люди теряли счет дням. Когда задвигалась каменная крышка зиндана, для пленников подземелья наступала вечность.

Геро сидел возле сырой стены. Рядом мерно капала вода, слышались стоны, бормотания. Но он ничего не видел, он даже не заметил, как три раза уже спускалась и поднималась корзина с хлебом и водой. Геро жил памятью. Перед глазами горел огромный костер, лицо отца с застывшей навечно улыбкой грозно и ярко пылало перед внутренним взором.

Шурша осклизлой соломой, подполз Рогай, цепко потряс мальчика за плечо, негромко позвал, заставляя очнуться. Он заботился о Геро как мог, ободрял, утешал, насильно кормил. Мальчик не пошевелился.

- Поешь, Геро, - с мягкой настойчивостью прошептал хазарин, протягивая кусок лепешки и кувшин с водой, - поешь, тебе еще понадобятся силы...

- Я не хочу есть, Рогай.

- У тебя осталась мать. Кто позаботится теперь о ней?.. Вчера стражи порядка спустили в подземелье нового преступника - раба филаншаха, и тот сообщил, что Витилия во дворце покончила с собой... И нам, Геро, надо еще отомстить за обиды...

- Рогай, отец запретил мне мстить! И я не знаю почему.

- Может быть, ты ослышался?

- Нет, - твердо сказал мальчик, - я не ослышался.

- Не могу в это поверить, - грустно вздохнул Рогай, - может быть, он боялся за тебя?

Рядом надрывно закашлялся Т-Мур, то самый гончар, с сыновьями которого Геро провел так много боев на деревянных мечах. Дом Т-Мура стоял в том же проулке, где и дом Мариона, и не так уж давно гончар был могучим и веселым человеком, а теперь сыновья его проданы в рабство на невольничьем рынке в Ширване за долги, а сам Т-Мур оказался в зиндане за отказ объявить себя на торговой площади рабом. Теперь он медленно угасал. Прокашлявшись, Т-Мур произнес:

- Геро, послушай меня, я уже обречен и скоро умру... Единственное, что меня держит в этом мире и будет держать до последнего вдоха - это надежда, что вдруг мне представится случай отомстить за сыновей!.. О, Уркацилла, только бы исполнилось это мое желание! Мне... кх, кх, ничего больше не нужно от жизни! Кх-кх!.. Я никогда не поверю, чтобы Марион, даже перед смертью, просил тебя поступиться обычаем!.. Тут что-то не так... Кха - ак-ха!..

Геро сидел на охапке перепрелой соломы, уставившись в темноту, он уже столько видел, слышал, испытал, что любая мысль вызывала только боль и растерянность, ничего кроме растерянности и боли, ибо напоминала о прошлом, но что-то в нем уже вызревало, пока еще смутное, держало его в оцепенении, и он слышал окружающее, как бы погруженный в дрему, и вдруг тяжкий удар по щеке потряс его.

- Ты мужчина или падаль?! - яростно кричал над ухом Рогай, заноса руку для второго удара. - Лучше я убью тебя и себя, чем гнить здесь...

Злость подбросила Геро раньше, чем Рогай успел ударить, мгновения хватило Геро, чтобы подобрать ноги, спружинить и прыжком, без усилия рук взлететь в воздух. Сверху, подобно коршуну, он упал на хазарина, придавил, руки его скользнули к горлу Рогая, и в это время перед ним в ярком солнечном луче возникло грозно нахмуренное лицо отца.

Никто не успел толком понять, что произошло после свирепого вскрика Рогая. Многие заметили Геро только когда он уже стоял на ногах и вглядывался вверх, откуда падал тонкий ослепительный луч, как золотое лезвие меча, пронзившее затхлую муть воды.

- Стражи не задвинули крышку! - воскликнул кто-то в темноте. Рогай с трудом поднялся, встал рядом с юношей, зашевелились люди, начали поднимать головы. Да, крышка действительно надвинута впопыхах, подобного еще не случалось. Значит, наверху произошло нечто необычное. Но сюда, словно на дно глубокого колодца, из внешнего мира не доносилось не единого звука - только далеко вверху, если взглядеться по направлению луча, можно было заметить кусочек чистого неба, словно голубой глаз всматривался в подземелье. К нему потянулись люди, у всех сильнее забилося сердце, разгоняя по членам остывшую кровь. Геро вдруг ощутил, как сильно и упруго его тело, могучая жажда борьбы охватила его с неодолимой силой, та самая неистовая жажда, что отныне поведет его по жизни с упорством, равносильным безумию.

- Рогай! - выкрикнул он. - Я полезу наверх!

- Как ты это сделаешь? - в полный голос спросил тот, даже не обратив внимания на боль в горле после хватки Геро.

- Т-сс, во имя Уркациллы, тише, тише... - испуганно прошептал кто-то из тех, кто, привыкнув жить робко на воле, даже в подземелье боялся

навлечь на себя гнев властителей.

- Я знаю как! - сказал Геро с такой уверенностью, что многие поверили ему, отовсюду зашелестели то возбужденные, то боязливые голоса:

- Пусть Геро поднимется наверх!

- Только не высовывайся, чтобы нас не наказали стражи...

- Узнай, что там случилось?

- О, Иисус всемилостливый, помоги нам!

- Слушайте все! - с властью, которой невольно покоряются более слабые, сказал Геро. - Пусть шестеро самых крепких встанут в "круг братства", а трое поднимутся им на плечи, они удержат двоих, которые тоже сплетут руки, я буду последним... Если мне удастся ухватиться за горловину, ночью мы выберемся из зиндана!

Живая лестница! Надежда приподняла всех, кто еще держался на ногах, скоро возле Геро и Рогая столпились возбужденные люди, переговариваясь:

- Давайте скорей встанем так, как сказал Геро!

- Да, да, и пусть Геро послушает, о чем говорят наверху!

- Лучше дождаться вечера...

- А если заметит стража? Тогда нас накажут!

- Что может быть страшнее того, что мы уже пережили? Скорее в круг!

- Так ведь отверстие узкое... Геро не пролезет наружу.

- Проклятье на твой язык!

- Пока попробуем! Пусть послушает разговоры, а до вечера можно что-нибудь придумать!

В первый "круг братства", крепко сплетя руки, плечом к плечу встали четыре сильных раба-тюрка, армянин и кахетинец. Верхними в живой лестнице оказались албан Т-Мур и хазарин Рогай. Люди вокруг тяжело дышали. Геро с кошачьим проворством скользнул вверх, цепляясь за окаменевшие в напряжении голые плечи друзей. Когда юноша поднялся на плечи Т-Мура и Рогая, те даже не шелохнулись, держась друг за друга. Геро выпрямился и, вытянув вверх руку, коснулся пальцами каменной крышки. Он прислушался, стараясь унять сильно бьющееся сердце.

Среди невнятных отдаленных звуков, донесшихся снаружи, выделился глухой шум падающей в хранилище воды, потом донеслись гулкие удары молота, кто-то властно прокричал:

- Рабов запереть в Южную башню и не выпускать!

Вскоре послышались громкие голоса, приближающиеся шаги, и чей-то грубый голос произнес:

- Слава светоносному Агуро-Мазде, корабли оказались купеческими!

- Быстро же они уплыли, узнав, что подходят хазары! - насмешливо сказал другой. - Надо было задержать купцов и отправить их вместе с корабельщиками на Северную стену. Вот бы купцы потрясли своими бородами! Ха-ха!

- Я тебе скажу, Сабир, по мне лучше отсидеться в крепости, чем защищать этих проклятых албан! - сказал третий, видимо продолжая начатый разговор.

- Тс-с, не говори так громко, а то услышит Гаврат!

- Ха-ха, как будто Гаврат их каждый день не прокликает!

- Пусть Ангра-Манью проглотит этот жалкий Дербент со всеми его обитателями!

- Посмотри, Сабир, эти лентяи-стражи опять оставили веревку с корзиной на крыше зиндана... Надо бы отнести в башню! - послышался голос первого.

Второй пренебрежительно отозвался:

- Оставь эту жалкую корзину! Если мы будем за каждым грязным албаном подбирать...

- Эй, Сабир! - окликнул его властный голос, что отдавал первое распоряжение. - Ты слышишь?

- Слышу, господин! - неожиданно тонким угодливым голосом отозвался тот, кто только что разговаривал грубым басом. Удивительно, как меняют человека власть и подчинение. - Слышу, господин!

- Завтра утром ты со своими воинами будешь сопровождать филаншаха, он поедет осматривать Северную стену. Приготовьтесь!

- Повинуюсь, господин! - заискивающе проворковал тот, кого звали

Сабиром, а через мгновение уже громким шепотом добавил: - Этому почтенному сластолюбцу Урнайру, чтобы он не ездил куда не следует, надо вместо пилюли... - тут он добавил несколько грязных слов, отчего воины грубо расхохотались и, смеясь, прошли мимо зиндана так близко, что Геро, высунув руку, мог бы коснуться их сапог.

Вскоре опять послышался приближающийся топот множества ног, тяжелое дыхание запыхавшихся людей, скрежет - наверное, волокли по камням что-то тяжелое. Голос надсмотрщика взревел:

- Поторапливайтесь, скоты! Пошевеливайтесь!

Геро соскользнул вниз. Живая лестница распалась. Когда все окружили Геро, он рассказал об услышанном:

- Только бы стражи не вспомнили про веревку! - прошептал Рогай. - Только бы они забыли про нее! Тогда мы ночью выберемся из проклятой ямы! И тогда!.. О-о!..

- Но надо сначала сдвинуть крышку, - осторожно напомнил Т-Мур.

- Может быть, кого-нибудь позвать снаружи? - робко предложил кто-то.

- Кого? Перса? - горько отозвались в темноте.

На время все притихли. Каждый лихорадочно искал выход. Потом раздались голоса:

- Надо выбить камень из кладки горловины...

- Да, да... И расширить отверстие!

- Чем? - отрезвляющее спросил Рогай.

Геро молчал. Он уже знал, что они спасутся, но он молчал, ему не хотелось говорить от огромной уверенности в себе, той уверенности, что движет героями и делает человека, обладающего ею, или великим воином, или великим мудрецом. А вокруг люди иступленно хватались за любую возможность, с легкомыслием отчаявшихся детей радуясь каждой, даже нелепой:

- Надо дать знать рабам, а они уже поднимут крышку.

- Надо сейчас попробовать достать веревку и спрятать ее!

- Да, да, надо... надо...

И тогда Геро сказал:

- Я сдвину крышку... Я сдвину крышку. Поднимусь наверх и, если даже не окажется этой веревки, я найду чем вас выволить отсюда.

Все на мгновенье притихли, поверив. После недолгого радостного молчания кто-то из темноты окликнул хазарина:

- Рогай, но если твои родичи захватят город, ты станешь свободным, а мы - рабами?...

Рогай яростно повернулся на голос, воскликнул:

- Глупец! Чем твоя жизнь свободного албана отличалась от жизни раба? Не тебя ли, свободного, собираются умертвить в зиндане?

- Но я все-таки хочу остаться свободным, - продолжил тот же голос, - когда мы выберемся, я пойду защищать Северную стену от твоих братьев...

- Если тебя не убьют, если победишь хазар, тебя снова посадит в зиндан албан-филаншах! - насмешливо заметил Т-Мур.

- Но если мы не отобьемся, меня сделают рабом...

Рогай задумчиво сказал:

- Теперь я понял, что мои братья - обездоленные. Филаншах - албан и вы албаны. Кому из вас он брат? Я же, когда был таким же свободным, как и вы... ха-ха-ха... - горько рассмеялся он, - свободным, как вы, строил дворцы богачам в Семендере, сам же жил в землянке. И эти же богачи погнали меня грабить чужой народ, а сами остались в безопасности во дворцах, построенных мною. Я решил: если спасусь, уйду в горы. Там, я слышал, живут действительно свободные люди.

- И я с тобой! - воскликнул Геро. - Возьмешь меня, Рогай?

Тот обнял мальчика, прижал к себе, прошептал ласково:

- Геро, Геро, конечно, мы уйдем вместе: и ты, и мать. Разве я могу забыть, как твоя мать перевязывала мои раны, когда Дах-Гада избивал меня

кнутом, разве я могу забыть, как вы жалели меня, как Марион носил подарки распорядителю работ, чтобы он не велел наказывать...

- Но сначала я отомщу филаншаху!

- Я тоже уйду в горы, - хрипя и булькая горлом, сказал Т-Мур, - теперь мне в Дербенте делать нечего...

- И я! И я! - слышались голоса.

- Но сначала все-таки надо решить, как выбраться из зиндана, - грустно заметил кто-то. - Если Геро не сможет, тогда...

Ни Геро, ни Рогай не успели возразить. Вдруг кто-то горько заплакал в наступившей тишине. Стоявший возле Т-Мура армянин, подняв исхудалые руки вверх, иступленно произнес:

- О, Иисусе! Великий искупитель грехов человеческих! Ты все видишь, вознесшийся! Если ты был на этой проклятой земле, если ты был на ней сыном человеческим, если ты пережил те страдания, что выпадают на долю многим, молю тебя: помоги нам выбраться из этой страшной ямы, и я поверю в тебя вновь, и дети мои поверят в тебя бескорыстно... Иначе я прокляну тебя и отвергну тебя, и дети мои отвергнут тебя! Я отказываюсь от рая на небесах, если нет возмездия на земле! Я жду и зову тебя!..

И случилось небывалое, случилось то, о чем потом до скончания дней своих будут с благоговейным трепетом вспоминать беглецы из зиндана, о чем они будут рассказывать детям своим, а те - своим и о чем распространится молва окрест, как волны от еще одного брошенного камня и, тоже не затухая, а многократно усиливаясь, ибо люди гораздо охотнее поверят в чудо спасения, чем в обреченность.

Вдруг, словно в ответ на иступленную мольбу, глухой грозный гул донесся из глубины земли. Будто вздрогнула земля, пробуждаясь от сна. И тотчас грузно вздрогнули горы, словно некий исполин в гневе качнул их. Посыпались сверху комья глины. Опять качнуло. Тяжелый звук, как вздох, слышимый даже в подземелье, пронесся над горами. Геро показалось, что кто-то схватил его за плечи и, рванув, бросил на солому. Попадали и другие. Еще раз гневно вздохнула земля. И все стихло. Ошеломленные люди поднимали головы. И все увидели, что в зиндане стало светлее: тяжелая каменная крышка, сдвинувшись от сотрясения, не прикрывала и половины горловины, а с нее, раскачиваясь, на локоть свисала веревка.

Люди молчали, потрясенные: простой человек обратился к своему всевышнему покровителю - и тот не только ответил, но даже оказал помощь! Как велико милосердие небесных властителей, распространяющих милосердие не только на своих почитателей, ни и на других людей! Могущественный Уркацилла помог и язычнику Рогая, и христианину - армянину, молящемуся сейчас в углу, и поклоннику Ахурамазды - пожилому, скрюченному болезнью албану, до сих пор лежавшему ничком и что-то бормотавшему от страха. И ошеломленный случившимся Геро подумал, что, пожалуй, ему с матерью тоже нужно выбрать покровителем кого-нибудь из небесных владык.

Передовые конные отряды хазар уже подходили к Дербенту вслед за отступившими заставами, когда случилось землетрясение. Вздогнули горы, вздрогнула земля и сразу же пронесся сильный порыв ветра по долине. Многие воины, стоящие на стене, упали на колени, некоторые в испуге прикрылись щитами. В городе от мощных толчков развалилось много хижин, сложенных на глиняном растворе, распахнулись калитки и двери домов и сараев. Тревожно мыча, металась по улицам коровы, овцы блеяли во дворах. Лаяли собаки, отчаянно хлопая крыльями, подлетывали в тесных двориках куры. Кружились в поднятой ветром пыли перья, пух тополей, испуганно кричали галки и ласточки, носясь над городом. В верхнем городе на сохранившейся колокольне христианской церкви сами собой торжественно и мелодично зазвонили колокола, словно оповещая жителей о ниспосланной им великой благодати: заступничестве от приближающихся многочисленных агарян [агаряне - (букв.)

потомки рабыни Агари, принадлежащей Аврааму]. Так подумали многие жители, прислушиваясь к долго не смолкавшему звону.

Движение же хазар к городу при первом толчке приостановилось. Тревожно заревели испуганные верблюды, запряженные в огромные повозки, заржали кони, вставая на дыбы. Взвихрилась под ветром мгlistая пыль. Всадники передовых отрядов соскакивали с коней, падали на колени, простирая руки к небу, взывали к могучему Тенгри. Задние отряды напирали на передние. Возникла давка. Затрещали опрокинутые арбы, послышались разъяренные выкрики возниц, местами вспыхнули ссоры, грозящие вылиться в схватку между отрядами. И тогда в ставке кагана Турксанфа, перекрывая шум и крики, резко и требовательно-звонко пропели трубы, и от ставки во все концы огромного войска поскакали закованные в броню воины-богатыри личной охраны кагана. Исполинские кони в черной чешуйчатой броне, великаны-всадники в черных сплошных доспехах, стоящие во весь рост на стременах, с личным знаком "бешено-неукротимых" - желтый разъяренный леопард, поднявшийся на задние лапы - сверкающим на груди у каждого всадника, производили потрясающее впечатление. В поднятой могучей руке каждый всадник держал желто-голубое знамя с нарисованным посередине красным кругом.

- Тенгри! Тенгри! Тенгри! - громовыми голосами взывали, пронсясь между конными отрядами, исполины из тысячи "бешено-неукротимых". И там, где они появлялись, мгновенно стихали ссоры, крики, восстанавливался порядок. Если разгневадается великий воин верхней небесной равнины Тенгри-хан, знак которого - красный круг на желто-голубом знамени - как грозное напоминание проплывал над головами хазар в мгlistой пыли, то бесчисленные беды и страдания обрушатся на племена хазар в этой жизни. Но

гнев Тенгри-хана не этим страшен. Разгневанный Тенгри может лишиться хазар бессмертия, райского блаженства, что ожидает каждого отличившегося воина на верхней небесной равнине. Притихшие воины молча садились на коней, расцепляли колеса арб, поднимали верблюдов, восстанавливали порядок.

Первый порыв ветра стих. Но когда войско снова двинулось к городу, на долину опять налетел ветер, упорно задул, не переставая, засвистал, быстро усиливаясь. Над горами показалась лиловая туча, клубясь, погромыхивая, освещаясь блеском молний, она напозла на долину, смешалась с пылью, поднятой множеством повозок, коней, верблюдов. Стало сумрачно. По потемневшему морю загуляли белопенные волны, с гулом набегаая на берег. Полил дождь...

24. ШАХРАБАЗ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Правитель Дербента находился в обеденном зале, когда началось землетрясение. В угрюмом одиночестве сидел он за столом на византийском стуле, высокая спинка которого была инкрустирована узорами из перламутра. Этот стул вместе с парчовым шатром и другим имуществом был захвачен двенадцать лет назад в лагере бежавшего из-под стен Дербента кагана Турксанфа.

Несколько молчаливых слуг подносили дымящиеся ароматным паром кушанья: залитых янтарным соусом, румяных куропаток на серебряном подносе, сочную баранину в золотистом жирном бульоне, суп из кореньев в фарфоровых судках. Коренья были привезены по заказу купцами из Индии и, по уверениям лекаря Иехуды, могли возвращать старикам юношескую бодрость, а вместе с ней непреходящую чувственную страсть. Появились на столе и хрустящие пончики, и медовые освежающие напитки, и самые различные сладости. Шахрабаз любил покушать.

Он отпробовал от каждого блюда, суп из кореньев, возвращающих

молодость, выхлебал весь. Остатки блюд слуги относили наложницам. Насытившись, Шахрабаз откинулся на спинку стула. Рябой слуга торопливо поднес тазик и узкогорлый кувшин с родниковой водой для омовения рук. В дверях обеденного зала появился Мансур, поклонившись, сказал:

- Господин, соглядатай Урсуф хочет сообщить нечто чрезвычайно важное.

- Пусть войдет, - разрешил правитель и, подобрев от сытости, милостиво кивнул робко выглядывавшему из-за спины Мансура лекарю Иехуде, позволяя приблизиться и тому.

Юркий человечек в войлочном высоком колпаке с низким поклоном протянул правителю запечатанный пакет и сказал:

- Господин, купцы, что отплыли из гавани, передали вам...

На пакете была печать ставки Ездигерта Третьего, но без личного знака высочайшего и без подписи визиря. Значит, это донесение осведомителя, присланное как нельзя кстати. Шахрабаз торопливо разорвал пакет. И первое, что ему бросилось в глаза на плотном листке пергамента, было:

"...Ездигерт Третий в беседе с визирем выразился так: мы раздражены и удивлены назойливостью Шахрабаза!.."

Так вот какова благодарность за твои неисчислимые труды, потомок Урнайра! Ну, что ж, ответная благодарность правителя Дербента последует гораздо скорей, чем ослоподобный Ездигерт узнает о появлении под Дербентом хазар! Жребий брошен, как сказал бы Цезарь - величайший из римлян.

И в это время, словно в ответ на мысли Шахрабаза, от гор донесся гул. Вздогнул от сотрясения земли дворец. Упал на колени лекарь Иехуда. Сбитый новым подземным толчком, рябой слуга от неожиданности выронил кувшинчик с водой. Раздался грохот посуды, упавшей со стола. И все стихло, и в наступившей тишине, перебивая журчание вытекавшей из кувшина воды, послышался мелодичный звон колоколов.

Шахрабаз, усилием воли сдержав желание кинуться вон из дворца, облегченно перевел дух. И, успокоившись, даже повеселел. Звон христианских колоколов - разве это не знак того, что нужно принять решение, угодное христианину Кириллу!

Рябой слуга подбирал с ковров упавшую посуду. Лекарь, опасливо вжав голову в плечи, пятился к выходу, где бесстрастно застыл Мансур. Шахрабаза рассмешило, как крался к дверям Иехуда, испуганно озираясь, но не забывая следить за своим господином, и старик второй раз за последние дни улыбнулся своей мертвой улыбкой. Человечек в остроконечном колпаке незаметно исчез, словно его и не было.

Шахрабаз подошел к окну. Именно в обеденном зале были вставлены в окна разноцветные стекла, которые мечтал увидеть Геро. Когда вечеряющее солнце светило в стекла, в зале плавало разноцветное, искрящееся сияние, как бы возникал сказочно-дивный сад, где словно по волшебству вырастали цветы, появлялись замки, а меж радужных колонн струились хрустальные водопады, темнели гроты. Но теперь за окнами было сумрачно, там бушевал ветер и лил дождь. Шахрабаз равнодушно смотрел, как на крепостной стене ежились под струями дождя воины. Чтобы быть правителем, надо чувствовать превосходство над теми, кем правишь, а превосходство несовместимо с жалостью. Поэтому и решение, которое наконец созрело, было принято им с той же легкостью, с какой Шахрабаз, в бытность свою командующим конницей провинции, если этого требовали личные соображения, бросал людей на смерть во славу Персии. Он, обернувшись, подозвал Мансура.

Внешность дворецкого вызывали и страх, и отвращение одновременно. Он был высок, тощ, почти черен, на узком лице выделялся острый нос, подобный клюву, и мрачно горели желтые пронзительные глаза. До Шахрабаза доходили слухи, что Мансур бродит по ночам по дворцу, что его даже встречали в полночь возле башен-дакм, и у него за спиной были огромные черные крылья, а изо рта меж огромных клыков вырывалось пламя. Но Шахрабаз был равнодушен к слухам. Со свойственной ему проницательностью, он догадался, что ограбленный персами, избитый христианами молчаливый Мансур ждет своего

часа, и понял, что, если приблизит араба к себе, тот будет самым преданным слугой, в котором всегда нуждается любой правитель. И сейчас он опять порадовался своей дальновидности. Он сказал:

- Я буду говорить медленно, чтобы ты все понял. Скоро пробьет час, когда ты наконец отомстишь. Четыре долгих года ты ждал этой возможности. В послании, которое я получил сейчас, преданный мне человек сообщает, что на южной границе Персии появилось неисчислимое войско твоих и моих единоверцев - мусульман! - Шахрабаз умолк, искоса взглянул на Мансура и, заметив дикую радость, блеснувшую в желтых глазах единоверца, продолжил:

- С мечом и Кораном братья-мусульмане пройдут скоро по всему миру во славу всемогущественного Аллаха-единственного! Но сейчас у Арабии нет более сильного противника, чем Персия. Но, хвала аллаху, к Дербенту скоро подойдет каган Турксанф! Сдав Дербент Турксанфу, я открою хазарской коннице тылы Персии, и Ездигерт Третий вынужден будет повернуть свою армию на кагана. Обескровив персов и хазар, я помогу братьям-мусульманам! Ты понял меня?

- Понял, господин! - радостно прошептал Мансур. - Аллах поможет тебе в твоих благородных начинаниях!

- Да, да, - рассеянно отозвался Шахрабаз, - теперь слушай меня внимательно! Вот этого человека, - филаншах кивнул на рябого слугу, - ты ровно в полночь спустишь с западной крепостной стены в ущелье. Никто, ни единый человек не должен видеть вас. Стражу с западной стены на это время я уберу. Спустишь его со стены, ждать не надо. Сразу же возвращайся. А теперь пусть подойдет слуга...

Рябому слуге Шахрабаз сказал:

- Я знаю, ты любишь своих детей и ради их благополучия готов на все. Не удивляйся тому, что я сейчас тебе скажу. Сегодня в полночь ты пойдешь к хазарам. Утром вернешься. По возвращении я дам тебе десять золотых динариев! Подбери свою отвисшую челюсть и продолжай слушать. Ты будешь в безопасности. Пробеерешься по ущелью, выйдешь к первой же сторожевой заставе хазар и покажешь им это... - Шахрабаз протянул рябому слуге круглую золотую айцзу, которую филаншаху вручил протоспафарий Кирилл, - тебя отведут к кагану Турксанфу. - Объяснив слуге, что тот должен делать при встрече с каганом, Шахрабаз добавил:

- Он тебя тоже наградит. Он тебя очень хорошо наградит. Но кроме того ты получишь и обещанные десять золотых динариев! - Рябой слуга был чрезвычайно жаден. Правитель знал об этой слабости. - А чтобы ты не беспокоился о своей семье, твои жена и любимые дети, пока ты отсутствуешь, будут находиться во дворце под бдительной охраной Мансура. - Шахрабаз ухмыльнулся в рыжую бороду, заметив, как содрогнулся слуга. - Ты, надеюсь, понял, что они будут весьма хорошо охраняться! Завтра я должен увидеть условный знак кагана. Если я его не увижу... - филаншах замолчал и опять выразительно ухмыльнулся. - Ты все понял?

Отвернувшись от рябого слуги, филаншах сказал Мансуру:

- Отведи его в потайную комнату, запри до полуночи. В полночь отдашь ему пакет и проводишь. А теперь ступай и позови лекаря Иехуду. Пусть проводит к наложницам. Я желаю развлечься!

Шахрабаз подумал, что можно было бы послать к Турксанфу и Мансура, но тот был еще нужен. Преданных людей правителям всегда не хватает.

25. ХАЗАРЫ

Еще до землетрясения конные заставы албан отступили в город, и ворота захлопнулись. Теперь их отворит только победитель.

А после полудня под дождем, разбрызгивая лужи, к городу примчалась передовая сотня хазар. Мокрые всадники на мокрых лошадях, разгоряченные,

бешено закружились возле рва, не более чем в двухстах шагах от стены. Замелькали смуглые широкие лица, сверкающие глаза, распущенные по плечам длинные иссиня-черные волосы, оскаленные в крике белозубые рты. Храпели лошади, летела из-под копыт черная грязь. Молодые хазары с восторгом и вожделием смотрели на стены. Турксанф оповестил, что отличившимся при штурме будет предоставлено право выбора первой доли добычи, самой красивой пленницы. Вот он, Дербент! Старые воины говорят, что за его стенами полно юных красавиц, драгоценных камней, золотых перстней, горы шелка, парчи, ковров, тысячи и тысячи жирных коров, овец, закрома, полные зерна, меда, виноградного вина, сладостей! Кипела юная хазарская кровь, горели восторгом глаза!

Вот он Дербент!

Из круга удальцов вырвался громадного роста всадник на вороном жеребце; выскакал на насыпной вал перед рвом, сдержал могучими руками жеребца, так что тот присел на задние ноги. Хазарин хмуρο оглядел стоящих на стене воинов-албан, безбоязненно застыв под сотнями готовых сорваться с тетив стрел. Багровел на его лице чудовищный шрам. В распахнутой замшевой безрукавке лоснилась под дождем широкая смуглая грудь, длинные волосы на обнаженной голове, перехваченные узким серебряным обручем, разметались по плечам. На широком поясе, поддерживающем кожаные, забрызганные грязью штаны, висел в ножнах меч, на луке седла - круглый бронзовый щит. Мрачно обведя глазами албан и подняв мускулистую руку в знак мирных намерений, хазарин выкрикнул на ломанном албанском языке:

- Эй, игде ваш могуч воин Марион?

На стене угрюмо молчали, выжидая.

- Эй, ответ давай! - прокричал всадник.

- Зачем он тебе? - отозвался со стены молодой широкогрудый воин.

- Он убил один-два мой младший брат! Я пришел вызвать его на честный бой!

- Марион погиб!

- Пусть тогда выходит его сын! - проревел всадник, сдерживая нетерпеливо пляшущего жеребца.

- Его сын в зиндане...

- Ва! - удивленно воскликнул хазарин. - У вас что, удальцов-богатырей сажают в зиндан? Тогда пусть выходит тот, кто смог одолеть Мариона!

- Его сожгли на костре!...

Здоровяк рванул повод, повернул коня, гикнув, слетел с вала, промчался возле всадников, крикнув им что-то, и вся сотня, не оглядываясь, умчалась вслед за ним.

Дождь очистил воздух от пыли, поднятой огромным хазарским войском, и прекратился, словно обессилев от столь многотрудной работы. Ветер в вышине угнал тучу в сторону моря, небо над долиной очистилось, и в прояснившемся вечереем воздухе хорошо просматривалась даль, где сплошным потоком двигалась конная масса. Да, такое огромное войско еще не подступало к стенам Дербента со времен Аттилы. Собранные со всей плодоносной, изобильной травами Берсилиии, и даже из великих итильских степей, хазары не уйдут к себе в степи без добычи. Оторвать кочевника от его собственного стада, земледельца от сохи может только страсть, довлеющая над всеми жизненными привычками - страсть наживы и наслаждения. Да и не может теперь земледelec вернуться к сохе до следующей весны, ибо этой весной он оставил поле незасеянным и без добычи его ждет голод. А скотовод по обычаю отдал стадо своему роду в обмен на боевое снаряжение, и теперь, кроме коня, щита, меча и прочего воинского снаряжения, у скотовода нет ничего за душой и возвращение в род с пустыми руками для него не просто позорно, но и невозможно. Для простого воина в таком случае предпочтительнее умереть, чем вернуться. Это хорошо понимал каждый горожанин, стоящий на стене.

Страшные наступали дни не только для албан, но и для хазар, ибо каждая сторона готовилась не просто к победе или поражению, но - к смерти

или спасению.

Головные отряды хазар, приблизившись к городу, остановились не далее чем в трех полетах стрелы от Северной стены. Воины, не слезая с коней, переговаривались, глазели на стену и башни, чего-то выжидая. Через некоторое время мимо расступившихся рядов медленно проехали вперед длинные высокие повозки, влекомые круторогими волами, верблюдами. Тягуче проскрипели на деревянных осях колеса, выпиленные из сплошного куска дерева и обитые железными ободьями, колыхались дощатые борта с проделанными в них длинными узкими отверстиями. В таких огромных повозках хазары возили припасы, добычу, укрывали свои семьи, а в случае нужды это гигантское сооружение в открытой степи могло превратиться в крепость. Внутри, за высокими бортами и крепкими шестерками колес, могло укрыться три-четыре десятка воинов и тогда в нападавших густо летели стрелы из отверстий-бойниц, из-за колес высывались острые изогнутые косы на длинных рукоятках, подрезая сухожилия на ногах лошадей, вылетали дротики, пронзая пеших врагов.

Скоро два ряда повозок протянулись от гор до моря, отделив хазарский лагерь от города. Таким образом хазары обезопасили себя от ночной вылазки осажденных. В рядах повозок были оставлены два прохода, через которые уйдут в ночь сотни конных удальцов, искать добычи, тревожить гарнизон. Проходы охраняла стража.

Когда выстроились повозки, хазары спешили, собрали коней в табуны и под усиленной охраной погнали пастись к горам, где еще сохранилась трава. Вблизи от города уже вспыхнули и запылали костры. И стоящим на городской стене воинам было видно, как, подобно темной струящейся реке, шевелился в степи горизонт, там все еще шли войска, и только ночная тьма скрыла от взора защитников чудовищное шевеление.

И опять в черном, промытом дождем небе запылали яркие летние звезды. Но теперь не только на небесной равнине, но и на земной горело бесчисленное множество костров. И при взгляде на освещенную степь душа воина-хазарина наполнялась гордостью: нет на земле силы, могущей сокрушить хазарскую мощь! А когда воин от своего костра поднимал глаза к ночному звездному небу, то гордость в душе его возрастала: пылающие там огни - не лучшее ли доказательство, что и небесная степь принадлежит хазарам! Какой еще народ может разжечь и на земле и на небе столько костров! "О Тенгри, ты могуч и всемогущ, милостив и неподкупен, возле какого же из костров ты дашь местечко и мне, твоему воину, душа которого может в любое время вознестись к своему небесному отцу? Я бился в десятках боев, мое тело - земное вместилище души - изранено и обессилено, но ни один враг не видел моей спины, я никогда не отступал с поля битвы, где бы я ни был - всюду прославлял хазарский дух, утверждал твое господство и достоинство степи мужеством своим насаждал. Нет грехов у меня - никто не слышал из уст моих жалобы на многотрудность похода, никто не обвинит меня в трусости и непослушании начальствующим. Я не прошу милости, но - достойной награды! О Тенгри, к тебе, отцу своему небесному, с восторгом и надеждой склоняюсь". Тысячи и тысячи подобных молитв поднимались сейчас в ночную вышину, - уносили к звездам надежды, что земное деяние воина-хазарина непременно будет вознаграждено вечным блаженством у костра небесного, в небесной, благоухающей изобильными травами степи. Прислушивалась к бормотанию бывалых воинов молодежь, загоралась нетерпеливым желанием скорей получить право однажды так же свободно обратиться к небесному отцу - право, которое предоставлял от имени Тенгри совет старших воинов рода или по поручению совета, что делалось сейчас все чаще, начальствующий над тысячей. "Чем скорей получишь ты это право, тем быстрее будешь избавлен от случайной смерти в бою, которой страшится каждый хазарин, особенно в молодости. Случайная смерть - это такой же позор, как если бы воина обвинили в трусости. Нет ничего страшнее, чем погибнуть, не убив ни одного врага, не

совершив ни одного подвига, ибо никто не вспомнит о тебе, не прославит тебя певец в песне на земле, и там, на небесной равнине, ты будешь вечно скитаться во мраке и холоде, одинокий, уподобленный искалеченному шакалу, будешь издали наблюдать, как блаженствуют за чашкой жирного кумыса в тепле костра воины, обретшие славу при жизни, и не останется тебе даже запаха весенней степи, ибо будешь обречен ты вдыхать только вонь гниющих отбросов". Так говорили шаманы, вознося благодарения великому Тенгри-хану, прославляя его могущество на вечерних жертвоприношениях. И почтительно внимали им воины племен акациров, берсил, сарагур, савир, авар, кутригур, утигур - собранных сейчас вместе в единое войско. И еще говорили шаманы: "Воины, совершившие подвиги, а стало быть, обретшие право вознести вечернюю молитву Тенгри, могут наслаждаться и при земной жизни, им не возбраняется отнимать у врагов и оставлять себе в качестве добычи все, что доставляет радость душе и телу хазарина..." И кипела юная кровь савир, утигур, авар; хватались в нетерпении за мечи акациры, берсилы, сарагуры. И в мечтах, вожделениях, грезах как-то забывалось, что уже и земные наслаждения среди хазар распределяются неодинаково, что двадцать простых воинов могут иметь одну повозку для добычи и сотник - одну, но тысячник - четыре, а темник [темник - (тюрк.) начальствующий над десятью тысячами воинов] двадцать, что лучшая и большая доля добычи - драгоценные камни, золотые украшения, парча, ковры, самые юные и красивые пленницы, лучшие явства - идет в первую очередь кагану, потом темникам, тысячникам, сотникам, десятникам, а простому воину достается только двадцатая часть того, что добудут двадцать воинов, что останется после выделения доли начальствующих во имя и от имени могущественного Тенгри. Возле какого же из костров сядешь ты, простой утигур или савир? Какую чашку кумыса получишь ты у небесного костра, авар?

Но шаманы разжигали кровь слушателям, вселяли надежды, им верили, и они не лгали, ибо не считается ложью то, что ведет к славе и благополучию Хазарии.

В полной темноте на пологих травянистых склонах предгорных увалов паслись бесчисленные табуны коренастых и злых хазарских коней, отдыхающих от седла и всадника. Казалось, густо шевелился, дышал, всхрапывал сам мрак. Ночной воздух был насыщен свежими запахами трав, смешанным с едкими запахами конского пота. На обдуваемых возвышенностях, завернувшись в овчинные тулупы, спокойно полеживали хазары, охраняющие табуны, вглядываясь в темноту рысьими глазами. Со всех сторон доносились пофыркивание, хруст срываемой травы, изредка злые обиженные взвизги лошадей, тяжкие удары копыт по туловищу. Хазарский конь никогда не подпустит к себе человека с чужим запахом, подкрадывающемуся чужаку он раздробит копытом череп, прокусит плечо, сшибет с ног ударом груди, тревожным ржанием собьет табун в единое целое, и кони, всхрапывая, окружают опасное место и до прихода своих будут вскачь носиться по сужающемуся кругу, не выпуская чужака, и горе тому, кто в ночное время имел несчастье оказаться вблизи хазарского табуна. Поэтому и были спокойны сторожа: их надежнее сторожевых собак охраняли собственные лошади.

А внизу, в долине, глухо шумело неоглядное, озаренное огнями становище. Бывалые воины, иные обнаженные по пояс, иные в одних холстинных рубахах, заскорузлых от грязи и пота, после вознесения молитв чинили у костров сбрую, осматривали оружие, поджаривали на огне кусочки вяленого мяса, вели беспечные нескончаемые беседы. Рядом с ними на тех же войлочных кошмах лежали щиты, копья, шлемы, луки, боевые палицы, окованные железными пластинками с острыми шипами - оружие каждого владельца отдельно. Молодые хазары, для которых этот поход был первым в их жизни, не сидели на месте, как опытные, расслабленно отдыхающие и душой и телом воины, а бродили по становищу от костра к костру, слушая молитвы, воспоминания, жадно впитывая впечатления новой для них походной жизни, о которой они мечтали едва ли не с того времени, когда матери качали их в кожаных зыбках, подвешенных на

крюках в зимних, утепленных войлоком юртах. Суровые лица коренастых мужчин, сдержанные разговоры, отсветы костра на оружии, запахи поджариваемой конины умиляли пониманием, что и ты наконец принадлежишь к могучему закаленному братству, пьянила мысль, что и ты можешь присесть у костра, возле которого сейчас сидит прославленный рубака, разомлевший и жмурящийся в тепле, и по его каменно-неподвижному смуглому лицу и груди, испещренной чудовищными шрамами, бродят отсветы огненных полыханий, словно сполохи давних пожарищ.

И бродит вдоль костров юный хазарин, хмельной и счастливый, так и не сняв с локтя деревянный, обитый железными полосами щит, с головы - толстый войлочный колпак, похожий на горшок, набитый с боков и сверху плотной перевитой паклей, не скинув кожаной рубахи, прошитой на груди и спине несколькими слоями кожи - той жалкой воинской сбруи, которую выделила ему семья или род в счет будущей добычи и которой юнец пока еще гордится безмерно, ибо она приобщила молодого хазарина к братству воинов. Он еще не знает, что в первой же схватке несколькими страшными ударами меча разрубят его деревянный щит, иссекут в кожаные полосы рубаху, и останется он один на один, незащищенный перед беспощадным албаном в стальной кольчуге, сверкающей на груди пластинчатой броней, и не рубящий, а колющий удар пронзит худую незащищенную шею, сбросит юнца со злого верткого конька, который бешено пронесет мертвого хозяина по степи, по влажной росистой траве, запутавшегося в стремени и висящего вниз головой, и долго будет мертвая почерневшая голова подскакивать на камнях, биться о сухую солончаковую глину. Всею свое время.

Могучий Тенгри-хан, предок хазар, добр и снисходителен к своим детям, свершающим по земле свой путь-поход, ибо он сам - великий воин. Лишь бы руки хазарина крепко держали меч и поводья, лишь бы душа его была бесстрашна, а уста его не забыли б произнести в трудное для него время: "О отец небесный, тебе вверяюсь!" Возносить благодарения и надежды великому Тенгри лучше вечером, отдохнув и насытившись, утром и днем в спешке - некогда, да и неизвестно, останешься ли ты жив до вечернего отдыха. Но показывать снисходительному божееству, что сильны его дети, что ловки и крепки руки воинов, надо каждый день, дабы Тенги не отвернулся от хазар, заподозрив их в слабости. И если не было битвы или протекла слишком скоротечная схватка, по мнению шаманов не удовлетворившая великого небесного воина, а только разгорячившая его, то крепость хазарского меча должны показать шаманы и все желающие в военной игре. А вчера и сегодня было единственно движение, движение и безуспешная скачка за отступающим албанскими заставами.

Поэтому сейчас на широкой утоптанной площадке возле большого костра, в котором шипели и брызгали жиром, стгорая, куски мяса молодого, нарочно откормленного жеребца, несколько пар шаманов то кружились, то отступали, то наступали, изображая бой на мечах. Лоснились потные лица, со свистом вырывалось из вздымающихся грудей дыхание, мелькали смуглые босые ноги в узких холщовых штанах, едва достигающих колен. Сражались шаманы, разыгрывая известную драму, дающую выход яростным человеческим страстям.

Толпа кривоногих возбужденных зрителей плотным кольцом окружила площадку, подбадривая сражающихся:

- Ою-ю Зурган, коли, коли...
- Эй, Бачо, защищайся, не спи на ходу!
- Сверху, сверху прикройся щитом! Колондай!

И сражающиеся и наблюдатели тяжело дышали, по лицам тех и других градом катился пот, пахло жареным мясом, вонючим человеческим потом, запревшей на чьем-то голом теле мокрой овчиной и запахом молодой полыни, наносимым редкими дуновениями ветра из глубины долины, из мест, где еще остались островки невытоптанной травы.

- Арр-ха! Арр-ха! - изредка выкрикивали шаманы боевой клич хазар.
- Арр-ха! - дружно вопили зрители, потев и еще более возбуждаясь. И

только грузный толстый тысячник и почтительно окружившие его несколько сотников, сидящие на расстеленных кошмах, наблюдали за боем с надменно-неподвижными лицами, помня о своем высоком положении. Отгороженные от простых воинов невидимой стеной превосходства, сидя на земле, они, казалось, парили в воздухе, ибо их видели все, а они никого. Чем меньше радостей, тем дороже каждая!..

Чем скуднее выбор развлечений, тем с большей охотой предаются им, тем азартнее и страстнее кипение души. Вечерний отдых - время развлечений. Кряхтя, раздавливая крепкими ногами молодую траву, боролись возле костров прославленные силачи. Победителя ждало дымящееся в глиняном горшке сочное баранье мясо. Десяток воинов, собравшихся в кружок возле другого костра, по очереди ломали бараний мосол, а в центре кружка на войлочной подкладке лежал кожаный мешок, наполненный скисшим молоком, и стопка серебряных дирхемов. Азартom и вожделием горели глаза. Кто возьмет награду?! Играли в кости на деньги, со стоном и приговорами метали на кошму, отступая на десять шагов, дирхем к дирхему, сопя и раскорячась, ползали, стучаясь лбами, с колен наблюдая, как метнувший, с неимоверным усилием вытягивая грязные пальцы, пытается растопыренной пятерней соединить два лежащих недалеко друг от друга дирхема, потому что на кости очередного метнувшего оказалось всего лишь одно изображение всадника.

Детски-простодушное внимание светилось на лицах слушателей, собравшихся возле пожилого воина-рассказчика, повествующего о славных, давно прошедших временах, когда хазары были настолько могучи, а стада их настолько тучны и многочисленны, а степь так обильна травой, что жизнь была сказочно хороша и не было нужды в грабежах, войнах, раздорах. Ахали, причмокивали испуганно, качали лохматыми головами возле другого рассказчика, таинственным шепотом излагающего вчерашнее событие, когда из-под ног коней головного отряда вдруг выскочил белоснежный заяц и, пробежав, внезапно остановился, обернулся в тот момент, когда один воин уже был готов пустить в него стрелу, вдруг превратился в дряхлую сгорбленную старуху со сверкающими глазами, и эта старуха погрозила оторопевшему воину черным пальцем и внезапно исчезла, а там, где она стояла, оказался куст цветущего тамариска. Как только рассказчик замолчал, кто-то в толпе громко сообщил, что вчерашней ночью видел человека-оборотня. И опять ахали, причмокивали, доверчиво изумляясь.

Но больше всего слушателей собралось возле певца, который только что вернулся из шатра кагана Турксанфа, где развлекал кагана и темников недавно сочиненной им песней. Этого певца - худого, бледного, медлительного человека с мечтательно-отсутствующим взглядом, всегда направленным куда-то поверх голов - знала и любила вся Берсилия, все хазарские племена. Он умел не только петь, разжигая кровь слушателей, побуждая их к славным подвигам, но и сочинять песни. А такое умение простодушному степняку кажется сверхъестественным.

- Спой нам, Суграй, спой! - просили его. - Да благословит твой чудный дар Тенгри! Одну только песню! Одну-единственную!.. - умоляли окружившие певца тесным кольцом. - Ту самую, что пел нам ты вчера!..

Суграй бледно и мечтательно улыбался, отсутствующий взгляд его скользил по толпе, не замечая людей, в слабых худых руках его, под длинными пальцами, глухо рокотал шуаз [музыкальный инструмент, распространенный среди хазар, напоминал современную домру]. Наконец очнувшись, в знак согласия он робко кивнул непокрытой головой, взметнув закрывающие лицо черные прямые волосы. Тотчас же вокруг зашикали, призывая к тишине, расступаясь, чтобы дать простор голосу Суграя, передние опустились на влажную землю, стоящие за ними встали на колени, самые задние бегом приносили седла, становились на них, чтобы лучше видеть, наконец наступило благоговейное молчание. Певец выпрямился, поднял голову, волосы упали на узкие плечи, тонкие бледные пальцы тронули струны шуаза - тугие воловьши жилы, и словно чей-то протяжный глубокий вздох пронесся над

замершей толпой. Суграй запел, глядя на зеленую звезду, пылавшую на склоне черного небосвода:

Воину в жизни нужно немного:

Степь необъятную, друга и бога...

И замерли, расслабив богатырские объятия, борцы, слышав голос любимого певца, перестали ползать по кошме игроки, и умолкли рассказчики, далеко разносилась песня в ночи, озаренной кострами.

Воину в жизни нужно немного:

Степь необъятную, друга и бога...

Цвет неизменный небес голубой...

Хазары, мы слиты единой судьбой!

Затаенно дышали воины, касаясь друг друга плечами.

Хазары, мы слиты единой судьбой!

Ночь нам для отдыха,

День - для победы,

Вечер живым для грустной беседы

О павших под топот копыт роковой...

Хазары, мы слиты единой судьбой!

И пусть на время, равное двум длительным вздохам, но вспомнили надменные акациры, что они пасут свои стада на изобильных травой пастбищах возле реки Терек, и не пускают на свои земли кутригур, племя братьев своих: потупились заносчивые авары, считающие себя храбрейшими среди хазар, песня напомнила всем, что на небесной равнине нет ни авар, ни акацир, ни сарагур, перед Тенгри все должны предстать очищенными от самой

затаенной вражды к иноплеменным, от самой слабой зависти к более удачливым, от малейшего чувства превосходства своего над другими хазарами...

Эй, вы, буртасы, албаны и ясы!

Так ли уж женщины ваши прекрасны?

Тверже упритесь в землю ногами,

Хазарский аркан распростерся над вами!

Хазарский аркан распростерся над вами!

Эй, албаны! Вы слышите? Хазарский аркан распростерся над вами!

Многие невольно обращали свои горящие глаза в сторону мрачно черневшей на холме в бледном отсвете звезд крепости. "Нет, не оскудели хазары в отважных! Сражаться на коне есть наше господство!" ...Единственно чувство превосходства над другими народами способно приглушить раздоры, возникающие между братьями по крови. Только перед албаном или буртасом почувствует себя хазарином авар или кутригур, и только тогда кутригур вспомнит о братьях по крови, когда не сородич-акацир польстится на его обильные травостои, а чужеземец-яс, житель предгорий. Сплачивали племенной союз совместные походы, но не было долго походов - и начиналась борьба за места кочевков, за лучшие земли и пастбища, за власть в каганате и отличия одних перед другими, ибо, как не бывает двух людей, равных телесно, так и не было двух племен, равных по положению. Самыми благородными считались берсилы, по одному из родов которых - хазарскому - и каганат стал называться Хазарским, и племена во внешних сношениях именоваться хазарскими. Но песни прославленного певца Суграя, вызывая прилив гордости, напоминали о величайшей слиянности судеб, и беспечная душа степняка невольно жаждала примирения с сородичами.

Но вот умолк Суграй. Замерли тонкие пальцы на струнах шуаза.

Выжидательно притихли зрители. Низко над становищем висело черное звездное небо, и впереди в темноте оно сливалось с морем. Суграй смотрел в сторону моря, и черные волосы закрыли его лицо. Бледными пятнами дрожали на шуазе отсветы костров.

- Спой нам еще, Суграй! - попросил кто-то.

И многие зашумели:

- Спой про богатыря Бурласа!

- Как он один разметал целое войско врагов!

- И похитил у подземного царя красавицу-дочь!

- Нет, лучше о том, как содрогается земля, когда хазарская конница бурей несется по степи!

- Харр-ра! Вот отличная песня! Спой, Суграй, у меня кровь кипит в жилах, когда я слышу: "Рушатся горы от грохота копыт, и звезды срываются с неба!.."

И кто-то, не выдержав, запел грубым неумелым голосом:

- То мчатся хазары, то мчатся хазары!

На него зашишикали. Святотатственно произносить слова песни, когда рядом стоит прославленный певец.

Но Суграй неожиданно сказал, по-прежнему задумчиво вперив взгляд в темноту ночи:

- Слушайте, воины! Сегодня случилось со мной удивительное. Сегодня я брел берегом моря и встретил человека, который шел мне навстречу, не оставляя на песке следов...

Воины шумно сопели, не удивляясь новости. Ясно, что Суграю встретился кто-нибудь из оборотней или кто другой из нечистой силы. Этой гадости в Албании видимо-невидимо, но против хазар нечисть албанская бессильна, у каждого воина меч заговорен шаманом рода.

- ...И когда он приблизился и глянул на меня, - продолжил Суграй, - лицо его показалось мне знакомым. Это был странник в ветхом плаще. Босой странник... Но где я его видел, вспомнить не могу... У него был печальный взгляд. И вот до сих пор я мучаюсь: где я его видел? Когда он приблизился, то спросил у меня: "Суграй, зачем ты поешь воинственные песни?". Я ответил ему: пою потому, что нравится воинам...

- Харр-ра! Ты хорошо ответил, клянусь Тенгри! - воскликнул кто-то.

Суграй поднял печальные глаза на воскликнувшего, робко улыбнулся и вновь перевел взгляд в сторону моря. Потом спросил:

- Видел ли кто из вас, о воины, странника в ветхом плаще?

- Нет, не видели никогда, но если бы и встретили, он бы познакомился с моим заговоренным мечом! - произнес тот же голос.

- Да, да!

- Мы бы ему ответили, ха-ха!

- Слушайте, воины, - тихо сказал Суграй, - у меня слишком слабые руки, чтобы держать меч или натянуть тетиву лука. Увы, я слишком часто уступал вашим желаниям, потому что вы своими крепкими челюстями способны дробить кости и рвать жилы. А потому я пел и пел. Но теперь я уйду от вас. Пусть не от моих песен души ваши безжалостны, а страсти неутолимы, но этот шуаз рокотал вашу славу! Я о многом говорил с этим странником, впрочем, вам совсем не интересно будет знать о чем... Уходите! Я не буду вам петь! - и он умолк.

Исполинский морским прибором шумел лагерь. Старинный зеленый огонь, подобно всполоху, мелькал в стороне моря, распространяя вокруг зеленоватые переливы мерцаний. Может, то были всполохи? Но Суграю показалось, что там в призрачных отсветах мелькнула будто сотканная из тумана фигура одинокого странника, словно шел он по морю.

А в ставке великого кагана, расположенной в глубине долины, заканчивался пир. В просторном, из двойного индийского шелка, прошитом сверкающими полосами золотой парчи, шатре Турксанфа, застланном персидскими коврами, сидел большой круг из тысячников, а в центре его возлежал на подушках малый круг темников. Тысячников было ровным счетом сто, темников - десять. Одиннадцатым в малом круге был сам великий каган Турксанф, двенадцатым - богатырь-тысячник "бешено-неукротимых", приравненный к темникам.

Горели колеблющимся пламенем светильники, подвешенные на украшенных позолоченной резьбой опорных столбиках, расположенных вдоль большого круга. И возле каждого столба стоял великан из числа "бешено-неукротимых" с обнаженным мечом, в доспехах, ибо никогда неизвестно заранее, чем закончится пир. Случалось, и довольно часто, что люди прямо с земного вечернего пира в шатре кагана без задержки переселялись в небесный шатер небесного кагана Тенгри, снисходительного к своим детям, откуда никто еще не возвращался. А потому не было известно, чем их там угощали.

А здесь же, на пире земном, перед каждым стояло блюдо с бараниной, лежал кожаный бурдюк с кумысом, на широких бронзовых подносах остывала жирная конина. Только что несколько слуг, кряхтя и сгибаясь, внесли огромную, в рост человека амфору с лучшим боспорским вином - подарок императора Ираклия "драгоценному и возлюбленному брату нашему, милосердному христианину Турксанфу".

Каждый ел и пил что хотел. Берсил Урсулларх с рассеченным чудовищным шрамом лицом, в кожаной рубахе-безрукавке, сидевший, скрестив ноги возле возвышения, где стояло пустое кресло Турксанфа, был недоволен. Он не успел отомстить проклятому албану Мариону, и сейчас угрюмо косился на Турксанфа, считая его виновником неудачи. Слишком долго каган не мог собрать конницу, и вот Мариона успели сжечь на костре. Теперь души братьев останутся неотомщенными, и любой берсил может бросить Урсулларху упрек в забвении обычаев. Проклятье! Он грузно обернулся к сидящему рядом вождю утигур, широколицему медлительному Курултаю:

- Сколько меченосных привел ты под стены Дербента?

Тот, уловив в голосе берсила недовольство, насторожился, прожевав, ответил:

- Ты меня удивляешь. Конечно, тысячу!

- Арр-ха! Ты удивляешь меня. Ты бы мог давно стать темником. Ведь у тебя целых восемь кочевий!

- Не забывай, что я только военный вождь. Совет старейшин распорядился выделить тысячу воинов...

- А остальные?

- Понадобились для охраны кочевий. Не забывай, что соседи утигур - предгорные ясы...

- Что ты постоянно напоминаешь: не забывай, не забывай, - вспыхнул Урсулларх, - я и так слишком много помню! Клянусь Тенгри!

- Курултай, - вмешался в разговор сидевший рядом длинноусый тысячник-кутригур, - неужели ты до сих пор позволяешь совету старейшин распоряжаться войском племени? Да и кто такие предгорные ясы? Жалкие трусы. У них если и были когда-то славные воины, то мы их давно вырубали! А теперешние разве осмеляться напасть на утигур, подданных могучего Турксанфа! Пусть только попробуют! Мои меченосные помогут тебе! Я не привык выслушивать мнение одряхлевших членов совета старейшин!

Курултай промолчал, странно ухмыльнувшись. Он явно что-то не договаривал и знал больше, но решил, очевидно, не делиться с соседями, а потому, поспешно схватив с подноса огромный кусок дымящейся конины, запихнул его в рот, чтобы случайно не проболтаться.

- Арр-ха! - воскликнул во внезапном озарении длинноусый. - Я, кажется, догадался! Вы пошли в самостоятельный поход! Тысячу сюда, а

остальные на ясов! Погнались сразу за двумя джейранами!

По испуганно метнувшемуся взгляду простодушного Курултая стало ясно, что так оно и есть на самом деле. Бедный Курултай чуть не подавился куском конины и, умоляя взглядом длинноусого замолчать, испуганно покосился на кагана.

Но к счастью для утигур, тот не расслышал возгласа кутригура-тысячника, а то пришлось бы бедному Курултаю с земного пира отправляться на пир к Тенгри.

Насытившись и слегка охмелев от выпитого свежего кумыса, Турксанф грузно откинулся на подsunутую внимательным слугой подушку, сонно оглядел жадно насыщающихся приближенных. Лоснились от пота лица, блестели губы, сверкали глаза. И тысячники, и темники шумно сопели, разгрызая крепкими зубами кости, кряхтя от сытости, наклонялись, наливали себе кумысу, стонали от наслаждения, запивая мясо сладким густым вином, отдуваясь, откидывались на подушки, вытирая липкие от жира руки полами кафтанов, а чаще, жалея кафтан вытирали руки о волосы на голове или о ковер. Любили поесть... Чем меньше развлечений, тем дороже каждое.

Турксанф по привычке поднес руки к груди, чтобы вытереть их, но, спохватившись, задержался, покосился на темников, поднял обе толстые маслянисто блестящие ладони вверх, громко крикнул:

- Полотен-сс!

Один из слуг ринулся в угол шатра, отгороженной шелковой завесью, вынес оттуда кусок белой мягкой материи, осторожно вытер им руки кагана. Тот довольно хмыкнул, поднялся на корточки, покачался, встал и, узрев в промежутке между двух столбов серебряно отсвечивающий оклад иконы с нарисованными в середине томными бородатыми ликами, неумело помахал возле груди сложенными щепотью пальцами, прошептал невразумительное и, отвернувшись от иконы, грузно зашагал вдоль опустошенных блюд к возвышению в глубине шатра, где стояло черное кресло. Шел темнолицый, безбородый, коренастый, расшвыривая мягкими сапогами без подошв обглоданные приближенными кости, и если бы на миг остановился, замерев, то стал бы удивительно похож на одного из тех каменных идолов, что во множестве стоят в степи, на кочевых хазарских дорогах.

Здесь не было чужих глаз, чтобы обратить внимание на неумелую, косолапую, переваливающуюся походку, так отличную от стройной походки византийца или албана. Степняк не любит ходить пешком, даже от шатра к шатру он предпочтет проехать на лошади, пусть расстояние между ними и не превышает половины полета стрелы. А воюет хазарин только на коне, пеший он беспомощен как ребенок перед врагом.

Турксанф поднялся на возвышение, устланное коврами, уселся в заскрипевшее под его тяжелым телом кресло. Блестело драгоценное черное дерево подлокотников, переливалась на свету золотая парча высокой спинки, отбрасывал ослепительные блики серебряный наборный пояс, золотились тканевые узоры на замшевой мягкой рубахе, и из высокого позолоченого ворота ее глядело темное широкое лицо идола, блестя полуприкрытыми всевидящими рысьими глазками.

Турксанф отдыхал, опустив толстые руки на подлокотники, широко расставив кривые ноги. Отдыхал спокойно. Казалось, даже дремал. Но это - только казалось. Турксанф прятал в себе тревогу, которая жгла ему душу, не давала забыться в беспечном отдыхе. Настоящий поход начинался только сейчас, когда решалось, сколько времени войско задержится под стенами Дербента. Четыре воина-исполина из тысячи "бешенно-неукротимых", по два справа и слева от кресла застыли на возвышении. Стоило откинуть полог шатра - и можно было увидеть густое оцепление из "неукротимых", окружившее шатер, за ним второе, и каждый из этих отборных свирепых богатырей мог биться с двумя-тремя десятками простых воинов и наверняка победил бы. Но Турксанф не чувствовал себя в безопасности.

Внизу возились, отдувались, рыгали огрузневшие от обильной еды и

питья тысячники. Едва ли третья часть их участвовала в прошлом, неудачном

походе. Но эти тридцать были самые преданные и молчаливые. Остальные вознеслись к Тенгри держать ответ за недовольство, болтливость, а то и прямую враждебность к великому кагану, тела их гнили сейчас на родовых кладбищах Семендера, Варачана, Беленджера, а то и просто в степи, захороненные без жертвенных приношений и оплакивания, ибо трупы их до сих пор еще не найдены и едва ли кто их отыщет.

Только собственная смелость, решительность и преданность немногих спасли Турксанфа от последствий неудачного похода, предпринятого двенадцать лет назад. Но целых десять лет после похода бурлила Великая Хазария, и род Ашинов, к которому принадлежал Турксанф, едва не лишился права избирать из своей среды кагана Хазарии. Турксанф усмирлял берсилов, расправлялся с аварами, подкупал племенных старейшин акациров и кутригур, и как только волнения стихли, поспешил собрать всех годных к ношению оружия мужчин в новый поход. Род ашинов возлагал на этот поход особые, если не сказать последние надежды. Если войска вернуться ни с чем!.. Об этом было даже страшно подумать. Вот такая тревога жгла сейчас Турксанфа. И он с непроницаемо спокойным лицом отдыхающего человека упорно размышлял.

Стотысячное войско имело запасы продовольствия ровно на десять дней. Для того, чтобы собрать такие запасы, Хазария лишилась третьей части скота, половины запасов пшеницы, а большая часть полей осталась незасеянной. Сто пятьдесят тысяч коней ушло в поход. Корма для коней взято на три-четыре дня. Для того, чтобы увеличить непредвиденный прокорм лошадей до шести-восьми дней, надо вдвое увеличить обоз. А он и так уже сейчас настолько велик, что замедляет движение конницы, и войско от границ Берсилии до Дербента шло четыре дня вместо двух. Весь поход кони должны кормиться подножным кормом. Но для этого войску нужно постоянно двигаться. Через два дня трава в окрестностях стана будет съедена и вытоптана. Единственное спасение - прорваться в богатые районы Албании, где в изобилии и продовольствия для воинов, и корма для лошадей, и добычи.

До пира был военный совет, на нем все единогласно решили: начать штурм послезавтра. Завтрашний день уйдет на подготовку, надо подтащить поближе к стенам тараны, баллисты, заготовить хворост для заполнения рва, развернуть и осмотреть лестницы, расставить войска по участкам стен, разработать согласованный план действий для непрерывного, нарастающего штурма... Турксанф это решение одобрил, но ни слова ни обмолвился о тайных переговорах с Шахрабазом. Если они окончатся неудачей, никто об этом не узнает. Если будут удачны - Турксанф докажет всем, что обладает полководческой мудростью.

Еще одно заставляло кагана волноваться: если он задержится под Дербентом, Ираклий из Иберии прорвется в Албанию и, конечно, едва ли оставит что Турксанфу. Так чем же окончился визит протоспафария Кирилла к Шахрабазу?

В том, что протоспафарий честно провел переговоры с Шахрабазом, каган не сомневался. Византийцам было выгодно, чтобы конница кагана незамедлительно прорвалась в Албанию, ибо как бы стремительно ни продвигались фемы и этерия Ираклия, византийцы обязательно столкнутся с персидскими войсками, отступить, обремененные добычей, войска Ираклия быстро не смогут, а встреча со свежими персидскими силами едва ли закончится благополучно для византийцев. Ясно, что Ираклий захочет опередить Турксанфа, но не более чем на два-три дня, но опередит ли Турксанф Ираклия - зависило от Шахрабаза. О, вечные тревоги и мучительные ожидания, сколько горечи вы добавляете в и без того несладкую жизнь кагана!

Он поднял руку. Тотчас из-за спинки кресла вынырнул карлик в кафтане с сигнальной трубой. По шатру пронесся резкий требовательный звук трубы: "Внимание!" И вслед за тем протяжное: "Пир окончен! Пир окончен".

Тысячники поспешно поднимались с ковров, некоторые в подражание

кагану вытаскивали из-за кушаков, поясов собственные куски материи, именуемые "по-ло-те-нсс", вытирали губы, руки, поворачивались к иконе, тоже что-то шептали, неумело крестясь. Христианство Хазария приняла восемь лет назад, и в каждом городе построены церкви, а в войско назначены походные священники, собирающие воинов на вечерние молитвы, но большинство хазар по-прежнему поклонялись Тенгри, в том числе и Турксанф и его тысячники. Но, чтобы не терять дружбы с Византией, в которой Турксанф сейчас особенно нуждался, соблюдали видимость любви к Иисусу и Святой Троице, изображенной на иконе.

Турксанф хмуρο наблюдал, как подобострастно кланяясь и птясь к раскрытому выходу, тысячники покидали шатер. Никто не знал, что самой глубокой, самой вожденной мечтой Турксанфа была мечта об обладании такой властью над всеми этими людьми, способными вонзить ему нож в спину, чтобы каждое слово для них стало - величайшей мудростью, чтобы всякий искал его благосклонности и обмирал в ужасе от его гневного взора, чтобы сейчас эта свора не выходила бы из шатра, а выползала, потев от страха и счастья, что они удостоились великой милости - лицеизрели покровителя! О, как нужна ему такая власть! Тогда Турксанф будет спокоен и за себя и за своих потомков.

Задумавшись, он даже не заметил, как опустел шатер, и вздрогнул, когда возле входа послышался громкий оклик сотника наружной охраны:

- Стой! Ради твоего благополучия...

И предвестником приятного раздался запыхавшийся голос чаушиара [чаушиар - управитель дворца, распорядитель церемоний].

- Важное государственное дело! Во имя процветания нашего божественного повелителя, пропустить!

"Божественного! Да! Да! О, как было бы хорошо, если бы его воистину считали божественным!"

В шатер торопливо вошел чаушиар, два сотника охраны ввели высокого человека, закутанного в черный плащ. Турксанф вскочил с кресла, впился глазами в подходящих. Наконец-то! Предчувствие подсказало: это тот самый человек, которого с таким нетерпением ждал он. И не ошибся.

Сотники подвели человека в плаще к возвышению.

Турксанф так нетерпеливо подался к нему, что чуть не свалился, оступившись. Чаушиар бросился, поддержал за локоть повелителя.

- Говори! - хрипло простонал Турксанф, усаживаясь в кресло и наклоняясь вперед.

Незнакомец в плаще что-то сказал на албанском языке. Чаушиар перевел:

- О, великий каган! Филаншах Шахрабаз обещал, что ты наградишь меня!

- Да, да! Я награжу! Говори! Что велел передать Шахрабаз мне? Говори!

Рябой слуга (а это был он) подал плотный пергаментный пакет. Чаушиар развернул письмо и громко прочитал: "Шахрабаз приветствует Турксанфа, кагана Великой Хазарии! Да будут дни твоего царствования благословенны... Отрави источники..." И только тогда каган опомнился.

- Остановись! Остановись! - проревел он, выхватывая из рук чаушиара письмо. - Всем вон из шатра, опустить полог! Страже никого не подпускать к первому кольцу охраны! А вы, - обратился он к сотникам, - выведите его и тщательно охраняйте. Скорей!

Молчаливые слуги, услышав нетерпеливые приказания повелителя, бегом покинули шатер, оставив на коврах неубранные блюда с недоеденным мясом, бурдюки, мешки с кумысом, сотники вывели рябого.

"Отрави источники, питающие город водой, и отведи водоводы. Первый ты найдешь на северном склоне двуглавой горы в пещере. Разбросай камни возле дуба с отломанной вершиной. Гора эта в двух фарсах от крепости прямо на заход солнца. С того места на восход через ущелье на восточном склоне - второй. Там, где белая скала, под ней. Сделай так, чтобы посланный к тебе никому и ни о чем не мог рассказать. Если ты все сделаешь, пошли завтра утром двух всадников, пусть они проскачут возле северной башни крепости с твоим знаменем".

И тогда Турксанф захохотал, Он был очень смешлив и веселился от души, рычал от смеха, взвизгивал, хлопал ладонями по подлокотникам драгоценного византийского кресла, которое теперь он уж наверняка не оставит албанам, и сквозь смех велел чаушиару:

- Введите посланца Шахрабаза!

И когда того привели, сквозь смех спросил:

- Чего же ты хочешь? Серебра, золота? Проси, я дам столько, что ты не унесешь! Ха-ха-ха!

- Золота! - прошептал понятливый слуга, и глаза его сверкнули алчностью. - Конечно, золота!

Каган кивнул чаушиару. Сотники, сгибаясь от тяжести, принесли из дальнего угла шатра небольшой окованный железом сундучок. Когда подняли тяжелую крышку, тускло заблестело множество желтых кружочков, которыми доверху оказался набит сундук.

- Бери, сколько тебе нужно! - воскликнул Турксанф.

Слуга упал на колени перед сокровищами, протянул трясущиеся руки, впился растопыренными пальцами, поднял, полился золотой сверкающий дождь, тихо звенели, проскальзывая между пальцев, монеты. Рябой принялся лихорадочно запихивать золото за пазуху, в сапоги, в шапку, по его лицу ручьями струился пот, он задыхался. И все греб, греб, и не мог остановиться, и когда было забито монетами все, что можно было наполнить, рябой вывалил желтую груды на ковер, лег на нее животом, поднял обезумевшее лицо и прошептал:

- Это тоже все мое!

Губы его тряслись. Попытался подняться - и не смог. Тяжесть золота придавила его к коврам.

- Поднимите, - брезгливо сказал Турксанф.

Сотники подняли рябого, но он не смог стоять, опять упал на груды монет, накрыл ее руками, из-за пазухи его выскользнула одна монетка, подкатилась под ноги чаушиара. Тот наступил на нее сапогом. Слуга, роняя золото подполз к сапогу хазарина и, рыча, впился зубами в голенище. Сотники вновь схватили его, поставили, поддерживая перед каганом.

- Я выполнил свое обещание, - насмешливо сказал тот, - надеюсь, ты доволен?

Слуга облизал дрожащие губы, кивнул.

- А теперь я выполню просьбу твоего господина. Эй! Вбейте золото ему в глотку, чтобы он никогда не смог заговорить!

27. ПОБЕГ

Они выбрались из подземелья в глухую полночь. Вытащили всех, даже ослабевших, которые не могли ходить. Последними по веревке поднялись Рогай и Геро.

Зиндан находился вблизи Северной стены. Внизу, возле самой земли, особенно сгустился ночной мрак. Вверху было светлее, и были видны темные очертания стены и башни. На башне негромко переговаривались персы, на стене же никого не было, как ни вглядывались Рогай и Геро. Отсюда, с вершины холма, хорошо было видно, как над городом металось багровое странное зарево и доносился отдаленный глухой шум. Неужели хазары уже пошли на приступ? А в городе осталась одна-одинешенька мать Геро, которую некому защитить.

Как живителен воздух свободы! Воскресшая надежда ободрила даже тех, кто покорно умирал в зиндане. Люди лежали, вжавшись в голую каменистую землю, наблюдая за башней, но персы разговаривали по-прежнему наверху. Рогай, велел всем ждать, пополз к западной стене, обмотав веревку вокруг обнаженного тела. Скоро он вернулся и сообщил, что на западной стене нет

ни одного караульного. Чудом спасшиеся беглецы не стали искать этому странному обстоятельству объяснения. Разве Украцилла не дал им знака, что они спасутся? Передохнув, люди осторожно поползли к западной стене, здоровые помогли ослабевшим.

Западная стена, как и северная, с внутренней стороны была невысока, не более трех локтей, но зато снаружи обрывалась в ущелье более чем на сорок локтей. Да и сам склон, ведущий в ущелье, был такой крутой, что на нем нельзя было удержаться стоя.

Дно ущелья густо заросло кизилковыми деревьями, кустарником. Там их уже никто не найдет. Свобода была близка!

Послышались тихие шаги. Кто-то шел в их сторону от дворца филаншаха. Люди замерли, перестали дышать, прижавшись к земле. Двое, закутанные в черные плащи, прошли невдалеке, направляясь туда же, куда ползли и беглецы.

Подойдя к стене, один проворно взобрался на нее, подал руку второму. Поднявшись, тот размотал что-то и кинул вниз. Первый ждал, оглядываясь. Оба молчали. Это явно были не рабы, они хоть и делали свое дело втайне, но смело.

- У них лестница, Геро, - шепнул Рогай лежащему рядом мальчику. Т-Мур вдруг закашлялся, поспешно уткнулся лицом в руки. На стене насторожились, замерли, вглядываясь в темноту. На северной башне замолчали, кто-то поспешно протопал по лестнице вниз. Усилием воли Т-Мур задавил кашель, лежал, зажав руками рот, сотрясаясь всем телом. Те двое на западной стене, слышав шаги, прижались к зубцам бойниц, слились с ними, видимо тоже боясь встречи со стражниками. Перс, спустившись с башни, пошел по северной стене туда, откуда донесся кашель, постоял, прислушиваясь. Здесь было тихо. Но снизу, из города слышались крики, лай собак, там по-прежнему металось багровое зарево. Город, видимо, отбивался. Караульный, постояв, поднялся опять на башню. Странно, что крепость хазары не тревожили.

Когда перс ушел, двое отделились от бойниц, один, повозившись, наклонился и вдруг исчез, словно растворился в ночи. Второй, подождав собрал лестницу, спрыгнул на землю и оказался не далее чем в десяти локтях от притаившихся беглецов. Геро, чуть приподняв голову, обостренным от долгого пребывания в темном подземелье зрением заметил, как сверкнули в сгустившемся возле стены мраке желтые глаза незнакомца. Неужели дворецкий Мансур? Он!!! Геро не успел ни о чем подумать. Мгновенно захлестнувшая волна ненависти и радости мщенья оторвала его от земли и бросила навстречу шагнувшему к притаившимся беглецам Мансуру, который, уловив странные шорохи возле черных камней, на ходу вытаскивал меч. Беглецам терять было нечего. Если Мансур поднимет тревогу, сбежит стража, и пленников зиндана изрубят на куски. Вслед за Геро кинулся Рогай, еще несколько человек. Араб не успел выхватить оружие. Его сбили с ног, прижали к камням, жилистые руки схватили его за горло. Мансур молча отбивался, сумел раскидать вцепившихся, вскочить, его опять опрокинули, опять схватили за горло, он не звал на помощь, не просил пощады, только хрипел.

Светел был восток от огромного зарева, шевелились на башне темные силуэты стражников, смотревших на город.

Рогай, Геро, Т-мур поднялись на западную стену, с трудом перевалили мертвое тело араба через высокие зубцы. Снизу, спустя некоторое время донесся глухой звук. Теперь труп Мансура обнаружат не раньше утра, беглецы к тому времени будут уже далеко. Рогай взял себе меч, повесил его себе на плечо на широкой перевязи, плащ дворецкого отдали Т-муру. Геро крепко сжимал в руке нож, который он вытащил из-за пояса араба.

Веревочная лестница, найденная у Мансура, значительно ускорила дело. Один за другим люди исчезали за стеной. Спустившись, Рогай потянул за веревку, перекинутую через забрало бойницы, сбросил лестницу. Поползли по крутому, казалось, нескончаемому склону в ущелье, цепляясь за траву, чахлые кусты тамариска, скользя на особенно крутых местах. Но вот

зачернели кизилловые заросли. Отсюда стены крепости виделись далеко вверху. Выше блестели только звезды.

Густые заросли надежно скрыли беглецов. Теперь можно было громко разговаривать и даже смеяться, но люди молчали и изо всех сил старались уйти как можно дальше.

Ущелье уводило беглецов сначала на юг, потом резко сворачивало на восход солнца между двух гор. Прошли на запад несколько сот локтей, продираясь сквозь сплетения кустов, ветвей кизила. Слева, невидимый, зажурчал ручей. Пробрались к нему, жадно напились, и только теперь все, даже самые выносливые почувствовали смертельную усталость.

На низких бережках ручья росла густая мягкая трава. Люди, обессиленные от пережитого, бросились на траву. Нагретую зноем землю не остудил даже ливень, она была тепла, спавшим на влажной гнилой соломе, им она показалась райской.

Геро тоже опустился на травяную постель, и как только прилег, все заколыхалось, закружилось перед глазами, словно его раскачивало и мчало куда-то, и вдруг привиделось, что он, сонный и беспомощный, сидит за спиной у отца, а отец огромными прыжками уносит его в горы, мелькают мимо красные от закатного света скалы, проносятся бездонные пропасти, наполненные зловещими отблесками костров. Геро тревожно подумал, куда так торопится отец, и увидел в только что оставленной ими пустынном ущелье: мчится им вдогонку чудовищно громадный огненный гриф, взмахивая крылами в кругах поднимающегося из пропасти багрового дыма, он все ближе и ближе, уже слышен злобный клекот, уже сверкающие глаза нацелились на мальчика, и тот, оцепенев от ужаса отчетливо помнит голос отца: "Помни о матери, сынок!" И тут же все пропало. Геро открыл глаза, вскочил. Кругом был мрак, раздавалось сонное тяжелое дыхание людей и журчание ручейка в траве.

- Отец! - задыхаясь от тоски, крикнул Геро и протянул руки, ему показалось, что отец стоит где-то рядом, ведь он только что слышал его голос. Голос еще звучал в ушах. Но никто не отозвался.

Геро растолкал Рогая, Т-Мура. Те с трудом поднялись, и тотчас зашевелились остальные, даже во сне сохранившие настороженное чувство опасности.

- Я ухожу, - сказал Геро, - я ухожу, Рогай, в город.

Рогай долго молчал, покачивая лохматой головой, потом произнес:

- Я не оставлю тебя. Мы пойдем вместе.

- Но ведь ты не сможешь помочь Геро, первый же встречный узнает тебя, Рогай, и тебя тут же схватят стражи порядка! - возразил хазарину Т-Мур. Он был прав. Хазарин - раб, а беглого раба редкий согласится спрятать. Узнают соглядатаи - и смельчак обречен. Люди стали подползать к ним, слышались тягостные вздохи, горестный шепот: "Не покидай нас, Рогай... Мы погибнем без тебя... мы слабы и больны... О горе, кто поможет нам?.."

Эти несчастные тоже были правы. Без Рогая, обессиленные и больные, они не выберутся из ущелья. Геро надо идти одному. Одному легче проскользнуть в город. И надо торопиться, чтобы успеть до рассвета. Но слишком непосильная тяжесть - остаться одному в ночи без друга. И опять послышалось: "Помни о матери, сынок!" Геро выпрямился. Он готов.

- Я вернусь за тобой и матерью, Геро! Только помогу им выбраться и сразу же вернусь, - виновато сказал Рогай, обнимая юношу.

- Ты найдешь нас у пастухов-легов, помнишь, где мы были прошлым летом с твоим отцом? Там нас и ищи! - добавил Т-Мур.

Как не помнить зеленую ложину, где паслись стада, где сверкали на солнце струи водопада, возле которого они с Вителией ловили смеясь серебряные брызги, как не помнить склоны горы, где покачивались на ветру огромные алые маки. Геро вернется еще к водопаду. С матерью!..

Юноша пробирался в колючем кустарнике, скрывающем его с головой. Он шел так, чтобы зеленая звезда, мелькающая в просветах ветвей, была постоянно над правым плечом. Таинственный ночной мир окружал его.

Копошились вокруг невидимые существа, замирали при шуме раздвигаемых ветвей, дышали в затылок, кто-то легонько прикасался мягкими лапками к обнаженной коже, словно ощупывал. Тихие осторожные шорохи, приглушенный шепот, вкрадчивые шаги наполняли ночь. Случайно обернувшись, Геро заметил, как зажглись в темноте чьи-то желтые глаза, словно кто-то крался следом. Он схватил рукоять ножа, остановился, взгляделся: может, это дворецкий ожил? Пусть. Геро не испытывал страха, он снова и снова готов биться с арабом. Один на один. Ненависть опять всколыхнула все его существо. Разве можно забыть: освещенный пламенем очага и светом луны двор... араб, целящийся в отца... злобная радость, засветившаяся в проклятых желтых глазах Мансура, когда отец поднимался на кучу хвороста... И опять он преследует Геро! Юноша бросился туда, где горели желтые огоньки. Какое-то существо с жалобным взлаиванием отпрянуло в кусты, с треском прорываясь сквозь сплетения жестких ветвей.

Наконец Геро выбрался из ущелья. Перед ним поднимался обрывистый склон Южной горы, на которой он раньше пас овец. Там бил родник и колыхались травы на ветру, там каменистый навес, где он любил мечтать, там он победил волка. Счастлирое время! Разве мог он подумать тогда, что оно так страшно и быстро уйдет в прошлое... Геро схватил зубы и полез по узкой расселине на скалу, слабо серевшую в свете предутреннего бледнеющего неба. Далеко-далеко наверху, почти у самых звезд, темнела вершина горы.

Вначале подъем был не тяжел. В неглубокой расселине, на принесенной ветрами почве, росли приземистые цепкие кусты тамариска, пучки жесткой травы, и Геро, цепляясь за них, поднимался легко, тело казалось невесомым. Выше начались голые скальные места. Геро карабкался, цепляясь за выступы, отдыхал, прижавшись к прохладным камням, снова карабкался, упираясь босыми ногами в малейшие неровности.

Ночное, скрытое во мраке ущелье осталось далеко внизу. Горели ладони, болезненно ныл в кровавых ссадинах живот. Из-под ног срывались камни и с глухим звуком падали вниз, ударяясь о выступы. Иногда Геро повисал на руках, подтягивался, вжимаясь в осыпающуюся щебенку, раздирая в кровь колени.

Вершина была уже близко, до нее оставалось не более десяти локтей. Но расселина кончилась. Дальше скала поднималась сплошной гладкой стеной. Наверху торчал камень, и нависала над бездной толстая нить тамариска. Правее чернела глубокая впадина. Но ни до ветки, ни до впадины не добраться: ветка слишком высоко, а вправо негде даже поставить ногу. Геро вытер липкой от крови ладонью пот, в отчаянии огляделся. Оставалось выбраться из расселины на последний выступ и, прыгнув вверх, уцепиться за камень. Когда он поднялся на крохотный выступ и прижался к скале, даже легкий порыв ветра мог бы сдуть его в чернеющую внизу бездну.

Геро медленно свел распластанные руки вверх. От кончиков пальцев до камня было не более двух локтей. Он присел, отклонился от скалы, прыгнул и смог, ухватившись за камень, подтянуться. И тут он увидел на каменистой площадке вершины в бледном предутреннем свете огромное лохматое существо.

28. ТЫСЯЧНИК, ВОИНЫ И ПЕВЕЦ

Урсулларх многих тысячников, даже темников считал ниже себя и только очень немногих - равными. К Турксанфу он тоже относился как к ровне, ибо вождь берсил рода Хазар не уступал в знатности вождю рода Ашинов, пусть даже и ставшему каганом Хазарии. Поэтому Урсулларх, выходя из шатра, едва наклонил голову и, выпрямившись, заметил устремленный на него тяжелый взгляд Турксанфа, который всегда все замечал. Но берсил только хмыкнул, гордо напрягая могучие мышцы рук и груди и ощущая их каменную тяжесть -

ему ли в расцвете сил и не знающему страха бояться взгляда; ему ли, победителю многих сражений, трепетать перед косолапым Турксанфом! И когда Урсулларх грузно вышел из шатра, когда ему в ноздри из темноты ударил сладкий полынный ветер, смешанный с запахом дыма костров, лошадиного навоза, пота, жареного мяса, он гордо подумал, что предстань сейчас перед ним тысяча оборотней-дэвов, хоть все войско албан, он бросится на них. Сила и отвага переполняли грудь вождя берсил. И он в избытке веселого бешенства громовым голосом проревел в темноту ночи:

- Коня Урсулларху!

Второе кольцо "неукротимых" освещалось дымными факелами, горевшими на коротких шестах. Там сверкала броня доспехов, на лезвиях мечей дрожали отблески факелов, ложились на землю тени огромных неподвижных фигур. А за кольцом охраны, невидимые от шатра, возле коновязи, топтались, взвизгивали, фыркали кони. Услышав голос хозяина, заржал вороной жеребец. И спустя короткое время к шатру наметом прискакал берсил-толмач, с вороным на поводу.

Раздувая ноздри от избытка сил, Урсулларх медленно ехал мимо костров, и сладкий ветер, пролетающий над становищем, кружил ему голову. Урсулларха узнавали издали, перед ним поспешно расступались: его ярость превосходила бешенство неукротимых, пьянеющих от битв и запаха крови, поэтому его боялись. Багровел чудовищный шрам, рассекавший его лицо. Вождь всматривался в людей, по-бычьему поводя налитыми кровью глазами, и воины склоняли головы, опускали глаза перед бешеным взглядом, ибо жестокость этого человека не знала предела.

И в это же время брел меж костров с шуазом в руках прославленный Суграй. Его приветливо окликали, звали присесть, отведать пищу, угоститься свежим кумысом, а он шел, скользя отсутствующим взглядом по лицам, рассеянно улыбаясь, не слыша зова. Он так бы и прошел все становище, но навстречу ему возле одного из костров поднялся воин. Подойдя к певцу, он молча взял его за руку. Возле одинокого костра на расстеленной кошме сидели еще трое воинов, все они были пожилыми. За их спинами чернели кусты тамариска, а возле кустов желтели в свете пламени невытопанные крупные ромашки.

- Суграй прошел бы мимо и не заметил, - сказал тот, кто привел певца.

- Арр-ха, всем хочется слушать его песни, но некому позаботиться о его ночлеге! - И, обратившись к певцу, ворчливо спросил: - Куда же ты направлялся, несчастный?

- Я не знаю, - рассеянно отозвался тот, присаживаясь на корточки возле жаркого пламени.

- Но шел ты к морю? - возразил один из сидящих, темнолицый, седой, грузный старик.

- Я шел туда, где, как мне казалось, я смогу стать свободным, но не знал, что направлялся в сторону моря... - виновато ответил Суграй, задумчиво глядя на костер. - Знаешь, Зурган, иногда мной овладевает странное предчувствие, что я скоро растворюсь в необъятности мира...

- И это говоришь ты нам - людям, которые сотни раз смотрели в лицо смерти. Однако мы не спешим попасть на верхнюю равнину, потому что еще никто не вернулся оттуда и не рассказал, чем там угощают, - в притворном гневе прохрипел грузный Зурган. - Эй, вы, близнецы, Чинда и Бачо, вы слышите, что говорит этот юнец? - повернулся он к двум другим. Близнецы сидели на отдельной войлочной попонке, Оба седые, морщинистые, тощие, но крепкие, словно скрученные из веревок, продубленные степными ветрами. Они сидели плечом к плечу и улыбались одинаковыми улыбками, и у каждого в обнаженном рту не хватало по три передних зуба. Об этих зубах несколько лет назад говорила вся Берсилия. Тогда в Семендере, в лихой драке на торговой площади, Чинде выбили три зуба, и после драки, чтобы ни в чем не отличаться от брата, Бачо сам пошел в кузницу за плату выбить и ему три зуба. Бачо и Чинда вместе сражались и вместе старели, во всех походах

оберегая друг друга. Близнецы переглянулись, и оба одновременно открыли рты и так же одновременно прикрыли.

- Эй, близнецы! - захохотал тот, кто привел Суграя, крепкий коренастый воин в низко надвинутой на лоб подшлемной шапочке. - Если вы и в бою так будете переглядываться, решая, кому первому рубить, не сносить обоим голов!

- А ты, Безухий, видел, чтобы мы в бою переглядывались? - неожиданно тонким голосом спросил Чинда и почесал сначала под рубахой спину себе, потом брату, для чего, не глядя, запустил руку тому под подол.

- Да, да, ты видел, Са-Адер? - таким же тонким голосом проскрипел Бачо.

Но легко развеселившийся Са-Адер, по прозвищу Безухий, ибо действительно не имел ушей, состроив озабоченное лицо, вынул из-за пазухи синевато-белый камень, сдул с него вошь, сказал, протягивая обломок самому старшему Зургану:

- Возничий Урсулларха угостил, мол, с Византии привезен, я попробовал - сладко! Натек-ка! Пососите!

Грузный Зурган взял, осторожно куснул, зажмурился, сглотнул сладкую слюну, изумленно промычал нечленораздельное, означающее высшую степень восхищения, и тотчас одновременно невольно сглотнули слюну и близнецы, хоть ничего и не попробовали.

- Этот камень называется ца-кар, его привозят в Византию из Индии, - пояснил Безухий, который лишился ушей двенадцать лет назад здесь, под Дербентом, в схватке с лихим албаном. Тот албан оказался настолько самоуверенным воином, что, выбив меч из рук Са-Адера, решил над этим поиздеваться, но, обрубив оба уха, сам лишился головы, которую снес ему Зурган.

Отпробовав, Зурган передал цакар, пахнущий едким потом, Чинде, тот пососал, осторожно держа его в жилистых руках, передал брату. Бачо всунул комочек в бессильно повисшую ладонь Суграя, но тот, не обратив внимания, выронил комочек. Бачо, кряхтя, сполз с попоны, разыскал цакар в пыли, опять всунул в рот Чинде, проскрипел, почесываясь.

- Урсулларх богат! У него уже собственное стадо и тавро, он взял второй женой болгарку и стал "белым" хазарином [стал богатым, знатным, то есть выделился в роде, перешел в родовую верхушку]. Отчего ты такой грустный, Суграй? Кто опечалил певца?

- Ему хочется скорее попасть на верхнюю равнину! - хихикнул Са-Адер.

- Много-много раз в походах тепло вашего костра обогревало меня, - задумчиво сказал Суграй, - но теперь я уйду от вас...

- Куда? - быстро спросил Зурган и, прищурился, плюнул на ближнюю, увянувшую от жара костра ромашку. - Куда ты уйдешь, несчастный, от тепла и корма?

- Я пойду по берегу моря...

- И первый же встречный сделает тебя рабом! Ха! - буркнул Зурган.

- Суграй! Спой-ка нам лучше песню! - произнес Чинда, сладко жмурясь и облизываясь.

- Я только что сказал воином, что больше не буду петь. Говорю всем!

Воины озадаченно переглянулись. На их багровых от жара лицах отразилась неумелая работа мысли. Зурган потрянул длинными волосами, задумчиво пробурчал:

- Ха! - пошарил у себя за спиной на кошме, протянул Суграю кусок сушеного мяса. - Хочешь покушать?

- Вуй! - воскликнул Суграй, отшатываясь и вскочив на ноги. - Вуй! Будь она проклята, пища, сделавшая меня рабом ваших желаний!

- Так-то он благодарит нас за доброту! - гневно заключил Зурган, сверкнув узкими глазами. - Я уже много дней замечаю, что ты изменился. Это после того, как тебя стали приглашать в шатер Турксанфа и ты стал пировать вместе с тысячниками и темниками! После обильных пиров, после роскоши

шатра кагана тебе уже не хочется сидеть возле костра и петь простым воинам! Арр-ха! Вот награда за доброту! - повторил он обиженно.

- Ты не понял, что я сказал, Зурган, я больше не буду петь ни кагану, ни военным вождям, ни простым воинам!

- Почему? - быстро спросил грузный старик, уставившись в бледное лицо певца.

- Ты видел когда-нибудь человека, который не оставляет следов, даже если идет по влажному морскому песку? - вместо ответа спросил Суграй.

Воины суеверно переглянулись. При упоминании к ночи нечистой силы требовалось три раза кряду сплюнуть через левое плечо в сторону заката, что все четверо поспешно и сделали. Са-Адер боязливо оглянулся на чернеющие кусты Тамариска, на всякий случай подвинул к себе лежащий на кошме заговоренный меч.

- Подбросьте-ка хворосту в костер, - велел Зурган. Затрещал, разгораясь с новой силой, костер. Высоко взметнулось пламя, унося в поднебесье искры.

- Не бойтесь, - тихо сказал Суграй, - человек, которого я встретил, не был оборотнем...

- Они принимают разные обличья! - живо проскрипел Бачо. - Однажды в больших предгорьях на земле ясов на нас с Чиндой напал в ночном ущелье оборотень. Он налетал огненным грифом, кидался косматой зубастой старухой, потом обернулся огромным волком. Мы дрались всю ночь, а утром нашли его по кровавому следу и убили. Да, по следу... - Бачо почесал спину сначала себе, потом брату и озадаченно буркнул; - Гм, значит, и нечистая сила оставляет след, так кто же тогда тот, кого ты встретил? Ответь-ка!

- Я не знаю... - Суграй смотрел в сторону моря, длинные бледные пальцы его, охватывающие гриф шуаза, шевелились, и струны приглушенно рокотали. - Но увидев его, я сразу понял, что это необыкновенный человек: ни одна земная страсть не искажала черт его лица... он был спокоен... он был спокоен и благороден как мудрец, лишенный нечистых помыслов и страха. И это меня поразило. Я же видел, о, как много я видел, но молчал! Я видел, как похотью разгораются ваши глаза при взгляде на девушек, как багровеете вы от алчности при дележе добычи, как угодливы и подобострастны перед тысячником, как жестоки с пленниками, грубы от сознания безнаказанности, надменны от чувства превосходства! О, Тенгри, что внушаешь ты детям своим? Я презираю тебя!

- Эй! Жалкий ублюдок, помесь осла и верблюда! Ответь-ка кого ты презираешь?! - проревел из темноты хмельной голос.

Воины, онемевшие от возгласа певца, вздрогнули, когда раздался устрашающий, донесшийся будто бы с неба голос. С треском ломая кусты тамариска, в пространство, освещенное костром, храпя, грызя удила, вступил вороной жеребец, на котором восседал тысячник Урсулларх. Жеребец раздувал ноздри, косил огненным взглядом, приседал, сдерживаемой могучей рукой. Воины дружно вскочили на ноги. Чинда и Бачо придержали жеребца. Военный вождь рода хазар грузно спрыгнул на землю, широко расставляя ноги и руки, подошел к спокойному Суграю. Тот не попятился, не опустил глаза. Обнаженная мускулистая рука Урсулларха коснулась рукояти меча.

- О-ю-ю! О-о, ты навел меня, мой Урсулларх-непобедимый, ты пришел взглянуть на своего учителя! О-ю-ю! - вдруг пронзительно провыл старик Зурган, припадая к широкому плечу вождя лохматой седой головой. Урсулларх гневно обернулся, передернул плечами, но Зурган цепко держал его, не умолкая, вопил:

- Ю-ю, ты приехал к моему костру, вспомнив, как я тебя во вторую твою от рождения весну сажал на лошадь, и ты хватался ручонками за гриву и визжал от радости и страха. А помнишь, как мы мчались по стране русов, в дремучих лесах, и встретили старика-колдуна?.. Я спас тебя тогда от меча руса и от гнева твоего отца! Ты, конечно, не забыл мой мальчик, как везде и всегда оберегал тебя старый ворчливый Зурган! Ты не забыл и навел

меня, спасибо, да благословит тебя твой покойный отец, самый справедливый человек во вселенной! О-ю-ю!..

- Ну, хватит, прекрати, у меня в ушах звенит от твоего визга, старый болтун! - проворчал богатырь-берсил и, отвернувшись от Суграя, подошел к костру, грузно опустился на кошму; рядом с ним, придерживаясь за его плечо и радостно всхлипывая, опустился Зурган. Отдуваясь, берсил устремил прищуренный взгляд на костер, провел огромной ладонью по лицу, поглаживая багровый шрам, пробормотал: - Тот колдун-рус оставил о себе память, как я могу забыть? - И оживился: - У-ю-ю, Зурган, а помнишь, как мы в той стране Руси убили девушек, приняв их за парней? Ц-ц-ц, как я жалел, когда разглядел в пазухах длинных рубах косы... ц-ц, русы все носят длинные рубахи и штаны, именуемые порт-ки...

- Да, да, ты ничего не забыл, непобедимый! - ласково поглаживал богатыря по плечу хитрый Зурган, косясь на певца, делая знаки, чтобы тот удалился. - После схватки с колдуном мы догадались, что у руса был волшебный меч. Разве простой меч мог оставить на твоём лице столь страшный след!

- Хар-ра! - пробурчал Урсулларх. - Тогда мы захватили сына старика прямо в его кузнице...

- Когда он ковал этот волшебный меч...

- Хар-ра! - Урсулларх похлопал по своим ножнам. - Вот он, тот меч!

- Сына колдуна ты продал аланам, - напомнил Зурган.

- Тогда я был молод и глуп, - нахмурился берсил, - тогда я думал, на что мне кузнец, когда я могу отнять у яса, руса, алана, албана, ха-ха-ха, любое оружие! Гм, разве я мог знать, что оружия всегда не хватает! Как и золота!

Чинда и Бачо, привязав жеребца, уселись на корточки в почтительном отдалении, к ним присоединился и Безухий, и все трое, сами того не сознавая, принялись старательно исполнять то, что испокон веков делали низшие в присутствии высшего: напряженно ловили каждое его слово, подобострастно хихикали, когда он улыбался, хмурились, если он хмурился.

А Суграй брел в темноте ночи к берегу моря, где, как ему показалось, он в призрачном свете зеленого всполоха видел мелькнувший плащ странника. Потрясенный первой встречей, Суграй забыл спросить у странника, из какой же тот прибыл страны.

Медленно плыла над долиной ночь, медленно остывала нагретая солнцем земля, и так же медленно поворачивался меж искрящихся звезд далекий небесный ковш. Там, на небесной равнине, бессмертные не спешили утолить жажду: столь велико их райское блаженство, что вечность кажется им мигом. Вот почему из невообразимо далекого далека земные хлопоты и страсти представляются мелкой суетой. У каждого своя мера.

А возле земного костра вспоминали и вспоминали. Разгорячась и увлекшись, Зурган хлопал по плечу тысячника, а тот, развежившись, обнимал учителя своего, ибо нет ничего сладостнее для старика, чем вспомнить о молодости, а для зрелого - еще раз пережить преодолённое.

29. ИМ БЫЛО О ЧЕМ ВСПОМИНАТЬ...

Уже много дней хазары убегали от степного пожара, бросая овец, медлительный скот, повозки, пересаживая на коней женщин и детей, но случалось, пожар, догоняя, опалял их лица. Хазары бежали из приитильской степи и, выбрав случайное направление, уже не могли свернуть с пути, потому мчались на север. И только переплыв огромную как морской залив реку, смогли остановиться, отдышаться, оглядеться. Позади них, за рекой, лежала черная пустыня. Впереди было неизведанное. И тогда Уллар, отец

Урсулларха, после вечернего совета старейшин сказал сыну:

- Мы сможем вернуться на родные пастбища только будущей весной, когда поднимется свежая трава. В нескольких днях пути отсюда начинается Великий лес. Там живут племена антов, их еще называют русы. Возьми сотню лучших воинов, выбери самых быстрых коней, иди к русам, разыщи удобные дороги, сосчитай грады, осмотри поля и стада, запомни броды на реках. Будь осторожен. Не вступай в схватки. Вернись, чтобы сообщить нам приятную весть. Осенью, когда скот русов нагуляет жир, когда они соберут с полей урожай, ты поведешь нас. И мы будем спасены.

Урсулларх был молод, его манили просторы, влекла неизвестность, жажда предстоящих схваток наполняла душу восторгом, а от желания совершить подвиг невольно напрягалось не знающее усталости тело. Могучий Уллар был быстр в решениях, но еще более быстрым был сын. Отец договаривал последние наставления, а сын уже седлал коня, отец протянул руку, чтобы придержать стремя, а сын в буйном восторге уже мчался по становищу.

Они взяли по одной запасной лошади, не обременили себя повозками, лишним оружием и шли стремительно. Здесь, за рекой, летний зной не смог иссушить землю, блестели под солнцем ручьи, мелкие реки, озера, буйно поднималась трава. Зазеленели рощи. Паслись бесчисленные стада горбоносых сайгаков, саблерогих туров. Здесь хазары впервые встретили могучих зубров с громадными лохматыми головами, эти исполины чаще паслись в одиночку, угрюмо провожая взглядом проезжающих мимо всадников. На третий день пути воин головного дозора неосторожно приблизился к двум отдыхающим в высокой траве на берегу озерца огромным быком, один из них, с неожиданной легкостью вскочив на ноги, атаковал всадника. Чудовищная сила таилась в теле зубра, напоминающем каменную глыбу. Всадник вместе с лошадью был подброшен высоко вверх, опрокинут и растоптан копытами в мгновение ока. Взбешенный Урсулларх решил один сразиться с великанами-быками, чтобы отомстить за смерть сородича, и как ни отговаривал его Зурган от опасной затеи, юный предводитель проявил непреклонность и отвагу - задатки вождя. Он выехал на битву, как выезжали для игр-поединков воины на весенних празднествах в честь Тенгри - обнаженным по пояс, с копьем и луком, но без щита. Хазары, наблюдавшие с почтительного расстояния, видели, как юноша поскакал к зубрам, и передний бык рванулся ему навстречу. Урсулларх успел выпустить несколько стрел, и ни одна не пролетела мимо. Они мчались, сближаясь - животное и всадник, и те, кто видел это неистовое сближение, понимали, что остановить одного из них может только смерть. От топота зубра дрожала земля, но в нескольких шагах от всадника, он, обессиленный, рухнул. Второго зубра Урсулларх убил, увернувшись от его рогов и насквозь пронзив могучую шею копьем. С поля битвы Урсулларх возвращался не спеша - властный, решительный, непреклонный вождь. На мускулистой обнаженной шее его покачивался амулет-оберег из клыков степного волка. Погибшего сородича похоронили возле одиноко стоящего развесистого дуба, вырыв могилу в виде кибитки со сводчатым дугообразным потолком, оставив ему одежду, оружие, лошадь, чтобы погибший, если его не примет на небесной равнине великий Тенгри, имел все, что нужно для жизни, даже жилище - кибитку. Кровью убитых Урсуллархом зубров густо полили землю вокруг дуба, ставшего теперь священным, шаман, сопровождающий отряд, совершил жертвоприношение богу пути, для чего вокруг дерева, по берегу озера, по траве разбросал куски жареного сочного мяса зубров, повесил на ветви дуба головы и часть кожи их.

Через несколько полных дневных переходов степь кончилась, началось предлесье. Проводник, уже бывавший в этих краях, сказал, что для предупреждения о появлении врагов из степи русы далеко впереди своих градов выставляют конные заставы.

Хазары шли тайно. Костров не разводили. Питались сушеным мясом. Если видели впереди дымы, затаивались в оврагах, забивались в чащу, высылали дозоры. Уллар не ошибся, сказав, провожая сына, что грады русов должны

быть по берегам рек. Проводник повел отряд по возвышенности, густо поросшей сумрачным ельником. Пробирались звериными тропами. Слева, далеко внизу тянулась огромная лесистая равнина, только в ясный солнечный день можно разглядеть, что по дальнему краю ее поднимаются горы с острыми вершинами. В долине текла река в обрывистых глубоких берегах, почти такой же ширины, как и та, что переплыли хазары, спасаясь от пожара. И первый град русов был замечен на холме противоположного берега ее.

Взобравшись на высокую ель, Урсулларх с проводником и Зурганом долго смотрели на чужую, неведомую им жизнь людей, которых осенью они готовились ограбить. Острые глаза степняков видели, что становище обнесено невысокой бревенчатой оградой.

- Русы хитры, - пробормотал Зурган, хищно вытягивая жилистую шею, - они поставили свой град между двух рек и загородились третьей... Им и не понадобилось обносить становище высокой стеной... Со всех сторон обрывы...

Бревенчатые приземистые жилища русов с крутыми кровлями из длинных деревянных плах, нижние концы которых едва не упирались в землю, были вольно разбросаны по пологой зеленой вершине холма. От жилища к жилищу в траве тянулись тропинки. Со двора к ограде примыкали длинные навесы для скота. Возле одной из хижин сидел бородатый человек в белой рубахе, склонившись над чаном, возле него на траве трое подростков в таких же длинных рубахах расстилали для просушки шкуры. На лужайке, желтой от цветов, бегали белоголовые дети, за ними присматривали две девочки-подростки. Возле рва, который Зурган назвал третьей рекой, почти на самом краю обрыва, над оградой возвышалась оборонительная бревенчатая башня. От башни по крутому склону сбегала к небольшому мостку через ров тропинка. Над запертыми воротами на столбах был устроен навес, и там изредка поблескивало оружие. Под навесом скорей всего таился караульный воин. У подножия холма, на пестрой от цветов лужайке, виднелось множество коротких обрубков деревьев, едва возвышавшихся над травами и цветами. Возле них неторопливо прохаживался старик, изредка что-то делал, склонившись.

- Русы называют их ко-ло-ды, - сказал проводник, кивнув в сторону лужайки и старика, - внутри колод живут пчелы, они приносят мед, из которого русы делают вкусное и сладкое вино...

За рвом, возле мостка, стоял одинокий могучий дуб, в ветвях его что-то виднелось, возле дуба торчали вырубленные из куска дерева идолы, напоминающие человеческие фигуры. Здесь, наверное, было капище русов. Сразу же от капища начиналось пшеничное поле. Дальний край поля прикрывал далекий чернеющий лес, а между полем и рекой тянулся обширный пойменный луг, на котором паслось стадо. Трава на лугу была так высока, что животные словно плавали в колышущихся зеленых волнах.

- Много коров, - определил Зурган, - они жирны и молочны.

Судя по числу хижин, жителей в становище было не больше, чем людей в хазарском родовом кочевье.

Солнце уже опускалось к далекому заречному лесу, мягкий предвечерний свет заливал противоположный берег - зеленый луг, желтеющее поле. Лес прикрывался синеватой дымкой. От хижин протянулись длинные тени. Мирный долгий покой опускался на землю русов, на становище их в золоте вечера и беззвучии тишины.

- Русы - плохие воины, - самонадеянно заключил Урсулларх, когда они слезли с дерева.

Зурган промолчал.

- Они привыкли отсиживаться за лесами, - продолжил Урсулларх.

- Но мы не видели еще их в битве, - осторожно заметил Зурган, - и не знаем, сколько их числом...

- Хар-ра, сколько бы ни было, я со своими удальцами пройду через всю эту страну, как острый меч сквозь живое тело! - раздувая ноздри, не задумываясь, отозвался юный предводитель.

Когда они сели на лошадей, к Урсулларху подошел пожилой воин и, взявшись за стремя жеребца сказал:

- Сын Уллара, послушай меня.

- Говори, Чакан, но кратко, как подобает мужчине.

- Сын Уллара, лес для степняка страшен. Тенгри гневается на тех, кто приходит к нему не из битвы. У нас уже двое воинов утонули в болоте, а мы не сумели им выкопать даже подземных кибиток...

- Что ты хочешь?

- Вернуться!

- Ты хорошо подумал, прежде чем сказать?

- Да. И еще я понял, что русы - мирные люди. Они нам не причинили зла. Зачем же нам нужно идти к ним со злом?

Быстрее молнии блеснул в сумеречной чаще меч Урсулларха. Не зря на весенних состязаниях меченосных сын Уллара всегда выходил победителем. Голова воина, глухо стукнувшись, упала в сырую траву, а тело еще долю времени оставалось неподвижным, потом осело, залил стремя и сапог Урсулларха черной, хлынувшей из горла кровью.

Предводитель решительно тронул жеребца и, не оглядываясь, углубился в чащу. Мрачные хазары последовали за ним, оставив на поляне непохороненными тело Чакана, отца Суграя. Потом Зурган скажет Суграю, которого примет в свою кибитку: "Твой отец оказался презренным трусом. Забудь о его душе, ибо Тенгри проклял ее!"

Они углубились в лес на пять полных дневных переходов, если идти с запасным конем. Встретилось еще несколько градов русов, и все они располагались на обрывистых холмах. Возвышенность кончилась, спустились в болотистый лес. Здесь было еще более сумрачно, душно, резко пахло прелью гниющих деревьев, тухлой водой болот. По ночам между деревьев возникали странные белые тени, безмолвно тянулись к всадникам, из жутких чащоб доносились чьи-то вопли, дикий, леденящий кровь степняка, хохот. Даже при белом свете дня, случалось, на всадников прыгали с деревьев громадные кошки, называемые у русов "рыс", рвали незащищенные кольчугами шеи непрошенных гостей. Так погибло еще два воина. Несколько раз из завалов мертвых деревьев на отряд нападали потревоженные вепри, вспарывая брюхо подвернувшейся лошади острыми клыками. Хазары тосковали по степи, по ее вольному необъятному простору, по свежим душистым ветрам и буйным травам. Но, выбравшись из болот, непреклонный Урсулларх повернул отряд на заход солнца, где в нескольких днях пути, по уверениям проводника, были богатые грады русов. На следующее утро Урсулларх обнаружил проводника в кустах, неподалеку от места стоянки. У проводника было перерезано горло. Напрасно Урсулларх, всматривался в лица проезжающих мимо него воинов, надеясь обнаружить виновника. Виновниками, скорее всего, были все, кроме него и Зургана: в угрюмом молчании воинов чувствовалось озлобление, во взглядах читалось непокорство.

- Надо идти домой, - посоветовал Зурган, когда они остались наедине.

- Нет! - яростно прохрипел предводитель. - Нет, Зурган!

- Но мы заблудимся без проводника.

- Захватим руса, двух, трех! Они покажут нам дорогу!

Зурган с почтением взглянул на каменно отвердевшее лицо вождя. Удивительно, но эта простая мысль не посетила голову воина, много раз бывавшего в походах, а пришла к юнцу. Хар-ра, что поделаешь, потому-то Зурган всего лишь простой воин, что может только рубиться, а не обдумывать будущее. Урсулларх мрачно усмехнулся, видя удивление на лице своего опекуна. Конечно, он давно повернул бы на юг. Увиденного достаточно, чтобы убедиться: русы не бедны, осенью закрома их будут полны зерна, множество скота нагуливает на тучных лугах жир, кроме того, в градах полно кож, меда, воска - того, что особенно ценят купцы, идущие с юга. Захватить становища русов не представляло особого труда: несколько раз дозоры

обнаруживали на лесных полянах поселения, обнесенные глухими оградами из вплотную приставленных друг к другу бревен с заостренными верхними концами. Урсулларх с Зурганом подкрадывались к каждому становищу. Бревна на оградах трескались от сухости, сочились смолой. Достаточно одного факела, и град запылывает огромным костром. Усмехнулся же Урсулларх потому, что захватить пленного сейчас было бы величайшей глупостью. Встревоженные русы станут искать, обнаружат отряд, а обнаружив, поймут, зачем степняки тайно ищут возле их градов. Отец строго предупредил Урсулларха: русы не должны ни о чем подозревать до осени. И пленных надо брать осенью. Несомненно, хазарам-разведчикам можно вернуться домой. Но повернуть на юг значило: вождь уступил воинам. Нет! Урсулларх впервые предводительствует в походе, иначе Урсулларху, сыну прославленного, победоносного Уллара, вождем не бывать! Хар-ра! Пусть погибнут хоть все воины, но сын Уллара добьется своего!

- Запомни, Зурган, и передай всем воинам: мы вернемся в степь тогда, когда этого захочу я, сын Уллара! Ты понял? - жестко проговорил Урсулларх, решительно сверкнув глазами.

Зурган послушно наклонил голову. Да, он понял. Он понял, что Урсулларх рожден быть не просто неукротимым, как "бешеные", охраняющие ставку кагана Турксанфа, который великий Тенгри наделил огромной телесной силой и большой храбростью, но рожден быть еще и вождем, ибо обладает неутолимой страстью повелевать. У Зургана и множества других есть стремление к наслаждениям, есть алчность, похоть, но нет задатков вождя, поэтому и Зурган, и другие должны послушно склонять головы перед теми, кому мудрый Тенгри дал больше, дабы они могли вести простых смертных за собой к славе и процветанию тюрков.

Ближе к вечеру того же дня головной дозор хазар наткнулся на пятерых русов, идущих по тропинке возле небольшой речушки с пологими травянистыми берегами. То ли воины дозора утратили бдительность, то ли русы шагали неслышно, но на повороте тропы они столкнулись. И те, и другие замерли от неожиданности. Молодые, высокие, статные русы были в белых рубахах ниже колен, в меховых шапочках. У каждого на кожаной перевязи висел короткий меч, в руках были небольшие луки с натянутыми тетивами. Хазары рванулись к ним. Русичи оказались проворны, сообразительны: они не бросились в лес, где в сотне шагов от тропинки пробирался еще один дозор, а побежали к реке, перекликаясь звонкими, почти пронзительными голосами. На берегу торчало несколько огромных, в рост человека мшистых валунов. Хазары успели зарубить одного отставшего русича, остальные, добежав до валунов, повернулись и выпустили четыре стрелы. Четыре передних хазарина слетели с лошадей. Те, оставшись без седоков, заматались, на какое-то время приведя в замешательство остальных воинов дозора, что позволило русичам выпустить еще четыре стрелы. Упало еще четверо хазар. Двое оставшихся в живых повернули коней. Но на тропинку, услышав шум скоротечного боя, уже выезжали всадники второго дозора.

Когда Урсулларх и Зурган примчались на место схватки, на тропинке, на травянистом берегу валялось тринадцать воинов хазар, пять русичей лежали отдельно, возле валунов.

Мрачный Урсулларх осмотрел убитых сородичей. Трех стрелы попали в глаз, у остальных пробиты шеи. Оказывается, русы неплохо владеют луками.

Хазары ловили лошадей, Зурган и шаман, спешившись, принялись снимать с русов перевязи мечей, мягкие сапоги, кто-то стащил с убитого рубаху и вскрикнул, обнаружив остро торчащие маленькие груди и длинные косы. Урсулларх не поверил своим глазам, велел стащить рубахи со всех убитых русичей. То же самое... груди, косы. Белотелые, рослые, юные девушки лежали в окровавленной траве, не стыдясь своей смертной наготы. О Тенгри, воины-мужчины сражались с девушками и потеряли тринадцать человек! А если бы хазары наткнулись на зрелых воинов-русичей? Этот проклятый лес отнял у хазар силы и боевое умельство.

- Русичи оборотни! - прошептал за спиной предводителя шаман, - они превратились в девушек, чтобы у наших удальцов затуманились взоры и ослабли руки. Нужно заклинаниями изгнать нечистую силу!

Урсулларх недоверчиво покачал головой, удальцы головного дозора не знали, что сражались с девушками, но он промолчал, поняв: ему выгодно поддержать шамана.

Похоронив убитых воинов и сбросив трупы девушек в реку, хазары двинулись дальше, на заход солнца. Но не отъехали и трети фарсаха от места схватки, как наткнулись на одинокую хижину, стоявшую на поляне в окружении невысоких молодых берез. Вечереющее солнце освещало крохотное оконце, затянутое бычьим пузырем. Дощатая дверь была распахнута, в хижине никого не было. На поляне дымил костер, возле на траве лежали куски черного камня, молот с короткой деревянной ручкой, в костре тускло светилась, остывая железная пластина. Обшаривая лужайку и кусты, хазары нашли странную длинную корзину, сплетенную из ивовых прутьев, напоминающую кувшин с узким горлышком. Судя по костру и распахнутым дверям, хозяин хижины сбежал впопыхах. Урсулларх приказал выступать.

Шли по лесу всю ночь, держа путь по звездам, мерцавшим между ветвей. На рассвете измученные хазары выбрались на большой луг возле озера. На берегу озера виднелось поселение русов из нескольких хижин и землянок, обнесенное частоколом. Поселение казалось вымершим. Неужели жители его скрылись? Но как они могли узнать о приближении хазар? Зурган осторожно притронулся к плечу предводителя и показал на лес, откуда они только что выбрались. Там, где должно было взойти солнце, в розовое пламенеющее небо над черными деревьями поднималось несколько дымов, редкой цепочкой они тянулись вслед за отрядом. Самый дальний, едва заметный дым, вился над местом гибели головного дозора, а ближайший - густой, высокий - в лесу, который хазары только что оставили. Кто-то тайно следил за отрядом, предупреждая о появлении врага и указывая направление движения его.

- Зурган, пусть десять воинов вернуться и схватят того, кто разжигает костры, - велел Урсулларх, - остальным обыскать становище. Быстро!

Несколько хазар отделились от отряда, помчались к лесу, нахлестывая усталых коней, остальные двинулись к поселению.

Не успела огненная повозка Тенгри подняться над вершинами деревьев, как к Урсулларху подвели старика, которого обнаружили в землянке, а потом молодого руса. Воин, сопровождавший молодого, нес длинный двуручный меч.

Старик был громаден, костист, бос, одет в длинную холщовую рубаху... Он бестрепетно взглянул на юного предводителя, странно блеснув из под лохматых седых бровей светлыми, похожими на льдинки глазами. Урсулларх нахмурился, сказал Зургану, которому проводник успел объяснить значение многих слов русов:

- Спроси: далеко ли до градов на заход солнца, сколько их и много ли в них воинов?

Зурган, напрягаясь, обратился к старику, медленно выговаривая чужие трудные слова:

- Реки, отъче, камо вои русьскеи идаше... грады...

- Не трудись, ворон, - усмехнулся в седую бороду старик, - я знаю язык болгар, он схож с вашим. А градов в той стороне много богатых, да не про вас они. Рать вас встретит неисчислимая... туда уже несутся гонцы на свежих конях. Так и передай старшему вашему.

- Как звать тебя, старик? - отрывисто спросил Урсулларх.

- Ведун.

- Ты можешь провидеть будущее?

- Могу.

- Вернусь ли я в степь?

- Вернешься, но другим.

- Приду ли я сюда вновь?

- Нет.

- Скажи, старик, ты останешься в живых после нашего разговора?

- Нет.

- Ты прав, старик! Сильные и бесстрашные делают, что захотят. Твое будущее сейчас зависит от меня, и я докажу тебе это...

В это время подвели молодого руса. Он был похож на старика, такой же светлоглазый, бородатый, наверное, сын. И смотрел так же бестрепетно.

- Мы застали его в хижине-кузне, - объяснил воин, - он держал вот этот меч и что-то говорил над ним, потом кинулся на нас, мы арканом свалили его на землю...

- Почему ты не убежал вместе с другими? - обратился Урсулларх к молодому русу.

- Горн его был зажжен. Ему хотелось доковать меч, - ответил старик, взглянув на виновато опустившего голову сына и, переведя взгляд на Урсулларха, пристально посмотрел хазарину в глаза, потом, не отрывая светлого, завораживающе-прозрачного взгляда, неожиданно шагнул к жеребцу Урсулларха, погладил его по шелковистой подрагивающей коже. Жеребец присмирел под чужой рукой. И все хазары, окружившие пленников и предводителя, онемев от изумления, увидели, что Урсулларх покачнулся в седле, могучие плечи его обвисли, он, слепо цепляясь рукой за гриву, вяло сполз с жеребца, расстегнул пряжку шлема, снял его с головы. Шлем упал на траву.

Хазарин носит в себе готовность повиновения с детства, с того времени, как осознает, что его ведут к неизвестной ему цели великого нескончаемого похода, не имеющего ни начала, ни конца. Поэтому воины, не смея помешать вождю, в недоумении только сдвинулись плотнее, когда Урсулларх, сняв с себя кожаную перевязь, сонно вытащил меч из ножен и подал старику. Что-то не просто тревожное, а пугающее происходило на глазах воинов, но они, не смея ничего предпринять, смотрели во все глаза, как старик принял меч и, держа жеребца на поводу, медленно повел его к молодому русу.

И в это время из леса позади воинов вырвался одинокий всадник, громко крича и бешено нахлестывая потного коня, влетел в толпу, плеткой расчищая себе путь, пробиваясь к Урсулларху, он кричал:

- Русы! Русы! В лесу русы!

- Проклятый колдун! - взревел Зурган, бросаясь к старику. Тот в молодости, видно, был славным богатырем. Легко отбив удар меча Зургана, отбросив плечом преградившую ему путь лошадь вместе с седоком, старик возник перед вялым безоружным Урсуллархом. Два меча взлетели одновременно. Урсулларх отпрянул. Меч Зургана обрушился на седую голову старика. Но и вождь хазар упал, зажимая ладонями рассеченное лицо. Заунывно и протяжно пропел рог, объявляя сбор. В утреннем солнечном свете мелькнула над лугом из сумрачного ельника стрела, еще одна. Потом стрелы полетели гуще. Вскрикнув, упал хазарин. Раскинув руки, медленно завалился на стремях другой. Метались по кругу лошади без седоков. Хазары, едва успев посадить на жеребца раненного предводителя и прихватив с собой молодого руса, сбились в плотную стаю. Проревел команду Зурган, указав на редкое березовое мелколесье. А из ельника высыпали пешие воины-русы. Заблестели в лучах поднявшегося солнца червлёные щиты, словно луг расцвел алыми маками. Хазары, завывая, прикрывшись щитами, пустили лошадей вскачь. Русы не успели окружить луг плотным заслоном. Хазары прорубились. Они неслись по березовому редколесью, нахлестывая плетками коней, и огромное утреннее солнце несло след за ними, мелькая меж ветвей. Со свирепым карканьем срывались с вершин сосен громадные вороны и мчались за степняками, мелькая, подобно черным молниям в утренних лучах...

- ...А потом мы пошли на алан в предгорья... - вспоминал темнолицый седой Зурган, протягивая зябнувшие руки к костру.

- Мы пробивались через племена алан, как меч проходит сквозь живое тело! - шумно дышал Урсулларх, и огромный шрам на лице его багровел. - А

мой меч с того времени рубит раньше, чем взгляд противника коснется моего лица! Хар-ра! С того времени я понял, что лучше опередить врага!..

- Да, да! О, ты - гордость Хазарии! - говорил Зурган. - Но и Суграй - гордость Хазарии!

30. ДИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Пастухи, пасущие свои отары на отделенных горных лугах, часто, особенно в предзимние дни, слышали крики, напоминающие зов: "Уе-ху-у-у...", а иногда видели и самого дикого человека, с ловкостью снежного барса карабкающегося по обрывистым кручам. Иногда пастухи замечали, что уеху украдкой следит за ними с вершины утеса. Встреча с диким человеком, по поверью, приносила несчастье.

Похожие на людей, но покрытые бурой или рыжеватой шерстью, очень сутулые, с длинными, свисающими ниже колен мускулистыми руками, мрачно сверкающими исподлобья глазами на волосатых угрюмых лицах, уеху казались демонами - порождениями ночи. Никто не знал, где они прячутся, где пережидают зимние холода. Иногда они сбрасывали на людей большие камни и тотчас исчезали. Воровали из отар овец и поедали их, разрывая руками. Однажды пастух-лег, отправившись на поиски овцы, обнаружил ее жалкие останки в глухом ущелье, а неподалеку спящего в расселине скалы дикого человека. Пастух выпустил в него несколько стрел, пока разъяренное чудовище в страхе металось в глубоком каменном мешке. Спешившие на помощь сородичу леги видели, как ревущий уеху, утыканный стрелами, вскочил на спину пастуху и сломал его позвоночник, а потом под градом стрел сумев вскарабкаться на почти отвесную скалу и исчез.

Марион рассказывал сыну, что давным-давно, когда не было еще даже селения Чора, уеху жили в здешних лесах и у них были свои вожди. Но угрюмые уеху любили уединяться. Они не пели, собравшись вместе, песен, не рассказывали преданий. Они жили только сегодняшним днем, не размышляя о завтрашнем, забыв о вчерашнем. Они были горды и неуступчивы, не прощали обид, а потому так и не смогли завести собственных обычаев. Каждый уеху считал себя самым умным, самым смелым, самым сильным, а потому вождей свергали так часто, что те не успевали дать своим сородичам законы, по которым они могли бы жить в мире. Уеху презирали чужеплеменников, а потому любили нападать, но не умели защищаться. Они привыкли брать женщин силой, а потому не знали родства. Окружающие их племена были малочисленны, и добыча для уеху всегда была легка и изобильна. Они любили жить чужим трудом и не научились изготавливать одежду, добывать себе пропитание, а от холодов спасались в жилищах, построенных рабами.

И однажды напало на них чужое, более сильное племя и победило их. Оставшиеся в живых уеху убежали в леса и горы, обвиняя друг друга в трусости. И так как у них не было ни обычаев, ни преданий, а память оказалась коротка, не далее вчерашнего дня, они быстро забыли свой язык и кто они такие.

С тех пор, как их победили, и большая часть племени погибла, они бояться людей, прячутся, убегают от них. Но иногда, особенно в ненастные осенние дни, пробуждаются в душе уеху смутные воспоминания, им овладевает тоска и страх перед одинокими холодными зимними вечерами, тогда он поднимается на вершину какого-либо утеса и плачет, и кричит, и зовет протяжно: "Уе-ху-у..."

Геро повис над бездной. Огромное черное чудовище стояло возле куста тамариска в двух шагах от обрыва и, напряженно согнувшись, держало в руках камень. В бледном предутреннем свете ошеломленный Геро видел, как уеху, вздыбив на широких плечах шерсть, медленно оскаливается, словно собака, морща и приподнимая верхнюю губу, обнажая два белых влажных клыка. Из-под

низкого, убегающего назад лба сверкали по-звериному жестокие глаза. На круглой голове отчетливо виднелся седой и тоже вздыбленный гребень из пучков жестких волос. Широкие ноздри яростно раздувались. Уеху, видимо, был голоден и, заслышав на крутом склоне шум, ждал, когда жертва поднимется на вершину.

Нож висел за спиной, прикрепленный к набедренной повязке. Геро медленно опустил на напряженных руках.

Если даже Геро сумеет быстро взобраться на площадку вершины, уеху разmozжит ему голову камнем или переломит пополам. Спрыгнуть вниз, на уступ, на котором едва можно стоять, означало - неминуемо сорваться в пропасть. Но лучше уж погибнуть, чем быть съеденным чудовищем. Геро с тоской глянул на далекие тускнеющие звезды, ощутив за спиной жуткую, холодящую пустоту.

Звезды закрыла черная лохматая фигура. Глухо ворча и скаля клыки, над обрывом склонился уеху, пристально всматриваясь в измученное юное лицо. Глаза их встретились. Нечто похожее на любопытство и в то же время на жалость, и одновременно искра смутной мысли промелькнули в сверкающем взгляде дикого человека. Раздался глухой стук отброшенного камня. Черная, покрытая шерсть длинная рука потянулась к повисшему над бездной мальчику. Резко пахло смрадом мокрой шерсти. Геро разжал пальцы. Но огромная мускулистая лапа успела схватить его за плечо и одним рывком выбросила на площадку.

Геро упал на мелкие камни, перекатившись, мгновенно вскочил и выхватил нож. Он даже не почувствовал боли от крепкой хватки чудовищной лапы, от удара о камни. Теперь будет равный бой! Геро готов принять его и дорого продаст свою жизнь!

Но, странно, уеху не проявлял враждебных намерений. Сидя на корточках и свесив с острых коленей руки, он посматривал на мальчика, миролюбиво ворча и часто помаргивая; возможно, помаргиванием стараясь смягчить жесткий взгляд. Потом он нехотя поднялся и неуклюже, вперевалку, сильно сутулясь, почти касаясь земли согнутыми пальцами рук, медленно побрел прочь. Отойдя на несколько шагов, уеху оглянулся через плечо, словно приглашая Геро следовать за ним, и, видя, что тот стоит неподвижно, остановился. На крепкой голове его колыхался седой гребень волос. Может быть, уеху был стар и его тяготило одиночество?

Отсюда, с высоты склона горы, в сереющем рассвете смутно различались стены города, а за городом на темной равнине горели костры, похожие на видимые сквозь туман мигающие красноватые звездочки, доносился отдаленный слитный гул, будто там неумолчно шумела горная река.

Геро понял, что уеху спас его не для того, чтобы съесть, у него появилось чувство благодарности к этому одинокому угрюмому чудовищу и, не зная, как выразить это чувство, он решил подойти к нему и погладить. Но вдруг возле головы дикого человека, шумно хлопая крыльями, пронеслась большая серая птица. И в уеху, мирно присевшем на корточки, мгновенно проснулся зверь. Оскалившись и зарывав, он подпрыгнул, молниеносным взмахом лапы сшиб на лету грузно летящую птицу, наверное, это был заблудившийся или раненный гусь, оторвал ей шею и принялся с хрустом пожирать птицу вместе с перьями. Теперь его взгляд, случайно брошенный на юношу, был опять злобен. А ведь предки этого одичавшего человека были людьми, пусть гордыми, нетерпимыми друг к другу, но все-таки людьми.

Геро осторожно попятился. С восточной стороны склон Южной горы был пологим, постепенно переходил в плато, которое обрывалось возле родника, где Геро убил волка. Там, на площадке уступа, в расселине спрятаны камышинки. Вот когда могла пригодиться камышовая трубка. Когда уже Геро нельзя было заметить с вершины, он повернулся и что было сил понесся к роднику. Раза два на бегу оглянулся... Чудовище его не преследовало. Самое трудное осталось позади. Геро стремительно сбежал по склону, шурша мокрой травой, пересек плато. На уступе он на ощупь разыскал трубочку между

камней, сунул ее за набедренную повязку, спрыгнув с площадки, напился родниковой воды и побежал к берегу моря.

Зачернели виноградники густой листвой, высоко подвязанные к таркалам лозы скрывали беглеца с головой. Он незамеченным перебежал дорогу. Дальше, за виноградником, начиналось поле льна, а за ним - берег моря. Быстро тускнели звезды.

Слева темной сплошной громадой тянулись Южная стена. Теперь наверняка и охрана Южной стены усилила бдительность, ведь хазары могли прокрасться по ущелью. Двое караульных прохаживались наверху башни, до пояса скрытые забралами бойниц. Геро вспомнил разговор воинов-персов, подслушанный им, когда он сидел на веревке, - они говорили, что филаншах завтра поедет осматривать городские стены. А единственная дорога, по которой он мог поехать к Северной стене, проходила неподалеку от дома Мариона. Лук Геро и кинжал, а также колчан со стрелами висят на ветке развилки платана, скрытой в густой листве. Об этом тайнике знали только Витилия и он. Там же меч, а возле него щит. Когда отец крикнул: "Беги, сынок, к Южным воротам!", Геро, чтобы оружие не мешало ему, успел положить его в тайник, обнаружить который можно только вскарабкавшись по стволу платана в таинственную глубину кроны.

Вдруг с вершины Южной горы донесся протяжный, полный тоски одиночества, крик:

- Уех-у! Уе-ху-у!

Это насытившийся дикий человек звал юношу вернуться. На ближней башне тревожно засуетились дозорные, всматриваясь туда, откуда раздался крик. Геро стремительно пересек дорогу и скрылся в винограднике. Спасибо тебе, уеху, спасибо, странное чудовище, выручившее сына Мариона!

Море неподвижно лежало у песчаного берега, прикрытое ночной мглой. На берегу было прохладно, свежо пахло водорослями.

Теперь оставалось проплыть вдоль Южной стены, на целую стадию уходящую в море, до того места, где она почти смыкается с Северной, оставляя проход не более ста локтей, закрытый толстой железной цепью. Если вход в гавань охраняется, у Геро есть камышинка. Надо торопиться: скоро начнет светать.

Геро вошел в теплую белую воду, с наслаждением окунулся, в теле, стосковавшемся по воде, возродилась бодрость. Он поплыл, как можно осторожнее взмахивая руками, чтобы не плеснуть. Дозорным на стене скучно. Вдруг кто-нибудь из них, услышав плеск воды, насторожится и пошлет на звук стрелу. Конечно, от одиночной стрелы легко увернуться, нырнув, но разве в темноте узнаешь, когда она прилетит? А если сразу несколько дозорных пожелают развлечься? Сделав несколько осторожных гребков, Геро почувствовал боль в левом плече, за которое ухватился уеху. Раньше он плавал легко, силой рук почти выбрасывая тело из воды, и мог держаться на воде бесконечно долго, но сейчас левая рука работала плохо и сказывалась бессонная ночь. Где же ты, зеленоволосый морской пастух, примчись сюда на своей рыбе-коне, помоги своему земному другу. Но пустынен мрак морской глубины, спит в своей сумеречной хижине зеленоволосый друг, наверное, видит яркие цветные сны.

Южная стена, подобно непроницаемой черной туче, закрывающей полнеба, нависала над Геро, на всем протяжении ее редкими далекими звездами горели факелы. Но вот стена круто свернула влево, и усталый Геро увидел смотровую башню у входа в гавань, как будто обрывающийся в море скалистый утес. На смотровой башне, разгоняя мрак, горел целый пук факелов. Чернели фигуры воинов с луками. Толстая цепь, провисая над водой, тянулась к смотровой площадке Северной стены, где тоже ярко горели факелы и толпились караульные воины. Но свет от факелов не достигал середины входа, и там было темно. Обрадованный Геро поплыл туда, решив, что все оказалось проще, чем он предполагал, и камышинка может не понадобится... и чуть было не попался. Что-то негромко звякнуло о цепь, раздалось приглушенное

ругательство. Геро замер, всмотрелся и увидел за цепью в двух десятках локтей от себя смутно чернеющий нос лодки. Хорошо, что он плыл тихо, предусмотрительно оставаясь за границей света. Он осторожно удалился от лодки с дозорными, лег на спину, широко раскинув руки. Отдохнув, Геро опять поплыл вдоль цепи, лишний раз убедившись во вреде поспешности, и чуть было не столкнулся с неслышно появившимся из темноты каким-то предметом. Геро едва успел отодвинуться в сторону, как мимо него, всего в двух локтях, осторожно проплыл человек, одной рукой держась за наполненный воздухом кожаный бурдюк, а другой тихо подгребая. О отец, как много узнал от тебя Геро! "Через реки хазары чаще всего переправляются на конях, но, запомни, если они хотят остаться незамеченными, они надувают бурдюк, складывают на него оружие и проплывают, держась за бурдюк, большие расстояния..." Об этом же способе переправы рассказывал и Рогай, добавляя, что особенно хорошо использовать бурдюк в разведке, когда надо переплыть водоем и обратиться в тыл.

Хазарин-разведчик не заметил Геро, потому что глядел не в темноту моря, а рассматривал вход в гавань. Видимо, он был послан проверить, как охраняется вход.

Геро с трудом вынул из разбухших в воде ножен нож, зажал его в зубах, и дождавшись, когда хазарин как можно дальше удалится от лодки, легко догнал его сзади. Нож вошел в обнаженную мокрую спину, как раз под левой лопаткой. Геро всей тяжестью тела налег на рукоять ножа, увлекая врага под воду. Хазарин, наверное, так и не успел понять, что произошло, он даже не вскрикнул, только вода булькнула, проглатывая тело убитого.

Дозорные в лодке зашевелились, схватились за луки, когда справа от них на освещенную воду, покачиваясь, выплыл бурдюк. Хорошо были видны привязанные сверху меч в ножнах, небольшой щит и тючок с одеждой. Один наложил стрелу, приподнялся, но второй схватил его за руку, торопливо шепнул:

- Остановись! Утонет... Меч мой!

Второй тоже шепотом возмутился:

- Почему твой?

- Я первый увидел...

- Ага! Если есть деньги - мои! Все остальное тоже мое!

Бурдюк остановился, чернея на блестящей глади. Дозорные шепотом переругивались, вцепившись в него взглядами, первый протянул весло, попытался достать - не смог. Второй выхватил у него весло, гребанул. Увлеченные, они не заметили, как неподалеку от лодки медленно проплыла торчащая из воды камышинка.

Западная часть неба уже стала малиновой, когда Геро выбрался на

берег. Ему пришлось некоторое время полежать на песке, чтобы отдышаться. Вокруг быстро светлело. Начали проступать из темноты заросли тамариска, оплетенные ежевикой. Геро поднялся и, шатаясь, побрел в город.

Вот могучий платан, вот калитка. А вот в дверях дома видна фигурка сидящей на порожке матери, ждущей сына. Во дворе пусто и тихо, разбросаны скамейки, валяются черепки горшков, сизым пеплом подернут очаг. Мама! Она сидит в черном платке, ветер шевелит выбившиеся из-под платка седые волосы. Мама, мама, неужели ты так быстро поседела? Но она спит, она не слышит его торопливых шагов.

- Мама! - Геро бросился к спящей. - Мама! Проснись! Это я пришел!

Он упал перед ней на колени, он осторожно тронул ее за плечо, чтобы не напугать. Но мать не пошевелилась. И почему-то на лбу ее ползала большая зеленая муха.

- Мама! Мама! Мама! - отчаянно закричал Геро, забыв, что его могут услышать стражи порядка. - Почему ты спишь?!

Муха взлетела, закружилась, жужжа. Мальчик попытался приподнять мать, голова ее бессильно упала на плечо сыну.

- Встань, мама, встань! - догадываясь и не веря, прошептал Геро и закричал иступленно: - Встань же, мама! - И прижался к коленям мертвой матери, и зарыдал.

Кто-то осторожно коснулся его плеча, потом настойчиво потрепал. Геро очнулся, поднял залитое слезами лицо.

Перед ним стоял славянин Микаэль.

31. ОХОТА ЗА ФИЛАНШАХОМ

- Геро! - прошептал Микаэль, испуганно оглядываясь. Седая борода его подрагивала. - Геро, тебя ищут! Сейчас сюда придут стражи порядка. Шахрабаз узнал, что вы сбежали из зиндана и убили дворецкого Мансура. Об этом мне только что рассказали в мастерской. Беги! Я сам похороню свою мать. Беги!

Но бежать было уже поздно. В начале глухого проулка, ведущего к дому, послышались грубые голоса, торопливые шаги, забряцало оружие.

- Лезь на платан, я задержу их, - прошептал старик и бросился к калитке.

Родной платан спас Геро. Скрыла мальчика густая листва, и ветви бережно поддерживали его, когда он, задыхаясь, карабкался по стволу.

Около калитки показались стражи порядка. Первый зацепился ножнами меча о качнувшуюся калитку, ругаясь, рванул ее, отбросил в проулок.

- Стойте! - закричал Микаэль, загораживая им путь. - Остановитесь! В этом доме мертвая женщина! Светоносный Ахурамазда накажет вас за кощунство!..

- Плевать мы хотели на твоего Ахурамазду! Мы - христиане! - грубо сказал первый и с силой оттолкнул старика. Микаэль упал. Стражи кинулись к дому, но возле дверей остановились, затоптались в нерешительности, и только грозный окрик старшего заставил их осторожно обойти мертвую женщину и войти в дом.

Микаэль попытался подняться, лицо его было в крови. Обернувшись к старшему, он громко кричал:

- Только не стреляй! Ради всего святого, только не стреляй! Ради твоей матери, ты погубишь себя!

- Что ты мелешь, старый, выживший из ума ишак! - в гневе заревел тот, стоя под платаном.

- Не стреляй, заклинаю тебя именем отца твоего!

- Замолчи! - неистово взревел потерявший терпение страж, шагнул к старику, ударил сапогом в грудь, опрокинул и тяжело зашагал к дому. Но оттуда уже выходили...

Старший страж отвернулся, прищурившись, оглядел двор, взгляд его скользнул по кроне платана. К своему счастью, он не увидел, как в крохотном просвете листвы замер нацеленный ему прямо в горло черный трехгранный наконечник стрелы.

Микаэль с трудом поднял голову, выплюнул кровь, опять закричал, стараясь обратить на себя внимание:

- Здесь никого нет! Я пришел похоронить эту женщину, а вы меня бьете! О горе! Большой грех вы берете на себя! Иисус был очень добрым человеком... Как вы поступаете, так вам и воздастся...

И тогда один из стражей нерешительно предложил, боязливо косясь на умершую:

- Надо бы помочь славянину в погребении. Это доброе дело, оно нам зачтется. А здесь больше делать нечего. Мальчишка сюда побоится вернуться...

- Ладно, - после короткого раздумья хмуро разрешил старший, - пусть это будет не по закону... но похороним по обычаю. Возьмите, что нужно для

погребения, отнесем ее на пустырь. Эй старик, ступай за нами! Да не вздумай притворяться, что тебе больно!

Тот страж, что предложил помочь в погребении, сбегал в дом, вернулся со свернутым белым льняным покрывалом, двумя небольшими кувшинами и куском сушеного мяса. Мать уложили на войлочную подстилку, снятую с дощатого помоста, завернули в нее.

Когда стражи и с трудом ковылявший за ними Микаэль ушли, Геро слез с дерева. Постоял возле порога с окаменевшим лицом. В руках держал лук с натянутой тетивой и стрелу. Кинжала в тайнике не оказалось. Его могла взять только Витилия. Геро уже не мог ни плакать, ни переживать, в сердце притупились все чувства, кроме ненависти. Он мог бы убить стража, но нельзя было рисковать. Сначала нужно отомстить Шахрабазу. Но чтобы отомстить, надо восстановить силы: там, на платане, Геро едва натянул тетиву на лук.

Мальчик прошел в дом. Здесь возле очага была потайная яма, в которой хранилось сухое зерно на черный день. Сверху яма прикрывалась прочной деревянной крышкой, а поверх крышки лежал толстый слой глины. Мать так часто и аккуратно промазывала пол в хижине свежей жидкой глиной, что яму невозможно было заметить.

Хижина была разграблена. Большой сундук, где хранилась одежда, валялся в углу. Вторая яма, откуда мать брала зерно на каждый день, зияла пустотой, войлок, завешивающий вход в комнату Витилии, шкуры, прикрывающие помост, оружие отца, чашки, кувшинчики - все исчезло. В потолке виднелась дыра в черном венчике из сажи, оттуда в комнату с жужжанием залетали большие зеленые мухи. Горько пахло золой разрушенного очага.

Геро окинул хижину запоминающим взглядом, вынул из набедренной повязки нож, счистил глину с потайной крышки, поднял ее. Яма была полна отборного зерна, сверху на зерне лежали обвернутые чистой тряпицей куски сушеного мяса, в углу виднелось горлышко кувшина с засоленным овечьим жиром.

В малиновом плаще, накинутом поверх кольчуги, выкованной славянином Микаэлем, в шлеме, украшенном белыми перьями, Шахрабаз терпеливо стоял на северной башне крепости. Он смотрел на огромный хазарский лагерь, отстоящий от города на пять-шесть полетов стрелы. Он ждал, скрывая волнение за непроницаемо-угрюмым выражением старческого лица.

Солнце уже поднялось, а хазарский лагерь за двойным рядом повозок только пробуждался. Долина хорошо просматривалась в утреннем чистом воздухе. В глубине ее, окруженный разноцветными палатками темников, блестел на солнце высокий шатер кагана. Возле потухших костров сонно бродили воины. От тысяч черных тел, вповалку спящих на расстеленных кошмах и подстилках, долина казалась черной. Лежали верблюды, надменно задрав головы. Дальние склоны предгорий были покрыты бесчисленным множеством пасущихся лошадей. Хазары не торопились с началом штурма. Под стенами города не было ни одного всадника, хотя с вечера возле рва хазары носились с пылающими факелами, гикая и перекликаясь. Они явно выжидали, и были отозваны от стен несомненно по высочайшему повелению самого Турксанфа. Не приходилось сомневаться, что Турксанф получил тайное послание Шахрабаза. Но игра слишком рискованная, и теперь благополучие филаншаха целиком зависит от благородства хазарского правителя. Унизится ли высокорожденный до обмана высокорожденного? Мучительная тревога за свою судьбу заполняла душу Шахрабаза, и под влиянием этой тревоги он в который раз уверял себя, что Турксанфу близки его думы о том, что процветание избранных - в их единении, что гибель множеств и множеств простых людей, разрушение городов, даже крушение империй не должно никоим образом отражаться на повелителях мира, ибо народы приходят и уходят, а избранные высшими силами, отмеченные божьей благодатью, остаются.

Тревожные восклицания дозорных отвлекли Шахрабаза от размышлений. Задумавшись, он и не заметил, как из прохода между повозками к крепости

выехали два рослых всадника и помчались вдоль противоположного края ущелья, огибающего крепостной холм с севера. Передний всадник размахивал желто-зеленым знаменем, на котором была изображена оскаленная волчья пасть.

- Наконец-то!

Шахрабаз облегченно вздохнул, выпрямился, выпятил под крепкой кольчугой грудь. Прежде чем Шахрабаз надел на себя эту кольчугу, ее испытали на прочность самые могучие лучники-персы в крепости, и ни одна стрела, выпущенная из дальнобойных луков на расстоянии ста шагов, не пробила ее.

Волчья пасть на желто-зеленом фоне - личный знак кагана Турксанфа. Рядом недоуменно переговаривались дозорные, не понимая, что за странные скачки устроили хазары перед крепостью. Филаншах презрительно улыбнулся, многого не знают эти глупцы! И не дано им знать!

Он величественно спустился со смотровой площадки. Внизу его ожидали телохранители, и один из них держал под уздцы белоснежного жеребца, нетерпеливо вздрагивающего сухой красивой головой. Жеребец скосил на подошедшего хазарина горячий влажный глаз и, круто выгибая атласную шею, пошел боком по тропинке, направляемый властной рукой седока.

Значит, сегодня к вечеру, а может и раньше, хазары доберутся до источников. Еще вчера Шахрабаз предусмотрительно велел отвести водовод от наполненного родниковой водой дворцового хранилища в лагерь беженцев из верхнего города. Возле дворцового хранилища стоит охрана. Если в лагере беженцев начнут умирать люди, значит, источники отравлены. Скорей всего, это случится завтра. Следовательно, завтра уже можно будет собрать военный совет и предложить сдать город ввиду безвыходности положения. И никто не сможет заподозрить филаншаха в предательстве. О том, что написано в письме, знают только два человека - Шахрабаз и Турксанф.

На площадке, где сжигали преступников, густо лежал серый пепел, прибитый дождем, а рядом с площадкой над низкой, обожженной огнем чахлой травой поднялся и расцвел пышный куст цикория. И два зеленых стебелька траурно склонились над пеплом. Свежо блестели голубые цветки, а распустившиеся утром бутоны, обрызганные росой, казались заплаканными детскими глазами. Шахрабаз, проезжая мимо, недовольно покосился на них, обернулся к сопровождающим, хотел крикнуть арабу Мансуру, чтобы вырвали куст, но вспомнил, что Мансур убит. Труп его обнаружили на склоне под западной стеной. Проклятье! Шахрабаз даже сплюнул через плечо. Сколько тревожных минут пришлось ему пережить, пока всадники не подали условный знак, что все в порядке, что рябой доставил письмо Турксанфу. Где же прячутся беглецы из зиндана? Скорей всего, ушли в горы. Как жаль, что он не приказал тогда бросить в костер щенка Мариона. Какими ненавидящими глазами смотрел мальчишка на филаншаха! Очень непредусмотрительно оставлять таких в живых.

Он подъехал к главным воротам, и охрана поспешно открыла их. На въезде в верхний город Шахрабаза встретил Уррумчи, начальник охраны Северной стены, и с гордостью принялся показывать, как основательно он подготовился к обороне.

Вдоль стены на высоких деревянных платформах стояли "журавли", два из них ошетинились клювами возле ворот. Теперь, с гордостью пояснил Уррумчи, если даже хазары и подвезут таран, "журавли" огромными бревнами разобьют его в щепки. Эту мысль много дней тому назад высказал Марион, но начальник умолчал об этом, и рассказывая, он представлял все так, будто поставить "журавли" напротив ворот догадался именно он. Недалеко от стен, на полозьях, приподнятых спереди, стояли метательные баллисты, возле них были сложены огромные, грубо обработанные округлые камни. В громадных закопченных котлах подогревалась, зловеще булькала черная смола, густой дым клубился над ними. Возле котлов суетились женщины, подростки. Они носили дрова, поддерживали огонь. Мужчины стояли на стенах. Людей было

такое множество, что у Шахрабаза зарябило в глазах. Казалось, весь нижний город вышел защищать стену верхнего города. Здесь были и старухи, и маленькие дети. И все провожали глазами медленно проезжающего мимо Шахрабаза с его свитой. Шахрабаз, надменно нахмурившись, старался смотреть

поверх голов, ему вдруг в каждом взоре стало чудиться нечто непонятное, пугающее, словно молча смотревшие люди догадывались о его мыслях.

Это были те самые простолюдины, которых в душе он всегда презирал. Это была та самая чернь, без которой он не мог обойтись.

Они с раннего утра до позднего вечера, не разгибаясь, работали на полях, виноградниках, строили жилища, пасли скот, ковали оружие, лепили горшки, трудились над украшениями, которые сами не носили, ловили рыбу, ткали, шили одежду. Платили налоги. Они надрывались, болели, слепли, умирали, они первыми погибали при защите города от стрел и ран, от голода. Их уводили в рабство. Оставшиеся в живых вновь отстраивали разрушенные жилища, возводили новые стены, плодили себе подобных. Их неиссякаемым трудолюбием креп город, процветала торговля, благоденствовали жители верхнего города, только благодаря им жил в роскоши сам Шахрабаз. Иногда он задавал себе вопрос: почему эти люди, живя в нищете, не перестают трудиться, платить налоги? Почему, когда их явно обманывают, они все-таки верят в справедливость? Что питает их надежды? Почему они защищают стены города, если их жизнь едва ли лучше жизни раба? И отвечал сам себе: они надеются на лучшее только лишь потому, что глупы и не умеют предвидеть. В размножении они находят радость, а платят налоги потому, что у них нет другого выхода. Но коль они глупы, доверчивы, если у них самые убогие радости, то они счастливее его, Шахрабаза, и им стоит защищать свою свободу, ибо в ее крохотных преимуществах скрыт воистину значительный смысл. И вот почему они достойны презрения!.. Впрочем, презрения достойны и раисы и шихваны, но последние нужны филаншаху, потому что, подобно цепным собакам, охраняют его власть. К счастью, ему скоро не понадобятся ни те, ни другие, ведь именно семьи раисов и шихванов первыми начнут пить отравленную хазарами воду. Шахрабаз свернул возле поперечной стены на дорогу, ведущую к Южным воротам, доехал до кузнечных мастерских и по переулку направился в нижний город. Уррумчи непрерывно говорил, всячески расхваливая оборону стены, а следовательно, и самого себя. Голос его вызывал раздражение. И когда филаншах проезжал со свитой возле одного из глухих грязных закоулков, вдруг тонко просвистела стрела, впилась в кольчугу филаншаха, в том месте, где она прикрывала шею. Пробив малиновый плащ, стрела застряла в кольчуге, выкованной лучшим оружейником города. Вслед за первой прилетела вторая, вонзилась в грудь лекаря Иехуды, опрокинула его, лекарь захрипел, бессильно шаря у себя на груди, где торчало оперение. Шахрабаз поднял скакуна на дыбы, ударил хвостатой плеткой, в концы которой для тяжести удара зашит свинец. Конь взвился и вихрем понес пригнувшегося седока к крепости. За ним помчалась свита. Телохранители оторопели, никто не уследил, откуда прилетели стрелы. Но тотчас же с гиканьем и свистом они рассыпались в поисках затаившегося злодея. Но где же было искать в этом ужасном лабиринте за множеством невысоких заборчиков, проулков, переулков, тесных дворишков? Преступник мог затаиться в любом из них. И воины усердно обшаривали каждый дворик, врываются в пустые дома, придумывая убедительные оправдания — что ответят они, когда, никого не обнаружив, вернутся в крепость? И приметив в одном из ближних дворов двух мирно беседующих стариков, они схватили их и увезли с собой, рассудив, что тем все равно уже терять нечего. И печально шумел им вслед непроницаемой для глаз листвою могучий платан, словно много повидавший умудренный человек смотрел с высоты своей мудрости на суету людей и печально покачивал зеленой головой. Когда телохранители филаншаха покинули нижний город, Геро слез с платана. Стрела из лука, изготовленного Микаэлем, не пробила кольчугу, им же выкованную. Он не стал заходить в разоренный дом. Вышел за ограду, поднял отброшенную стражем порядка калитку, поставил ее в проходе, подпер камнем. Едва ли он сюда еще вернется. А тот, кто, возможно, поселится здесь, будет знать, что хозяин, уходя, помнил о доме. Сейчас он разыщет Микаэля, узнает, где славянин похоронил мать, а потом... потом начнет охоту на

филаншаха. Кровь текла из запястья, падала в пыль проулка. Там, на платане, он прокусил себе руку, видя, как умчался филансах, живой и невредимый. Над двориками, мимо которых проходил Геро, поднимался дым, доносились запахи еды, слышались негромкие голоса. Но Геро никого не видел и не слышал. Он шел, глядя перед собой. Он не заметил, что мимо прошла пожилая женщина в темном платье, остановилась, скорбно покачав головой, окликнула: «Геро!»

— и, видя, что он не остановился, догнала его и сунула ему в руки теплую лепешку. Геро рассеянно взял лепешку, забыв поблагодарить, пошел дальше. Пробежала стайка мальчишек с узелками в руках, зашептались, увидев Геро, замедлили бег, с любопытством приглядываясь, испуганно вскрикнули, заметив невидяще устремленный на них взгляд, и бросились прочь, мелькая грязными пятками. Геро встретил Микаэля недалеко от оружейной мастерской. Он брел навстречу Геро, тяжело опираясь на заступ, как на посох. Микаэль сказал, что похоронил мать напротив третьей от Южных ворот башни, там, где начинаются заросли тамариска, положил с ней полотно, еду, кувшины, матери на том свете будет спокойно.

— Микаэль,

— сонно спросил Геро,

— Микаэль, зачем ты сделал такую прочную кольчугу Шахрабазу? Славянин внимательно взгляделся ему в лицо и покачал головой.

— Зачем ты сделал прочную кольчугу Шахрабазу?

— бесцветно и сонно пробормотал Геро.

— Сядем, Геро, я очень устал...

— Я спрашиваю, зачем ты сделал такую прочную кольчугу Шахрабазу?

— иступленно закричал Геро, схватив Микаэля за рукав рубахи, бешено затряс. Заступ упал. Старик покачнулся и начал медленно опускаться на землю. Геро опомнился только, когда увидел запекшуюся кровь на морщинистом лице старика, сжался, виновато уткнулся в рубаху Микаэля. Они присели под забором на землю, и только присели

— белый туман с тихим звоном закружился перед глазами Геро, и он уснул, привалившись к плечу старика, виновато держа его за рукав. Он проснулся потому, что солнечный луч больно и ярко скользнул по его глазам, и ему показалось, что над ним склонился черный человек и поднес к его глазам горящий факел. Непроницаемо густая темнота обволакивала его, только сверху, из крохотного отверстия, пробивался яркий солнечный луч, не рассеивая тьму, а вонзаясь в нее подобно сверкающему лезвию. Где он? Неужели еще в зиндане? А то, что было,

— было во сне? Он замер, ослепленный лучом. Но значит, ему приснилось, что мать умерла! Какой чудовищно жуткий сон! Сейчас он разбудит Рогая и Т-Мура... Геро лихорадочно пошарил вокруг. Куда девалась влажная вонючая солома, куда девались люди и почему так легко дышать? Геро лежал на топчане, под ним была мягкая овечья шкура. Нет, это не сон. Но где же лук и стрелы? Где Микаэль? Когда глаза привыкли к темноте, Геро различил деревянный стол, а на нем свой лук и колчан со стрелами. Нож оказался на табурете возле топчана. Он схватил его. Соскочил с топчана, взял лук и колчан и только тогда успокоился. На столе стоял небольшой кувшин, прикрытый лепешкой. Геро почувствовал голод, взял лепешку, откусил. Только услышав за стеной гулкие удары молота о наковальню, сообразил, что спал он в камерке Микаэля. И тогда все пережитое разом нахлынуло в память, тревожно и горько заныло сердце. Он, последний оставшийся в живых потомок великого воина Нишу, не смог сам похоронить мать, Витилию, оставил неотмщенным отца, он недостойн носить гордое имя лега, он заслужил только одно --презрение. Кусок застрял в горле. Прекратились удары молота, раздались усталые, шаркающие шаги, сплетенная из ивовых прутьев дверь отворилась. Вошел Микаэль. Длинная полотняная рубаха его была выпачкана в саже.

— Долго же ты спал,

— невесело заметил Микаэль, устало усаживаясь на табурет,

— со вчерашнего полудня...

— А сейчас что — утро, вечер?

— тревожно вскочил на ноги Геро.

— Ближе к вечеру, — ответил Микаэль, поглядев на солнечный луч, пробивающийся из крохотного отверстия в потолке.

— Мне надо идти...

— Куда?

— Мне надо идти.

— Поешь

— и пойдешь,

— Микаэль заметил не желание Геро объяснить, куда он собирается идти, — но сначала узнай новости, сядь на топчан,
— старик помолчал, вытер широкой ладонью лицо, продолжил:
— Геро, кто-то выдал хазарам источники, которые питают водой город. Я хочу спросить у тебя, мальчик, отец когда-нибудь говорил тебе, где находятся родники, в каком месте?
— Нет. Никогда. А разве он знал?
— Филаншах утверждает, что Марион знал. Шахрабаз объявил, что родники хазарам выдал ты.
— Я? — ошеломленно переспросил Геро. Появись здесь внезапно десять уеху, он не удивился бы так, как был поражен сейчас.
— Я? Но...
— Шахрабаз утверждает, что Марион, перед тем как его схватили, успел шепнуть тебе, где находятся источники, а ты, сбежав из зиндана вместе с Рогаем, отправился к кагану Турксанфу и сообщил ему, в каком месте родники. И что вы находитесь сейчас в хазарском лагере... Шахрабаз об этом тоже объявил...
— Но я
— здесь! Я никогда не был у кагана Турксанфа!.. Слушай, домисто Микаэль, Шахрабаз солгал! Он солгал, чтобы... чтобы... отомстить отцу! Он хотел отомстить отцу!..
— И оправдать себя. Об этом я догадываюсь... Но кто нам поверит? Слушай дальше. Те, кто сбежал с тобой из зиндана
— Рогай, Т-Мур, армянин, другие
— заметили в горах хазарский отряд...
— Вот видишь, Рогай не с хазарами!..
— воскликнул Геро.
— Да. Они сообщили пастухам-лезгам о появлении отряда, те окружили хазар в ущелье, забросали камнями. Много хазар сдалось в плен. Пленные рассказали, что они отправились разыскать источники и отравить их, мол, таково было повеление Турксанфа. А когда Т-Мур и несколько лезгов прискакали в город и сообщили об этом, филаншах велел схватить Т-Мура и посадить в зиндан и объявил о том, что я тебе сейчас рассказал...
— Оправдать себя... оправдать себя...
— медленно проговорил Геро, у него вызревала смутная догадка...
— Ты говоришь, домисто, что Шахрабаз хотел оправдать себя? Это он предатель!..
— И Геро торопливо расказал о случившемся с беглецами из зиндана, как они встретили дворецкого и человека, закутанного в плащ возле западной стены.
— Они прятались от стражи, значит, человек тот хотел уйти из крепости тайно...
— добавил он.
— Но ведь Мансур мог действовать и самостоятельно,
— выслушав, заметил Микаэль,
— хотя согля датаи филаншаха в городе объявили, что Мансур хотел помешать вашему побегу и за это вы его убили... Да, тут что-то не так!
— Шахрабаз предатель!
— убежденно воскликнул Геро. Микаэль недоверчиво покачал головой, вполне возможно, что в юноше говорит чувство мести. Быть плохим правителем
— еще не означает быть предателем. И тяжкий грех
— обвинить в предательстве безвинного человека. Но кто-то все же выдал родники хазарам. Конечно, Геро, Рогай здесь ни при чем, тем более что Рогай был неотлучно с Т-Муром до того, как они обнаружили скрытно пробирающийся в ущелье отряд хазар, которым уже было известно, где находятся пещеры. Народ в городе взбудоражен. Филаншах не показывается из крепости. Говорят, что в него стреляли из лука, но не пробили кольчугу... Микаэль хлопнул себя по лбу. Как он не сообразил? Ведь Геро кричал ему, зачем он сделал такую прочную кольчугу Шахрабазу! Неужели Геро стрелял? Задумавшись, Микаэль смотрел в пол и теперь поднял голову. Солнечный лучик в потолочном отверстии давно исчез. Каморка была погружена в темноту, но Микаэль различил возле себя топчан. Топчан был пуст. Где Геро? Микаэль торопливо вскочил, огляделся. Дверь была полуотворена. Не было ни лука, ни ножа, ни колчана. Убежал? И ничего не сказал! Куда? Зачем? Неужели он будет мстить филаншаху? Микаэль бросился к двери. В кузнице было пусто. Под навесом тоже никого не было. Уже сильно стемнело. На город от моря напал серый клубящийся туман, заполняя влажной прохладной изморосью проулки, окутывая пеленой хижин бедняцких магалов.
— Геро! Геро! Вернись!

— кричал старик.
— Будь осторожен, Геро!

32. СМЕРТЬ ШАХРАБАЗА

Геро в это время приближался к поперечной стене. Он слышал крики Микаэля, но не остановился. Надо было торопиться. Выбежав на дорогу, соединяющую Северные и Южные ворота, он заметил, как невдалеке, обнаженный по пояс, лохматый человек метнулся и исчез за большой грудой камней, приготовленных каменщиками для кладки стены. Человек явно скрывался от стражей порядка и в сгущающемся тумане, видимо, не разглядел, кто выбежал ему навстречу. Тот, кто скрывается от стражи, не может быть врагом Геро. Остановившись, он окликнул притаившегося за камнями человека. Тот, услышав голос, стремительно бросился к нему, приглушенно выкрикнув: Геро! Рогай! — обрадовался юноша. Они радостно обнялись, громко восклицая, забыв про осторожность. Не далее чем в двухстах шагах возле Северных ворот пылали огни, оттуда сквозь туман глухо доносились невнятные разговоры, выкрики. Воины и жители города будут всю ночь бодрствовать на стене. Хазары коварны, они могут пойти на штурм в любое время. Громкие голоса людей, спускавшихся по средней улице верхнего города к стоящим на дороге Геро и Рogaю, заставили их умолкнуть и спрятаться за камнями. Когда люди прошли, едва различимые в густом тумане, причем передний — высокий и хриплоголосый

— держал пылающий факел, направляясь к Северной стене, Рogaй шепотом поведал, что случилось за эти два дня с беглецами из зиндана, когда Геро ушел в город.

— ...Конечно, я связан кровью с теми, кого привел Турксанф под стены Дербента, но, Геро, я не чувствую вал ее зова,

— печальным голосом закончил свой рассказ Рogaй.

— Я люблю запах лошадиного пота, мне кружат голову ароматы степных трав, я и сейчас не могу забыть рук моей матери, дым очага зимней юрты, часто во сне вижу, как под ветром колышется серебристый ковыль и несутся в закатном свете золотогривые кони. Я бы все отдал, чтобы снова побывать в степи, но, Геро, ни матери, ни отца, ни друзей у меня уже нет среди родичей, а те, кто пришел сюда,

— всего лишь бездумные и безжалостные исполнители воли кагана. Что у меня с ними общего? Пусть я здесь был рабом! Пусть меня захватил в плен твой отец! Но не его вина, что я ломал тараном Северные ворота! Геро, твой отец

— первый кроме матери человек, который пожалел меня и делал для меня добро! Единственный кроме матери на всем свете! И я никогда не пойду про тив тех, кого он сейчас бы защищал. Поэтому я и вернулся к тебе и не оставлю никогда сына Мариона... Добро не забывают.

— А как же ты пробрался в город?

— спросил мальчик, прижавшись к плечу друга.

— Ведь ты не умеешь плавать.

— Со мной случилось странное,

— помолчал, ответил Рogaй,

— я подошел к берегу моря, надеясь разыскать хоть доску, держась за которую можно было бы проплыть в гавань, ничего не нашел, уже начинало светать, я отчаялся и хотел было зайти в воду и... и будь что будет. Но вдруг прямо на меня выплыла лодка, а в ней сидел человек в старом плаще, и этот человек сказал: «В челн, Рogaй, Геро ждет тебя!» День я прятался здесь, благо, строители ушли со стены, и хотел уже разыскать тебя, а ты... Куда ты сейчас направляешься?

— Мне нужно попасть в крепость!

— Сегодня днем по дороге проходило много людей, они говорили о Шахрабазе. Это ты стрелял вфиланшаха?

— Да. Но на нем была кольчуга.

— Как ты думаешь пробраться в крепость?

— С помощью Обадия. Рогай, надо торопиться...

— Разве Обадий, этот слезливый скряга, согласится помочь?

— недоуменно спросил Рогай, когда они торопливо шли вверх по безлюдной улице вдоль оград, из-за которых свешивались пышные ветви деревьев, и слышно было, как падали на каменистую землю кап ли влаги осевшего на деревьях тумана. Рогай спросил Геро, как равного по возрасту и уму, а совсем еще недавно он объяснял ему, как надо обтесывать камень, где лучше пасти овец, по каким приметам узнавать погоду на завтра. Мальчик ответил другу:

— Я заставлю его, Рогай, даже если он откажется. И в голосе его было столько уверенности, что хазарин не усомнился в том, что сын Мариона сделает то, что обещает. Проем поперечной стены, высота которой достигала десяти локтей, оказался закрыт воротами с висящим огромным замком. У Рогая был аркан, отнятый у пленных хазар, но его не за что было зацепить на гладком вершине стены. Геро вырвал из подмостей каменщиков крепление

— тонкое длинное бревно, прислонил к кладке, взобрался на стену, помог влезть Рогая, и по перекинутому внутрь бревну они и спустились. Так густо заволок улицу ночной влажный туман, что они на ощупь с трудом отыскивали узкую железную дверь под каменной аркой в заборе двора Обадия. Геро поднял с земли камень и с силой загрохотал им по двери. За забором яростно залились лаем две спущенные на ночь большие сторожевые собаки. Потом они умолкли и стали с шумом принюхиваться. Узнав Геро, псы жалобно заскулили. В доме раздались испуганные женские голоса, послышался тревожно охающий, визгливый зов Обадия:

— Дах-Гада! Ох, скорей, Дах-Гада!

— звал он. Геро, насторожившись, замер, опять с силой ударил в железную створку двери булыжником. Перекрывая лай собак, со двора раздался свирепый голос, хрипло проревевший:

— Эй, кто там колотит в дверь? Кто тревожит по кой добрых людей?

— Ох, Дах-Гада, выйди узнай, спусти собак

— пусть разорвут проклятого буяна!

— подвывал от две рей дома Обадий. Геро сжал цепкими пальцами руку Рогая и, когда тот вопросительно склонился к нему, шепнул:

— Рогай, это тот самый надсмотрщик, которому ты уронил камень на ногу,

— в голосе его слышалась радость,

— скорей подсади меня на забор! Рогай подставил руки, и через мгновение Геро уже сидел верхом на заборе с колчаном за спиной и луком в руке и кричал во двор:

— Дах-Гада! Обадий! Я принес вам хорошую новость! Очень хорошую новость! Дах-Гада, подойди по ближе, чтобы твои уши правильно услышали ее! Заинтересованный Дах-Гада подошел поближе, потому что Геро опять прокричал радостно-возбужденно:

— Вот она, новость! Лови ее, Дах-Гада! Тонко свистнула стрела, и слышно было, как во дворе грузно осело тело надсмотрщика. Он захрипел, в горле у него забулькало. Еще две стрелы просвистели одна за другой, и, коротко провизжав, смолкли собаки. Геро спрыгнул во двор.

— Что за новости, Дах-Гада? Ты хорошо расслышал? Кто передал их?

— кричал от дома Обадий. Лязгнули сброшенные засовы, распахнулись ворота. Рогай вбежал во двор, чуть не упал, споткнувшись о тело надсмотрщика с торчащей в горле стрелой. Одна из собак распласталась рядом с Дах-Гадой, вторая, жалобно поскуливая, отползала от ворот. Появились они перед Обадием внезапно, перекупщик только испуганно ойкнул, прижав к волосатой груди жирные руки. Геро внятно сказал:

— Слушай меня внимательно, Обадий! Я проткну тебя стрелой, как только замечу, что ты хочешь возразить мне! Ты понял, лживый клоп? Ступай вперед! Когда они поднялись на крыльцо, в глубине помещения послышались испуганные женские вскрики, торопливый шепот.

— Заставь их замолчать,

— велел Рогай.

— Замолчите, бесстыдницы,

— неожиданно спокойно сказал женщинам Обадий, проходя мимо. Видимо, он умел владеть собой в нужную минуту. Впрочем, другое было бы гораздо удивительнее, ибо лицедейство

— это расчет, а не трусость. В первом же покое, освещенном одним тусклым светильником, Обадий остановился, покосился на стрелу, вложенную в тетиву лука Геро, спросил:

— Что нужно от меня сыну Мариона? И второй раз Рогай поразился, услышав ответ юноши, который прозвучал так, словно был давно и тщательно обдуман, за ним угадывалось зрелое решение, достойное вождя. Но было ли у Геро время, чтобы обдумать? Едва ли...

— Еще раз слушай меня внимательно, Обадий. Я убью тебя, если у меня шевельнется подозрение, что ты попытаешься предать нас, но оставлю в живых и отпущу домой, как только мне и Рогая будет разрешен вход во дворец, и при этом нас не должны обыскивать стражи охраны Главных ворот и стражи дворца...

— Это невозможно!

— быстро сказал Обадий, но, заметив, как стрела нацелилась ему в горло, не раздумывая, согласился:

— Ну, хорошо, хорошо...

— И прикрыл горло обеими руками.

— Думай быстро и вслух!

— приказал Геро. И по особенной бесстрастности его голоса перекупщик понял, что сейчас не время притворяться.

— Единственный человек, который может пройти во дворец беспрепятственно и незамедлительно

— это Урсуф. Только он знает тайное слово,

— быстро заговорил Обадий.

— Но воспользоваться им он должен только в случае чрезвычайной важности, иначе сам может поплатиться головой.

— Может, его можно подкупить?

— спросил Рогай.

— Нет!

— вздохнул перекупщик.

— Это единственный человек в Верхнем городе, которого нельзя подкупить...

— Но он тебе друг, я видел, как он приходил к тебе в гости и вы весело проводили время...

— Для него доверие филаншаха важнее дружбы...

— Может, его можно испугать?

— И это невозможно!

— вдруг с ненавистью прошептал Обадий.

— Шахрабаз знал, кого выбрать в осведомители... Я думаю, я пока только думаю!

— вскрикнул он, заметив, как дрогнула стрела. От напряжения его толстое лицо опало, мелкие капли пота усеяли лоб, щеки, повисли на бровях, он боялся их вытереть и беспомощно моргал.

— Так, так,

— бормотал он, лишь бы не молчать,

— так, так... Только чрезвычайная важность сообщения может заставить Урсуфа от правиться к филаншаху. Надо придумать что-то такое, что покажется ему важным. Но

— что?..

— Может, тебе не известно, что Шахрабаз хочет сдать Дербент хазарам?

— проговорил Геро.

— Он даже тайно посылал вчера к Турксанфу, но я не знаю кого...

— Ах, он негодяй! Неслыханное предательство!

— возмутился Обадий.

— О амеша-спента, какие настали времена! Кому можно верить теперь?.. И смотрите, какой ловкий!.. Так, так... Это вы, значит, убили Мансура? А Шахрабаз распустил слух, что это вы выдали источники хазарам. Смотрите, какой ловкий! Захотел от себя отвести подозрения. Уж не рябого ли Игуду послал он к Турксанфу? Игуда жаден! Каков хитрец! О шесть просветленных, что творится в этом мире! Так, так... Но Игуду убьют: опасно оставлять такого человека... так, так! Источники хазары не захватили... Так он посылал рябого тайно?

— переспросил Обадий.

— В полночь его в ущелье спускал Мансур.

— Так, так, хазарам обязательно нужно. Гм, почему только им?.. Турксанфу тоже... Ага, без вестников в столь важном деле им не обойтись! Но персы не откроют Юго-западные ворота, а нижний город не пропустит вестника в Северные. Филаншах предусмотрителен, он может найти способ переправить человека к Турксанфу тайно, но у хазарского лазутчика единственная возможность попасть в город

— ворота гавани...

— Ты прав, Обадий,

— сказал Геро,

— я только сей час догадался, кого я убил у входа в нее...

— Ты убил лазутчика?

— быстро спросил перекупщик.

— Я убил хазарина, когда он плыл вдоль цепи на кожаном бурдюке, но я не знал, что это лазутчик!

— О Уркацилла, воистину ты помогаешь этому мальчишке!

— воскликнул Обадий, и лицо его просияло.

— Мальчик, радуйся! Я выполню твою просьбу! Но, поклянись, что я останусь жив, когда...

— Объясни нам вначале, как ты собираешься уговорить Урсуфа?

— Его не нужно уговаривать! Или я глупец, или хазарин плыл к Урсуфу, потому что он единственный, кто...

— Клянусь Уркациллой, я не убью тебя, когда пройдем в ворота! Но что бы Рогою сойти за хазарского лазутчика?..

— Какой ты умный!

— восхищенно произнес Обадий.

— О, если бы у меня был такой сын!

— Он всхлипнул, вытер глаза, добавил на всякий случай:

— Я верю и в твою честность, Рогой! Я дам тебе самую лучшую одежду тюркского воина! Не простого воина, а сотника, то есть совсем целую! А Геро дам плащ...

— Торопись, Обадий, мы должны быть там сейчас...

— Да, да! Надо торопиться,

— перекупщик засуетился, схватил с лавки плащ, накинул, запыхтел, склонившись, разыскивая сандалии.

— Но прежде скажи, Рогой, Урсуф знает тебя?

— Едва ли,

— нерешительно ответил хазарин,

— в Дербенте много рабов-тюрок, а мы для вас, знатных, все на одно лицо...

— Так, так, если Геро вчера убил вестника Турксанфа, значит, Шахрабаз сегодня крайне зол,

— быстро соображал Обадий, застегивая пряжки сандалий,

— да, надо торопиться...

— Ему нельзя было отказать в сообразительности. Правда, он и Геро ошибались, но совсем немного. Шахрабаз метался по большому залу дворца в ярости и отчаянии. За разноцветными, тусклыми сейчас стеклами чернела ночь. О аллах, Христос-Пантокра-трр, Агуро-Мазда, Яхве, почему вы не поможете Шах-рабазу? Город взбунтовался и перестал подчиняться распоряжениям филаншаха, горожане вопреки воле Шахрабаза послали в горы сильный отряд воинов для охраны источников, а когда начальник Южных ворот попытался остановить их, они убили его и сами открыли ворота. Что теперь предпримет Турксанф, узнав о неудаче с родниками? В письме к Турксанфу Шахрабаз сообщил, что лазутчик от кагана может пробраться в город через гавань, когда над морем стоит туман. Вчера Турксанф едва ли решился послать вестника филаншаху, но сегодня пошлет непременно. Урсуф уже ждет его. А если лазутчик не явится? О, всевышний, какое трудное время. Телохранители не нашли тех, кто покушался на жизнь Шахрабаза! Теперь самое благоразумное

— оставаться во дворце. Что же теперь предпринять, как станут разворачиваться события дальше? Турксанф непременно потребует объяснений. Сообщать ли ему о том, что славянин Микаэль возглавил оборону Нижнего города? Ужасные дни! Остается одно

— сдать крепость! Если бы не письмо к Турксанфу, если бы не бунт в городе, то можно было бы попытаться отбить нападение хазар, отсидеться до подхода персов. Но теперь поздно. Нельзя вести двойную игру без ущерба для самого себя. Но для того чтобы известить Турксанфа о сдаче крепости, нужно послать к нему человека. Надо все спокойно обдумать. Надо найти выход. Не может быть, чтобы его подвела собственная предусмотрительность. Хотя то, что хазары наткнулись на беглецов из зиндана,

— это только случай. Его просто невозможно было предусмотреть. Если Турксанф узнает, что произошло в ущелье с посланным отрядом, он должен понять, что в том вины Шахрабаза нет. Несомненно, что каган пошлет в горы новый отряд. Но дело в том, что численность отряда, пусть даже он будет вдвое

— вчетверо больший, там, среди ущелий и скал, не будет иметь особого значения. В горах один защитник стоит пяти-шести нападающих. Захватит или не захватит Турксанф источники? В любом случае он задержится под городом гораздо дольше, чем рассчитывал, а следовательно, заслуга Шахрабаза перед каганом будет с каждым днем уменьшаться. А если Турксанф не подспеет па помощь Ираклию и тот останется один на один со всеми силами персов? Протоспафарий Кирилл не сказал, какими силами высадились византийцы на побережье Понта, но в любом случае они будут воевать на чужой, враждебной земле. Следовательно, возможность победить у персов гораздо большая, чем проиграть. А если персы победят, а город и крепость будут защищаться, то они успеют на помощь Шахрабазу, и тогда Шахрабаз будет прославлен. Прославлен, если бы не письмо. Турксанф в случае поражения все сделает, чтобы о письме Шахрабаза к нему узнали персы. Тогда персы поймут, что правитель Дербента вел двойную игру. О Иисус-Пантократор, сделай так, чтобы победа христиан-византийцев была и победой христианина Шахрабаза! О светоносный Ахурамазда, будь милостив к своему поклоннику и преврати победу персов в его победу! Шахрабаз надеется па твою помощь. Он человек и не может всего предусмотреть. Шахрабаз переходил от отчаяния к надежде, от надежды к отчаянию, но ясно было одно: поражение хазар

— поражение Шахрабаза. Написав письмо, он отрезал себе все пути, кроме одного: способствовать победе хазар. Надо сдать крепость. Ночью открыть Юго-западные ворота, и тогда гарнизон крепости обречен. Сдачей города Шахрабаз отомстит персам за свою бесцветную зрелость, албанам

— за непокорство, горожанам

— за бунт. Воистину судьба благосклонна к тем, кто молится четырем богам сразу. Не успел Шахрабаз решить, кого послать к Турксанфу, как в дверях появился начальник охраны дворца

— без шлема, с заспанным лицом

— и сообщил, что Гаврат разрешил впустить через Главные ворота Урсуфа, произнесшего тайное слово: «Во имя четырех!» Однажды Шахрабаз объяснил Гав-рату, что означает «Во имя четырех!»: во имя воды, огня, ветра и земли

— то есть во имя амаша-спента, что равносильно: во имя благоденствия Великой Персии! Значит, случилось нечто чрезвычайно важное. Сердце филаншаха бешено заколотилось, мелькнула радостная догадка

— прибыл посланец Турксанфа. Шахрабаз гневно вскинулся

— разве начальник охраны не знает, как в этом случае поступать, но преданный Урсуф уже выглядывал из-за широкого плеча воина, блестя смысленными глазками из-под надвинутого войлочного колпака. Стражи порядка Дербента были предупреждены, что, если случится что-нибудь с Урсу-фом, все они будут разжалованы, а их имущество конфисковано. Шахрабаз нетерпеливо прошел из зала по коридору в потайную комнату, сел в витое креслице, хлопнул ладонью по столу. Урсуф подскочил к нему, начальник охраны попятился в дверь.

— Мой господин,

— произнес изрядно запыхавшийся Урсуф,

— согласно высочайшему...

— Дело!

— потребовал Шахрабаз.

— Только что ко мне явились: Обадий и с ним двое...

— Кто?

— Один

— хазарин! О Иисус-Пантократор! Будь милостив! Сейчас все выяснится.

— Ты уверен, что хазарин? Впервые, пожалуй, за все время своего соглядатайства Урсуф позволил себе осторожно ухмыльнуться.

— О господин, да от него за целый фарсах пахнет овчиной и потом! Держится он очень надменно. Второй

— юноша...

— Почему юноша?

— Этого я не знаю господин,

— растерялся Урсуф.

— Хазарин очень зол, ведет себя так, как будто его смертельно оскорбили. Два раза ударил меня плеткой...

— За что?

— Сказал, чтобы я не задавал глупых вопросов и немедленно вел его к филаншаху, иначе, мол...

— соглядатай замялся.

— Что иначе?

— Иначе, мол, Шахрабаз по-по-по... Прости меня, господин, но я не могу выговорить этого слова.

— Пожалееет?..

— Нет, господин, по-по-по...

— Погибнет? Урсуф кивнул, добавил:

— Он сказал, что завтра о пре... словом, узнает весь город, в том числе и персы. О вашем поступке!.. Шахрабаз выдержал удар, как ни был он чудовищен. Дворцовая охрана

— преданные ему/ албаны. Уйти с ними в горы? В свое время от Александра Двурогого убежал Дарий, от римлян

— Митридат ГТонтий-ский. Что с ними стало? Одного убили разбойники, второй

— отравился. Если о его предательстве завтра узнает город, через несколько дней узнают и в горах, а горцы не прощают предательства. Что делать? Во-первых, держаться теперь только хазар, во-вторых, не отпускать от себя посланца до тех пор, пока... а может, его убить? Нет

— убийство явится вызовом и ускорит падение Шахрабаза. Написать письмо кагану, умиловать его посланца и как можно скорей отправить его через ущелье обратно, чтобы он к утру успел к Турксанфу.

— Хазарин разговаривает по-албански?

— отрывисто спросил Шахрабаз

— Нет, господин, с трудом произносит несколько слов. Юноша говорит чисто.

— Албан?

— Мне так показалось. Смутное подозрение мелькнуло у Шахрабаза, но тут же угасло под ворохом очевидного. Но на всякий случай он спросил:

— Как они проникли в город?

— Приплыли на бурдюках.

— Как проникли в гавань?

— На море густой туман, господин, в двух шагах ничего не видно.

— Почему они пришли к Обадию, а не к тебе?

— Обадий объяснил, что теперь он и мы... то есть я

— сообщники. С каганом он был связан раньше, и в доказательство, что Турксанф ему доверяет теперь больше, хазарин явился к нему. Ох, меняла, ох, перекупщик! Вот у кого надо поучиться, как вести дела! Столько лет живет в Дербенте, и ни у кого даже подозрения не мелькнуло! Но почему второй

— юноша? Что, у Турксанфа, приведшего под Дербент стотысячное войско, не нашлось кого послать? всю жизнь Шахрабаз доверял только своему уму и своей сообразительности, и сейчас он мгновенно понял, что Турксанф хитер, словно лиса. Албан несомненно проводник! Умен каган, умен высокорожденный! Хазарин смело может идти по городу с албаном, и ни в ком не проснется подозрение: в Дербенте много рабов-тюрок, и самое обычное дело

— раб следует со своим хозяином. Хазарин ведет себя, как будто смертельно оскорблен? Что поделаешь, у кагана есть все основания для обиды. Шахрабаз сорвал с пальца золотой перстень с вправленным в него алым гранатом, протянул Урсуфу:

— Сейчас же передай перстень хазарину! Рассыпайся перед ним в любезностях, ни в коем случае не обыскивать! Стражу на это время от дверей дворца убрать! Проведешь хазарина с проводником сюда! И чтобы ни одна живая душа не узнала кто они...

— И, вспомнив о рябом слуге, на всякий случай пояснил:

— Пока я не решу, что с ними делать! Потом вели начальнику дворцовой охраны приготовить длинную веревку. Нет, две!

— сообразил он.

— Пусть ждет с не сколькими воинами. Ступай!

— Но, господин, у этих людей есть оружие...

— заикнулся было Урсуф.

— Я сказал: не обыскивать!

— Шахрабаз гневно взмахнул рукой. Нелепая предосторожность только усилит обиду хазарина, а предположение, что Турксанф послал этих двоих, чтобы убить филаншаха,

— верх глупости. Тогда сколько ни объявляй он, что Шахрабаз

— предатель, никто ему не поверит, и оборона го рода только усилится. Разве это не ясно? Рогай не спеша нацепил на палец подарок Шахрабаза, полюбовался на него в свете факела, проворчал покорно согнувшемуся Урсуфу, снисходительно похлопав его по плечу:

— Карош игруш. Веды к хозяин. Геро, прошуршав грубым плащом, сказал из глубины капюшона:

— Иди домой, Обадий, помни о своей драгоценной жизни! Обадий не пошел домой, он побежал. Побежал легко и неожиданно быстро для столь тучного тела

— помчался вниз по слабо видневшейся дороге, стремясь скорей окунуться в туман, белевший у подножия холма, подобно разлившемуся молочному морю, поняв, что самое большее через пять «нагаров светильника» во дворце поднимется тревога

— и его тоже станут искать. Обадий торопился скрыться из города. Рогай подождал, пока меняла исчез в тумане, и только тогда с достоинством вошел в ворота. Шахрабаз ждал их в той самой крохотной келье, в которой не так давно принимал Кирилла. Но дажетот не вел себя столь надменно, как посланник Турксан-фа. Он молча остановился посредине кельи, не поклонился, сбросил с головы капюшон и дерзко уставился на замершего в кресле правителя Дербента. Позади него тенью застыл укутанный в черный плащ юноша. То, что перед ним хазарин и что этот хазарин по чину

— сотник, Шахрабаз понял, как только взглянул на вошедшего. Широкоскулый, с темно-смуглой кожей, грубыми черными прямыми волосами, с манерами неуклюжего степняка. Турксанф, посылая к Шахра-базу этого дикаря, дал понять, что крайне разгневан, но простой десятник слишком туп, чтобы правильно изложить мысль, а тысячник

— слишком большая честь сейчас для правителя Дербента. Шахрабаз внутренне напрягся. Еще не все потеряно.

— Каган Турксанф передать Шахрабаз: мой раз говаривать только глаз на еще один глаз!

— простуженно-сиплым голосом на албанском языке проговорил хазарский сотник. Шахрабаз поспешно, даже слишком поспешно, что машинально отметил он сам, махнул рукой. Пятясь, вышли в узкий темный коридор два телохранителя, толмач, слуга, заменивший исчезнувшего рябого. Спутник хазарина тоже попятился вслед за ними, но остановился в дверном проеме, потом кивком дал понять, что албаньг отошли достаточно далеко. Тогда хазарин сказал:

— Каган Турксанф спрашивать Шахрабаз: как получился гибель отряд у родника? Кто сказать горным пастух, как мы идем захватить вода? Я слушать и передать!

— Передай моему дорогому брату Турксанфу, что это вышло совершенно случайно. Ночью из зиндана сбежали...

— Шахрабаз замолчал, заметив, что хазарин вытащил из-под плаща свернутый кожаный пояс с кармашками, в каждом кармашке блеснуло в свете бронзового светильника узкое лезвие. «Метательные ножи!»

— догадался Шахрабаз, холодея от ужасного предчувствия. Почему этого хазарина не обыскала охрана?

— ...сбежали преступники. Они и... эй, стра!..

— Приподнявшийся в кресле Шахрабаз осекся, потому что хазарин взмахнул рукой

— и в полураскрытой ладони появился стальной блестящий клинок. Старик понял, что он не успеет позвать телохранителей. Шахрабаз грузно осел, бледнея, вжался в кресло. И этого он не предусмотрел!

— Это мы сбежали из зиндана и знай, что мы готовы ко всему,

— прошептал хазарин. Прошел страх. Ярость заклокотала в душе Шахра-база. Подлая низкая чернь! Осмелились проникнуть во дворец, обманув охрану и самого филаншаха! Надеются запугать его! А этот мальчишка в дверях, вытащивший из-под плаща лук, несомненно щенок Мариона. Это месть. Пока лучшее

— выждать. Они не собираются его сейчас убивать. Иначе они не выйдут из дворца. Значит, насколько он в их власти, настолько и они в его.

— У кого ключи от ворот, ведущих в ущелье?

— спросил хазарин.

— У начальника охраны Главного входа,

— спокойно и насмешливо ответил Шахрабаз,

— они вам нужны? Я велю принести их,

— филаншах встал, потянулся к бронзовому колокольцу, лежащему на столе, и мельком заметил растерянность в глазах хазарина. Глупцы с неповоротливыми мозгами, они сейчас будут думать, как им поступить, чернь есть чернь, а тем временем звон колокольца поднимет на ноги и насторожит всех, кто отвечает за безопасность филаншаха. Он даже не почувствовал боли, он даже не успел удивиться, когда что-то тупо ударило в ладонь его протянутой руки, он опустил, недоумеая, глаза и увидел стрелу с трехгранным наконечником, пронзившую ладонь. Он поднял глаза на юношу, тот вкладывал новую стрелу с непроницаемо-спокойным лицом.

— Не надо спешить, Шахрабаз!

— так же насмешливо заметил хазарин.

— Пока прибежит стража. Геро успеет превратить тебя в колючего ежика.

— Я дам вам золота, много... монет, колец, перстней... выпущу вас через главные ворота,

— быстро проговорил Шахрабаз, косясь на пробитую руку, с которой медленно закапала кровь... Его вновь начал охватывать страх.

— Я помню твои пять золотых динариев, Шахрабаз!

— проговорил Геро, и мгновенный острый блеск его полуприкрытых глаз выдал ненависть.

— Ты же здесь был рабом!

— филаншах, чувствуя, как немеет ладонь, с отчаянием протянул руку с торчащей стрелой к хазарину.

— Вынь стрелу, перевяжи мне руку, мы вместе уйдем к хазарам! Ты станешь свободным! Богатым! А город, а крепость?

— спросил тот, как бы колеблясь. Да-да, ты отомстишь!

— воскликнул Шахрабаз.

— Я сдам их Турксанфу, твои братья ворвутся в Дербент! И тогда ты отомстишь всем, кто мучил тебя, о как сладка месть!.. Я сейчас позову слугу, и ты скажешь ему, чтобы открыли ворота, ведущие в ущелье, и чтобы ни на крыльце, ни на дороге не было охраны... Мы уйдем через эти ворота втроем... Но если слуга что-либо заподозрит...

— Рогай выразительно взмахнул рукой с зажатым ножом. Но вытащите стрелу и перевяжите мне руку!

— быстро возразил Шахрабаз,

— иначе он заметит рану... Они следили за каждым его движением, за каждым взглядом и каждым словом, и филаншах с тоской подумал, что, если бы слуга не был так исполнительен, он мог бы все понять, но слуга ждал только его приказаний и не видел, как вслед за движениями повелителя, полуприкрытая полой плаща, поворачивается стрела с трехгранным наконечником. Вот горькие для правителя плоды рабской слепой покорности! Они втроем вышли на крыльцо, Шахрабаз впереди, Рогай и Геро

— отступя на два шага, и Шахрабаз, спускаясь по мраморным ступенькам, слышал шагах в двадцати, слева, где темнел главный вход, приглушенные голоса воинов охраны, терпеливо ожидающих, когда Шахрабаз уйдет по дороге к воротам, ведущим в ущелье. Никто из них не подумал, что правитель Дербента может приказывать не по своей воле. Если бы можно было вырвать себе язык, Шахрабаз вырвал бы его. А Геро, неотступно следуя за филаншахом, так и не увидел, каким радостным блеском, какими искрящимися разноцветными переливами горели глаза диковинных рыб и зверей на дверях и стенах дворца. Он просто забыл про рыб и зверей с глазами из драгоценных камней. Это была та самая дорога, по которой страж порядка тащил связанного Геро и по которой воины-персы вели на казнь богатыря Мариона. Сейчас Геро и Рогай вели по ней филаншаха. Над их головами недвижным пологом чернела листва акаций, и ночь без неба и звезд была особенно мрачной и зловеще тихой. Впереди смутно белела полотняная туника Шахрабаза. До площадки, на которой сожгли Мариона, оставалось десятка три шагов. И только когда они поднялись на плоскую вершину холма, Шахрабаз понял, куда ведут его хазарин и мальчик. С вершины дорога спускалась к площадке. Слева чернел обрыв, из которого торчали густые сплетения кизилых ветвей. Вдруг в ночи раздался отдаленный глухой крик, а может быть, зов, он донесся со стороны южной горы:

— Уе-ху-у! Уе-ху-у! Шахрабаз, быстро оглянувшись, заметил, как на мгновение приостановились и повернулись на крик хазарин и мальчик. И тогда он прыгнул влево, под обрыв. Может, Шахрабаз и спасся бы. Ему оставалось только пробежать краем площадки и нырнуть в густые заросли тамариска. Но перед ним встал черный куст цикория, будто черный человек с раскинутыми руками.

33. ОСАЖДЕННЫЕ

Ближе к полудню следующего дня после появления под Дербентом хазары начали выезжать из лагеря, заполняя густыми конными толпами степь. Защитники приготовились к штурму, ожидая когда вся эта чернеющая в отдалении конная орда, разворачиваясь, лавой хлынет к городу. Но хазары не трогались с места. Только сотня удальцов, отделившись, помчалась к северной стене, медленно проехала вдоль вала, оценивающе присматриваясь ко рву, воротам, башне, и ускакала назад. Потом вынеслась другая сотня. Так продолжалось до вечера. И весь день осажденные простояли у бойниц, весь день кипела смола в котлах и были натянуты метательные канаты на камнеметах. К вечеру хазары вернулись в лагерь. А степь там, где они толпились, стала черной, словно ее перепахали. Этим вечером хазары не разожгли костров. Ночью из темного лагеря донесся глухой шум, ржание коней, крики. И вдруг ночная мгла от моря до гор разом озарилась тысячами пылающих факелов. Вздогнула земля от тяжелого топота скачущей конницы, дикие взвизги коней смешались с громовым воинственным ревом: «Арр-ха!. Арр-ха!» И в колеблющемся свете факелов, мелькании черных всадников чудовищно великий хазарский вал покатился к городу. Но отхлынул. Так повторилось за ночь еще два раза. Защитники спали урывками на стене или на земле возле котлов. А утром разнесся слух, что ночью неизвестные злоумышленники хитростью проникли во дворец и отрубили голову Шахрабазу Урнайру. Надвинув на глаза лохматую шапку, Уррумчи в угрюмой растерянности прохаживался по стене над Северными воротами. Еще один гонец умчался в Ширван, но уже с известием о смерти филаншаха. Много воды утечет из горных родников, прежде чем он вернется. Да и вернется ли? Теперь неизвестно, кто будет править в Дербенте: новый филаншах, назначенный Ездигертом, или тудуп, поставленный каганом Турксанфом. Но кто бы ни был правителем, в любом случае ему понадобятся шихваны. Но сейчас уже ясно одно — Албания настолько слаба, что ей уже не восстановить былой независимости. Хазария и Персия будут драться из-за нее, словно две собаки из-за брошенной кости. Этого не избежать, а потому смешно даже спрашивать, кто более ценен албану Уррумчи: персы или хазары. Провались и те и другие в самую глубокую пропасть вместе со своими богами! Но если победят хазары, обязательно найдется человек, который донесет им, что руководил обороной северной стены шихван Уррумчи, и тогда шихвану, сыну шихвана несдобровать. Со смертью филаншаха рухнул порядок, казавшийся незыблемым. Персы заперлись в крепости, объявив, что они не окажут помощи гнусным изменникам и убийцам, а знатные и стражи порядка закрыли ворота поперечной стены, предоставив жителям нижнего города возможность защищаться самим, и Уррумчи проклял тот день, когда, позавидовав Бусснару, добился, чтобы филаншах назначил его начальником охраны Северных ворот. Знатные, предоставив черни свободу, остались в выигрыше: если хазары штурмом возьмут нижний город, знатные откроют им ворота, если осада затянется надолго, они выйдут и помогут осажденным. Но последнее маловероятно, ибо хазары наверняка захватят разьединенный Дербент. Надо найти способ с достоинством, «не потеряв лица», удалиться в верхний город. Вокруг одинокого Уррумчи люди деятельно готовились к обороне: мудрец Хармас, привычно бормоча, тащил на стену связку метательных дротиков, изготовленных за ночь оружейниками, чернобородый Ишбан проворачивал ворот «журавля», объясняя толпившимся возле ессеям-земледельцам, как тот работает, седой Микаэль окликнул Хармаса:

— Мудрец, я говорил тебе, что твое место не на стене!

— Когда Хармас, скинув дротики, подошел к нему, Микаэль спросил:

— Почему ты не объяснил оружейникам, как изготавливать луки с натяжным устройством?

— Не решился. Дело в том...

— Хармас замялся, переступил босыми ногами.

— Дело в том, Микаэль, что сегодня я размышлял о будущем... Уррумчи, насторожившись, приблизился к ним, ибо, хоть он и считал Хармаса болтуном, а его мысли никчемными, но сегодня заносчивость может сыграть плохую шутку с шихваном, сыном шихвала, при всей своей надменности вовсе не желающим уподобиться слепому буйволу, во всю прыть несущемуся к пропасти.

— ...И поэтому говорю,

— продолжил Хармас,

— я никогда и никому не стану объяснять, как изготавливать подобные луки!..

— Да ты в своем уме?

— ошеломленно воскликнул Микаэль.

— Подумай, о чем ты говоришь! Ах, если бы ты явился в Дербент раньше, и плотники бы успели изготовить по твоим чертежам не пять «журавлей», а пятнадцать, двадцать или больше, мы могли тогда легко отбить нападение хазар! Так разве твои изобретения не нужны твоему народу?

— Но лук с натяжным устройством может оказаться полезен и врагам.

— А «журавли», разве они не равно полезны албанам и хазарам?

— «Журавли» нельзя применить для нападения,

— робко возразил Хармас.

— Ах, вот в чем дело!

— яростно перебил его Микаэль.

— Слушай, тот, кого называют мудрецом! Ты же не считаешь, что только ты способен придумать новое оружие? Ведь подобный тебе может появиться и у хазар! И опередить тебя! Ты подумал об этом? Ты подумал, что будет тогда с твоим народом? Иди и смотри!

— Микаэль схватил Хармаса за рукав рубахи и с силой протащил его к краю стены. Отсюда был виден весь нижний город: закопченные мастерские, переулки, хижины, огороды, дворики... и везде были люди, они копошились, брели, суетились, беседовали, молились, плакали, смеялись, ссорились

— их можно было презирать, любить, ненавидеть, называть чернью, быдлом или равными богам, считать глупцами или творцами, обманывать их, злоумышлять против них или делать им добро, но единственно неоспоримой истиной во веки веков, пока жив хоть один человек, было то, что каждый надеялся на лучшее, мечтал о счастье.

— ...Хорошо, если завтра половина из них останется в живых!

— кричал Микаэль, и многие внизу, слышав его голос, поднимали головы, улыбались, махали приветливо руками.

— Погибнут мужчины, женщины, дети, погибнет будущее, во имя которого ты отказываешь этим людям в помощи!.. Ты подумал об этом?

— О, как хочется, чтобы меня поняли правильно,

— умоляюще говорил Хармас.

— Пойми: судьба отдельного человека или даже отдельного народа

— ничто по сравнению с судьбой человечества! Мириады и мириады людей, тысячи и тысячи народов канули в Лету и никогда не воскреснут! Уйдем скоро за ту черту и мы с тобой, уйдут и албаны, и хазары

— и выветрится память о нас... Кто через тысячу лет вспомнит о тебе и обо мне

— что мы стояли у шестого забрала справа от Северных ворот,

— Хармас топнул босой ногой, показывая

— здесь!

— и ты уговаривал меня во имя блага албан забыть о благе для всех. Уррумчи плюнул, презрительно скривившись, и отошел подальше от болтунов. О Агуро-Мазда, их беспокоит бесконечность пути человечества! Ха-ха! Шихвана, сына шихвана беспокоит единственно благополучие и протяженность его собственного пути! В противном случае зачем он вообще появился на свет? Чтобы свою судьбу уподобить участи муравья? Тогда зачем всевышним вложены в его душу страсти, а в разум хитрость

— то, чего нет у муравьев? В это время люди возле шихвана продолжали заниматься делами. Длинноволосый силач Маджуд расставлял воинов у бойниц, а у стены суетились возле костров женщины, подростки, подкладывая хворост, и черный дым густо поднимался в утреннее чистое небо. И никто не обращался к угрюмому Уррумчи, словно его и не было. Распоряжался на стене седобородый Микаэль. Как часто бывает в тревожное время, народ, лишенный предводителя или не доверяющий ему, сам избирает вождя

— безошибочно вверяя судьбу наиболее достойному. Микаэль распределил людей на десятки и сотни, назначил каждой сотне участок для обороны, послал отряд для охраны родников, выделил

резерв из двухсот отборных воинов, разместив его возле поперечной стены. Уррумчи, исподлобья наблюдая, видел, как к славянину подошел тощий Шакрух в жалких войлочных доспехах, волоча огромный меч, и сказал:

— Микаэль, нам не хватает копий, щитов, у многих нет луков, а городские склады ломятся от припасов. Знатные заперлись и не дали из складов ни единой стрелы...

— Мат.жуд!

— окликнул Микаэль дарга и, когда тот приблизился, велел:

— Иди к воротам поперечной стены и объяви знатным: если они не выдадут все, что нужно сотне Шакруха, воины резерва взломают ворота!..

— Микаэль! Мика-эль!

— позвала предводителя снизу пожилая женщина из рода даргов.

— Нам нужно чистое льняное полотно для перевязки воинов! Женщины принесли из домов, но его мало!..

— Маджуд, вели хозяину караван-сарая отпустить несколько кусков льняного полотна!

— крикнул Микаэль вдогонку удаляющемуся Маджуду. В это время к славянину приблизились двое. Уррумчи не поверил своим глазам: к Микаэлю подошли хазарин Рогай и сын проклятого Мариона, кудрявый Геро. Ведь только сегодня перс Гаврат велел схватить перекупщика Обадия, утверждая, что тот

— пособник убийц. Но Обадий исчез из города. Его перепуганные жены заявили, что поздно ночью в дом ворвались хазарин Рогай и сын Мариона Геро, убили надсмотрщика Дах-Гаду и увели Обадия с собой. Значит, раб и Геро убили не только надсмотрщика, но и Шахрабаза Урнайра! Изменники! Вот, вот кто виноват в несчастьях шихвана Уррумчи! О небо! И они еще осмелились явиться на стену! Наверное, для того, чтобы подговорить народ сдать нижний город сородичам проклятого раба Рогая! Их надо немедленно схватить и выдать знатным в верхнем городе. Уррумчи гневно шагнул к изменникам. Но дорогу ему преградил запыхавшийся изможденный человек с обнаженным мечом в руке.

— Я искал тебя и Обадия, но нашел только тебя!

— задыхаясь, проговорил он.

— Ты помнишь меня, ших- ван? Я Виста, сын брадобрея Вишну...

— Что нужно сыну брадобрея?

— нетерпеливо пре рвал его Уррумчи.

— Воистину только лгущий беспрестанно способен забыть про собственную ложь! Ты избил меня в доме Ашурпалома, оклеветал на Суде Справедливости и удивляешься, что мне нужно от тебя!

— Прочь с дороги!

— Защищайся, шихван! Уррумчи мог бы справиться и с десятком людей, подобных горшечнику Висту, поэтому он проявил излишнюю самонадеянность. Первым же ударом он выбил меч из слабых рук горшечника. Тот отступил к краю стены, прикрылся щитом. Презрительно улыбаясь, Уррумчи шагнул к нему, занес меч, чтобы обрушить его на обнаженную взлохмаченную голову сына брадобрея, но Висту, изогнувшись, по-кошачьи гибко выскользнул из-под удара. Меч просвистел в пустоте. Уррумчи покачнувшись, обнаружив перед собой бездну, и с ужасным воплем сорвался с высоты сорока локтей. Упал он в котел с кипящей смолой. Крики, всплеск, летящие во все стороны брызги смолы

— и все было кончено. Через мгновение смола опять клокотала и бурлила, поглотив тело шихвана, сына шихвана.

— Сам Уркацилла наказал негодяя...

— хрипло дыша, проговорил Висту подбежавшим к месту скоротечной схватки воинам.

— ...И, приняв нас за посланников Турксанфа, Шахрабаз сам признался в собственном предательстве,

— бесстрастно закончил Рогай свой рассказ и, мельком взглянув на бурлящий котел, где скрылся Уррумчи, добавил:

— Если мы сумеем отстоять город, клянусь, я ни одного знатного не оставлю в живых! Будь они прокляты! В это время по всей стене послышались крики сторожевых воинов. Все повернулись в сторону степи. Хазары опять начали выезжать из лагеря, черной волной заливая пространство впереди. И опять остановились. Третий день защитники не знали отдыха. Это была третья ночь без сна. Кое-кто сейчас подремывал, прислонившись к зубцу бойницы, некоторые спали

стоя, и даже беспокойные крики не разбудили их. Остальные замерли в ожидании. Наступила тревожная тишина. Ожидание становилось все более и более невыносимым. Рослый каменщик в войлочных доспехах рванул к бойнице, закричал, потрясая копьем:

— Скачите же! Скачите! Рогай хмуро пробормотал:

— Турксанф хитер... он часть воинов оставляет в лагере, и те спокойно отдыхают, а остальные выезжают, чтобы мы не знали отдыха...

— Если Турксанф хитер, то мы должны против него поставить свою хитрость!

— воскликнул Микаэль.

— Шакрух, Ишбан, пройдите по всей стене, скажите войнам

— пусть отдыхают! Оставьте только сторожевых! Геро, спустись к женщинам и передай: пусть идут по домам и приготовят сытный ужин воинам!

— Микаэль, а не начнут ли в это время хазары штурм?

— нерешительно спросил Ишбан.

— Нет, Ишбан!

— покачал головой Микаэль и постучал черным пальцем себя по голове.

— Где она была раньше? Хазары не полезут на стену конными! А ты, опытный Ишбан, видел когда-нибудь, чтобы хазары, подскочив к стене, слезли с лошадей, и начали штурм? Куда они тогда отведут тысячи и тысячи лошадей? Те ведь затопчут их! А разве хазары не должны прежде завалить ров хворостом? Иначе как они переберутся через него? А камнеметы, а таран, где они? До вечера защитники отдыхали. Вечером сытно поужинали. Прошла еще одна ночь. Когда бледный рассвет только начал прояснять даль, в глубине еще темной долины, в ставке кагана, разом взревело множество медноголосых труб. Отдохнувшие защитники толпились на стене, всматривались в сумрачную степь, но там еще невозможно было что-либо различить. А трубы ревели и ревели, возвещая о начале штурма. И только когда окончательно рассвело, стало видно в прояснившейся дали, что черные ручьи уже не конных, а пеших хазар медленно вытекают из лагеря. В промежутках между ручьями поползли к городу метательные орудия, влекомые верблюдами, повозки с хворостом и осадными лестницами. На прочных платформах, словно корабли, плыли, приближаясь, башни в сорок локтей высоты. На башнях, прикрытые деревянными щитами, стояли лучники. В головных отрядах шли воины с дальнобойными луками, и каждого лучника охранял щитonosец, вооруженный мечом. Опередив пешие отряды, к городу проскакали не сколько воинов-богатырей из тысячи «бешено-неукротимых». Телохранители кагана Турксанфа, одетые в кольчуги, закованные в пластинчатые панцири, в блестящих стальных нарукавниках и наколенниках, в шлемах с глухими забралами, на громадных тяжеловесных конях, закрытых кольчугами, казались чудовищными исполинами. От тяжелого скака их лошадей сотрясалась степь. Каждый исполин поднял правую руку в знак мирных намерений. Возле вала одни повертели налево, другие направо, рассыпались вдоль стены, и каждый из них гулко закричал:

— Могучий и непобедимый каган Турксанф, да продлятся бесконечно его лета, милостив к покорным! Он приветствует храбрых жителей Дербента и говорит: сердце мое переполнено жалостью. Неужели дети ваши лишатся отцов, а матери забьются над трупами сыновей? Я не хочу этого, ибо сердце мое обливается кровью от сострадания к вам! Я не воюю с вами, я воюю с Ездигертом. Откройте ворота! Я пройду через Дербент, и никто из жителей не будет обижен моими воинами. Но если вы останетесь на стене, будете уничтожены!.. Микаэль, Рогай, Геро, Ишбан шли вдоль бойниц, всматриваясь в лица защитников. Рогай нес окровавленный узелок. Многие встречали внимательный ободряющий взгляд Микаэля твердым взглядом, улыбками, полными решимости. Но были и такие, которые торопливо опускали глаза, хмуро отворачивались. Микаэль возле них останавливался, Рогай разворачивал узел и громко говорил:

— Смотрите! Это голова изменника Шахра-база! Воины подходили, всматривались и в ужасе отшатывались при виде смуглого морщинистого лица старика с окровавленными тонкими губами, рыжей крашеной бородой и полуприкрытыми, голубовато блестящими из-под мертвых век глазами. Старик словно подглядывал за воинами, тая на неподвижных губах зловещую усмешку. А из-за стены между тем доносилось:

— ...Спротивлением вы навлечете на себя мой гнев и тысячекратно усугубите горе матерей и жен ваших! Откройте ворота, и первые же, вышедшие к нам с изъявлением покорности, станут шихванами и получат в награду по пять золотых динариев! Персы не хотят и не будут вас защищать. Вчера вечером к нам, кагану, милостью неба не знающему поражений, вечно победоносному, прибыл посланец персов и заявил, что они сдадут крепость. Персы благоразумны! Ваши потайные источники захвачены. К вам в водохранилище поступает отравленная вода. Погибнуть в мучениях

— разве этого вы хотите? Ваш правитель Шахрабаз Ур- найр был благородный человек, но кто-то из вас убил его! Убейте тех, кто уговаривает вас сопротивляться! А головы их принесите мне! Откройте ворота, ибо ваше будущее принадлежит Хазарин! Убейте изменников и откройте ворота!.. Рогай подошел к бойнице и прокричал на тюркском языке ближайшему исполниту.

— Эй, мы исполнили повеление твоего кагана, лови! Это голова Шахрабаза! Отвези ее Турксанфу, пусть поплюет на нее! И, отыскав глазами наиболее рослого воина, Ро-гай попросил, чтобы тот перекинул узелок через ров. Незавязанный платок раскрылся в воздухе, и под ноги коня великана подкатилась шлепнувшаяся в траву отрубленная голова. Сдержав отшатнувшуюся лошадь, тот грузно нагнулся, всмотрелся, подняв на шлеме забрало, крикнул Рогая:

— Я вижу, что ты хазарин! Открой нам ворота! Великий Тенгри с радостью встретит тебя на небесной равнине, посадит у самого жаркого костра, и самую большую чашу свежайшего кумыса из его рук изопьешь ты, и пребудут дни твои там в неиссякаемом веселии и вечной радости! Открой нам ворота, родич! Рогай сделал рукой жест, что во все времена считался неприличным и был равно понятен во всей вселенной, жест, показывающий, какие ворота он обещает открыть кагану Тарксанфу. И окружающие встретили его телодвижение громовым хохотом. Взбешенный ужасным оскорблением, великан-неукротимый поднял лошадь на дыбы, ударил ее плеткой, словно хотел перепрыгнуть ров, но тут же осадил коня с такой силой, что тот, захрапев, присел на задние ноги, и, подняв обе руки, призывая в свидетели Тенгри, задыхаясь от злости, проревел: Клянусь, я разыщу тебя, как только ворвусь в город! Ха, родичи!

— презрительно плюнул вслед ускакавшим «неукротимым» Рогай.

— Они ели сочное мясо молодых откормленных жеребцов, когда я до вольствовался сухой лепешкой, купались в молоке, когда я задышался от жажды, развлекались с юными невольницами, а я, полумертвый от усталости, строил для них дворцы! Они не узнавали меня в Семендере, и только под стеной Дербента один из них вспомнил, что я им родич! Ха, я, Рогай, сказал все!

— передразнил он «неукротимого». И тогда раздался дружный хохот

34. ШТУРМ

Багровое солнце поднялось над подернутой дымкой морской равниной, пролило над долиной и горами жаркие золотые потоки. Синими тенями прикрылись ущелья гор, в степи опять свежо и весело засверкала на уцелевших травах роса, которую любила по утрам слизывать хомячиха. Но сейчас семья хомяков в ужасе забилась в глубь норы, слыша приближающийся гул и содрогание земли. Испуганно заметалась на сужающемся пространстве стайка буроватых птичек, замелькала возле стены. Передовые отряды хазар уже были на расстоянии полета стрелы от города, а из лагеря все выливались и выливались новые отряды. Выстроились в ряд метательные орудия и осадные башни. Распряжены и уведены верблюды и волы. Лучники на башнях подняли свои дальнобойные луки. Натянуты пучки упругих канатов на камнеметах и баллистах, мечущих стрелы, напоминающие копья — по шести штук в обойме лотка. Осажденные повернули свои «журавли», и над наружным' обрезом стены зависли тяжелые бревна, закачались, прицепленные к клювам, черные дымящиеся котлы со смолой. Все приготовлено для убийств

— все, что возможно. И нападающие, и осажденные замерли, готовясь к решающему штурму, замерли с окаменевшими в напряжении лицами. Одних ожидало вечное блаженство на небесах, других

— вечная благодарность потомков. И каждый из этих людей был прав, ибо рожден был земной матерью и хотел для себя только наилучшего, и каждый из них был прав, ибо никто не заложил в душу ему любовь к ближнему. И вот рев сигнальных труб, разъяренный и требовательный, пролился над долиной. Со скрипом повернулись натяжные барабаны баллист, вспыхнула пакля стрел, смоченная в нефти, и множество огненных грифов с шумом взметнулись в небо, понеслись к городу с глухим клекотом, оставляя за собой дымный смрадный след. Спущены тугие тетивы, и первые камни с грохотом ударились о стену, о зубцы, сокрушая их, разлетаясь осколками. И еще, и еще прошумели огненные грифы. В городе вспыхнули пожары, за клубился дым, и на защитников начал опускаться темный липкий туман. Сотни хазар покатали повозки на вал, сбросили тюки сырого хвороста в ров. И тотчас вслед убегающим, не успевшим укрыться за повозками, ударили стрелы защитников. Рослый хазарин, с торчащей в спине стрелой, опрокинувшись, царапая руками землю, медленно сполз в ров, еще один упал, прижавшись щекой к теплой земле, третий с разбегу ткнулся в затоптанную траву, кашля кровью. Раздался ужасающий визг, крики: «Арр-ха! Арр-ха!» Хазары головных отрядов под прикрытием лучников без устали мечущих в осажденных стрелы, побежали на вал, черным ревушим потоком скатились в ров. Взметнулись сотни арканов, прижались к стене шесты-ползуны, впились в зубцы стальные когти веревочных лестниц. Под тысячами тел скрылись камни стены. И тотчас на осаждающих пролился черный дождь и обрушились сверху огромные бревна. Горячие черные струи и бревна сбили со стены первую волну атакующих. Теперь уж, наверное, не редкие гости прибывали к Тенгри, слишком много хазар заполнило своими мертвыми телами ров

— так много, что если уж и отлетали души, то они в вышине слились в сплошной стонущий поток, плывущий в берегах вечной, сияющей, бесстрастной голубизны, озаренной утренними лучами. И великий властитель небесной равнины, наверное, не успевал принимать души погибших героев, устраивая их возле костров. «Журавли» скрипели и скрипели без устали, поворачивая клювы, выливая на головы осаждающих кипящую, брызгающую смолу. «Журавли» скрипели и скрипели под руками воинов, которые на веревках раскачивали вдоль стены огромные бревна, сметающие паутину арканов, шестов, лестниц. Так густо летели стрелы; что некоторые со звоном сталкивались в воздухе, высекая наконечниками искры. Корчились обожженные смолой, стонали сбитые стрелами, хрипели раздавленные бревнами. И новый вал нарастал под стеной

— гора мертвых тел. В каждую бойницу, в каждый проем меж зубцов целилось по три-четыре лучника, и в мелькнувшего защитника тотчас летели стрелы. И, сбитые тяжелым ударом кованого наконечника дальнобойной стрелы, срывались воины со стены, падая возле костров. Еще раз взревели трубы в ставке Турксанфа, отхлынули жалкие остатки первой волны атакующих, и новая свежая, многочисленная волна бурно хлынула к стенам, не давая албанам ни мгновения передышки. Геро, Микаэль, Рогай, защищали Северные ворота. Здесь хазарам удалось перекинуть через ров бревенчатые мостки и подтащить башню тарана. Раздались гулкие зловещие удары. Повторилось то, что было двенадцать весен назад. Только защищал ворота уже не Марион, а его сын. Но ворота теперь изнутри были заранее заложены камнями, взятыми со строительной площадки перса Махадия. Удары тарана в створки железных ворот болью отозвались в сердцах осажденных. На лицах многих появилось отчаяние.

— О Уркацилла! Как ты мог допустить...

— с уко ром прошептал Маджуд, вспомнив о Марионе, и, копьем столкнув появившегося над стеной хазарина, вытер ру кавом потный лоб. Почерневший от копоти Микаэль крикнул Геро:

— Скажи Ишбану: пора! Внизу по команде Ишбана десятки женщин, подростков налегли на деревянные рычаги поворотных платформ. Два гигантских «журавля», дотоле скрытые за стеной, медленно повернули свои клювы, нацелив их сверху на башню тарана. Ишбан кивнул молодому силачу

— ессею, оба одновременно взмахнули кузнечными молотами и выбили деревянные клинья. Загрохотали, раскручиваясь, освобожденные барабаны. Стремительно заскользили канаты. И огромные камни, прицепленные к клювам, с высоты обрушились на башню. В мгновение таран превратился в груды хлама, став могильной насыпью для тех, кто был внутри башни. Радостные крики раздались на стене, злобным воем отозвались на эти крики хазары. Большой конный отряд берсил стоял в отдалении от штурмующих, ожидая, когда падут ворота, чтобы ворваться в город. Яростно прорычал Урсулларх, сплюнул через плечо темнолицый Зурган, и одновременно покачали головами близнецы Чинда и Бочо, поняв, что им еще долго томиться в ожидании. К отряду подскочил великан из тысячи «неукротимых», подняв забрало боевой рукавицей, прокричал:

— Урсулларх! Победоносный сказал: поверни свою тысячу в ущелье! Иди по нему, увидишь: ворота из крепости в ущелье распахнуты. Благодаря моей мудро сти персы сдали крепость.

Ударь с тыла и открой нам Северные ворота! Благодосклонный Тенгри смотрит с небесной равнины, ожидая от тебя подвига!

— Хар-ра! — распаленно. прорычал предводитель берсил.

— Я сделаю все, что нужно! Но передай По бедоносному: Урсулларх сказал

— первая доля добычи моя! Самая красивая девушка Дербента

— моя! Раскаленное солнце плыло в поблекшем от зноя и дыма небе, смрадом и запахом крови пропитался воздух. Из каких уж необозримых далей учуяли скорую и обильную добычу грифы, но к полудню больше десятка черных чудовищ кружилось на огромной высоте, зорко всматриваясь в затянутую сизой пеленой долину, откуда доносился неумолчный глухой шум, подобный шуму неровно падающих водяных струй. Огненные грифы по-прежнему чертили в небе дымные полосы. В нижнем городе бушевали пожары. Камни, выпущенные из баллист, с грохотом крушили зубцы стен и боевых башен. Еще раз взревели трубы, и свежая третья волна атакующих хлынула к городу. Турксанф повелел взять Дербент одним штурмом. Прикрываясь щитом, Микаэль шел по стене. Возле одного из зубцов, согнувшись, лежал Шакрух. Стрела в три локтя длиной, выпущенная из дальнобойного лука, пробила доспехи, грудь. Круглый наконечник торчал из спины. Дальше несколько ессеев метали дротики в толпящихся внизу хазар. Возле ессеев, прислонясь к зубцу, стоял Маджуд. В правой руке он держал красный до рукояти меч, другая была пробита стрелой, и дарг грыз длинное древко стрелы, пытаясь перекусить его. Заметив славянина, Маджуд только покосился на него потемневшими от боли глазами.

— Мало нас, Микаэль, осталось,

— прохрипел он Губы его были окровавлены, лицо черно и измучено. Проклятые знатные нас предали! О Уркацилла!

— из его пробитой руки сочилась кровь.

— Дай, я вытащу стрелу...

— Не надо, она держит кровь...

— Где Хармас?

— Мудрец там...

— дарг мотнул головой,

— дальше. Микаэль разыскал Хармаса на третьей башне. Мудрец перевязывал голову лежащему Висте. Возле бойниц толпились воины.

— Хармас,

— окликнул его Микаэль.

— Я ищу тебя. Почему ты не ушел со стены? Тот вскинул на славянина светлые, простодушные как у ребенка глаза. Они были спокойны и доверчивы.

— Я сказал Геро, что мое место здесь...

— Хармас, нам надо подумать и о будущем!.. Если мы победим... Хармас осторожно опустил голову раненого, поднялся, морща огромный лоб, сказал глухо, не глядя на славянина:

— Если вы победите... если вы даже победите, то пусть не вы, но потомки ваши будут не лучше теперешних знатных! Мудрец опустил седую голову и поплелся к бойнице. Со свистом пронеслась стая огненных грифов. Огромный камень ударился о зубец. Внизу раздались пронзительные крики, зашуршали арканы, лязгнули крюки лестниц, с оглушительными воплями лезли на стену хазары. Может быть, мудрец что-то еще сказал, но за звоном мечей, свистом стрел, стонами и криками Микаэль ничего не расслышал, последнее, что он запомнил,

— глаза Хармаса были светлы и веселы... Может быть, он мысленно был в другом мире. Плыло солнце, мелкая в прорехах чадного дыма подобно кроваво-красному глазу, всматривающемся в пылающий город. Под дикие взвизги и злобные кличи все новые и новые отряды осаждающих, скользя по трупам, взбирались на вал из убитых сородичей, лезли на стену, спешили ворваться в город или умереть, ибо этим жалким людям некто чудовищно лживый внушил веру в вечное блаженство на небесах

— как дар за геройство. А рядом с этим действительным, но чудовищно-непостижимым миром существовал другой мир, он был совсем рядом. На берегу темно-синего вечного моря, за густыми зарослями розового тамариска таилась чудесная полянка, где по свежей зеленой траве кто-то щедрый разбросал душистые ворохи ярких цветов, как серебряные и золотые динарии по зеленому бархату. На поляну не доносились звуки извне, тихо и пустынно было здесь в окружении стройных красных и желтых мальв, только шмели домовито жужжали, облетая дикую розу, да звенел под кустом родничок в ромашковых берегах. Слово незримой, но неприступной стеной был отделен этот крохотный уголок мира от людских страстей и забот. Здесь свежий воздух был напоен соленым дыханием моря и запахами зрелых цветов. Здесь небо было вечно голубым и всегда улыбалось

солнце. А в тени трав и цветов, в зеленых и розовых сумерках таились крохотные хижинки, и самые настоящие сидели на порошках хижин крошечные человечки и мирно беседовали. Они рассказывали о стадах рыб, обитающих в морских глубинах, о зеленоволосом морском пастухе и о многом-многом другом, что видят в своих ярких снах дети. И никогда, и ничто не изменялось в этом уголке вечности. И не изменится до тех пор, пока существуют на земле дети. В этот уголок всегда можно вернуться. Надо только захотеть. День клонился к вечеру. Все чаще и чаще хазары появлялись на стене, все с большим трудом удавалось осажденным сбросить их. Горели «журавли», подожженные метательными стрелами. В котлах иссякла смола. Опустели колчаны. Геро остался на башне один. Четыре воина, защищавшие башню вместе с ним, были убиты. Микаэль и Рогай ушли на стену — единственные бойцы на участке Северных ворот. Много уже на стене лежало трупов албан и хазар. Стоняли раненые. Давно убиты Маджуд, Ишбан. Отчаянные звуки боя все еще слышались в дымном воздухе слева и справа. У Геро в колчане оставалось несколько стрел. Он действовал коротким мечом. Несколько дротиков было сложено в дальнем углу. Он давно уже потерял счет сбитым и сброшенным врагам и хоть с утра не присел, не взял в рот ни крошки хлеба, не чувствовал голода и усталости. Азарт битвы захватил его и не давал расслабиться. Вот три хазарина почти одновременно возникли в разных местах башни. Одного Геро успел свалить стрелой. Два других вскочили, в проемы, прикрывшись щитами, пошли на Геро, солнце заблестело на лезвиях мечей. Геро прыжком очутился на середине башни. Широколицый коренастый хазарин рванулся вбок, обходя Геро, и

— один спереди, другой сзади

— хазары начали медленно сближаться, оба взмахнули мечами, и в этот миг юноша стремительно скользнул под занесенный меч переднего. Тот ударил... и разрубил плечо сородичу. Геро сзади пронзил своим мечом ошеломленного хазарина и одним ударом добил раненого.

— Геро! Геро!

— слышался от Северных ворот крик Микаэля.

— Геро! Уходим к морю! Хазары в верхнем городе! Погасло солнце, опустившись за гору. Спокойствие разливалось в природе, и прекрасен был закат, и синие тени опять легли на ущелья. Сумерки окутывали долину, в них гасли великолепные краски дня, которыми так никто и не успел полюбоваться. Тысяча Урсулларха ворвалась в нижний город. Двести воинов резерва дрались с отчаянностью обреченных. Когда они пали. Урсулларх открыл Северные ворота. Защитники ушли со стены, отступили на пустырь к морю. Хазары хлынули в город. Начался грабеж... Началось неслыханное ' избиение жителей озверевшими от безнаказанности победителями. Многие защитники вернулись к своим семьям, чтобы погибнуть вместе. Пощады никто не ждал. Город защищался до утра, рубились на улицах и на порогах жилищ. Победители врывались в переулки, в дома, хватили молодых женщин, девушек, шарили в хозяйственных ямах, искали, тайники, набивали мешки добычей, мчались в лагерь, чтобы успеть вернуться. Днем город затягивало дымом, а ночью стало светло, как днем. Пылали хижинки, горели костры. Победители вытаскивали из хлебов овец, коров, рубили им головы, тут же обдирали, насаживали на вертела куски дымящегося мяса. И никто теперь уже не помнил о прославленном певце Суграе. А тот в это время входил в Северные ворота с шуа-зом в руке. Мимо него черными тенями проносились всадники с распухшими от добычи походными мешками. Обгоняя певца, грохотали по булыжнику хазарские повозки. «Ур-р! Ур-р!..»

— дико кричали возничие, нахлестывая бегущих трусцой волов. По улице проезжали, восседая на верблюдах, савиры-перекупщики, зорко общаривая глазами возвращающихся в лагерь конников. Возле поперечной стены толпились хазары, оттуда доносились крики: Поглядите, красавица-рабыня! Меняю на скакуна! Десять шелковых плащей за одно золотое кольцо! Кому кафтаны и рубахи! Кому ковры и парча... А вот амфоры... а вот амфоры! Несколько пеших и конных берсиллов гнали к Северным воротам большую отару овец. Пожилой утигур на лохматой приземистой лошадке, связав одним арканом за шеи трех молоденьких албанок, тащил их за собой, призывно окликавая:

— Эй, перекупщик

— Элчи! Где ты, Элчи? Я вы полнил обещанное! Вот они... вот они, я выбрал лучших и уступлю каждую за серебряный динарий... Где ты, Элчи? Из темного переулка, разбрызгивая кровь, выскакало десять всадников, передний, могучий Урсулларх, сдержал жеребца возле утигура:

— Зачем тебе Элчи? Даю золотой динарий, гони своих пленниц к моим повозкам и жди меня! Справа, в верхнем городе, было тихо и темно. Нижний город озаряло зарево многих пожаров. Там кричали женщины, плакали дети, ржали кони, и весело перекликались хазары. Суграй брел, не узнаваемый воинами, спотыкаясь и бережно придерживая шуаз

— свое единственное богатство, стараясь запомнить увиденное. Там, на берегу моря, странник в ветхом плаще сказал ему: «Иди к людям, Суграй. Тебе многое дано. Ты можешь заставить людей смотреть на самих себя твоими глазами! Никогда больше не пой хвalebных песен! Приучи людей задумываться над тем, как страшно для них же самих то, что они делают под влиянием страстей. В этом ваше спасение».

35. ОНИ УХОДИЛИ В БУДУЩЕЕ

Плыла ночь над Дербентом, освещенная всполохами костров и заревами пожарищ, медленно-медленно поворачивался небесный ковш, и звезды его в дымном свете были неярки. Плыла ночь над землей, наполненная насилием и разрушением, яростью победителей и ненавистью побежденных, криками радости и воплями отчаяния, и казалось, не будет этой ночи конца. Неистовый Урсулларх мчался переулками нижнего города к пустырю, где раздавался еще шум боя. За ним с топотом и лихими выкриками скакали остатки его буйной тысячи, только что великан-неукротимый передал, что Победоносный назначил вождя берсиллов тудуном Дербента и повелел ему, чтобы к утру в городе не осталось ни одного живого защитника. Весело было лицо Урсулларха, и бешено раздувались его ноздри, когда он появился на пустыре, освещенном горящими ближними хижинами. Защитники успели укрыться за густыми зарослями тамариска, и хазары не могли к ним пробиться сквозь сплошное цепкое заграждение из переплетенных ветвей, буйно разросшихся кустов. Стена зарослей в несколько десятков локтей шириной создала непроходимую преграду пешим и конным. Хазары толпились на пустыре, бросали в заросли горящий хворост, метали факелы, пытались поджечь, но сырые кусты только слабо тлели. Прорваться к осажденным можно было единственно по узкой дороге, ведущей в гавань. На ней чернел клубок сражающихся, оттуда и доносились яростные выкрики и звон мечей. На дороге могло разместиться одновременно не более трех воинов, из-за тесноты передние хазары не могли воспользоваться луками. Микаэль рубился двуручным мечом, возвышаясь над коренастыми врагами, подобно разъяренному медведю. Рядом с ним плечом к плечу бился хазарин Рогай. В его руках была легкая сабля, снятая с убитого врага. Стремительная сабля превосходно дополняла тяжеловесный меч. Геро с луками прикрывал друзей, легкой тенью скользя за их спинами. Три хазарина наступали на Микаэля и Рогая. Вот рослый воин обрушил на Рогая тяжелый меч. Рогай прикрывшись щитом, меч со звоном ударился о прочную бронзу, щит выпал из ослабевшей руки Рогая. Но тотчас пропела стрела, вонзилась рослому хазарину в горло выше кольчужного воротника. Тот упал. На его месте сразу появился другой.

— Благодарю, Геро!

— выкрикнул Рогай.

— Но ради... памяти отца твоего... уходи к морю... тебе решься в горы! ----- Нет!

— ответил Геро, и стрела его нашла еще одну жертву. Геро!

— прохрипел Микаэль, отбиваясь от двух разъяренных врагов и медленно пятясь.

— Разыщи Хармаса... Вместе уходите... Еще немного ...мы за держим их... Хармас тоже отказался!

— ответил Геро, нащупывая в колчане последнюю стрелу. Оставался кинжал

— отточенный, тонкий. Урсулларх слез с жеребца, вынул меч, крепким пальцем потрогал жало, велел Зургану, кивнув на дорогу:

— Скажи там... идет Урсулларх! И с мечом в руке, не взяв привешенного к седлу, щита, в распахнутой кожаной безрукавке, обнажавшей широкую грудь, он тяжело зашагал мимо торопливо расступающихся воинов к месту схватки. Шел, полный сил и отваги, равнодушный к радостям, что

даются вне битв и насилия. Следом косолапил Зурган. В это время Геро наложил на тетиву последнюю стрелу, а Микаэль свалил еще одного воина. Впереди них громоздилась груда тел. Хазары вдруг замешкались и даже попятнулись. Воспользовавшись передышкой, Микаэль рукавом рубахи вытер пот и увидел, что к ним не спеша приближается богатырь-хазарин, могучим телосложением напоминающий Мариона. Рухнула одна из горевших хижин, с треском и шипением высоко взметнулись искры в клубах черного дыма, с новой силой прощально-ярко вспыхнул костер, на дороге стало светло как днем. И Рогай, и Микаэль замерли. Словно дуновение ледяного ветра коснулось их: так страшен показался им приближающийся могучий воин. Глаза его были безумны и черно было лицо, рассеченное багровым шрамом. Через много лет вновь встретились русич и хазарин, но не узнали друг друга. Груда мертвых тел разделяла их. Урсулларх легко перешагнул через трупы. И в это же время на пустырь, заполненный конни-ками-берсилами, вышел Суграй. В эту страшную ночь он видел столько проявлений самых омерзительных человеческих страстей — алчности, похоти, жестокости, ярости, что глаза его противились смотреть на мир, а слух отказывался воспринимать звуки. Полуослепший, полуоглохший, Суграй брел по пустырю, натываясь на всадников, и те, отталкивая конями певца, шутили, переключаясь: Эй, Бачо, посторонись. Суграй никого не видит от радости! Наверное, захватил самую лучшую до бычу! Где же она — его добыча? Ха-ха, а ну-ка, пусть покажет! Эй, Са-Адер, помоги донести ему до ла геря! Спой нам, Суграй: Воину в жизни нужно немного: Степь необъятную, друга и бога! Впереди резко и громко прозвучал повелительный голос, и конники, забыв о певце, пустив коней вскачь, черным потоком хлынули к дороге. Суграй побрел за ними, спотыкаясь, скользя в липких лужах, на дороге ему пришлось несколько раз перелезть через тела убитых — так высоки были бугры из трупов. От чада ли, от увиденного слезились глаза, и слезы густо текли по лицу, но певец не замечал, что плачет. Когда он вышел на поляну, там в розовой дымной полутьме металась люди, пронеслись всадники, раздавались крики, ржание. Прекрасная поляна была осквернена. Словно живые вздрагивали и никли к земле цветы, вместо родника в ромашковых берегах чернела лужа, запахом крови, пота и гари пропитался воздух. Четверо воинов, сгибаясь от тяжести, пронесли на плаще тело Урсулларха. Грудь вождя была пробита стрелой, виднелось лишь оперение. Огромная черная рука свешивалась с плаща, и черные пальцы касались цветов, словно вождь берсилов подобрел после смерти. Следом за предводителем Бачо и Чинда, покряхтывая, несли Зургана, ухватив убитого за руки и ноги, и мертвый взгляд старика был устремлен в звездное небо. И Урсулларх, и Зурган были уже не здесь, не на земле, которую они щедро поили чужой кровью, а где-то далеко, а где — никто не знал. Суграй брел возле густых зарослей и натолкнулся на человека, который стоял на коленях перед недвижимым, чернеющим в траве телом. Это был албан. Когда он поднял на хазарина глаза, тот увидел огромный лоб, печальное морщинистое лицо. Они молча смотрели друг на друга, и не было в их взорах ненависти, а были только горечь и сожаление.

— Помоги мне спасти мальчика,

— сказал мудрец Хармас, и Суграй, не знавший албанского языка, понял просьбу. Из дымной полутьмы выбежал разгоряченный воин-хазарин, увидел албана, обрадованно закричал:

— Вот еще один... девятый... Тенгри зачет мне эту ночь!

— Он оттолкнул Суграя, взмахнул ме чом. Воин был без шлема, а потому удар шуаза, нанесенный певцом, ошеломил его, второй удар разбил вдребезги шуаз и повалил хазарина. Певец сочувственно склонился над Геро. Тот был в забытьи, из рассеченного плеча его текла кровь. Рядом валялся разбитый шуаз, возле обломков, уткнувшись в траву, хрипел воин.

— Я знаю, кто может спасти мальчика... Мы вы несем его на берег моря...

— сказал Суграй, и Хармас, не знавший тюркского языка, понял его. Догорали пожарища, на Дербент опускался черный парус дымной смрадной ночи. Только над морем вспыхивали зарницы, словно на мгновение приоткрывалась завеса в иной мир. Они уходили в Будущее. Мудрец, отчаявшись найти истину в одиночку, вернулся к людям, певец, разочаровавшись в истине, хотел уйти от людей,

— сейчас того и другого вела Надежда

— воистину божественный дар Незнания, ибо именно она вновь и вновь возвращает отчаявшихся и разочарованных в пучину Жизни.

И пока существует мир над входом в Будущее, следовало бы гореть словам:

О, будь благословенна Надежда, с безумной легкостью отрицающая Опыт!